3
69.

ЗАПИСКИ

КИТАЙСКІЯ.

Кузьмина Федора Мартынова

ЗАПИСКИ,

НАДЛЕЖАЩІЯ

ДО

ИСТОРІИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, НРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ

И ПРОЧ.

О

КИТАЙЦЕВЪ,

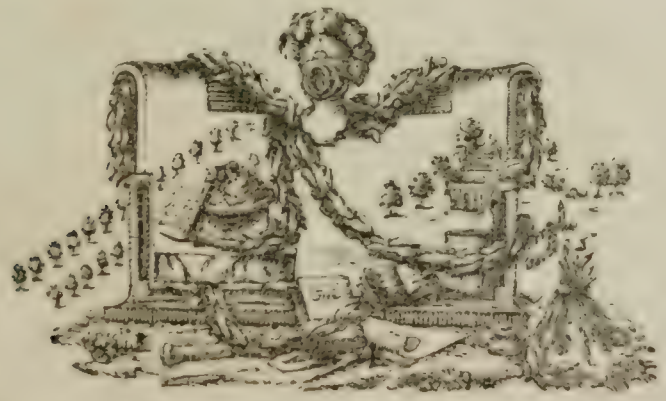
СОЧИНЕННЫЯ

ПРОПОВѢДНИКАМИ ВѢРЫ ХРИСТІАНСКОЙ

ВЪ ПЕКИНѢ.

ТОМЪ I.

Изданъ въ Парижѣ съ воли и одобренія Короля въ 1776, на Россійской же языкъ преложенъ въ 1785 году, Губерніи Московской, Клинской округи, въ селіцѣ Михалевѣ.



МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова.

1786.

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ

ВЫСОЧЕСТВАМЪ:

НАСЛѢДНИКУ ВСЕЯ РОССІИ,

БЛАГОВѢРНОМУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ;

БЛАГОВѢРНЫМЪ ГОСУДАРЯМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЯМЪ:

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ;

БЛАГОВѢРНЫМЪ ГОСУДАРЫНЯМЪ:

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ;

ВЕЛИКИМЪ КНЯЖНАМЪ:

АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВНѢ,

ЕЛЕНѢ ПАВЛОВНѢ.

МИЛОСТИВѢЙШІЕ ГОСУДАРИ и ГОСУДАРЫНИ!

Благодарственный ѳуміамъ милуемаго, призираемаго **ВЕЛИКОЮ МАТЕРІЮ ВАШЕЮ**, **МАТЕРІЮ** широкихъ племенъ и языковъ, да сподобится воскурится и предъ **ВАМИ**, часпь-

Частьми сердца ЕЯ. . . . Се жертва;
. . . Се жертвующій :

МИЛОСТИВѢЙШІЕ ГОСУДАРИ И ГОСУДАРЫНИ!

ВАШИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ

Всеусерднѣйшій слуга

МИХАИЛЪ ВЕРЕВКИНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Китайскія записки, издаемыя нынѣ о надлежащемъ до наукъ и художествъ народа сего имени, есть плодъ десятилѣтней переписки съ Пекинскими проповѣдниками вѣры и двумя Китайцами, коихъ ревность къ пользѣ отечества на двадесятомъ году возраста завлекла во Францію учиться языкамъ и знаніямъ Европейцовъ. Довольные возъимѣвъ успѣхи во Французскомъ и Латинскомъ языкахъ, такъ называемыхъ Свободныхъ Наукахъ, философіи и прочемъ, извѣстнымъ онымъ нарочито огласившимся произшествіемъ принудился въ тысяча семь сотъ шестьдесятъ третьемъ году оставить домъ, гдѣ до того жили, и искать другаго убѣжища и другихъ вспомоществованій. Настоятель проповѣдниковъ Святаго Лазаря принялъ ихъ дружественно во ожиданіи, доколѣ не извѣщенъ будетъ Дворъ Королевскій о состояніи, въ которомъ находились. Его Величество взыскалъ ихъ потомъ опредѣленіемъ не малой повсягодно выдачи денегъ изъ казны своей, дабы тѣмъ удобнѣе могли они продолжать ученіе, которое и довершили въ началѣ тысяча семь сотъ шестьдесятъ четвертаго году. Желаніе возвратиться во отечество прехлонило ихъ просить отпуска на судахъ Индѣйскаго торговаго общества, бывшихъ уже тогда въ готовности къ отвалу, въ чемъ имъ и не отказано. Но хакъ удержаніе чужестранцовъ сихъ принято было полезнымъ Франціи, по меньшей мѣрѣ хотя на одинъ еще только годъ, чтобъ въ теченіи онаго могли они побывать на самыхъ мѣстахъ производ-

ства тѣхъ ремеслъ, кои легче иныхъ къ перенятію и достойнѣе вниманія; чрезъ то достигнувъ Китая, найдутся въ силахъ сличать съ ремеслами же, тамо процвѣтающими, замѣчать разность между тѣми и оными, и завести переписку, взаимственно нужную обоимъ народамъ.

Согласились они на учиненное имъ предложеніе; потомъ избраны члены Королевской Академіи Наукъ, Г. Бриссонъ и Г. Каде. Первому поручено преподавать имъ уроки въ Физикѣ и Натуральной исторіи, а другому въ Химіи Теорической и Практической.

Учителей удивили успѣхи учениковъ; они безъ дальняго труда понимали толкуемыя имъ явленія чудесъ естества, со изумленіемъ взирали первые на крайнее проворство послѣднихъ въ пріемахъ упражненія Химическаго.

Надобно было показать имъ нѣкоторыя правила рисовальнаго и рѣзнаго художествъ. При замышляемой толикой важности, перепискѣ и столь издалека начертаніе какой либо махины, какого либо станка ткачей, какой либо збруи, или начертаніе нѣкоего особаго растѣнія не только можетъ дополнять недостатки самыхъ подробнѣйшихъ описаній, но и послужитъ несравненно къ большему вразумленію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ навыкли они вырѣзывать съ помощію крѣпкой водки изображенія окрестностей деревень отчизны своей.

Путешествіе по Южнымъ Французскимъ областямъ почтено также было для нихъ потребнымъ. Отправилися съ одобрительными письмами въ Ліонъ, и получили тамъ понятіе о фабрикахъ тканей шел-

шелковыхъ, серебреныхъ и золотыхъ. Сіе случилось въ годовое время собиранія шелка. Оттуда проѣзжали чрезъ Дофинскую область, видѣли существенныя пособія искусства, какъ вынимаютъ червей изъ скорлупы, или волокна. Далѣе достигли города Святаго Стефана, что въ Форецской округѣ. Въ немногіе дни узнали, какъ дѣлаютъ огнестрѣльное оружіе, какъ закаливаютъ сталь, и употребляютъ въ дѣло.

По возвращеніи въ Парижъ оставалось имъ только взять нѣсколько уроковъ искусства печатанія книгъ: особенно послужила имъ къ тому малая подвижная Типографія, коею Король между многими иными знаками щедрости своей подарилъ ихъ.

Приближилось время отъѣзда; достальные часы обращены ими были на приведеніе въ порядокъ и просмотры дневниковъ своихъ, въ которые безпрерывно вносили свои примѣчанія, путешествуя по Франціи. Дали имъ нарочно сочиненныя записки и вопрошенія въ разсужденіи всего того, о чемъ желали имѣть со временемъ объясненія; напослѣдокъ Китайцы наши предпріяли путь къ предѣламъ востока, достигли назначеннаго для нихъ корабля, и въ Декабрѣ мѣсяцѣ тысяча семь сотъ шестьдесятъ пятаго года отвалили отъ береговъ Франціи, оставя въ сердцахъ всѣхъ своихъ знакомыхъ дружество къ себѣ и почтеніе.

Въ Пекинѣ привѣтственно приняли ихъ проповѣдники вѣры Христіянской. Со всевозможною ревностію приступили къ долговременнымъ и великимъ трудамъ, которыхъ требовали наставленія на письмѣ,

привезенныя къ нимъ двумя Китайцами, и начиная тысяча семь сотъ шестьдесятъ шестымъ годомъ, не пропускали ниже одного послѣдовавшаго безъ присылки особыхъ сочиненій, во отвѣтствіе на сіи наставленія, или развязокъ вопросовъ, развязокъ, которыя по справедливости можно называть тягостнымъ бременемъ.

Въ тысяча семь сотъ семьдесятъ второмъ издано уже было описаніе военнаго ремесла Китайцевъ съ чертежами и изображеніями, напечатанное въ Типографіи Дидота, и еще небольшее сочиненіе о сбереженіи сѣмянъ со изображеніями же, весьма искусно нарисованными, что и составляетъ шестую главу хозяйства мѣльничнаго, напечатаннаго въ Типографіи Симона въ четвертку.

Число подобныхъ присылокъ изъ Китая, полученныхъ уже, и ежегодно ожидаемыхъ впредь, найдено было за полезное соединить во едино, и подъ общимъ названіемъ издавать въ свѣтъ, держася только порядка времени совоспослѣдованія ихъ, не различая по родамъ содержанія, какъ обычайно издаются записки Французскихъ Академій.

Появляющійся нынѣ первый сей томъ замыкаетъ въ себѣ нарочито пространное показаніе о древностяхъ описываемаго нами народа. Вопросъ о первобытныхъ Китайцахъ, пріемлемыхъ отъ нѣкоторыхъ ученыхъ Европейцевъ выходцами Египетскими, возобновленъ былъ во Франціи, когда находился еще въ оной два молодые человѣка. Защитники умствованія сего основывались на сходствѣ, примѣчаемомъ ими между древними письмами Китай-

тайцовъ и Египтянъ. Китайцы, о коихъ здѣсь слово, бесѣдовали о томъ съ Ѣномъ, Членомъ Академіи Словесныхъ Наукъ, и съ Стереемъ, придворнымъ переводчикомъ, Профессоромъ Восточныхъ языковъ такъ называемаго Королевскаго училища. Простительнаго были они мнѣнія; но юные Китайцы не уловились доказательствами ни того, ни другаго, хотя чрезъ девять лѣтъ отлученія изъ отечества не въ состояніи были достаточно судить о письменахъ народа своего. Въ первыхъ письмахъ по прибытіи въ Пекинъ казались одобряющими догадки Г. Гиня, и какъ бы обрѣтшими уже доказательство положенному въ краткой выпискѣ ученаго сего мужа, которою онъ ихъ снабдилъ о письменахъ Египетскихъ съ нѣкоторыми мѣстами изъ старинныхъ Китайскихъ книгъ, тщательно ими разсматриванныхъ; но послѣ переправя сіе свое письмо, обще съ Христіянскими проповѣдниками опровергли прежнее свое мнѣніе.

Нужно привести на память въ краткихъ словахъ, въ чемъ предъ выѣздомъ двухъ Китайцовъ изъ Франціи состояло ученое сіе состязаніе?

Г. де Меранъ, Членъ Парижской Академіи наукъ, первой изъ просвѣщенныхъ ученостію мужей вѣка нашего, которой началъ являться недоумѣвающимъ происхожденія Китайцевъ, какъ оное толкуется въ письмѣ его къ Iезуиту Пареннену, проповѣднику вѣры въ Пекинѣ, посланномъ тысяча семь сотъ тритцать четвертаго года. Признается онъ, что мысль о возможности исхода Китайцевъ отъ Египта вперилася ему чтеніемъ исторіи о торговлѣ и мореплаваніи древнихъ, сочиненной Г. Гюэтомъ,

томъ, Авраншскимъ Епископомъ, упомянувшимъ нѣчто о томъ какъ бы мимоходомъ, не утверждая за истинну; но Кирхеръ распростерся несравненно далѣе.

Отвѣтъ Пареннена де Мерану отъ осьмнатцатаго Сентября тысяча семь сотъ тритцать пятаго года, видѣть можно въ дватцать четвертомъ томѣ собранія умилительныхъ писемъ. Сей проповѣдникъ опровергаетъ, или по меньшей мѣрѣ старается опровергать доводы, на которыхъ основываетъ де Меранъ мнѣніе свое, вземлющееся толико же отъ завоеваній Сезострисовыхъ, какъ и отъ мнимаго онаго сходства Іероглифовъ, или таинственныхъ знаковъ Египтянъ съ древними Китайскими буквами. Іезуитъ относится къ разности вѣръ и нравовъ обоихъ сихъ народовъ, на примѣръ: преселеніе душъ, столь уважаемое Египтянами и другими жителями Индіи, во омерзѣніи у Китайцевъ. Поколѣнія и особыя общества первыхъ совсѣмъ не извѣстны послѣднимъ. Но и какимъ бы образомъ, говоритъ онъ, могли Египетскіе выходцы пробраться въ Китай, коего рубежи во всякое время заграждены были чужестранцамъ, выключая посольствъ и владѣльцовъ данниковъ Богдыхана.

Молчаніе де Мерана являетъ, что признался онъ побѣжденнымъ. Послѣ чрезъ многіе годы де Гинь возобновилъ тоже самое умствованіе, и покушался утверждать, что жители Китая суть выходцы Египетскіе. Отерей издалъ противу того свои мнѣнія въ тысяча семь сотъ пятьдесятъ девятомъ году, а Гинь отвѣтствовалъ ему напечатаннымъ же сочиненіемъ.

Между

Между тѣмъ, какъ происходила ученая сія война, Неэтгаму, Члену Лондонскаго ученаго собранія, возмнилось, что обрѣлъ онъ на грудномъ истуканѣ Изисиномъ, уцѣлѣвшемъ отъ ѣдкости времени въ городѣ Туринѣ, буквы Египетскія, которыя будто бы имѣли великое сходство съ буквами же Китайскими. Тщательно снялъ ихъ на бумагу; нарочно отправился въ Римъ, чтобъ повѣрить тамъ находку свою. Нѣкто Китаецъ, рожденной въ Пекинѣ, былъ тогда стражемъ Ватиканскаго книгохранилища. Неэтгамъ казалъ ему привезенное съ собою. Китаецъ съ перваго удара очей увидѣлъ, что Изисина надпись не имѣла ни малѣйшаго подобія на письмена его отчизны; но по нѣсколькихъ дняхъ вручилъ Неэтгаму до двенатцати изъ тѣхъ же самыхъ знаковъ Изисиной надписи, которыя онъ перевелъ на Латинской языкъ съ помощію Словаря, напечатаннаго въ Пекинѣ въ тритцати шести томахъ, не за долго предъ кончиною Богдыхана Канг-Гіуса. Неэтгамъ, поощренъ онымъ ставъ, засвидѣтельствовалъ открытіе сіе многими учеными людьми, жившими тогда въ Римѣ, какъ то монахомъ Жакіэ, весьма извѣстнымъ толкованіями своими Невтона; Венутіемъ, славнымъ знатокомъ древностей, Вилькокомъ и еще иными. Чтобъ точное возъ имѣть понятіе о надеждахъ Неэтгама, должно прочесть диссертацію его de inscriptione quadam Aegiptiaca Taurini inventa. Romae. тысяча семь сотъ шестьдесятъ перваго года. Въ ней явствуетъ, сколь усиливается онъ удерживать славу обрѣтенія своего.

Въ дневныя записки ученыхъ на Декабрь мѣсяцъ того же тысяча семь сотъ шестьдесятъ перваго года вмѣщаютъ между прочимъ сокращеніе

сей

сей диссертаціи; а сочинители сихъ записокъ утверждаютъ, что переводъ Туринскаго памятника есть вымышленной и подложной. . . . . „Де Гинь, говорятъ „они, свѣрялъ всѣ сіи знаки, или буквы, двумя Сло„варями древнихъ Китайскихъ знаковъ, и не „нашелъ ниже малѣйшаго сходства.„ Но тотъ же Гинь послѣ учинился ревностнѣйшимъ противнаго тому защитникомъ, и говоритъ, что Туринская Изисина надпись естьли была бы и подложная, чрезъ оное столько же не отмещется, сколько и не подпирается сходство между буквами Египетскими и Китайскими.

Неэтгамъ, между тѣмъ освѣдомленной о всемъ пишемомъ въ пользу и въ опроверженіе мнѣнія его, предпріялъ искать въ самомъ источникѣ, то есть въ Китаѣ, способовъ рѣшить прю. Записки свои послалъ къ Пекинскимъ проповѣдникамъ вѣры; а Лондонское ученое собраніе приняло на себя ходатайствовать о полученіи отъ нихъ отвѣта. Проповѣдники поручили дѣло одному изъ своихъ сотоварищей, именемъ Аміоту, коего напослѣдокъ письмо отъ двацатаго Октября тысяча семь сотъ шестьдесятъ четвертаго показываетъ суетность мнѣнія Неэтгамова, подобно какъ тоже самое включилъ и де Гинь въ дневникѣ ученыхъ людей на тысяча семь сотъ шестьдесятъ первой годъ. Аміотова развяска состояла въ томъ, что Туринская Изисина надпись не имѣла никакого подобія съ древними Китайскими письменами. . . . „Однако же, изра„жаетъ далѣе, не должно совсѣмъ оставлять поиски сего рода; нѣтъ невозможности во изслѣдо„ваніи, что между таинственными такими знака„ми не были бы нѣкоторые сходствующіе съ „буквами

„буквами Китайскими. Извлеченной симъ образомъ „свѣтъ въ разсужденіи однихъ поможетъ объ„яснять прочія. „

Любопытства достойное письмо Аміота напечатано было въ Брисселѣ тысяча семь сотъ шестьдесятъ пятаго года Типографщикомъ Буберомъ, со включеніемъ Китайскихъ надписей разныхъ степеней древности; а какъ оное стало уже рѣдко, то должностію вмѣняемъ мы себѣ внести въ сочиненіе наше, да и составитъ то вторую часть перваго сего тома. Третію часть займетъ объясненіе въ Китайскихъ стихахъ нѣкоего особаго памятника, писанныхъ въ тысяча семь сотъ пятьдесятъ седьмомъ году Кіэн-Лонгомъ, нынѣ владѣющимъ Богдыханомъ (въ доказательство потомству покоренія Элеутскаго царства), съ пріобщенными примѣчаніями Аміота. Сей великій Государь (*), коего образъ, вырѣзанной на мѣди съ подлиннаго образа же его, присланной за годъ предъ симъ изъ Пекина, имѣемъ въ заглавіи того же самаго перевода, имѣлъ въ себѣ соединеніе превосходнаго разума, дарованій ученаго человѣка и мудраго народо-правителя. По его велѣнію срисованы нашими проповѣдниками охрестности всѣхъ его вотчинъ. Угождая желанію его, вырѣзаны оныя были во Франціи самыми славнѣйшими художниками, и числомъ шестнатцать за три года назадъ препровождены къ нему. Зрится въ нихъ нѣжность и изразительность рѣзца Кохинова и ле Басова. Суть то верьхъ искусства

(*) Онъ же сочинилъ Китайскую поэму, подъ названіемъ Похвала городу Мук-Дену, переведенную Аміотомъ и напечатанную въ тысяча семь сотъ семидесятомъ году въ Типографіи вдовы Тальярдъ.

рѣзнаго, конечно снищущаго одобреніе въ Китаѣ. Что бы ни говорили хулители сей страны свѣта о тамошней живописи, судимъ мы только по грубымъ, или и развратнымъ изображеніямъ, худо срисованнымъ на бумагѣ, и коихъ все достоинство есть только живость красокъ. Но такое сужденіе столь же мало справедливо, какъ естьли бы Азіатцы стали заключать и объ нашей живописи по однѣмъ только худо раскрашеннымъ и несоразмѣрно расположеннымъ тѣмъ картинамъ, которыя продаются тысячами у насъ въ деревняхъ; а объ нашей рѣзбѣ по деревяннымъ онымъ, или изъ картузной бумаги сдѣланнымъ кукламъ, продаемымъ на ярмонкахъ для забавы ребятъ.

Надлежитъ вѣдать, что въ навечеріи отвала кораблей обратно въ Европу, всѣхъ Кантонскихъ ремеслъ люди дѣлаются на тотъ разъ живописцами. Щитки, подсолнечники, опахалы, все тотчасъ раскупается, и не дешевою цѣною. Человѣкъ, сколько нибудь имѣющій разсудокъ, можетъ ли почесть мѣлочи сіи образцами живописи Китайской? Предъ глазами нашими имѣемъ мы картины, рисованныя водяными красками на клею, привезенныя къ намъ изъ Пекина; однѣ представляютъ велелѣпную внутренность Богдыханскихъ Дворцовъ и домовъ Мандаринскихъ, хранилищъ рѣдкостей естества и тому подобное; другія прелестныя сельскія красивости вообще и въ подробностяхъ. Изображенія, ихъ составляющія, чистотою работы и соразмѣрностію частей удивляютъ знатоковъ; далекость вида изображена съ точностію, а до яркости красокъ по сіе время еще мы не достигаемъ.

Чет-

Четвертая часть предлагаетъ Читателю памятникъ, воздвиженной тѣмъ же Богдыханомъ Кіэн-Лонгомъ, преподавая потомству произшествіе выхода Тургутскихъ Калмыковъ въ тысяча семь сотъ семьдесятъ первомъ году, въ числѣ пяти сотъ тысячъ человѣкъ, отъ береговъ моря Каспійскаго и рѣки Волги въ области его.

Пятая и послѣдняя часть содержать будетъ переводы двухъ старинныхъ сочиненій: Та-Гіо, или великая наука, и Тсонг-Іонгъ, или справедливая средина съ предсловіемъ и примѣчаніями.

Слѣдующіе томы вмѣщаютъ или новыя объясненія, или доводы о древности и происхожденіи Китайцевъ; преподаваніе правилъ объ оспѣ, о нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ тамошняго общенароднаго благочинія, о полезныхъ художествахъ, о предметахъ натуральной исторіи, какъ-то въ разсужденіи пчелъ, разнородныхъ шелковичныхъ червей; о древесахъ бамбуевыхъ, хлопчато-бумажныхъ и иныхъ; о растѣніяхъ и цвѣтахъ, свойственныхъ Китаю; примѣчанія о рѣдкихъ камняхъ, о камняхъ же звѣнящихъ, и о прочемъ; черты лицъ, и сокращенныя сказанія о жизни знаменитыхъ мужей, Богдыхановъ, полководцевъ, философовъ, законодателей, стихотворцевъ и далѣе. Все же то сочинено монахомъ Аміотомъ со времени начатковъ Китайскаго народа даже до десятаго столѣтія, въ ожиданіи неукоснительнаго дополненія трудовъ его; ибо не проходитъ года, въ которой бы не имѣли мы отъ него новыхъ таковыхъ присылокъ.

Естьли бы съ тѣхъ временъ, какъ препровождаемы стали въ Европу изъ Китая различныя

описанія о тамошнихъ наблюденіяхъ, были бы оныя тщательно собираемы вмѣстѣ, и издаваемы въ свѣтъ таковыми, каковы суть: то болѣе бы находили мы себя въ состояніи, нежели нынѣ, сличать жителей сего государства съ нами, собственно въ разсужденіи художествъ, способностей, нравовъ и образа правительства. Давно уже бы мы, да и очевидно, узнали, что сей народъ, толико далекой отъ насъ во всякомъ смыслѣ, никогда не уступалъ намъ ни въ богатствахъ, ни въ благоденствіи, и легко бы могли мы изъ того извлечь таковое полезное заключеніе, что нѣкоторая извѣстная средина между грубаго невѣжества, ухищренія учености и вкуса, есть можетъ быть наиприличнѣйшая стихія для человѣческаго племени вообще; и еще иное, что домоначальственное, или, точнѣе сказать, отца надъ дѣтьми своими правительство, которое рѣдко нарушалось Китайскими Государями, или къ которому безпрестанно возвращаемы они были всеобщимъ нагибомъ нравовъ и первоначальныхъ правилъ народа своего; что сія самая средина, повторяю, есть одна наинадежнѣйшая стезя къ ощастливливанію народовъ, и къ истинной славѣ обладающихъ ими.

Не должны мы окончать сіе предсловіе, не сказавъ, что творцы сихъ записокъ не рѣдко (можно сказать болѣе по смиренномудрію своему, нежели по нуждѣ) испрашиваютъ пощады отъ Читателей. . . . „Просятъ, чтобъ судили ихъ не такъ, какъ „людей ученыхъ, неотвлекаемыхъ ничѣмъ отъ „книгъ и прилѣжанія къ трудамъ, но какъ бѣд„ныхъ проповѣдниковъ вѣры, посвятившихъ дни „свои

„свои несравненно важнѣйшему служенію; чтобъ
„принято было въ разсужденіе положеніе ихъ въ
„краѣ, каковъ есть Китай; положеніе, о коемъ въ
„Европѣ точнаго понятія не имѣютъ; дабы удо-
„стоили вниманія, что одинъ и тотъ же пропо-
„вѣдниковъ вѣры, принужденной отвѣтствовать на
„многіе вдругъ вопросы, часто находитъ себя обя-
„заннымъ оставить свои наблюденія физическія и
„надлежащія до натуральной исторіи, и начать
„или ученую переписку, или вникнуть въ ученые
„также розыски, и потомъ быть же отвлечену
„разсуждать о важностяхъ законоизложенія и пра-
„вительства: далѣе, снисходить до обычайныхъ
„ремеслъ, механики, садовничества и тому подоб-
„наго. Сверьхъ того приносятъ они жалобы, что
„въ Европѣ извиняются ученые люди при первыхъ
„открытіяхъ ими, или первоначальныхъ препода-
„ваніяхъ науки новаго рода; а въ разсужденіи ихъ
„поступается инако: когда кто либо изъ ихъ про-
„повѣдниковъ не перескажетъ слово въ слово ска-
„зываное уже другимъ, или станетъ ему потвор-
„ствовать въ заблужденіяхъ, или ошибкахъ его,
„тогда же тотъ, или другой провозглашенъ бу-
„детъ обманщикомъ, оба же совокупно невѣждами.
„Поводъ для нихъ безъ сомнѣнія ко осмотритель-
„ности, чтобъ ничего такого не описывать въ Евро-
„пу, въ чемъ бы хотя наималѣйшій былъ недо-
„статокъ точности; еще для нихъ поводъ, несра-
„вненно сильнѣйшій предъ тѣмъ, почтеніе и благо-
„дарность; чтобъ не выпустить никогда и ниче-
„го по крайней своей возможности; чтобъ
„истощевать тщанія и бдѣнія свои; чтобъ
„жертвовать спокойствіемъ и самымъ здоровь-

„емъ къ снисканію болѣе и болѣе довѣренно-
„сти знаменитыхъ Особъ, покровительству-
„ющихъ имъ, и которые удостоиваютъ ихъ сво-
„его благоволенія.„

ОПЫТЪ
О
ДРЕВНОСТИ
КИТАЙСКАГО НАРОДА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Ложь иногда паче походитъ на истинну, нежели послѣдняя сама на себя. Лицемѣръ съ перваго на него воззрѣнія покажется болѣе добродѣтельнымъ человѣкомъ, нежели имѣющій самую чистую душу. Точно тоже самое находимъ и во отношеніяхъ къ происхожденію и древности народа нашего (сіе говоритъ Китаецъ). Разсуждая по тому, какъ писано объ насъ было за морями, происхожденіе онаго теряется въ самыхъ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ. Лѣтописи не вмѣщаютъ въ себѣ довольнаго числа годовъ къ достиженію до тѣхъ замѣтъ времени отъ рода въ родъ далѣе, которыя предшествовали начаткамъ лѣтописей всѣхъ иныхъ на свѣтѣ народовъ. Приводятъ свидѣтельства, выносятъ справки изъ старинныхъ сочиненій, ссылаются на ученыхъ нашихъ мужей, различныя исчисленія временъ сцѣпляютъ одно съ другимъ, указываютъ на затмѣнія свѣтилъ небесныхъ, и возрождая старинныя Египетскія басни, налагаютъ молчаніе на большую часть изъ земнородныхъ, восхищаютъ у нихъ вѣроятіе. Болѣе ста лѣтъ имѣвъ прю о началѣ Китая и Китайцевъ, установили оное въ такія времена, въ которыя существовать имъ было не можно. Естьли бы древность, даемая ими государству нашему, была основательна, въ противорѣчіе священному ихъ писанію, то какъ бы толикое множество мудрыхъ и ученыхъ

людей, жившихъ въ теченіи минувшихъ и настоящаго поколѣнія Богдыхановъ нашихъ, приняли бы Христіанскую вѣру, отваживая имущества свои, покой духа и самую жизнь на утрату? Сочинитель Исторической Философіи не могъ примыслить столь острыхъ словъ, которыя бы были сильны превозмочь надъ таковымъ противорѣчіемъ, и уничтожить онаго слѣдствія. Но и кто въ Европѣ между учеными [не ополчаюся я ни противу ихъ знанія, ниже славы] въ состояніи судить о древностяхъ нашихъ? Не говорю, какъ приличествуетъ пріобрѣтшимъ глубокія свѣденія и безошибочнымъ цѣнителямъ всякихъ сочиненій, а только какъ просто объ ученыхъ людяхъ, довольно рывшихся въ книгахъ, и которые вѣщали бы о томъ, основываясь на нѣкоторыхъ извѣстныхъ истинахъ, розыскахъ и свидѣтельствахъ. Всякія записки, когда либо, въ разныя времена, доставленныя отъ насъ къ нимъ, безсильны дополнить недостатки свѣденія о библіографіи нашей, или всѣхъ книгахъ нашихъ вообще, о нашей учености и о нашемъ цѣненіи оныхъ; книгахъ вообще, повторяю, объемлющихъ несравненно неизмѣримую бездну учености противъ всѣхъ книгъ Европейскихъ. Такія записки пусть были бы столько же точны, сколько благонадежны; столько же подробны, сколь исправно выработаны, но колико довлѣетъ имъ быть совершеннымъ къ подпиранію окончательныхъ развязокъ содержаній своихъ? Но образъ, коимъ онѣ составились, доказываетъ, что не всегда были разумѣемы, и что не выполняется изъ нихъ то, какъ производить въ дѣйствіе, вообще и въ подробностяхъ, замыкающееся во всякомъ таковомъ сочиненіи, требующемъ состязанія и выбора, пишемаго въ нихъ. Умалчиваю, что писано

но

но было въ Сѣверныхъ краяхъ Европы и въ самой Франціи объ языкѣ нашемъ и объ нашихъ буквахъ; упомяну же только о томъ, что болѣе подходитъ подъ обычайное цѣненіе сочиненій. Часть Всеобщей Исторіи о странствіяхъ, на примѣръ, надлежащая до Китая, есть родъ амфигуріа, родъ хаоса, долженствующій произвести множество сомнительствъ въ повѣствованіяхъ ученыхъ людей объ Египтѣ и другихъ древнихъ народахъ, почерпнутыхъ ими въ разныхъ источникахъ старинныхъ писателей, и во едино собранныхъ, какъ кто изъ нихъ за лучшее разсудилъ. Ибо напослѣдокъ записки, изъ коихъ то извлечено, конечно меньше ясны, меньше окрестнены, не столь многочисленны и достовѣрны, какъ помощію коихъ трудились составители Всеобщей Исторіи о странствіяхъ. Предоставимъ старанію Читателей выводить заключеніе, какъ располагалися въ оной содержанія, взыскующія отъ сочинителей совершенное искусство знать и цѣнить вещи. Такое разсужденіе доказываетъ, что и самыя въ родѣ человѣческомъ науки суть ничто иное, какъ истинная суета. Долго колебалися мы недоумѣніемъ, приступить ли къ рѣшенію вопроса о происхожденіи и древности народа нашего? . . . . Приступать ко описанію чего либо должно не инако, какъ съ надеждою быть разумѣему; а сіе-то и не легко въ предпріемлемомъ нами дѣлѣ. . . . . Желанія мужей, кои суть для насъ повелѣнія, заставили рѣшиться, и презирая страхи неудачей, повлекли въ отвагу сочинять Опытъ сей. Содержаніе онаго довольно еще остается ко исчерпанію. Но взяли мы за цѣль нашу сближаться, сколько можемъ, съ Европою. Не трудно для имѣющихъ нѣкоторое знаніе о Китаѣ избрать, на чемъ

имъ установить мнѣніе свое. Да сего-то единаго мы и требуемъ; для сего-то самаго коснулися мы запутанностямъ, кои не извѣстны въ странахъ, отдѣляемыхъ отъ насъ морями. Подробности, въ кои мы входили, могутъ выдержать взгляды имѣющихъ нѣкоторыя свѣденія о нашемъ языкѣ, о нашихъ письменахъ, и кои подадутъ имъ умовоображенія, какихъ не имѣли прежде. Страшимся токмо, что Читатели не вникнутъ точно въ пишемое нами, и не ощутятъ въ половину силы доводовъ, доказательствъ и достовѣрностей, нами приводимыхъ. Начать намъ надлежало испытаніемъ собственныхъ нашихъ силъ, и тѣмъ, чтобъ по крайней мѣрѣ сей Опытъ сопровождаемъ былъ множествомъ примѣчаній. Толикое приложеніе трудовъ къ трудамъ не совмѣстно было со упражненіями званія нашего. Просимъ Читателей не выпускать изъ вида того, что въ состояніи мы были сдѣлать, и что мы сдѣлали. Сочиняя примѣчанія, должно намъ было вѣдать, чѣмъ ихъ подпирать. Оставшееся въ мысляхъ понятіе о Европѣ смѣшенно только насъ вразумляетъ, чѣмъ жителямъ ея угодить можемъ, или что для нихъ нужно. Естьли сей Опытъ стоитъ того, чтобъ совоспослѣдовался нашими объясненіями, то убѣждаемъ ученыхъ Европейцевъ сообщать намъ и свои желанія: со удовольствіемъ послѣднія исполнимъ по возможности нашей. Теперь займемся внесеніемъ краткаго перечня о династіяхъ, или поколѣніяхъ Царей нашихъ и лѣточисленнаго ихъ порядка, инако же не споручно бы было справляться съ особыми книгами, долженствуя имѣть оной предъ глазами при чтеніи большей части статей сего сочиненія.

Пере-

Перечень династій.

Имена	Начатки царствованія до Рождества Христова, за толикое число лѣтъ.	Богдыханы.
Гіа - - - - - - -		
Шангъ, или Инъ - - - - -		
Тшеу - - -	1222 - - -	35
Тсинъ - - -	248 - - -	4
Ганъ - - -	206 - - -	25
	По Рождествѣ Христовѣ въ	
Ганъ послѣдній - -	238 - - -	2
Тсинъ Восточный -	265 - - -	15
Сонгъ - - -	420 - - -	8
Тси - - -	480 - -	5
Леангъ - -	502 - - -	4
Тшинъ - -	560 - - -	5
Сонгъ - -	590 - - -	3
Тангъ - -	618 - - -	20
Леангъ послѣдній -	911 - - -	2
Тангъ послѣдній -	924 - - -	4
Тсинъ послѣдній -	937 - - -	2
Ганъ - -	948 - - -	2
Тшеу послѣдній -	951 - - -	3
Сонгъ - -	960 - - -	18
Юэнъ - -	1280 - - -	9
Мингъ - -	1368 - - -	16
Тай-Тсинъ - -	1644 владѣющій Государь	4

Въ перечнѣ семъ не полагаемъ начатковъ первыхъ двухъ династій, ниже числа Богдыхановъ, оныя

оныя составлявшихъ, не находя вѣрныхъ источниковъ. Книги Шу-Кингъ и Ши-Кингъ существовали за множество лѣтъ предъ Тшеускою династіею. Доказывается то лѣтописьми и всѣми иными нашими книгами; но сіи самыя годочисленія и имена Богдыхановъ суть только однѣ догадки, разно и нерѣшительно толкуемыя; наши ученые люди въ томъ признаются, какъ явствуютъ изданныя въ свѣтъ ихъ состязанія. Согласны же всѣ въ нисходящей чертѣ и произшествіяхъ древней нашей исторіи, во уравниваніи Китая древностію же съ самыми первобытнѣйшими государствами вселенной.

ПЛАНЪ,
или
Начертаніе сочиненія сего.

1. Предположимъ свѣденія ученыхъ нашихъ людей, относительно до самыхъ отдаленнѣйшихъ перемычекъ лѣточисленія.

2. Кратко упомянемъ о памятникахъ и старинныхъ книгахъ, избѣжавшихъ отъ поглощенія долготою временъ.

3. Ознаменуемъ бытія новѣе, возвѣщающія исторію и дѣянія предшествовавшихъ онымъ временъ.

4. Простремся о временахъ баснословныхъ, коими нѣкоторые писатели доводили лѣтопись нашу до самаго сотворенія міра.

5. Станемъ розыскивать, около котораго времени съ правдоподобіемъ можно установить основаніе Китая и начало лѣтописи нашей.

Пер-

Первыя четыре статьи наполнятъ первую, а послѣдняя, коей тѣ суть токмо вступленія, займетъ всю вторую часть сихъ записокъ.

Ученый Европеецъ, протекая столь длинный рядъ годовъ, возъимѣетъ ту ловкость, что можетъ нѣкогда сближаться съ древними народами Западной Азіи, и предпоставить вниманію Читателей самые прекрасные цвѣты учености своей. Но мы того лишены, да и не весьма жалѣемъ. Наималѣйшее уклоненіе отъ прямой черты предвзятаго пути удалило бы насъ отъ истинной меты, и какъ говоритъ Тшин-Тсеэ: лучше занять Читателей дѣломъ, нежели приносить имъ только пустую забаву. Щастливъ, кто успѣетъ, не наводя скуки! Отдаемъ мы себѣ справедливость, и совершенно чувствуемъ, что не можемъ льститься тою чистотою выраженій, выборомъ красныхъ словъ, которыя столь нужны ко умѣренію сухости и постановности содержанія. Почти готовы мы сказать Читателю тоже самое, что сказалъ нѣкогда знаменитой дѣловой человѣкъ Государю своему, поднося ему докладъ объ доходахъ его и расходахъ: . . . „Качество и слогъ сочиненія мо„его скучны; но труды, которые необходимо „должно мнѣ было имѣть, работая надъ ними, „безпримѣрно еще были скучнѣе.„

Предостается намъ выговорить слово о томъ, какихъ держалися мы правилъ. Нѣкоторые Читатели могутъ хулить насъ по единому только слогу нашему; но просимъ ихъ не прежде насъ винить, доколѣ не увидятъ причинъ, такъ писать заставившихъ. Станется, что не столь сильны раздробленія, не столь ясны и развязательны, какими мы ихъ пріемлемъ; по меньшей мѣрѣ заслужи-

служиваютъ изслѣдованія, сужденія. Со всею слабостію нашею въ наукахъ Европейскихъ, учился однако же мы знать Священное Писаніе и догматы вѣры Христіанской, да и не поставляемъ себя невѣждами приняпаго и утверждаемаго лѣточисленіями седьмидесяти Библейскихъ Переводчиковъ въ теченіи толикихъ вѣковъ. Вѣдаемъ, что имѣетъ оное защитниковъ между мужами первой степени учености; что не опрѣвается и не опровергается Римскою Католическою церковію; что предпочтено ею Четьимъ Минеямъ своимъ. Естьли рѣшилися мы держаться мнѣнія, не столь далеко заходящаго въ первобытныя времена, то сіе не ради сличенія коренной нашей исторіи съ повѣствованіями Пророка Моисея; а ради того только, что были принуждены причинами, кои мы объяснили, и которыя всячески превосходятъ причины же побужденія мыслящихъ инако, нежели мы. Не отчуждаемся впрочемъ избрать судіями наистрожайшихъ цѣнителей сочиненій, но просимъ ихъ не щадить насъ. Возраженія, могущія быть извлекаемы изъ записокъ, доставляемыхъ въ Европу учеными здѣшними проповѣдниками Христіанской вѣры, сколь бы много ни заимствовали важности отъ славы творцевъ своихъ, но все достоинство ихъ состоитъ въ однѣхъ выпискахъ изъ книгъ нашихъ. Довольно мы ихъ начитались, довольно объ нихъ размышляли, довольно неспѣшно сличали и нарочито выразумѣли. Многіе изъ отцевъ проповѣдниковъ писали и мыслили точно такъ, какъ мы. Въ сочиненіяхъ другихъ писателей находятся мѣста, коихъ не разсудили проникать важность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТАТЬЯ I.

Нынѣшнее состояніе ученыхъ Китайцевъ, относительно къ познанію самой отдаленной древности.

Должно признаться, Европейцы любятъ чужестранныхъ. Кротость нравовъ, добродушіе, возвышенныя чувствованія, учиняютъ ихъ для нихъ вѣжливыми, хранящими честь, упреждающими и щедрыми. Всякіе иные народы не пропускаютъ случаевъ дорожить собою и превозноситься; они напротивъ являются непримѣчающими своихъ достоинствъ. Пришлецъ когда свидѣтельствуетъ должное предъ ними признаніе, пріемлютъ оное одолженіемъ и по смиренномудрію удивляются воздаемому себѣ почтенію. Христіанскіе проповѣдники, еще до отъѣзда нашего изъ отечества, предварили насъ о томъ. Достигнули мы Францію, и не такъ уже были удивлены. Правда, удивлялись, но безъ пораженія обязательными ихъ оказаніями намъ привѣтствъ, вѣжливости и дружества. Раскрывали ли мы какое либо сочиненіе, входили ли въ книгохранилищи: вездѣ срѣтали поводы усугублять

лять благодарность; вездѣ видѣли упражняющихся въ письменахъ ученыхъ мужей въ превосходной степени, съ особою наклонностію ласковыхъ и услужныхъ ко иностранцамъ.

Ученые сіи мужи, имѣя нужду рыться во многихъ книгахъ и выносить справки на нѣкоторую извѣстную часть исторіи отчизны своей, оставили сіи запасы свои раскиданными врозь между древними памятниками, и занялися вмѣсто того съ неутомленностію извлеченіями даже и самыхъ мѣлкихъ подробностей изъ старинныхъ басней и сказокъ чужеземныхъ. Отъ пера ихъ произошли и размножились листовыя сочиненія. Вавилоняне, Ассиріане, Мидяне, Египтяне, Финикіане, Греки, никогда столько не писывали о себѣ, какъ Европейцы объ нихъ въ послѣднихъ столѣтіяхъ: претрудная, самая сухая работа, но заслуживающая удивленіе. Не можно имъ было льститься разогнать мраки такого хасса; мраки, посреди коихъ обозрѣть наималѣйшій свѣтъ отчаявались самые знаменитые писатели временъ Августовыхъ, хотя существовало еще тогда нѣсколько памятниковъ и удобнѣе было собирать преданія древнихъ. Не пристойно намъ порочить толикую наклонность Европы къ иностраннымъ; наклонность, саму по себѣ почтенную и достойную похвалъ, но чѣмъ болѣе оная благопоспѣшна намъ, и чѣмъ полезнѣе обязательное такое предразсужденіе для пишемаго нами, тѣмъ паче должны признаться, что мы Китайцы никогда не бывали подобно же расположены противъ чужихъ народовъ. Важность произшествій, установляющихъ первыя замѣты государства нашего, у живущихъ въ немъ нынѣ почти въ небреженіи. Самую отдаленную старину едва удосписываемъ мы вниманія. Подробности, въ

кои

кои теперь вступаемъ, послужатъ тому доказательствомъ.

1. За тридцать столѣтій назадъ правительство наше всегда желало имѣть людей ученыхъ и чтобъ процвѣтали науки. Но нѣкіимъ особымъ и ему единому свойственнымъ образомъ, сообразственно видамъ политики своей, сирѣчь, дабы сохранялась въ народѣ чистота общественнаго ученія; дабы пребывали незыблемо нравственныя правила; дабы всякія изобрѣтенія соразмѣрялись токмо съ нуждами и пользами; дабы юношество воспитывалось и навыкало вѣдать и исправлять должности; дабы наконецъ отличались природою особо одаренные способностьми по общественнымъ званіямъ, а одаренные токмо остротою ума не оставалися безъ упражненія: по силѣ таковаго образа мыслей, дѣйствовавшаго главною пружиною при изданіи всѣхъ нашихъ законовъ, надлежащихъ до наукъ и ученыхъ людей, само по себѣ выходитъ, что всякія школьныя наши ученія, всѣ освидѣтельствованія учащихся, доставляющія имъ степени служенія отечеству; всякія награды, поощряющія дарованія, или дающія имъ славу, клонятся на сей одинъ конецъ. Сего-то самаго ради малые наши города не могутъ содержать болѣе извѣстнаго нѣкотораго числа учениковъ вышнихъ наукъ. Столицы областей имѣютъ право производить въ Баккалавры, но не многихъ; а на степень Докторовъ, или учителей, возводятся въ государственной только столицѣ не чаще, какъ чрезъ каждые три года. Правительство наравнѣ печется и отверзать пути и усыпать оные наградами для достигающихъ до вышнихъ наукъ, столь же желая ихъ распространить, удерживать, какъ и попускаетъ расти тернію по симъ путямъ для мало-

душныхъ и недовольно прилѣжныхъ. Вопль министерства нашего всегда непремѣненъ; всегда единое твердитъ *общее благо*! Ему потребно положенное только число ученыхъ людей для исправленія государственныхъ дѣлъ. Самые высокіе умы, самыя рѣдкія способности обращаютъ на себя его воззрѣніе; поскику становятся нужны. Повелѣвая вносить въ обычайные листки, печатаемые для обвѣщенія народа, имя рядоваго воина, получившаго раны въ сраженіи, ни единожды во сто лѣтъ не позволитъ упомянуть, хотя бы то было однимъ словомъ, о тысячахъ составителей системъ..... Науки, дарованія, суть для него пустыя слова, когда государству не доставляютъ существенныхъ пользъ.

2. Науки у насъ въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ, нежели въ Европѣ. Народъ нашъ вообще мало объ нихъ мыслитъ. Нѣтъ у насъ ученыхъ дневныхъ записокъ, еженедѣльно, или ежемѣсячно издаваемыхъ. Въ обычайныхъ печатныхъ нашихъ вѣдомостяхъ не упоминаютъ о новыхъ сочиненіяхъ ученыхъ людей, о какихъ либо ихъ успѣхахъ; но не молчатъ о пространныхъ выпискахъ изъ многихъ книгъ, собранныхъ во едино по указу Двора членами Верьховнаго Ученаго Засѣданія.

Женщины у насъ заключены во внутренностяхъ домовъ; не видятъ никого, кромѣ супруговъ и дѣтей; изрѣдка же посѣщаются подругами. Столь же мало имъ нужды до ученыхъ дѣлъ, что происходило и происходитъ въ свѣтѣ, какъ Европейкамъ до морали и алгебры. Внутренность домовъ есть для нихъ вся вселенная. Бываютъ щастливы и почтенны по мѣрѣ способностей хозяйствовать. Перо въ рукахъ

рукахъ столь же имъ не пристало, какъ на боку сабля. Не учатъ ихъ грамотѣ, въ пресѣченіе поводовъ пожелать учиться. Тоже самое должно разумѣть о ремесленникахъ, торговыхъ людяхъ, домочадцахъ и почти всѣхъ родахъ подданныхъ Богдыхана, выключая ученыхъ и находящихся при должностяхъ. На двадцатидневномъ пути по наилучшимъ нашимъ областямъ не повстрѣчается ниже одинъ житель, умѣющій нѣчто сказать о философіи, объ образѣ правительства, о государственныхъ доходахъ, о правилахъ воспитанія дѣтей и тому подобномъ. Мандарины при гражданскихъ дѣлахъ и военные чрезъ всю ихъ жизнь занимаются однѣми должностями званій своихъ. Не остается имъ досуговъ читать мѣлкія сочиненія, а того еще меньше дѣлаться оныхъ творцами. Въ разсужденіи первыхъ тѣмъ меньше сіе удивительно, хотя въ должность ихъ входитъ производство и развязки судебныхъ дѣлъ; но числомъ ихъ у насъ мало въ сравненіи съ числомъ же судей каждаго Европейскаго царства. Упражненія ихъ важны, многоразличны и всегда безпрерывны: слѣдовательно не до того имъ, чтобъ вмѣшиваться въ дѣла ученаго свѣта. Надъ главою всякаго Мандарина виситъ мечь Государевъ, можно сказать, на волосѣ. Всѣ свободные часы, всѣ минуты жизни, едва достаютъ имъ на предохраненіе себя даже и отъ оплошностей, за коими слѣдуетъ неизбѣжная для нихъ гибель. Сверьхъ того установленные государственные обряды, правила чиноположенія, обязанности учтивства, присмотръ и попеченія о домочадцахъ, проѣзды иностранныхъ людей, необходимыя путешествія ко Двору, поглощаютъ все ихъ время отъ одной зимы до другой.

Оружіе, воинство и становищи суть книги Мандариновъ военныхъ. Еще чуднѣе, въ самомъ Пекинѣ надлежащее до наукъ не составляетъ предмета достойнаго вниманія. Дворъ, общественныя дѣла и торговля, отвлекаютъ оное на себя. Просвѣщенность науками въ простомъ народѣ столь же не существуетъ, какъ и по самымъ далекимъ нашимъ областямъ. Писатели наши даже до того подвержены вкусу правительства, что даютъ играть комедіи, сочиненныя за тысячу лѣтъ назадъ, не помышляя о поновленіи обветшалаго слога ихъ.

3. Слава успѣховъ въ наукахъ разумѣется славою народовъ въ Европѣ: за мужами превосходной учености, за умами сіяющими и изобрѣтательными, послѣдуетъ и провождаетъ ихъ общее почтеніе изъ государства въ другое. Цѣлой край хвалится преимущественностьми личныхъ дарованій наравнѣ со славою, пріобрѣтаемою оружіемъ. Китай лишенъ онаго; бывъ отвсюду окружаемъ грубыми и дикими сосѣдями, обширенъ противу всей Европы и болѣе ее населенъ, безъ труда могъ въ нѣдрахъ своихъ обрѣтать, чѣмъ поощряется соревнованіе. Области его бывали прежде цѣлыя царства. Богдыханы могли бы ополчать одни на другихъ; но виды политики до того не допускали. Правительство наше, повторяю, съ лѣтописьми въ рукахъ доказываетъ, что соперничество въ дарованіяхъ развратило древнія правила наукъ во времена Тшеускаго поколѣнія Богдыхановъ; возродило тьму заблужденій, преклонило духи къ мятежничеству; самыя полезныя истинны, самыя существеннѣйшія должности, превратились въ задачи къ рѣшенію. Почему и осталось на томъ, что въ ученыхъ должно только производить поощреніе къ служенію

женію отечества, не вперяя людямъ превосходной степени учености взаимнаго соревнованія. Хощетъ, чтобъ соединенными силами трудились въ томъ только, что имъ бываетъ велѣно. Вольность ученаго нашего свѣта есть вольность, даруемая изъ милости; скипетръ законовъ осѣняетъ дарованія и способности въ изящнѣйшихъ ихъ усиліяхъ, но мечь правосудія подъемлется за всякое уклоненіе отъ предписанной имъ стези.

4. Юношескія лѣта вступающихъ въ науки проходятъ во изученіи языка нашего и нашихъ буквъ, правилъ Кинговыхъ и чтенія, сочиненнаго Конфуціемъ. Неуспѣвающіе въ томъ возвращаются въ родъ жизни родителей своихъ; сидѣльничество въ лавкахъ торгашей, ремесленничество, или плугъ, ихъ ожидаютъ; всякія книги предъ ними закрываются навсегда. Отличится ли кто между сочениками, достигнетъ ли до степени подмастерья, освидѣтельствованія, бываемыя чрезъ каждые три года, заставятъ его начитываться болѣе и стать сочинителемъ: должно ему заслужить званіе Доктора, или учителя, чтобъ получить право заступать общественные чины и быть употребляему на услуги правительства. Во учители производятъ по выбору изъ многихъ. Одерживаетъ учительство даръ краснорѣчія, разсужденіе тонкое и безошибочное, глубокое знаніе законовъ и образа государственнаго управленія. Самъ Богдыханъ между новопризнанными учителями избираетъ лучшихъ, отсылаетъ въ Верьховное Училище къ должностямъ ученымъ, придворнымъ, гражданскимъ и областнымъ. Прочіе назначаемы бываютъ для народныхъ судилищъ, и жалуются въ чины каждый по достоинству, каждый тогда установленіемъ щастія

стія своего долженствовать будетъ собственной своей способности, прилѣжности и праводушію. Но предоставимъ мудрымъ испытывать, даже до чего умѣетъ правительство наше пользоваться пособіями наукъ и подклонять подъ власть свою людей ученыхъ; а скажемъ только, что предписаніе, по коему производятся у насъ науки, съ толикою точностію размѣрено и взаимно сцѣплено, что испощаетъ все человѣческое возможное прилѣжаніе. Юношество пожирается, можно сказать, онымъ такъ, что самое пылкое умовображеніе не можетъ никогда инако воспрянуть, какъ съ великою опасностію таковое имѣющему. Скажемъ все: умы самые преострые, способности наиредкія, нудятся прилѣжать къ наукамъ важнымъ, въ коихъ живость и бѣглость мыслей не въ силахъ замѣнять достоинства наукъ самихъ по себѣ, ниже глубокихъ размышленій; юношеству предостаются немногія минуты на веселости, на удовлетвореніе прихотей и чтенія книгъ забавныхъ и любопытныхъ.

5. И кто можетъ у насъ заниматься розысками учености и цѣненіемъ достоинства книгъ? Не входятъ въ число таковыхъ избранные на первыя степени учености нашей. Равенство состояній (ибо не знаютъ у насъ, что такое есть шляхетство, мѣщанство, продажные и наслѣдственные чины) обычайно снижаетъ каждаго ученаго человѣка до заведенія и открытія школы, или долженъ онъ садиться съ перомъ въ рукахъ въ какое либо судебное мѣсто. Съ дарованіями рѣдкими научившійся становится столоначальникомъ при какомъ нибудь Мандаринѣ; а всѣ безъ изключенія столь мало будутъ имѣть досуговъ, что не дойдетъ имъ времени предпринимать сочи-

сочиненія нѣсколько пространныя. Извѣстно, хотя бы мы и не сказали, что прежде приступа цѣнить какую либо книгу, или вникать во глубину коего либо рода учености, предварительно должно вѣдать, въ какихъ книгахъ содержится до того надлежащее; какую степень уваженія заслуживаютъ тѣ книги; какія точно разныя мнѣнія объ нихъ приняты. Начавъ же дѣло, на всякомъ шагѣ необходимы безчисленныя справки. Въ Китаѣ книгъ даже до того размножилось (чего не вѣдаютъ за морями), что не достанетъ вѣка человѣку прочитать большихъ нашихъ лѣтописей. За нужное нашли сократить ихъ, а послѣ и изъ сокращенія сдѣлать сокращенія же. Нужно также стало собрать хранилищи книгъ, надлежащихъ до одного размышленія, замыкающихъ въ себѣ раздробительныя справки; словарей всякаго рода для повседневнаго каждому употребленія, къ которымъ и самые ученѣйшіе не могутъ не прибѣгать не только ради того, чтобъ не пуститься, такъ сказать, вплавь по цѣлому Океану учености, какъ ради и того, что большія книгохранилищи весьма рѣдки въ Китаѣ. Скользкость состоянія зажиточныхъ у насъ людей не допускаетъ ихъ собирать великое количество книгъ, какъ то въ обычаѣ между знатными и учеными людьми во Франціи. Внукъ перьваго по Государѣ, внукъ знатнѣйшаго полководца, увидитъ себя сопричтеннымъ къ черни, естьли личныя его достоинства не отворятъ ему стези къ вышнимъ чинамъ: какъ же можно уцѣлѣть у насъ прародительскимъ книгохранилищамъ? Между судьями нашими и государственными чиновниками, безпрестанно долженствующими спрансповать изъ области въ область, немногимъ приходитъ желаніе собирать книги; довольствуются необходимо

для нихъ нужными. Большія книгохранилища Бонзовъ суть единое убѣжище для ученыхъ нашихъ людей, кромѣ учреждаемыхъ правительствомъ для храненія рѣдкихъ рукописей, многочисленныхъ выписокъ, во едино собираемыхъ, и лучшихъ изданій. Въ предупрежденіе подобныхъ же нещастій, каковыя причинили намъ невозвратныя утраты, имѣемъ многія нарочныя храмины, въ коихъ вмѣщается безчисленное множество книгъ, отверзаемыя для ученыхъ. Тамъ могутъ они находить древнія и новѣйшія сочиненія. Такъ у насъ называемыя Бонзеріи въ горахъ весьма далеко отъ большихъ городовъ. Ученому человѣку, имѣющему семейство и заняпому дѣлами, нѣтъ времени оныя посѣщать. Мандаринъ, низпавшій въ немилость Государя; Философъ, ни къ чему не привязанный, могутъ ими пользоваться. Такой человѣкъ когда по прошествіи многихъ лѣтъ, провожденныхъ въ трудахъ ученыхъ, составитъ наослѣдокъ достохвальное сочиненіе, должно ему будетъ напечатать собственнымъ своимъ иждивеніемъ, отваживаясь на прибытки сомнительные и опасности. Новая еще хитрость правительства сочинителей полезныхъ книгъ караетъ, а тьмочисленному множеству книгъ же, не только посредственныхъ, но и плохихъ, попускаетъ бытствовать. Внутри областей нашихъ упражняются въ наукахъ или по должности, или Мандарины, наскучившіе государственными дѣлами; имущественные, и коимъ нѣтъ недостатка въ удобности къ тому и пособіяхъ. Бывъ знаемы Двору, подносятъ сочиненія свои Богдыхану; а онъ, когда похвалятъ ихъ члены Верьховнаго Училища столицы, повелѣваетъ печатать на щетъ казны. Но сколь мало выходитъ достойныхъ таковаго поднесенія! Да не выйдемъ вонъ изъ мѣры, признаемся, что книгохрани-

хранилищи въ Южныхъ нашихъ областяхъ довольно не малы. Су-Тшеу есть нашъ Китайскій Амстердамъ; печатаніе книгъ дешевле тамъ становится, нежели по инымъ мѣстамъ государства, когда отдаются въ Типографіи книги *съ крыльями*, какъ здѣсь зовутъ, сирѣчь возбуждающія любопытство и неплѣнѣвѣющія въ кладовыхъ. Ради благорастворенія ли климата, отличной ли любви гражданъ къ наукамъ, избрали ли край сей водвореніемъ своимъ послѣдніе, когда Дворъ перенесся въ Пе-Тше-Хи, чтобъ ближе противустоять Сѣвернымъ нашимъ сосѣдямъ; или виды правительства Татарскаго поколѣнія Государей нашихъ, за нужное разсудили удерживать здѣсь вкусъ ученыхъ бездѣлицъ. Въ Су-Тшеу производится знатная торговля книгами; но какими книгами? Стихотворческими мѣлкими сочиненіями, сказками, листками, способными занять досуги и насыщать любопытство празднаго народа. Заглядывающіе въ нихъ не найдутъ ли новаго рода забавы? По сей-то самой причинѣ сочиненіе важное, или цѣнительное, выходитъ тамъ ими въ нѣсколькихъ листкахъ, или писанное слогомъ легкимъ и шутошнымъ, инако же не будетъ напечатано и не будетъ читано, заставитъ звать читателей и раззоритъ книгопродавца.

6. Европейскіе проповѣдники уподобляютъ ученое наше засѣданіе Ганъ-Линъ Парижской Академіи Наукъ. Да и справедливо; оное есть то въ Китаѣ, что собраніе во Франціи Господъ Академистовъ вышней математики и другихъ вышнихъ же наукъ. Первое составляютъ особы самыхъ превосходнѣйшихъ умовъ и знаній о государствѣ нашемъ. Можетъ быть извѣстно за морями столь живо изображающее наше правительство: часть великихъ сихъ мужей не вы-

пускаютъ изъ рукъ пера, пиша для Государя и для Министерства. На другую оныхъ часть возложено преподаваніе наукъ въ большихъ училищахъ, находящихся у четырехъ Дворцовыхъ вратъ; досшальные же члены живутъ въ великолѣпныхъ домахъ, удаленно отъ всякаго шума и разсѣянія. Провождаютъ время безъ отдохновенія въ трудахъ отъ одной зимы до другой; каждой соотвѣтственно способности и дарованіямъ своимъ обработываетъ сотоварищей своихъ въ повелѣнномъ имъ вообще отъ Двора. У каждаго подъ руками всѣ сокровищи учености; имѣетъ всевозможныя выгоды жизни и всѣ удобности къ облегченію трудовъ. Часы жизни ему одному принадлежатъ. Никто не нудитъ его поспѣшать окончаніемъ начатаго дѣла. Товарищи подпираютъ его сотрудничествомъ, раздѣляютъ съ нимъ и славу и хулу за наималѣйшія погрѣшности. Обязаны столько же сообщать ему свои мысли, сколько и отъ него подобно же заимствоваться. Сего-то ради изходящее отъ пера члена Ганъ-Динскаго проявляетъ исправность и совершенство, безподобныя всякимъ инымъ сочиненіямъ цѣлаго свѣта. Изданіе вновь старинныхъ сочиненій, собранныя изъ разныхъ мѣстъ выписки, словари и прочее, разсматриваются съ крайнимъ вниманіемъ. Не жалѣютъ времени. Толикое множество ученѣйшихъ мужей совокупными силами стараются все усовершенствовать, слѣдовательно и почти человѣчески не возможно, чтобъ могли вкрадываться ошибки и погрѣшности. Знаменитое сіе засѣданіе, подобно Академіямъ Наукъ Европейцовъ, не держится никакой системы, никакого особаго мнѣнія, развѣ правительство станетъ утѣснять вольность его, что случается въ смутныя времена и во времена же упад-

ка

ка государства. Единаго имѣетъ путеводителя .... Истинну. Читатели безъ сомнѣнія, упреждая насъ, скажутъ, что сему собранію единому возможно разсуждать о великихъ и важныхъ предметахъ, истощать состязанія, подающія свѣтъ цѣненію вещей, и устанавливать заключенія. Такъ конечно. Для того точно не находя что либо пріобщить къ вопросамъ, толикократно уже дѣланнымъ и повтореннымъ объ исторіи первыхъ нашихъ династій, упоминаютъ о томъ только къ слову, презирая ничтожную славу сгонять во едино мраки, или разторгать ихъ, безъ надежды проявить свѣтъ достовѣрности. По скольку силятся и горячатся другіе въ произнесеніи *да*, или *нѣтъ*, въ надлежащемъ до нашего лѣточисленія, по стольку члены сего засѣданія взираютъ на то равнодушно. Свары и споры ученые, временъ династіи Сонговъ, въ послѣдовавшихъ вѣкахъ отвратили отъ частныхъ умствованій, отъ разгоряченія, подпирая какую либо систему, и отъ упрямства, приличнаго токмо дѣтямъ, защищать особое нѣкакое мнѣніе. Нынѣшній Ган-Линъ вземлетъ къ себѣ тетради судопроизводствъ, издаетъ ихъ во всей возможной ясности. Иногда изрекаетъ объ нихъ мысли; всякой однако же разъ предоставляетъ читателямъ полную свободу судить объ нихъ. Никто прежде его не предположитъ предъ глаза возраженій на мнѣніе, которое имъ принято. Но не должно разумѣть такими мнѣніями включаемое имъ въ примѣчаніяхъ, въ прибавленіяхъ и предсловіяхъ издаваемыхъ въ свѣтъ новыхъ изданій. Обычай онаго есть, чтобъ у каждаго читателя не отнимать свободы: разпространяютъ, а не умаляютъ оную. Вотъ причина, коей ради печатая онъ Сеэ-Мат-Сіенъ, Тонг-Кіэнъ и прочее, зрится премѣнившимъ лѣточисленія порядокъ, въ самой же вещи не утверждая никакого.

какого. Подобная замѣта избѣгла отъ вниманія многихъ Европейцовъ, хотѣвшихъ воспользоваться доводами одного коего либо сочиненія Ган-Лина. . . . . Когда бы заглянули они въ другія того же пера!

7. Чтобъ возъимѣть понятіе о подлинномъ положеніи насъ Китайцевъ, относительно къ свѣденію о древности, должно себѣ представить, что наша ученость не походитъ на учености прочихъ краевъ свѣта. Китай, будучи объятъ мракомъ идолослуженія близъ осьмнадцати столѣтій, учиняетъ невозможнымъ искуснѣйшимъ между учеными нашими людьми, доходить до лѣтописи первыхъ династій инако, какъ только съ помощію книгъ, полныхъ смѣха достойныхъ и издѣвочныхъ басенъ, нелѣпыхъ сказокъ, глупыхъ системъ, мнѣній, взаимно противорѣчущихъ, и тому подобнаго. Ученики и послѣдователи Конфуція презираютъ ихъ; но за недостаткомъ лучшихъ не могутъ безъ нихъ обойтися. Кинги и памятники достовѣрнѣйшіе трудны ко истолкованію какъ въ разсужденіи отрывчивости и краткости слога, таинственной подробности буквъ нашихъ, а того еще наиболѣе ради толикой дальности временъ, о коихъ пишется, и глубокости ученія, въ нихъ содержащагося. Да къ тому же затемнился смыслъ ихъ, приведенъ сталъ въ замѣшательство невразумительными объясненіями и выполненіями принимавшихъ на себя толковать ихъ. На примѣръ, такъ вѣщаетъ нѣкоторый мудрый мужъ минувшей династіи: . . . . „Монг--Тсеэ, разговаривая о Кингахъ, жаловался на выпущенныя мѣста „и темность выраженій въ лѣтописяхъ, кажущія „ему древнія времена не инако, какъ сквозь густыя „облака. Монг-Тсеэ отзывался, что лучше совсѣмъ

„не

„не вѣрить никакой книгѣ, нежели вѣрить тому, „чѣмъ онѣ наполняются. Столь трудно разумѣть „нынѣ Кинги, достигшія до насъ изъ посреди пламе„ней, и преходивъ чрезъ несмѣтныя руки въ тече„ніи цѣлыхъ девятнадцати столѣтій! Толкователи „оныхъ еще въ пущую привели ихъ запутанность. Не „льзя стало ни утверждаться на нихъ, потому „что сами себѣ противорѣчатъ; ни отметать, по„тому что помогаютъ намъ разумѣть содержаніе „свое.„ Должно рѣшиться: нѣтъ путеводителя, какую избрать дорогу, дабы избѣжать заблужденій, по преимуществу сихъ книгъ надъ всѣми иными. Волею и неволею надобно преходить отъ одного ученаго мужа къ другому; обрѣтать цѣлое, такъ сказать, зданіе ученія и лѣтописи древнихъ временъ въ раскиданныхъ нароэно развалинахъ, испорченныхъ и обезображенныхъ, не имѣя правилъ, по коимъ бы собирать ихъ во едино: замыслъ, котораго ничтожные успѣхи самыхъ глубокомысленныхъ людей не попускаютъ надѣяться произвести въ дѣйствіе. Самый наивышшій разумъ и острота не находятъ пособій противу обветшалости наукъ и ошибокъ мыслей сочинителей. *Шу-Тси-Тшуенъ-Гое-Уэнъ, книга первая, страница двадцать пятая.* Въ самой истинѣ ученіе и лѣтопись первыхъ временъ, не возмогши сохраниться въ цѣлости своей чрезъ книги и преданія общенародныя, заблужденія, непрестанно множася, довели ихъ до поврежденія и запутанности болѣе и болѣе. Ученые наши суть таковы, каковы нынѣ ученые же Ефіопляне, Египтяне, Греки и иные въ разсужденіи Евангелія. Судятъ по книгамъ, полнымъ лжей, обмановъ и ошибокъ. Сего рода розыски священной сей книги не могутъ избавить отъ многихъ заблужденій, естьли силою зрѣлости ума, проницанія

нія и справедливой оцѣнки читаемаго, блеснетъ истина посреди мраковъ, коими объята. Но какъ опознать можно истинну, имѣя мысли зараженныя предразсудками безъ числа? Европѣ чужды подобныя умовоображенія. Да не будетъ сказано, что оныя суть и намъ чужды .... Когда идетъ слово о древности Китая и о первомъ онаго происхожденіи, ссылаемся на исторіи всѣхъ народовъ, что заблужденія въ размышленіяхъ приводятъ людей въ заблужденія же на самомъ дѣлѣ. Не трудно бы было превратить доводы въ доказательства, и подпереть немалымъ количествомъ подробностей о исторіи, о толкахъ вѣры Фоэвой и Тао-Сеэвой, почти всегда у насъ владычествовавшихъ, хотя скрытно. Полагаемся мы на проницательность читателей, на любовь ихъ къ правдѣ; и для того вмѣсто чтобъ возвратиться къ разсужденію о писанномъ уже нами въ первой сей статьѣ, предоставимъ то въ полную ихъ волю; объ одномъ только позволяемъ себѣ упомянуть, что вѣщаніе наше было искренне, и чѣмъ болѣе постигнутъ они выходящія изъ того слѣдствія, тѣмъ паче споручно имъ будетъ разумѣть насъ далѣе.

СТАТЬЯ II.

Замѣчаніе о книгахъ и памятникахъ древнихъ временъ.

Грекамъ и Римлянамъ должны Европейцы новѣйшихъ временъ знаніями самой отдаленнѣйшей древности, не находя у себя ни слѣдовъ оной, ниже признаковъ. Отъ сихъ же народовъ дошла до нихъ философія, словесныя и всякія иныя науки. Справедливо воздавать должное за успѣхи учености перво-

первобытнымъ своимъ учителямъ, и признавать ихъ преимущество въ ученомъ свѣтѣ. Благодарность самая чувствительная и великодушная имѣетъ предѣлы, но ученые Европейцы не полагаютъ никакихъ. Однихъ Грековъ, однихъ Римлянъ, находятъ достойными и почтенія своего и похвалъ; съ ними только справляются, или по меньшей мѣрѣ имъ только вѣрятъ въ надлежащемъ до глубокой старины. Есть нынѣ особая степень новѣйшихъ у нихъ писателей, которые даже до того небрегутъ учености, цѣненіемъ сочиненій, философіею, да и самою, можно сказать, пристойностію, что презираютъ внимать Евреямъ, мыкаются изъ системы въ систему, изъ лѣточисленія въ лѣточисленіе, изъ басней въ басни, охотнѣе, нежели разсматриваютъ древніе Еврейскіе памятники, кои суть, судя безпристрастно, самые полные, лучше всѣхъ иныхъ сбереженные, яснѣйшіе и достовѣрнѣйшіе между всѣми извѣстными до нынѣ. Нѣтъ нужды замѣчать, что Греки начали бытствовать людьми дикими, и появилися весьма уже поздно на позорищѣ свѣта. Свидѣтельствуетъ оное собственная ихъ исторія. Стыдится человѣчество лицами, коихъ претворили они въ боговъ и винязей. Исторія Римская, не столь запутанная и искаженная посмѣшища достойными баснями, начинается еще послѣ. Повѣствуя о невѣжествѣ и о легковѣріи народа своего, признаются, что не прежде знаема имъ стала Европа, какъ когда уже завоевали ее; слѣдовательно знаема стала слишкомъ поздно для изученія надлежащаго до лѣтописей народовъ и для установленія свѣденія потомству о древностяхъ. Сего только мы требуемъ, чтобъ Европейцы выложили на нѣсколько минутъ изъ мыслей Аѳины и Римъ; забыли уроки училищъ ихъ и обра-

тились бы на изученіе вещей, о коихъ не имѣютъ понятія. Скажемъ кратко: нынѣшнее сіяніе наукъ, освѣщающее нынѣ Европу, или не достигаетъ до ней во всей своей цѣлости, или ложные только проливаетъ лучи. Китай только можетъ имѣть познаніе о Китаѣ; а по сему его единаго и должно вопрошать о книгахъ и памятникахъ праотцевъ нашихъ.

Чтобы дополнить по порядку и вникнуть во исчисленіе подробностей безмѣрно пространныхъ, но потребныхъ къ столь важному упражненію, коего касаемся мы только, можно сказать, поверьхности, начнемъ буквами нашими и ихъ превращеніемъ; потомъ по начертаніи знаменитѣйшихъ мѣстъ ученой нашей исторіи даже до временъ Гановой династіи, перетлѣвшія старинныя книги. А какъ Шу-Кингъ есть наидрагоцѣннѣйшая часть наслѣдія нашего, то окончаемъ статью сочиненіями объ оной, кои представимъ во всей ясности надлежащее къ пишемому нами.

I. О буквахъ и письмѣ Китайцевъ.

1. Не надобно вопрошать, какое было происхожденіе буквъ нашихъ; разыскивавшели увидятъ только басни, темныя преданія, пересказы, пропиворѣчія, ошибки лѣточислительныя, системы, худо связующіяся въ первобытныхъ нашихъ о томъ писателяхъ послѣ сожженія книгъ Эростратомъ (*) нашимъ. Внесены ли къ намъ буквы предками нашими [какъ мы вѣримъ] изъ чужихъ странъ, вымышлены ли были

(*) Эростратъ, злодѣй у древнихъ Грековъ, сожегшій Діанинъ храмъ въ Ефесѣ, который разумѣлся тогда одним изъ седьми чудесъ вселенскихъ.

ли ими [чего доказать не можно]; но то извѣстно, что употреблялись въ царствованіе Яоа. Общее преданіе доводитъ первыя главы книги Шу-Кинга до временъ сего Государя; а разыскатели происхожденія буквъ не дерзаютъ пріурочивать ихъ приближеніе ближе временъ Богдыхана Ю. Слогъ ихъ показываетъ, что умѣли уже тогда писать исторію, храня искренность и важную простоту, которыя учиняютъ ее превосходнымъ сочиненіемъ. Многіе писатели упоминаютъ о нѣкоторыхъ существовавшихъ книгахъ и послѣ потерянныхъ. Изъ древнихъ преданій вѣдаемъ, что Ю повелѣлъ вырѣзать надпись на просѣченной имъ горѣ для прохода Ганг-Гоэва: время весьма уже давно истребило сію надпись. Ученые наши люди сомнѣваются о сняныхъ съ нее спискахъ и помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ нашихъ книгахъ; но не опровергаютъ, что дѣйствительно существовала. Читай И Хе, книгу вторую, шестую страницу. Болѣе походитъ на правду приводимое о образѣ ученія, о стихахъ, пѣсняхъ, законахъ и тому подобномъ въ первыхъ главахъ Шу-Кинга. Никто изъ ученыхъ нашихъ не сомнѣвается, чтобъ было оное не того времени.

Препровождены уже отсюда записки нарочито окрещенныя о буквахъ нашихъ, то станемъ довольствоваться общимъ примѣчаніемъ, что суть онѣ таинственныя знаменованія и изображенія, недающія никакого звука, или голоса; слѣдовательно можно ихъ читать на всякомъ языкѣ; составляютъ родъ живописи мысленной, алгебру метафизическую и умозрительную, изражающую мысли въ подобіяхъ съ вещьми, сношеніяхъ, уравненіяхъ и тому подобномъ.

Мимоходомъ скажемъ о малой нѣкакой разности между старинными Греками и старинными же Китайцами. Первые подписывали нанизу картинъ своихъ оныхъ знаменованія, чтобъ не ошибиться смотрителямъ; а послѣднимъ служили вмѣсто того изображеніе и рисовка.

Буквы наши дѣлятся на шесть родовъ: . . . состоящія въ изображеніяхъ и простыхъ мысленныхъ знакахъ; означательныя, или сами по себѣ кажущія глазамъ то, что знаменуютъ; восклицательныя, или опредѣляющія звукомъ своимъ какой нибудь особой мысленной знакъ, или особое же нѣкакое изображеніе; спрягающіяся, или получающія знаменованія свои отъ многихъ вдругъ взаимно уподобляемыхъ изображеній, или мысленныхъ знаковъ; открывающія, или такія, кои распространяютъ знаменованіе первобытное изображеній, или мысленныхъ знаковъ; иносказательныя.

Всѣ историки согласны, что писываны прежде бывали на бамбуевыхъ дщицахъ и по холстинѣ. Тшу-Шу-Уэи-Шу, книги, были бамбуевыя и холстинныя. Бумага вымышлена не прежде временъ Гановой династіи. Не имѣемъ, что сказать о буквахъ, кои сославленіемъ своимъ должны нашей исторіи, нашимъ нравамъ, нашимъ обычаямъ и прочему; о буквахъ, кои почти можно именовать медалями. Умолчимъ о Ки-Уэнахъ, или буквахъ чудесныхъ, произведенныхъ первыми народными преданіями и оныя же изражающихъ. Различныя премѣны, подъ кои подходили буквы наши, и превращенія, чрезъ каковыя дошли до насъ, ближе касаются пишемому нами и заслуживаютъ предпочтеніе. Надобно только вскипуть взо-

ры

ры на старинные наши сосуды и деньги, и узнать, что буквы наши были различны сами по себѣ въ одной династіи предъ другою. Но не должно такъ мыслить съ перваго на нихъ удара очей: разность между ими, которую незапность вида покажетъ, уничтожается прилѣжными разсматриваніями и сличеніемъ однѣхъ съ другими. Мало важности, что черты какого либо таинственнаго знака волнисты, остроконечны, развилинами, или заострились, вырѣзаны ли ножемъ, протянуты ли помощію крѣпкой водки, сотканы ли изъ перьевъ, изъ несѣкомыхъ, змѣй и тому подобнаго; довольно, естьли образуютъ существенное подобіе; прочее же вмѣняется слѣдами принятыхъ обычаевъ, извиняются столѣтіями, имѣвшими сіи обычаи. О естьли бы не имѣли ничѣмъ инымъ болѣе укорять древнихъ праотцевъ нашихъ! Но пристрастіе ли къ новостямъ, небреженіе ли ихъ, или невѣжество мало по малу довели до того наши буквы, что стали онѣ едиными безобразными почерками кистей живописцевъ, и какъ бы трупами первобытнаго вида своего?

Ближній Мандаринъ Сивен-Уанга во времена Тшеуской династіи первый началъ премѣнять древній видъ буквъ въ концѣ девятаго столѣтія до Христа. Положимъ, что учинилъ онъ то для сокращенія ихъ, или чтобъ сдѣлать ихъ простѣе, или раздробительнѣе, чтобъ письмоводство наше получило паче текущій и легчайшій слогъ; но со всемъ тѣмъ не льзя ему проститъ за лишеніе буквъ прежняго ихъ вида, по тому болѣе совершеннаго, что были почти живописныя. Примѣръ его вперилъ дерзновеніе послѣдовавшимъ родамъ. Буквы наши принялися новыми превращеніями до временъ Конфуція, и далѣе до сажаго упадка Тшеуской династіи. Рукописныя те-

тради Тшун-Тсею, Тсо-Тши, составляются инакими буквами, нежели Шу-КингЪ и другія книги. Отысканныя послѣ гоненія на нихЪ Тсин-Ши-Гоанга, въ годичныхЪ запискахЪ многихЪ ПеіэвЪ, или большихЪ таблицахЪ мраморныхЪ, наполненныхЪ вырѣзанными цѣлыми надписьми, буквы не одинаковы однѣ съ другими. Воздвигнуты были сіи таблицы въ концѣ Тшеускаго поколѣнія. Естьли вѣрить странствователямъ, видѣвшимъ оныхЪ остатки, то буквы въ нихЪ совсѣмъ несходственны. Не льзя и дивиться, когда представимъ себѣ слабосиліе тогдашнихЪ нашихЪ Государей и соперническое враждованіе Князей, данниковЪ ихЪ, колебавшихЪ государство смятеніями, войнами и раздорами. Каждый тогда частный Князь поступалЪ какЪ Самодержецъ, являлся ни ошЪ кого не зависящимъ, даже установлялЪ собственныя свои буквы. Ли-Сеэ, ближній МандаринЪ Тсин-Ши-Гоанговъ, привелЪ прежнюю оныхЪ систему въ замѣшательство, подЪ предлогомЪ, чтобЪ сдѣлать ихЪ простѣе и вразумительнѣе; умалилЪ мысленные ихЪ знаки и первобытныя ихЪ знаменованія; премѣнилЪ образЪ, какЪ ихЪ ставить одну подлѣ другой, или располагать. Послѣ не инако, какЪ мало по малу и по отысканіи уже КинговЪ, начали вводить въ обычай древній родЪ письмоводства. Богдыханы Ганскаго поколѣнія, явившіе важную сію услугу нашимЪ письменамЪ, едва всего не лишилися чрезЪ изданіе книги Тсао-Шу, составленной изЪ живописныхЪ почерковЪ, кои обезобразили таинственныя вещи и знаки даже до того, что не можно уже стало распознавать ихЪ; слѣдовательно едва чрезЪ то не загладилося всякое понятіе о древности. Ганы послѣдніе установили ихЪ навсегда раздробленіемЪ видовЪ, удобнѣйшимЪ учинили письмоводство и наченшееся при нихЪ тисненіе книгЪ. Можемъ

жемъ сказать о новомъ семъ образѣ письменъ, вообще называемомъ Гин-Шу, что удержана тѣмъ таинственность знаменованій, выпуталось изъ живописнаго сходства съ изображеніями и мысленными знаками, которые учиняли его безмѣрно пространнымъ, трудным и неловкимъ. Дэу-Те, коему должны изобрѣтеніемъ симъ, останется у насъ всегда мужемъ самаго глубокаго ума, какой когда либо бывалъ въ Китаѣ. Ю-Тши, сочинитель словаря Шуэ-Уэнъ, показалъ еще существенную услугу; его-то несмѣшнымъ трудамъ и сличеніямъ письменъ нашихъ въ древнихъ рукописяхъ и памятникахъ обязаны мы истинною нашею правописью, истиннымъ ея знаменованіемъ.

Читатель да возведетъ взоры на первыя столѣтія государства нашего; да увидитъ, сколь трудно проникать сквозь мраки, покрывавшіе древнія наши письмена, сначала сокращенныя, потомъ премѣненныя, преображенныя, разстроенныя въ запутанность, напослѣдокъ же раздробленныя. Чѣмъ ближе къ истинѣ возъимѣетъ онъ понятіе о системѣ Іероглифическихъ нашихъ знаковъ, тѣмъ паче откроетъ оныхъ темноту. Кто же посмѣетъ порицать ученыхъ нашихъ за непринятіе справедливыми памятниками древности, кромѣ только тѣхъ, кои могли, такъ сказать, переплавлены и очищены быть строгими разыскателями сочиненій, которые найдены достойными всеобщей имовѣрности и удостоились одобренія мужей ученыхъ? Европейцы не должны браться за превышающее ихъ силы, и не выдавать себя судіями такого дѣла, о коемъ искуснѣйшіе наши знатоки изъясняются только намѣканіями; инако же было бы непростительно. Естьли кто хотя малую имѣетъ любовь къ истинѣ, тотъ конечно не снесетъ, чтобъ

чтобъ люди, едва умѣющіе передражнивать произношеніе буквъ нашихъ, велегласно уподобляли ихъ древнимъ Іероглифамъ Египетскимъ, славить тонкость ихъ смысла, и утверждать, что недостаетъ намъ ума къ расположенію оныхъ по азбучному порядку.

Окончаемъ статью, возвѣщая читающимъ книги наши, чтобъ остерегалися ошибаться въ прямомъ знаменованіи двухъ словъ: Ку-Уэнъ [кои суть старинныя наши буквы], часто попадающихся въ историкахъ. Смыслъ ихъ премѣнчивъ по разнымъ столѣтіямъ. На примѣръ Ку-Уэнъ временъ Тангова поколѣнія Богдыхановъ изрѣдко знаменуетъ буквы, писанныя во времена Гановой династіи, обычай, обветшалой уже и тогда, и вышедшій изъ употребленія. Ку-Уэнъ имѣлъ силу свою при Сонгахъ: въ династіи Танговой и другихъ. Мѣлкое сіе замѣчаніе необходимо нужно для понятія о исторіи, о буквахъ и о книгахъ нашихъ.

II. О началѣ и успѣхахъ наукъ Китайцевъ.

2. Естьли вѣрить Фу-Гію, Хин-Нонгу, Гоанг-Тію и другимъ, Китай имѣлъ книги за долго прежде временъ Іоавыхъ; поступаютъ сіи мужи даже до именованія оныхъ. Но какъ ни которая изъ книгъ сихъ уже не существуетъ, да что и существовали ли нѣкогда, приводятся весьма сомнительныя доказательства, ссылаясь на сочиненія, истребленныя вмѣстѣ съ прочими книгами огнемъ: таковыя догадки остаются безъ поборниковъ. Годовыя записки Ганова поколѣнія просто гласятъ: . . . „Начали издавать книги за долго предъ тѣмъ, когда Конфуцій выбиралъ изъ нихъ краткія свои записки. Читай

тай Ган-Шу-И-Уэнъ: . . . Книги начали писать тогда, какъ вымышлены буквы. Чишай Сун-Кин-Ціа-Тши. Сіи и многія иныя подобныя реченія имѣютъ смыслъ разсѣянной и невразумительной, ничего точно не означая. За недостаткомъ лучшаго должно довольствоваться ими. Мы сами, упомянувъ выше, что первыя главы Шу-Кинга писаны были по самой поздной мѣрѣ въ царствованіе Юа, хотя ссылалися только на преданія народныя и правдоподобія, должны признаться, что не имѣемъ тому никакого утвердительнаго доказательства объ отдаленной древности. Извѣстно намъ по одной только книгѣ Шу-Кингъ, книгѣ самой древнѣйшей предъ прочими, но она повѣствуетъ столь мало о надлежащемъ до первой нашей династіи, что не можно добраться, когда, какъ и кѣмъ была и сама она сочинена. Пишется нѣгдѣ вообще, что учреждаемы были нарочные Мандарины хранить и наблюдать истинное ея ученіе; что нарочные же избиралися цѣнители, школы для юношества, мужи мудрые и ученые, Князи, дѣловыя государственныя особы, научившіяся знать исторію минувшихъ царствованій: такіе-то люди удерживали обычаи и законы, славили образъ ученія, ссылаяся на правила Шу-Кинга, и подобно Евреямъ, и намъ самимъ неумолкно вѣщали языкомъ Священнаго Писанія. Не все еще. . . . Шу-Кингъ соблюлъ намъ пѣсни, достойныя самой глубокой древности, ради важной ихъ и пріятной простоты. Въ ней находимъ слѣды, что музыка, стихотворство, живопись и астрономія были не неизвѣстны первобытнымъ временамъ. Правила, пословицы, влагаемыя ею во уста знаменитыхъ мужей, и разговоры, кои имъ присвояетъ, даютъ дознаваться, что упражнялися и тогда въ краснорѣчіи съ успѣхомъ. Все же оное совокупно заставило гово-

рить ученыхъ нашихъ: . . . . „Естьли бы книга Шу-„Кингъ не была сочиняема въ царствованіе за цар-„ствованіемъ, какъ представляется вѣроятно, то „должно ей быть сочиненной изъ записокъ временъ, „ею упоминаемыхъ.„ Прочія подробности, кои могли бы мы здѣсь внести, лучше предоставимъ на своихъ мѣстахъ въ состязаніяхъ о Шу-Кингѣ, когда дойдетъ до того очередь.

Но вотъ что удивитъ Европу: Шу-Кингъ молчитъ о всякой иной книгѣ, ниже даетъ подразумѣвать, бывали ли когда либо. Конфуцій и ученики его сомнѣвалися, чтобъ кромѣ Шу-Кинга существовали иныя книги во времена двухъ первыхъ династій. Стихи временъ династіи Ханговой, находимые въ книгѣ Ши-Кингъ; чиноположенія древнія, описываемыя въ книгѣ Ли-Ки, можетъ быть сохранились преданіями, или лѣтописьми. Однако же вѣримъ мы съ большею частію ученыхъ нашихъ, что были уже при Царяхъ Хангова поколѣнія во едино собранные законы, пѣсни, чертежи, шепради землеописательныя и музыка. Самъ Конфуцій, увѣдомляя о томъ, съ похвалою указуетъ на надписи и пословицы, вырѣзанныя основателемъ сей династіи на домашнихъ утваряхъ и на стѣнахъ Дворца своего. Да не явится читателямъ странною робкость наша во удостовѣреніи всего того. Праотцы наши не любили размножать число книгъ, провидя опасныя слѣдствія. Чѣмъ больше размышляемъ о видахъ мудрости ихъ, тѣмъ яснѣе почувствуемъ, для чего они, столь мало писавъ, писали отрывчивымъ слогомъ, въ краткихъ словахъ. Размышленіе справедливое. . . . . Видимъ, что по мѣрѣ размноженія книгъ ослабѣвала у насъ важность такого слога. Всѣ народы древніе, что доказать не трудно, такъ писывали. Китайцы вообще при Царяхъ

Царяхъ нашихъ двухъ первыхъ поколѣній вели жизнь въ простотѣ нравовъ, не бывали никогда праздны, занималися чѣмъ нибудь, но дѣльнымъ: слѣдовательно не до вкуса имъ было къ наукамъ, не до того, чтобъ возъимѣть многія книги. Города врѣлися изрѣдка; дѣтей воспитывали общимъ иждивеніемъ; земли принадлежали не частно, а государству; подданные были зажиточны безъ собственностей; всегдашнія ихъ упражненія состояли въ землепашествѣ, полезныхъ ремеслахъ, торговлѣ; на перечетъ были люди въ чинахъ, коимъ однимъ позволялось входить во свитилище наукъ. . . . . „Огромныхъ зданій бы„ло мало, пишетъ Гоанг-Ми; лакомыхъ снѣдей не „знали; златомъ испещренныя шкани еще не выдума„ны; музыка и пляски еще не ухищрялись; бѣдные „люди имѣли кровлю, пищу, способы не отваживать „жизнь на бѣдствія, не уничижались; богатѣйшіе „содержали себя трудами рукъ своихъ; сынъ разумѣлъ „себя первымъ рабомъ отца, супруга лучшимъ дру„гомъ мужа своего; братія любилися взаимно, сродники были союзны, сосѣди взаимно вспомоществова„лись; призиралися вдовы, старцы и сироты; пре„держащая власть, престарѣлость, добродѣтели ува„жаемы и въ почтеніи; веселости и забавы всякаго „пола и возраста не пожирали часовъ должности; „кони у Царей были плохія клячи; богачь безъ до„стоинствъ едва разумѣлся человѣкомъ. . . . . „ Одно слово выразитъ все. . . . . паденіе Гіа и Шанга было дѣйствіе немногихъ мѣсяцовъ. Царскіе саны доставались наслѣдникамъ сихъ мучителей, и какъ бы ничего не бывало.

Надобно снизойти до Тшеуской династіи, сирѣчь до послѣднихъ годовъ впорагонадесять столѣтія по

Рождествѣ Христовѣ, и начинать исторію нашихъ письменъ. Китайцы были до того подобны Евреямъ прежде царствованія Соломонова; подданные послушные, трудолюбные, кроткіе, пріятностьми жизни пользовалися вообще, не имѣя нужды въ суетномъ просвѣщеніи отъ книгъ къ любленію добродѣтели, къ пріисканію забавъ. Писанные законы не прежде появились, говоритъ нѣкто изъ славныхъ нашихъ ученыхъ, какъ начались уже нарушаться законы; не прежде принялися за сочиненіе книгъ, когда пороки отродили заблужденіе. Уэн-Уангъ, Государь, толико славимый Конфуціемъ и Монг-Тсеэмъ, а послѣ ихъ всѣми нашими знаменитыми мужами, не бралъ въ руки пера, доколѣ владычествовалъ мирно небольшими своими областьми. Философъ Іо-Тсеэ, его учитель, и Я-Тсеэ, жившіе въ тоже время, сочинили разговоры (коихъ остаются нѣкоторые отрывки) къ отвращенію народа отъ соблазновъ и нечестія гнуснаго Тшеу, посрамителя сана Богдыхановъ нашихъ, предмета омерзѣнія престоловъ ихъ. Чудовище сіе, раздражася увѣщаніями Уэн-Уанга, заключилъ его во узы; а сей добрый Государь умѣлъ обратить въ пользу уединеніе, досуги и способности свои. Сочинилъ объясненіе Куа-Фу-Гіа, книги нравоучительной, политической и философской, которая есть основаніе книги же И-Кингъ, пословичной и иносказательной. Слогъ его, свойственный тогдашнему времени, учинился теменъ и почти непонятенъ въ послѣдовавшихъ вѣкахъ. Произошло смятеніе въ правительствѣ; искоренилась династія Ханговъ. Тшеу-Конгъ, сынъ его, можетъ быть самой великой человѣкъ, проявившійся когда либо въ Китаѣ, сталъ продолжать тѣже самые труды, и подробнѣе истолковалъ таинственные знаки Куаія. Держася родительскаго

ѣкаго слога, приправливалъ къ тогдашнему вкусу. Ему же присвояютъ Тшули и многія другія стихотворенія Шу Кинга. Вѣроятно однако же, что былъ онъ главнымъ только собирателемъ первой книги, сочиненной и исправленной, по мнѣнію знатоковъ нашихъ, съ помощію древнихъ книгъ двухъ предшествовавшихъ династій. Тшеу-Конгъ, великій вождь правительства, преславный военачальникъ и добрый гражданинъ, имѣлъ свѣденія, рѣдкія въ особахъ сана своего. Увѣряютъ, что зналъ онъ свойства прямоугольнаго тріугольника. Ему же относятъ достигнувшее до насъ изъ астрономіи древнихъ Китайцевъ расположеніе двенадцати небесныхъ знаковъ и оныхъ раздѣленіе.

Династія Тшеуская началась Государями учеными, возникъ къ наукамъ вкусъ, вспомоществовалъ размноженію училищъ по областямъ государства. Свидѣтельствуютъ то прекрасные стихи книги Ши-Кинга. Дарованія, освѣщаемыя и созрѣваемыя лучами отъ престола, стали руководителями ихъ и свободныхъ художествъ; поднялись послѣднія до самой возможной высоты изобрѣтеній и приманчивости. Но послѣдовавшія царствованія худыхъ Государей, разность мнѣній, роскошь, равнодушіе ко всякому ученію, любовь къ новизнамъ, остановили труды посредственныхъ умовъ. Ложный блескъ системъ, вкусъ къ чудесному, легкомысліе и ухищреніе, мало по малу развратили ползующую толпу подражателей. Примѣру ихъ сообразовались прочіе: вдались въ лабиринтъ игры токмо разума, не находя болѣе добраго вкуса, которой бы могъ ихъ изъ онаго извлечь; коренныя правила учинились задачами, нравственная наука лишилась цѣны своей, испортилися нравы; свя-

тая истинна, до половины запмившаяся, слабое испускала сіяніе. . . . Родился Конфуцій. Лао-Тсеэ, сказываютъ, жилъ около сего же времени. Сей-то, отчаясь возстановить древнее ученіе, сочинилъ книгу Тао-Те-Кингъ въ защищеніе его, и удалился любомудрствовать въ западныя страны. Въ началѣ пятаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ Конфуцій, Китайскій Сократъ, болѣе имѣлъ духа. Заблужденія и неистовства нравовъ того времени распалили ревность его; вступилъ съ ними въ сраженіе; примѣрами жизни своей снискалъ право нападать на нихъ изустно. Глубокомысленность его и высота ума познали красоты истинны посреди густыхъ тумановъ, подъемлющихся изъ жилищъ Князей данниковъ, коихъ алчность къ самовластительству и независимости прельстила. Рядъ совоспослѣдовавшихъ древнихъ преданій послужилъ ему вождемъ къ тому; отважился воздвигнуть истинны престолъ на старинныхъ книгахъ, или священныхъ книгахъ; просмотрѣлъ ихъ и соблюлъ для вѣчности. Тщетно зависть, злоба, бѣшенство, ополчались; презиралъ ихъ устремленіе, и какъ говоритъ Монг-Тсеэ, видѣвъ истинное ученіе столь ослабленно; видѣвъ, что подданные злоумышляли на Государя, дѣти на жизнь родителей, написалъ книгу Тшун-Сіеу, и помощію безсмертнаго сего сочиненія открылъ гнусность пороковъ и заблужденій, согласился на добровольное изгнаніе изъ отечества, на Остракизму, о каковой не имѣли и Греки понятія. Пустился въ слѣдъ за нимъ несмѣтный сонмъ учениковъ его; бѣгство учителя преобразили въ торжество; поведеніями своими явили святыми его наставленія; съ неустрашимостію начали защищать цѣль ревности его, распространили его ученіе, разнесли гласы его даже до сельскихъ жилищъ. Смерть Бо-

Божественнаго сего мужа развѣяла ихъ, и хотя, по свидѣтельству Кон-Конг-Куя, паче всего прилѣжалъ онъ толковать имъ книгу Шу-Кингъ, разумѣя ее душею учености древнихъ; но изъ трехъ тысячь учениковъ, предъ коими излагалъ глубокій смыслъ сея книги, у немногихъ осталося что въ памяти. Большая часть, по мнѣнію Сіэ-Тши, лучше восхотѣли не забывать словъ его, нежели мыслей; учинилися худыми учителяли, произвели учениковъ еще и себя хуже. Внукъ его Тсенг-Тсеэ, и славный оный Тсеэ-Сеэ, наслѣдникъ добродѣтелей и ученія Конфуція, были его защитники. Первой сочинилъ Та-Гіо, а второй Тшонг-Іонгъ: плоды превосходнѣйшаго ума, не столько по высотѣ слога, какъ по силѣ выраженій, величественности, изящности и свѣта истины, коей научаютъ; но слабые послѣдовали успѣхи! Самыя собиратели правилъ Конфуціевыхъ, составившіе изъ оныхъ двацать главъ книги Люн-Ю, часто присвояютъ ему собственныя свои умовоображенія... удаляются отъ его основаній. Ученики Конфуція, вѣщаетъ Тшин-Сіао, не могли согласиться въ существѣ ученія его: каждой толковалъ инако, каждой возъимѣлъ послѣдователей, а сіи еще болѣе развратили потомство и омрачили всякаго рода заблужденіями. Су-Тонг-По думаетъ, что истинное ученіе, содержащееся въ Кингахъ, коихъ Конфуцій соблюлъ преданія, запамилось и мало помалу изчезло разными объясненіями, присвояемыми ему. Тсо-Кіеу, чтобъ установить смыслъ Тшун-Тсіэуа, написалъ толкованіе, полное розысковъ и подробностей. Книга его Куэ-Ю, книга достойная и полезная, восходящая даже до самыхъ отдаленнѣйшихъ столѣтій, была бы еще неоцѣненнѣе, естьли бы могла уцѣлѣть до нашихъ временъ. Монг-Тсеэ, чрезъ многіе потомъ

годы

годы живший, сильно же настоялъ о должностяхъ Государей. Яо, Шунъ, Ю, Тшингъ, Тангъ, были примѣрные его владѣтели. Прославляетъ ихъ, ссылаясь на Кинги, на благочестіе, добродѣтели, мудрость, кротость, поборство по благѣ общемъ и прочее; но несмѣтныя предстояли ему къ преодолѣнію помѣхи во вразумленіи народа. Разность умствованій присоединялась къ разности же видовъ корысти и развращенію нравовъ. Успѣлъ только въ снисканіи себѣ славы и завистниковъ.

Ученіе древнее, философія истинная, потеряна въ немъ послѣдняго своего защитника: достоинъ былъ такъ именоваться, судя по сочиненіямъ, дошедшимъ до насъ. Правда, не проявляютъ оныя смиренномудрія и тихонравія Конфуція, но обнажается душа творца мужественная и неустрашимая, разумъ проницательный и возвышенный, нравоученіе рѣзкое и твердое; гражданинъ, ревностный сынъ отечества, философъ, другъ истины и общаго блага, писатель, начитавшійся исторіи и законодательствъ. Слогъ его паче красенъ, паче цвѣтенъ, паче пріятенъ слуху, нежели слогъ Конфуція; достизаетъ издалека до важной онаго простоты, отрывчивости многозначущей и изостряющей мысли, открывая поводы къ размышленіямъ. Умеръ Монг-Тсеэ, и не стало переводчиковъ Кинга; не осталось поддерживателя ученія древнихъ. Кон-Янгъ и Кеу-Гангъ напрасно предпринимали то толкованіями своими новаго Конфуціева Тшун-Тсіэу: они трудились болѣе для будущихъ вѣковъ, нежели для своего. Истиннѣ и лжи, повѣствуютъ лѣтописи, предлежала безпрестанная брань; да и самая школа Конфуціева перестала уже отличаться. Ученіе Кинговъ прекало похищенія и дѣла Князей

вей данниковъ, знаменитѣйшихъ подданныхъ Богдыханскихъ. Тшуанг-Тсеэ, Лирс-Тсеэ, Кинг-Тсеэ, Куанг-Тсеэ, и другіе новые писатели, предпочитавили имъ свою философію, толико противную философіи Конфуція и Монг-Тсеа. Ма-Туанлинъ находитъ разность между ими, какъ бѣлое съ чернымъ. [Ю-КонгЪ, МонгЪ, Тши, Гіо, Ю, Гей-Пе.] Ученый сей сочинитель даетъ замѣтить, что заблужденіе вводитъ въ другое; что единожды обратившемуся спиною къ достохвальному ученію древнихъ будутъ казаться истинами самыя глупыя басни; что тотъ, кто не боится Ханг-Тіа, или вышняго Владыки, востренещетъ отъ тѣней, привидѣній и тому подобнаго. Мнимое ученіе Лао-Тсеа, обезображенное смѣшными сказками, заступитъ мѣсто наукъ и довершитъ истребленіе естественнаго богознанія, которое хранили Китайцы чрезъ столь многія столѣтія. Политическіе происки при Дворахъ владѣльцовъ, смутное между ими соперничество, договоры и постановленія безъ вѣры и вѣрности, обманчивые союзы, кроволитныя и едва не безпрерывныя войны, попустили расти по всѣмъ областямъ нашимъ шернію системъ, умствованій, расколовъ и новыхъ ученій; попустили довершительно развратиться нравамъ, огорчиться духамъ, померкнуть свѣту наукъ; ободрили злодѣяніе. Возстенялъ подъ игомъ утѣсненія народъ; мятежничества онаго напослѣдокъ низвергли государство въ наилютѣйшія злоключенія.

Тсин-Ши-Гоангъ, Князь области Тсинъ, овладѣвъ еще шестью царствами, началъ презирать Богдыхановъ, искоренилъ Тшеускую династію, воздвигнулъ престолъ на кровавыхъ развалинахъ другихъ престоловъ же. Яко побѣдоносецъ, яко мучитель и мрачный

политикъ, предписывая всему Китаю законы, премѣнилъ образъ правительства, уничтожилъ деяническія власти Князей, не восхотѣлъ имѣть среднія степени людей между собою и народами, кромѣ собственныхъ своихъ чиновниковъ. А дабы соучастниковъ злодѣйствъ учинить себѣ защитниками, роздалъ имъ отнятыя земли, коихъ жителей по разграбленіи занялъ претяжкими трудами, и заглушилъ чрезъ то гласъ противу несправедливостей своихъ, вопіющій на небо. Свободные человѣки превратилися въ подлыхъ рабовъ. . . . Напередъ сказываемъ мы сіе, какъ необходимо нужное для понятія, что Тсин-Ши-Гоангъ предпочиталъ ученіе Тао-Сея всякому иному; что питалъ въ сердцѣ злобу противу просвѣщенныхъ истинными науками того ради, что ученіе Тао-Сея, восходя назадъ далѣе царствованія Яоа (Тсин-Ши-Гоангъ возшелъ на престолъ подъ именемъ Гоанг-Тіа, коего выдавалъ себя за потомка), одобряло хищничество, или по меньшей мѣрѣ представляло предъ глазами черни позволеннымъ; ученые же напротивъ того мужи опровергали толико вредное ученіе важностію содержанія Кинговъ, утверждали права Князей, лишенныхъ областей, твердили о возвращеніи собственностей, коихъ отнятіе наполнило государство страдальцами.

Притворство и молчаніе Тсин-Ши-Гоанга привели ученыхъ на мнѣніе, что ихъ боится. Единогласно начали порочить святотатственныя его предпріятія на Божественный законъ; ругаться смѣхотворными лжебогами, коимъ сей мучитель требовалъ присвоенія безсмертія; возгласили противу его безчеловѣчія. Ли-Сеэ, наперстникъ его, примыслилъ отводить удары преображеніемъ буквъ нашихъ, дабы обьять чрезъ то Кинги мракомъ, которой бы годъ

отъ

опѣ года болѣе сгущался. *Ли-Сеэ*, повторяю, обманулся въ чаяніи. Не возмогъ успѣть, уморивъ въ изгнаніи до седьми сотъ ученыхъ мужей. . . . Подалъ челобитную Тсин-Ши-Гоангу, дабы всѣ книги, всякія древнія сочиненія были сожжены. Сіе единое, доказывалъ, удобно было превратить людей, коихъ не могъ онъ ужаснуть смертными казньми, въ невѣждъ и тупосмысленныхъ; разграбленныхъ Князей лишить даже и понятія о томъ, сколь они нещастны. . . . Челобитная принята и послѣдовало рѣшеніе, достойное мучителя и угодника его. Книги были уже рѣдки отъ недавныхъ замѣшательствъ, междоусобныхъ браней, государственныхъ потрясеній, по обычаю писанныя на бамбуевыхъ дщицахъ, слѣдовательно были огромны. Каждая дщица, длиною двенадцати дюймовъ, не содержала въ себѣ болѣе двадцати четырехъ буквъ. Прятать книги значило тоже самое, что отваживаться имущество и жизнь свою на опасность очевидную. Доносители о томъ становились любимцами Двора. Какъ же можно было книгамъ спастися отъ сожженія? За одно роптаніе ихъ лишившихся брошено было въ огнь четыре ста шестьдесятъ человѣкъ; а всѣ прочіе ученые люди выгнаны изъ отечества. Законный наслѣдникъ къ престолу, за предстательство объ умѣреніи толикой люотости, удаленъ отъ Двора. *Ли-Сеэ*, по умершіи Тсин-Ши-Гоанга, вмѣсто призыва его для принятія наслѣдства, послалъ смертный ему приговоръ, можетъ быть предотвращая возстановленіе Кинговъ. Наибольшая слава сихъ книгъ, говоритъ Пао-Те, состоитъ въ защитникахъ, ихъ достойныхъ. Послѣ истребленія Кинговъ не писано уже ничего, кромѣ бредней. Малое число сочиненій въ царствованіе Тсин-Ши-Гоанга совершенно то доказываетъ.

Худые Государи обычайно не оставляютъ по себѣ потомствъ. Имя Тсин-Ши-Гоанга погреблося подъ развалинами престола его и его династіи, долженствовавшихъ, какъ разглашали при его жизни, вмѣстѣ со вселенною окончаться. Ліеу-Пангъ, простый ратникъ, возведенецъ слѣпаго щастія, долженъ сталъ саномъ Царя отчаянію удрученнаго народа и собственному мужеству, утвержденіемъ діадимы на главѣ своей. Можетъ быть виды политики не допускали его мыслить о возстановленіи Кинговъ. Европа не знаетъ, что Кинги въ Китаѣ тоже, что у нихъ златая булла. Извлечь Кинги изъ посреди пепла тоже самое, что возводить право требованія Князей данниковъ на старинныя ихъ вотчины; тоже самое, какъ ополчить на Ліеу-Панга всѣхъ новыхъ владѣльцовъ земель, кои пожалованы Тсин-Ши-Гоангомъ, и спокойно оными владѣвшихъ. Возобновленіе прежняго образа правительства было бы полезно народу, но народъ того не понималъ; нравы уже стали инаковы. Заключимъ кратко: введенный Ліеу-Пангомъ образъ правительства есть тотъ же, каковъ нынѣ, обращающій все къ пользѣ Царей. Смотря на него очами политики, представится удобнѣйшимъ къ обезпеченію спокойствія и истиннаго блага государства. Какъ бы то ни было, Ліеу-Пангъ оставилъ Кинги истлѣвать въ пеплѣ. Указъ объ изгнаніи ученыхъ людей отмѣненъ не прежде четвертаго лѣта царствованія Уэн-Тіа, то есть, какъ свидѣтельствуетъ Гоэн-Ки-Тсеэ, по двацати годахъ отъ воцаренія сего Богдыхана. Ліеу-Пангъ назвался Као-Теу; уничтожилъ ненавистные законы Тсин-Ши-Гоанговы; начали отыскивать Кинги, но медлительно; а судилище, наблюдающее ученіе Кинговъ, учреждено въ пятое уже лѣто царствованія Ву-Тіева, чрезъ восемдесять лѣтъ

по

по смерти Тсин-Ши-Гоанга. Ву-Ти былъ первый Богдыханъ своей династіи; покровительствовалъ ученыхъ и опредѣлялъ ихъ къ государственнымъ должностямъ. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что у послѣднихъ не выходило изъ мыслей исканіе Кинговъ; ибо начиная первымнадесять лѣтомъ царствованія Као-Тсу, нѣкто изъ нихъ отважился поднести сему Государю книгу о правительствѣ, въ которой многіе были ссылки на Кингу. Еще извѣстно, что Као-Тсу взялъ къ себѣ всѣ архивы по возшествіи своемъ на престолъ; что совмѣстникъ его, преобративъ столицу въ пепелъ, прибылъ уже поздно для доставленія себя ими.

Пріобщимъ нѣчто малое: . . . . Естьли и случайно отыскалися Кинги, однако же много то послужило политикѣ Ганова поколѣнія Богдыхановъ; потому что опаснѣйшія для правительства нашлися и послѣ, и не столь торжественно и меньше цѣлыми. . . . Разсужденіе сіе не избѣжало отъ ученыхъ послѣдовавшихъ временъ. Вѣримъ мы съ нѣкоторыми изъ нихъ, что вкусъ Царей нашихъ и ихъ супружницъ, особенно же къ ученію Тао-Сеэву, помогалъ стать имъ равнодушными къ Кингамъ, преклонялъ ихъ способствовать изданію многихъ сочиненій творцевъ неизвѣстныхъ, наполненныхъ заблужденіями и бреднями толка Тао-Сеэва. Однако согласно съ искусными цѣнителями книгъ вѣдали, что сей самый вкусъ не совмѣстенъ былъ съ здравою политикою: попущеніе ученію Фоя показуетъ оное. Окончательно замѣтимъ, что изгнаніе ученыхъ людей Тсин-Ши-Гоангомъ не одно только было нещастіе, постигнувшее древнія наши книги. Сверьхъ премѣнъ династій, раздѣленій государства между многими

спорящимися Князьями, владычествъ надъ нами чужестранцевъ, набѣговъ Татаръ, землетрясеній, наводненій, учрежденій новыхъ столицъ и другихъ зелъ, одно за другимъ безпрестанно послѣдовавшихъ отъ столѣтія въ столѣтіе, паче учинилися имъ бѣдственны, нежели бы то могло быть во всякомъ иномъ краю вселенной, разсуждая по рѣдкости у насъ книгохранилищъ. Исторія даетъ намъ вѣдать о четырехъ великихъ пожарахъ. Первый случился предъ смертію хищника престола Уанг-Манга: погибли тогда всякія историческія сочиненія, грамоты, записки, чертежи, своды изъ законовъ, сказанія о земледѣльствѣ и всякія рукописи, собиранныя Богдыханами Ганскаго поколѣнія чрезъ цѣлыя сто восемдесятъ лѣтъ. Вторый, когда Тонг-Тшо завладѣлъ Китаемъ, сожегъ Дворецъ и преселился жить въ Западныя наши области. Третій въ послѣднихъ годахъ кратковременной Тсиновой династіи. Четвертый, когда искоренилась династія Леанговъ. Приглашаемъ мы любопытныхъ къ прочитанію прекрасной челобитной, поданной Ніеу-Гангомъ Богдыхану Уэн-Ти, династіи Суиской, въ исходѣ шестаго столѣтія по Христѣ. Пріятно имъ будетъ видѣть достойныя вниманія подробности, въ которыя входитъ ученый сей мужъ, убѣждая Государя своего возстановить науки и наградить претерпѣнныя ими утраты. . . . . Претерпѣнныя! . . . . . но сколько еще претерпѣли и потомъ?

III. Четыре рода древнихъ книгъ.

3. Книги Вавилонянъ, Ассиріанъ, Мидянъ, Персовъ, Египтянъ и Финикіанъ, погибли подъ развалинами государствъ сихъ именъ. Ученые Европейцы

тщети-

тщетно стараются славить древность сихъ народовъ. Не льзя имъ инако объ нихъ вѣщать, какъ только по догадкамъ и пересказамъ чужеземцовъ, но съ коими весьма уже поздно они спознались; наслышались отъ нихъ только случайно, а къ тому же не инако, какъ развѣ въ темныхъ отрывкахъ, несоотвѣтствующихъ порядку временъ. Вотъ изъ какихъ частей сооружили заморяне исторію сихъ народовъ. Да не судитъ никто о дошедшихъ до нашихъ временъ свидѣтельствахъ первобытности Китая по неисчетнымъ онымъ лѣтописямъ малыхъ и новѣйшихъ царствъ, но по тому, что соблюдено древними народами. Имѣемъ мы немногое число книгъ сего рода. Удивительно, какъ возмогъ и столь слабый остатокъ спастися отъ свирѣпствъ бѣдоносныхъ произшествій. Природа помѣстила насъ на самомъ краю Восточной Азіи. Всегда окружали насъ дикіе и безграмотные сосѣди. Долженствовали мы находить посреди себя самихъ слѣды древности. Не скрываемъ того, что самые сіи слѣды проспитательно разумѣть подложными. Однако же не людямъ, кои ничего не вѣдаютъ объ исторіи наукъ нашихъ; не вѣдаютъ ничего о прѣніяхъ, состязаніяхъ, неимѣющихъ предѣловъ, и о пяжковѣріи ученыхъ нашихъ. Сказали уже мы выше, и не боимся повторить, что не бывало, а можетъ быть и не будетъ никакой свѣтской книги, толико преходившей изъ рукъ въ руки цѣнителей, какъ наши Кинги. Льзя бы было составить особое пространнѣйшее повѣствованіе, и доказать неповрежденіе смысла ихъ. Желатели удостовѣриться, да возведутъ взоры на предсловія Канг-Линовъ, положенныя въ заглавіяхъ каждой Кинговой книги, большаго Дворцоваго изданія. Со удивленіемъ увидятъ, что никогда и никто толико не рылся въ безднѣ учености, не дѣ-

лалъ

лалъ толикихъ розысковъ ни для какого инаго свѣтскаго сочиненія. Упомянемъ нѣчто о томъ, пиша о Шу-Кингѣ:

Старинныя книги наши раздѣляются на четыре степени. Предположимъ здѣсь краткое примѣчаніе на каждую.

Первая степень старинныхъ книгъ.

Ма-Туан-Линъ благоразумно замѣчаетъ, что система Тсин-Ши-Гоангова разными произшествіями опровержена до основанія и преобращены въ ничто всѣ замыслы. . . . . „Изключилъ онъ, говоритъ „знаменитый сей мужъ, изъ общаго истребленія „древнихъ книгъ только врачебныя, прорицательныя „и земледѣльческія; но ниже одна изъ нихъ не до„шла до нашихъ временъ. Кинги напротивъ того, „на кои паче всѣхъ устремлено было гоненіе его, „отысканы, отысканы безцѣнные сіи остатки дре„вности. „

Уваженіе къ Кингамъ имѣли Китайцы во всѣ времена не столько ради ихъ древности, красоты и чистоты слога, какъ ради святости и пользы ученія. Надобно только заглянуть въ нихъ и хвалить ученыхъ нашихъ за то, что предпочитаютъ всякимъ инымъ. Естьли идолослуженіе толикократно было осмѣваемо; естьли не могло оное стать владычествующею вѣрою правительства нашего, хотя многіе Богдыханы были идолопоклонники: то тѣмъ должны мы Кингамъ. Довели бы они насъ и до свѣта Евангелія, когда бы послѣднее слiяло лучи свои съ лучами свѣта ихъ. Соблюденіе Кинговъ, такъ разсуждая, явило бы роду человѣческому благодать и спасеніе.

Куаи

И-Кингъ.

Куаи Фу-Гіевы [такъ слыветъ сцѣпленіе шестидесяти чертъ, во взаимномъ разстояніи равно тянущихся и горизонтальныхъ, изъ коихъ три прямыя и три ломаныя] составляютъ содержаніе книги И-Кингъ. Уэн-Уангъ, какъ уже сказали мы, истолковалъ Куаи въ темницѣ своей. Сынъ его объяснилъ и распространилъ ихъ еще болѣе. Конфуцій, прочитывая оба оныя толкованія, услаждался, и еще ихъ усовершенствовалъ; а бывъ уже въ старости своей, дополнилъ недостающее. И-Кингъ составленъ изъ трехъ особыхъ частей. Странная сія книга разположена образомъ и по умоображеніямъ, о коихъ не льзя вразумить Европейцевъ инако, какъ пространнымъ описаніемъ. Но мы заключимъ сіе въ слѣдующихъ замѣтахъ: 1) обрѣтеніе потерянныхъ Кинговъ и провозвѣщеніе о томъ въ народѣ были не столько торжественны. 2) Не сомнѣваются нынѣ, чтобъ порядокъ разположенія Куаевъ Фу-Гіевыхъ не былъ разстроенъ, и что на многихъ мѣстахъ смыслы писаннаго Уэн-Уангомъ и Тшеу-Конгомъ подмѣнены. 3) Что розыскивавшели, или цѣнители сихъ двухъ сочиненій, какъ видѣть можно въ книгѣ Канг-Линъ, и пространномъ толкованіи Богдыхана Канг-Гіа, упорствуютъ разумѣть не довольно достовѣрными пріобщенія, кои простонародно присвояются Конфуцію.

Не должно пропустить безъ вниманія, что самыя тѣ книги, въ коихъ упоминается о Фу-Гіѣ и Шин-Нонгѣ, паче подлежатъ неимовѣрствію. Сверьхъ того молчатъ писатели, чтобъ Фу Ги и Шин-Нонгъ жили въ Китаѣ; а даютъ разумѣть, что въ Шанг-Куѣ [въ самыя отдаленныя времена древности]. Нѣкоторые Европейскіе проповѣдники спроста тол-

ковали И-КингЪ какЪ нѣкакое пророчество, и находили содержаніе таинственнымЪ. ДругимЪ показалось оное иносказаніемЪ нравоучительнымЪ и историческимЪ о начаткахЪ Тшеуской династіи. Наши писатели, любя восторги, мнили видѣть слѣды знанія философскаго камня, художествЪ и наукЪ. Прямые наши ученые пріемлютЪ сію книгу сцѣпленіемЪ образованій, замыкающихЪ въ себѣ особыя тайны и иносказанія всякаго рода, ударяющія даже и на самое Божество, что довольно понятно по важности самаго высокаго изЪ ея словъ.

Шу-КингЪ. Шу-КингЪ есть вторая священная наша книга. Простремся обЪ ней болѣе въ своемЪ мѣстѣ, а здѣсь упомянули обЪ ней только по порядку.

Ши-КингЪ. Ши-КингЪ, книга третія, содержитЪ собраніе трехЪ сотЪ стихотвореній, сокращенныхЪ КонфуціемЪ [за четыре ста восемдесятЪ четыре года до Рождества Христова] изЪ большаго оныхЪ собранія государственнаго Тшеускаго книгохранилища. РаздѣленА на три части: первая зовется Куа-ФонгЪ [нравы царствЪ], въ коей стихи и пѣсни народныя, совокупленныя во едино повелѣніемЪ БогдыхановЪ, когда они путешествовали по государству, на тотЪ конецЪ, чтобЪ вѣдали потомки нравы и расположеніе духа тогдашняго народа въ каждомЪ изЪ малыхЪ нашихЪ царствЪ. Вторая именуется Я [преизящество] въ двухЪ частяхЪ: Та-Іа и Сіао-Я [великая и малая преизящность]. Въ той и другой похвалы, пѣсни, стихи священные, элегіи, сатиры, стихи на браки и тому подобное. Въ третьей, прозванной СонгЪ, [похвалы], изЪ разныхЪ книгЪ собранныя священныя пѣсни, гимны, кои пѣвалися при жертвоприношеніяхЪ

ношеніяхъ и обрядахъ поминовенія праотцевъ. Временъ Ганговой династіи включено въ ней малое число гимновъ, а прочія стихотворенія, по мнѣнію знатоковъ, суть временъ Тшеускаго поколѣнія. Не задержимся здѣсь разсматриваніями, даже до чего основательно мнѣніе сіе, и скажемъ согласно со всѣми учеными нашими, что многіе изъ такихъ книгъ современны Уэн-Уангу, Ву-Уангу и Тшеу-Конгу, сирѣчь восходятъ до впорагонадесять столѣтія прежде Христа; а достальныя совоспослѣдовали чрезъ всѣ царствованія Богдыхановъ нашихъ до Конфуція. По сему ясно, что такое превеликое и столь странное собраніе сочиненій есть безцѣнный памятникъ сей части исторіи нашей. Ясно же и то, что можно находить въ немъ безподобныя подробности къ понятію о нравахъ Китайцевъ чрезъ столь длинный промежутокъ временъ; подробности, тѣмъ паче любопытныя и полезныя, что объемлютъ все государство наше, начиная скипетромъ до пастушьяго посоха. Сего-то ради писатели наши заимствовалися всегда изъ книги Ши-Кинга; да и дѣльно. Не будемъ настоять о приводимыхъ доказательствахъ достоинства Ши-Кинга. Три ста стихотворныхъ сочиненій всякаго рода, всякаго слога, не могутъ быть сильными побужденіями утверждать сіи доказательства, подобно отрывкамъ какого нибудь историка, за которые самъ онъ только одинъ порука. Стихи Ши-Кинга столь прекрасны, столь пріятны уху, столь наполнены высокопарными выраженіями древности, изображеніями нравовъ, только непринужденны и раздробленны, что не льзя не принять ихъ производствами пера самыхъ древнихъ писателей. Да и какъ усомнишься о томъ, когда въ послѣдовавшія времена не видимъ не только подобныхъ, ниже приближающихся къ ихъ красотѣ?

. . . . „ Шесть добродѣтелей, говоритъ Ган - Тши, суть „ душа Ши - Кинга. До нынѣ еще не увяли яркіе „ цвѣты, коими украшаются; ни въ которое изъ про- „ шекшихъ столѣтій не разцвѣтали таковые же. „

Ши - Кингъ, сочиненія Пиндара и Горація, выше силъ нашихъ унижать одно предъ другимъ; но смѣемъ сказать, что не уступаетъ Псалмамъ Давида, когда вѣщаетъ о Всевышнемъ, объ Его провидѣніи и объ иныхъ Божественныхъ Его свойствахъ; выраженія столь велелѣпны, мысли столь высоки, что хладѣетъ кровь чистая, восхищается умъ, и какъ бы отдѣляема становится душа отъ бреннаго вмѣстилища своего.

Ли - Ки. Четвертая между Кингами есть Ли - Ки. Изъ сорока девяти главъ семьнадесять разумѣютъ нѣкоторой важности, а прочія сопканы, такъ сказать, изъ отрывковъ лѣтописей и частныхъ приключеній, почерпнутыхъ тамъ и сямъ, во едино собранныхъ подъ разными названіями. Придворные ученые люди Богдыхана Уэн - Ти привели въ порядокъ двѣ главы о правительствѣ трехъ первыхъ династій, да и суть достойнѣйшія вниманія по многимъ причинамъ. Во всякое время было подозрѣваемо, что Ганскаго поколѣнія Государи по видамъ политики своей изключили изъ главъ сихъ многіе законы, кои боялись приводить на память подданнымъ. Должно однако же признаться, что и въ главахъ, меньше уважаемыхъ, находимъ прекрасныя мѣста, цѣлыя страницы со слѣдами древности. Слогъ высокой, вѣра и нравоученіе вѣщаетъ языкомъ, коего никогда не знала стоическая философія. Приведемъ одно реченіе изъ первойнадесять статьи: . . . . „ Велелѣпіе небесъ про- „ возгла-

„возглашаетъ намъ величіе Владыки міра; неисчерпае-
„мое плодоносіе земли кажетъ благотворительный
„объ насъ промыслъ Его. Научайтесь народы превоз-
„носить и благодарить Его щедроты!„

Къ предотвращенію ошибокъ пріобщимъ, что дикообразная смѣсь въ спашьяхъ *Ли-Кіа*, почитаемая малой важности, уже къ тому довольна, чтобъ не довѣрять ея древности. Части ея найдены и собраны не извѣстно какъ; мѣлкія приключенія о Конфуціѣ и его ученикахъ гораздо уже послѣ пришкнуты къ первобытному *Ли-Кію*, просвѣщенному и обнародованному великимъ симъ мужемъ. Европейскіе цѣнители книгъ могутъ въ томъ положиться на насъ. Подробностьми *Ли-Кіа*, въ разсужденіи нравовъ, обычаевъ, праздниковъ, обрядовъ и самыхъ мѣлкихъ обстоятельствъ частной жизни, съ великою пользою можно заимствоваться въ основательныхъ розыскахъ любопытной сей части исторіи о древности, или по меньшей мѣрѣ дать свѣтъ и малому тому количеству мѣстъ въ сочиненіяхъ о томъ по другимъ народамъ. Оставимъ предубѣжденіе и скажемъ, что Европейцы проникаютъ въ древность далѣе, нежели должно; но представляютъ себѣ инако тогдашніе нравы и образъ мыслей.

Ю-Кингъ, или Кингъ музыкальной.

Ю-Кингъ, или Кингъ музыкальной, пятая книга, вся погибла. Нѣкоторые ученые думаютъ, что опрывки оной о музыкѣ, находимые въ книгѣ *Ли-Ки*, взяты изъ древняго Ю-Кинга: мнѣніе правдоподобное. Читали мы то и перечитывали, и ко удивленію опкрылось, что вѣщанія о богослуженіи выражены прекрасно, великолѣпно. Первая мысль, вперенная намъ симъ чтеніемъ была та, что Ю-Кингъ составлена

изъ молитвъ, обѣтовъ, стиховъ, пѣтыхъ при жертвоприношеніяхъ, какъ утверждаютъ Шу-Кингъ и сочиненія Конфуція: то весьма вѣроятно, что расколы Фоевъ и Тао-Сеэвъ, владычествовавшіе при Дворѣ во время опыскиванія и обнародованія Кинговъ, могли употребить доступность свою къ придворнымъ и не допустить появиться на свѣтъ Ю-Кингу, или Кингу музыкальному. Происки противу Шу-Кинга, не столь прямо устремлявшіеся на сіи расколы, тѣмъ наипаче утверждаютъ сіе подозрѣніе, что по Ю-Кингу училося юношество въ школахъ; что мѣста изъ него пѣвали въ священнослуженіяхъ; что всякой пѣвчій долженъ былъ знать ихъ наизусть: слѣдовательно легко могло нѣчто изъ того дойти къ потомству. Ревность, съ которою трудился Као-Тсу въ сочиненіи новой музыки, доказываетъ, что не хотѣлъ онъ возобновить старинную. Какъ же могла при Богдыханахъ нашихъ уцѣлѣть послѣдняя, когда она противу ихъ собственно вопіяла? Скажемъ окончательно, что мы мыслимъ: не столько бы долго поздали во обнародованіи Ли-Кіа; не столь бы издали можно сказать изувѣченнымъ, съ выпоротыми, такъ сказать, изъ него лоскутьями, обезображеннымъ преданіями и личными приключеніями, естьли бы меньше ясно вѣщалъ о правительствѣ и богослуженіи. Европейцы ропщутъ, что Конфуцій не довольно писалъ о Богѣ, и о томъ, какъ воздавать Ему почести; но должно бы было прежде себѣ представить, что Ю-Кингъ былъ уже весь безъ остатка утраченъ; что оставалася часть только древняго Ли-Кіа; что Ши-Кингъ и И-Кингъ полны прославленія Божества; что Шу-Кингъ, хотя писанной исторически, не имѣетъ ни единой страницы, на коей вмѣщаемыя произшествія не воздали бы славы всемо-

всемогуществу, правосудію, провидѣнію, премудрости, благости и инымъ свойствамъ Всевышняго.

Князи Лускаго поколѣнія, жившіе въ области, что нынѣ зовется Шан-Тонгъ, или Кантонъ, нисходили прямою чертою отъ старѣйшаго сына Тшеу-Конгова, о коемъ уже упоминали. У нихъ были особенныя лѣтописи, подобно какъ и у другихъ Князей, данниковъ Богдыханскихъ. Конфуцій продолжалъ сіи лѣтописи подъ названіемъ Тшун-Тсіеу, начиная первымъ годомъ царствованія Ю-Конга до четвертагонадесять царствованія же Нгай-Конга, что приходитъ около четырехъ сотъ осьмидесяти лѣтъ прежде Рождества Христова.

Тшун-Тсіеу, нынѣ пятая изъ великихъ нашихъ Кинговъ, есть произведеніе глубокаго ума. Нашъ Сократъ пишетъ въ ней исторію, какъ особа государственная, какъ гражданинъ, философъ, и какъ нравоучитель. Отрывчивостію слога своего, простаго, но высокаго, принужденный стѣснять пишемое, дабы представить все въ наготѣ и безъ связи, такъ сказать, съ цѣпью произшествій, одно за другимъ послѣдовавшихъ; однако же все изображено, украшено, отмѣнено и начертано кистью столь сильно, столь живо, что читая чувствуютъ, для чего и даже до чего достойно что либо похвалъ, или порицанія. Нѣтъ, поелику намъ извѣстно, въ Европѣ книги, въ которой бы столь совершенно означалися начатки, успѣхи, развязи и врачеванія государственныхъ потрясеній и развращенія нравовъ; истинные признаки суровости, или слабости мучительства; поколебанія довѣренности къ престолу; притворныя умѣренности, или противорѣчія въ правительствѣ; разность дарованій, спо-

Тшун-Тсіеу.

способностей, испытанности, глубокомыслія, вѣрности удара очей и пособій разума въ Государяхъ и Министрахъ. При шумномъ производствѣ государственныхъ дѣлъ обманчивые призраки политики изрываютъ подкопы къ предательствамъ; вредными избираніями мѣръ и совѣщаніями разсѣваютъ первыя искры мятежей, коими начинаются послѣднія, обнаруживаніемъ единомышленниковъ, приведенныхъ въ безсиліе. Судьбы Шанг-Тіевы [Божіи] правятъ теченіемъ всякихъ произшествій, возводятъ на царства и низвергаютъ Царей; казнятъ и награждаютъ попремѣнно то подданныхъ ими, то послѣднихъ первыми. Тшун-Тсіэу, разсуждая съ сей стороны, есть образецъ для всѣхъ исторій; слогъ Конфуція ему одному свойственъ. Кажется, что каждая буква нарочно создана для положенія тамъ, гдѣ онъ ее помѣстилъ. Чѣмъ болѣе скупится на слова, тѣмъ наипаче изреченныя уже ясны и изразительны. Не скажемъ ничего о важности прекрасной сей книги; пристойнѣе то будетъ, когда начнемъ писать о толкователяхъ, которые намъ ее соблюли. Замѣтимъ только, что искусные цѣнители увѣряютъ, будто бы Конфуцій не разозначалъ годовъ; а издатели Тшун-Тсіеу поставили ихъ, заимствуясь отъ сказанныхъ толкователей. . . . . Пен-Ву-Ніен-Юэ вѣщаетъ великое разсматриваніе книгъ въ спашьѣ Тшун-Тсіеу. Естьли сіе такъ, то лѣточисленіе наше времени запутается болѣе. Такъ мыслящіе утверждаются на невѣрныхъ, можетъ быть, заимствіяхъ небесныхъ свѣтилъ, о коихъ пишется въ сей книгѣ, и опимещутъ показаніе тѣхъ, кои нахъ дать сіи заимѣнія замѣченными Конфуціемъ, въ доказательство невѣжества астрономовъ, оныя предсказывавшихъ.

За

За великими Кингами послѣдуютъ книги второй степени, неправильно называющіяся же Кингами. Изъ нихъ первыя двѣ суть И-Ли и Тшеу-Ли; составляли онѣ часть большаго собранія сочиненій, какъ думаютъ, пера Богдыхана Тшеу-Конга. Какъ были отысканы и какъ изданы въ свѣтъ, не довольно означаетъ исторія; слѣдовательно не можно защищать подлинность ихъ и неповрежденіе. Важность ихъ умаляется несогласностію съ Шу-Кингомъ и Ши-Кингомъ, во многихъ статьяхъ совсѣмъ инако вѣщая, нежели повѣствуетъ Моиг-Тсеэ; да и болѣе, нежели кажется должно, размножаютъ число чиновниковъ при Дворахъ Богдыхановъ, и такъ далѣе. Нѣкоторые цѣнители старалися то оправдывать, что Богдыханы нѣчто премѣнили и нѣчто также прибавили въ главахъ Тшеу-Конга; что такая смѣсь старины и новости, дѣлая ихъ подозрительными, напротивъ того доказываетъ исправность ихъ въ рукахъ, въ коихъ уцѣлѣли, такъ какъ бывали въ старину. Тай-Тсонгъ, жившій во времена Танговой династіи, разумѣлъ ихъ сочиненіями превосходными, не могущими имѣть творцемъ своимъ человѣка не премудраго. И въ самомъ дѣлѣ суть достойны уваженія безчисленностію подробностей, коихъ нигдѣ индѣ найти не льзя. Взирая на сіи главы очами испытателя древности, политика, нравоучителя, найдутъ многое ко изученію, къ похвалѣ; но приближивъ къ нимъ свѣтильникъ справедливаго цѣненія книгъ, раздражится глупыми обрядами и установленіями безъ числа; паче же превеликимъ множествомъ законовъ, или точнѣе назвать предписаній, паче приличествующихъ для школъ, нежели для Двора великихъ Государей. Мы собственно читая ихъ, находили много сходствующаго съ тѣмъ, что возвѣщаетъ Европейская Библія о порядкѣ, изло-

II Степень книгъ Китайскихъ. И-Ли и Тшеу-Ли.

женіемъ отъ Соломона во Дворцѣ его. Евреи вошли въ Китай во времена династіи Тшеуской: не принесли ли съ собою книгъ Соломоновыхъ? . . . . Не переведены ли были оныя на Китайской языкъ? . . . . . Такіе переводы не перемѣшаны ли съ содержаніями Тшеу-Ли, когда опыскалися книги наши? . . . . . Естьли бы такъ вѣрить, то книга Тшеу-Ли была бы и вразумительнѣе и драгоцѣннѣе.

Старинныя толкованія Тшун-Тсіеуа, изъ коихъ составилось содержаніе сей книги, и чрезъ которыя она сохранилась даже до сего дня, долгое время занимали критиковъ нашихъ, и весьма уже поздно сопричислена къ малымъ нашимъ Кингамъ. Конфуцій писалъ для вѣка своего. Чистая память о произшествіяхъ, имъ повѣствуемыхъ, гласныя дѣянія, общенародные нравы того времени, изъясняли предъ цѣлымъ свѣтомъ Тшун-Тсіеу, и преподавали уроки въ нравоученіи, политикѣ и Философіи, положенные имъ въ сей книгѣ. Тсо-Хи, Конг-Янгъ и Кеу-Леангъ, справедливо опасались, чтобъ драгоцѣнная сія книга не утратилась для потомковъ, или бы не стала трудна къ выразумѣванію. И такъ ученые сіи мужи написали толки для сохраненія ея намъ. Каждой толковалъ по своему. Первой старался обнаруживать дѣянія подробностями, второй проникать мысли Конфуція и указывать на злоупотребленія, противу коихъ онъ вооружался; третій держался словъ подлинника и излагалъ истинное знаменованіе ихъ.

Къ нещастію три сіи толковники не во всемъ согласны: читатели волею, или неволею, но принуждены предпочесть одного. Они ли сами въ томъ виновны, или тѣ рукописи, по коимъ трудилися, бы-

ли

ли несходственны; но смыслъ въ сочиненіяхъ ихъ разный на многихъ мѣстахъ. Несходство сіе открыло глаза критикамъ, и нашли трудности, весьма не легкія къ преодолѣнію во утвержденіе достовѣрности Тшун-Тсіеуа. На то не взирая, приводимыя здѣсь толкованія занимаютъ мѣсто изъ первыхъ, между древними нашими книгами. Тсо-Хи предпочитается прочимъ, яко жившій за долго предъ ними. Слогъ его уподобляется слогу Кинговъ, подобно какъ Муретъ Цицерону.

Та-Гіо, Тшонг-Ю̂нгъ, Люн-Ю, Монг-Тсеэ, книги вообще зовомыя Сеэ-Шу [четыре превосходныя книги], сопричисляются также къ Кингамъ второй степени. Христіанскій монахъ Ноэль перевелъ ихъ, или лучше переполковалъ; слѣдовательно знаютъ объ нихъ въ Европѣ. Первыя двѣ изданы во времена Конговой династіи, выбраны особо и розданы учащемуся юношеству; рукописи двухъ достальныхъ частію найдены въ стѣнѣ дома Конфуціева вмѣстѣ съ книгою Шу-Кингъ.

Гіао-Кингъ, или книга сыновняго благоговѣнія, и Эульг-Я.

Гіао-Кингъ, или книга сыновняго благоговѣнія, есть осьмая малая кинга; а словарь Эульг-Я девятая. Первую присвояютъ перу Конфуція; но то доказать трудно. Многіе ученые люди не признаютъ ее составившеюся не только отъ изустныхъ сказаній сего великаго мужа, но ниже изъ его наставленій. Отыскана не въ цѣлости, какъ легко и познается: главы мало связуются между собою, разсужденія прерываемы, слогъ не текущъ и прочая. Предъ очами критиковъ, крайнѣ чувствительныхъ къ славѣ учителя своего присвоеніемъ ему книги сей, понижается его достоинство. Другіе, паче судя философски, отдаютъ

справедливость мудрости и разуму, замыкающимся въ великихъ похвалахъ, даемыхъ сею книгою повиновенію дѣтей къ родителямъ, нарицая оное самою преизящнѣйшею добродѣтелію, твердостію общежитія, опорою властительства. . . . Кто не узнаетъ по столь сильнымъ изображеніямъ нашего Сократа? . . . „Родители „дали намъ жизнь: вотъ обязательство превыше всякаго „инаго, насъ къ нимъ привергающее! Ничѣмъ неза„мѣняемое ихъ право царственное надъ нами, осно„ваніе незыблемое высочайшаго ихъ надъ нами пре„имущества, суть наше къ нимъ почтеніе, наша къ „нимъ горячность. Неимѣющій жаркой любви къ „родителямъ, непитающій въ душѣ къ нимъ благо„говѣнія, суетно выдавать себя будетъ любящимъ „ближняго: естество отъ себя его отчуждаетъ, „человѣчество вопіетъ противу его. . . . Слать мя„тежникомъ, есть не признавать надъ собою вла„стителя, презирать мужей мудрыхъ, преобидѣть „законы; но нарушитель почтенія и послушности „къ родителямъ своимъ есть насильственникъ при„роды, отверзатель вратъ всякаго рода гнусностямъ „злодѣйствъ. . . . Совершенство сыновняго благо„говѣнія состоитъ въ почтеніи къ родителямъ; а со„вершенство такого почтенія есть едино съ отно„шеніемъ къ самому Тіену [Богу]. „

По словамъ Конфуція, лучшіе Государи древнихъ временъ управляли народами, какъ отцы дѣтьми. Должно прибавить, что по книгѣ Гіао-Кингъ учились; толковали ее и объясняли примѣрами добродѣтельнѣйшихъ Богдыхановъ и великихъ мужей древности. Спаситель и возстановитель отечества, но непослушный сынъ отцу своему, былъ бы чудовище, достойное задушенія; послѣдній изъ чернаго народа, но

но отличающійся сыновнею покорностію, снищетъ у насъ безсмертную славу.

Словарь Эульг-Я, послѣдній малой Книгъ. Читающимъ Эзіода, Омира, Пиндара, Плинія Физика и другихъ, извѣстно, сколь драгоцѣнна есть книга, которой помощію можно установлять смыслъ словъ древнихъ писателей и обѣяснить въ точности знаменованія оныхъ. Самые критики, ополчавшіеся когда либо на сей словарь, да и столь сильно, чтобъ могли наложить молчаніе защитникамъ его, принуждены были съ нимъ справляться. Поступая такимъ образомъ, сами противъ себя оправдаются, что сей словарь исправленъ потомъ и разпространенъ искуснѣйшими мужами временъ Гановыхъ династій, ближе жившихъ къ древности и трудившихся по преданіямъ еще, такъ сказать, свѣжимъ: слѣдовательно находилися въ силахъ дополнять Эульг-Я. Достовѣрность сей книги не безъ изъятія; многія мѣста въ Кингахъ нашихъ обѣясняются словами, очевидно новѣйшими и неизвѣстными нашимъ праотцамъ.

III. Степень старинныхъ книгъ.

Третію степень старинныхъ книгъ составляютъ плохо исполкованныя, подмѣненныя на нѣкоторыхъ мѣстахъ, и кои сочинены были прилѣпленцами къ бреднямъ Тао-Сея. Излишне упоминать, что таковыя книги не льзя смѣшивать съ книгами первыхъ двухъ степеней не того только единаго ради, что меньше стары, меньше достовѣрны и полезны, но что признавая важность послѣднихъ, противорѣчатъ имъ, противорѣчатъ сами себѣ; наполнены басней, несовмѣстныхъ со здравымъ разумомъ. Получше предъ прочими Куэ-Ю, Тсо-Хи и Кіа-Ю Конфуці-

фуціевъ. Первая кажется только перепорчена: вмѣщаетъ любопытныя подробности о самыхъ отдаленныхъ временахъ; отрывки исторіи Тшеускаго поколѣнія о малыхъ тѣхъ царствахъ, которыя нѣкогда составляли Китай. Тщетно бы кто либо сыскивалъ то во всякихъ иныхъ книгахъ, да и во всемъ соотвѣтствуетъ правдѣ. Вездѣ въ ней встрѣчаются сказки и чудеса, но подложныя и столь невяжущіяся съ мѣстами, между коими стоятъ, что безъ сомнѣнія много времени послѣ были внесены.

За книгу Тсо-Ши всѣ наши критики укоряютъ Сеэ-Матсіэна, что сочиняя исторію свою, ею вспомоществовался. Конфуція находимъ въ сей книгѣ вѣщающаго языкомъ Тао-Сея, и почти забывающимъ правила свои столь примѣтно и отвратительно, что въ послѣднемъ ея изданіи положено предсловіе, не обинуяся признающее ее вздорною и непріятною, именующее трудами новѣйшими, подложными, сплетеннымй грубо, презрѣнными отъ издателей Люн-Ю и Ли-Ки.

Сочиненія Ю̂-Тсеэ, Я-Тсеэ, Гоа-Тсеэ, Тшоанг-Тсеэ, Ліэ-Тсеэ, Гей-Тсеэ, Коан-Тсеэ, Іен-Тсеэ, Уэн-Тсеэ, Шан-Тсеэ, Сеэ-ма-Тсеэ, Ган-Феи-Тсеэ, Гу-Феи-Тсеэ и другихъ писателей раскола Тао-Тсеэва, издаваны были зараженными симъ расколомъ, когда покровительствовали оному Богдыханъ и придворные вельможи, а того уже довольно, чтобъ разумѣть ихъ подозрительными, хотя бы и не имѣли въ себѣ басней, смѣходостойныхъ чудесъ, нелѣпостей, коими наполнены.

Европейцовъ, людей не легковѣрныхъ, готовыхъ все подозрѣвать, увѣдомляемъ, что отъ всѣхъ па-

такихъ сочиненій остаются у насъ только немногіе лоскутки, никогда неиздаванные въ свѣтъ по повелѣніямъ судебныхъ мѣстъ, и почти всѣ суть произведенія послѣднихъ лѣтъ Тшеуской династіи. Нынѣ же печатаются нѣкоторыя изъ нихъ выписки: содержанія ихъ свободныя художества, нравоученіе, политика, таинство и мнимое благочестіе идолослуженія. Объ исторіи уломинаютъ случайно, а вмѣсто того входятъ даже до мѣлочей ничтожныхъ, иногда личныхъ приключеній первѣйшихъ лѣтъ мірозданія. Творцы ихъ являются совершенными невѣждами исторіи средней древности, противорѣчатъ сами себѣ, слогомъ только нравятся изящнымъ нашимъ умамъ; находятъ они его по всему достойнымъ династіи Тшеуской [сему конечно смѣяться будутъ за морями]. Въ самомъ дѣлѣ слогъ сей, въ сравненіи съ Кингами и трудами Конфуція, есть тоже, что слогъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ Европейцовъ въ сравненіи Босюэтова, Пелисонова, Буалова, Расинова и имъ подобныхъ. . . . . Но развратность мнѣній соучаствуетъ ли въ качествѣ слога?

Критики къ той же степени пріобщаютъ сочиненія Лу-Тсеэвы, Хан-Тсеэвы и еще нѣкоторыхъ писателей царствованія Тсин-Ши Гоанга, столико же упоенныхъ бреднями Тао-Сея; но далеко разнствуютъ отъ оныхъ лѣтописей царства Тсинскаго, начавшагося въ семь сотъ пятьдесятъ третьемъ году до Христа. За то, что содержатъ въ себѣ повѣствованіе о предкахъ и семействѣ Тсин-Ши-Гоанговыхъ, изъяты были изъ книгъ, осужденныхъ на сожженіе, да и не малую подаютъ помощь освѣдомляющимся о сей части лѣтописей нашихъ.

Но

IV Степень старинныхъ книгъ.

Но наскучивъ мы наскучивать, скажемъ о послѣдней степени спаринныхъ нашихъ книгъ, вообще разумѣемыхъ подложными, писанными послѣ пожара и состоящими въ сказкахъ только о басняхъ. Первое занимаютъ мѣсто Сан-Фэнъ, наука о расшѣніяхъ Хин-Нонгова, Гоанг-Тіэва врачебная наука.

Вовторыхъ слѣдуютъ стихотворенія, подъ названіями Тсу-Тсеэ и Хангай-Кингъ, и марморы Тшеускіе. Изящные наши умы весьма уважаютъ слогъ Тсу-Тсея, въ самомъ дѣлѣ пріятный и рѣзкой, хотя весьма трудный ко истолкованію. Основательные же ученые люди, не зная, кто былъ творецъ сей книги, вспомоществуются съ крайнею умѣренностію мѣстами древней нашей исторіи, разсѣянными по ней.

Естьли отложить въ сторону книгу Тиу-Шу, о которой скажемъ послѣ, и книгу же Тао-Те-Кингъ, о которой не хотимъ ничего сказывать, какъ о такой, которая вмѣщаетъ только въ себѣ лжеученіе Тао-Сеэво [пусть прочтутъ Европейцы переводъ сего сочиненія, посланной уже къ нимъ]: то почти нѣтъ у насъ никакихъ иныхъ книгъ глубокой древности: историки не имѣютъ иныхъ запасовъ къ составленію лѣтописей. Винить ихъ въ томъ не льзя; потому что выбираютъ надлежащее до наукъ, художествъ, законовъ и тому подобное. Выбираютъ, но только сочиненное знаменитыми писателями Гановой династіи, особливо же жившихъ ближе къ царствованію Тсин-Ши-Гоанга: слѣдовательно удобнѣе могли наслышаться о праотеческихъ преданіяхъ. Еще скажемъ вмѣстѣ съ Кіа-Ши, что послѣ пожаровъ при Тсин-Ши-Гоангѣ и Богдыханахъ Гаискаго поколѣнія, изо сна исторій нашихъ едва уцѣлѣли

толь-

только двѣ. Губителями ихъ были не человѣки: науки сами себя истребили и погреблися подъ развалинами ветхости своей.

IV. *Поврежденія въ памятникахъ, какъ то медаляхъ, надписяхъ, деньгахъ и проч.*

4. Древнія медали, надписи, мраморныя доски, деньги, гробницы, торжественныя врата и иные памятники, помогли ученымъ Европейцамъ проникать во мраки временъ и лѣтъ, установить продолженія царствъ, доказывать истинну знаменитыхъ произшествій и дополнять недостатки именъ Царей и иныхъ владѣльцевъ совоспослѣдователей. Сколь великаго пособія не имѣемъ мы Китайцы. Благіе наши Государи никогда не бывали охотники до надписей на мраморѣ и на мѣди для преемниковъ своихъ. Тсин-Ши-Гоангъ восхотѣлъ, дабы всякіе признаки чего либо бывавшаго до него погрязли въ вѣчномъ забвеніи, дабы имъ только однимъ начинался рядъ Царей нашихъ. Тсин-Ши-Гоангъ, повторяю, воздвигнулъ повсюду торжественныя врата, пирамиды, столпы, доски мраморныя, а на нихъ повелѣлъ вырѣзать титулы свои и свои похвалы; всякіе же иные памятники прежнихъ династій разорить до основанія. Поступка, вѣчнаго достойная омерзѣнія; но за основаніе имѣла можетъ быть наравнѣ съ тщеславіемъ и виды политики. Всѣ древніе памятники, паче же послѣдняго поколѣнія Богдыхановъ и Князей, властвовавшихъ въ удѣльныхъ областяхъ подъ покровомъ скипетра первыхъ, стыдили его и безчестили, были уличителями хищничества его, мучительства и плачевнаго состоянія подданныхъ, коихъ учинилъ онъ безъ отчизны, наемниками на поляхъ предковъ своихъ. На земной поверьхности ничто не могло укрыться отъ глазъ

чиновниковъ лютаго Царя; а сіи чиновники не могли же укрываться отъ доносовъ самой низкой черни: слѣдовательно не осталося ниже признаковъ развалинъ, гдѣ существовали нѣкогда памятники. Гробницы, остатки раззоренныхъ градовъ, нѣдра земныя, прокопы, рѣки, возмогли только спасти отъ истребленія нѣсколько денегъ, мѣдныхъ чашъ и иныхъ сосудовъ. Весьма мало вещей изъ мармора досталось въ руки, но или не пережившихъ чудовище Тсин-Ши-Гоанга, или во время государственныхъ замѣшательствъ, прежде и послѣ низверженія его, взяли свѣденія о находкахъ своихъ съ собою во гробы. Возстановилось общее спокойствіе, начали то отыскивать любопытные, но почти безъ успѣха. Слѣпому случаю должны мы за обрѣтеніе немногихъ таковыхъ памятниковъ въ послѣдовавшія столѣтія. Повелѣніемъ нынѣ владѣющаго нами Государя вырѣзано все то на мѣди, и составились сорокъ двѣ книги картинъ. Нѣтъ старѣе сосудовъ династіи Ханговой. Мало подъ ними надписей, къ разобранію трудныхъ; не имѣютъ никакого существеннаго отношенія къ исторіи тѣхъ временъ. Вотъ для чего сей части древностей нашихъ попускается приходить въ руки любопытныхъ, обычайно цѣнящихъ высоко купленное дорого. Словесники наши и грамматики паче иныхъ отъ сего заимствуются, хотя находя и не свѣтъ, но блескъ слабый, помощію котораго толкуютъ древнія наши буквы и поправляютъ новѣйшую нашу правопись. Нѣкогда имѣли мы у себя большее собраніе записокъ, о коихъ не давно упомянули, и многія другія сочиненія минувшихъ династій. Можемъ поручиться, что любопытные Европейцы тщетно томить будутъ вопросами здѣшнихъ своихъ проповѣдниковъ о замѣтахъ времячисленія, коихъ конечно нигдѣ найти не можно. Лѣтописи явству-

явствуютъ, что ученые наши мужи никогда о томъ не старались. Есть-ли нѣчто изъ сихъ записокъ переслано уже въ Европу, то совѣтуемъ не лучше объ нихъ думать и не искать, подобно какъ въ надписяхъ невразумительныхъ памятниковъ, достовѣрности и доказательствъ, отмещаемыхъ благоразумною критикою; кромѣ, что большая изъ нихъ часть извѣстна стала по книгамъ Сонговой династіи, книгамъ, малое заслуживающимъ уваженіе. Извѣстно изъ исторіи нашей, что нѣкоторые изъ Богдыхановъ заставляли дѣлать новыя чаши [что дѣлается и нынѣ] по образцамъ старинныхъ подлинниковъ и сомнительныхъ. Приведемъ примѣръ: въ шесть сотъ девяносто седьмомъ году, по свидѣтельству Гоэн-Ки-Тсеи, супруга тогда царствовавшаго Богдыхана повелѣла разплавить девять большихъ сосудовъ, называемыхъ Тингъ, и выработать потомъ такими, какіе нѣкогда бывали въ употребленіи въ древней Китайской области Ю, со изображеніями на нихъ горъ, рѣкъ и разныхъ растѣній. Алчность къ прибыткамъ немало произвела подобныхъ же сосудовъ, и обманываетъ ими охотниковъ до рѣдкостей. Прихоти вкуса человѣковъ поспѣшествуютъ такимъ обманамъ. Не цѣлый какій либо сосудъ заслуживаетъ вниманіе, но такой, которой, долговременно пролежавъ въ нѣдрахъ земныхъ и на днѣ водъ, до половины изныль, или превратился въ глыбу яри. Государь нашъ имѣетъ нѣсколько сего рода вещей. Судятъ ихъ выше всякой цѣны. Должно относить оныя ко временамъ Богдыхана Іао, династіи Гіаэвой. Правомыслящій человѣкъ, видя слѣды ѣдкости временъ, видя изнылой металлъ, не признаетъ по памятникомъ, не видя доказательствъ. Бѣдственныя произшествія, возмущенія народныя, премѣны правительствъ, пожары и тому подобное, всякой разъ

предшествовавшія окончанію каждой династіи, естьли кому не мѣшаютъ разумѣть таковые сосуды, таковыя марморныя доски остатками временъ Іаовыхъ и Тше-Уэвыхъ, пусть онъ ихъ такъ разумѣетъ. Тяжелой ихъ вѣсъ и частыя премѣщенія государственной столицы, паче позволяютъ дознаваться, что всѣ сіи рѣдкости, хранимыя нынѣ въ Ган-Линской Дворцовой кладовой, суть временъ Леанговъ и Танговъ, выработанныя по преданіямъ о образцахъ древнихъ сосудовъ.

Сіе пишемъ мы въ показаніе безпристрастія нашего и въ осторожность для тѣхъ, которые брошенные ненарочно наборы словъ пріемлютъ доводами вещей, и читаютъ книги наши слишкомъ Европейскими глазами. Сказанія историческія, наисправедливѣйшія, полны лжей. Надобно умѣть отличать ихъ отъ правды; надобно, чтобъ любопытные Европейцы подобно же утѣшились въ утратѣ древнихъ Китайскихъ памятниковъ, какъ утѣшаются они въ утратѣ рѣдкостей же всѣхъ иныхъ древнихъ народовъ. Долгота временъ все и навсегда пожираетъ. Все преходитъ, все оканчивается. Марморы, мѣдь, превращаются въ прахъ. Естьли что заслуживаетъ туженіе наше, то конечно прекрасныя оныя Пеи, или марморныя доски, внесенныя къ намъ пришлецами изъ Іудеи въ послѣднія лѣта Тшеускаго поколѣнія, и коими украшались стѣны Кай-Фонг-Фуской ихъ Синагоги. Имѣли пространныя надписи, показующія, какъ свидѣтельствуютъ преданія, связь лѣточисленія ихъ, ихъ исторіи, съ нашими лѣточисленіями, съ нашею исторіею. . . . Какіе памятники! . . . Владыкѣ міра такъ было угодно. . . . Можетъ быть не надобны Ему были для исполненія Его судебъ. . . . . Все оставшееся послѣ того къ чему уже годится?.. Да провозглашаетъ отечество мое, сколько можетъ бо-

болѣе торжественно, сколько можетъ болѣе краснорѣчивѣе, и столько же жалостно, скоропрочность призраковъ и лжей ничтожества, суетъ племени человѣческаго! . . . Кай-Фонг-Фу былъ многажды столицею Китая, вмѣстилищемъ Государей нашихъ... Но что теперь? . . . Тѣнь своя. . . . Толикократно заливался наводненіями, былъ истребляемъ огнемъ и раззоряемъ: погибли же и Еврейскія Пек. Въ концѣ пятагонадесять столѣтія вновь сдѣланныя и нынѣ зримыя длинныя надписи, конечно не старѣе тысяча четыре ста восемьдесятъ девятаго года, сирѣчь начала настоящей династіи. Творцами ихъ были ученые предки наши, отъ коихъ знаемъ, что Священное Писаніе Евреевъ было истинное, святое, полезное и соотвѣтствующее нашимъ Кингамъ. Судилище обрядовъ подъ владѣніемъ Канг-Гіа откровенно признало Христіанскій законъ Божественнымъ. . . . Особымъ приговоромъ Верьховнаго нашего Уголовнаго суда, состоявшимся въ послѣднемъ предъ симъ годѣ, коимъ запрещается Китайцамъ и Татарамъ креститься, положены между прочимъ сіи слова: . . . „Хо„тя вѣра Христіанская чужда лжей и суевѣрія [Еу„Сіе]. . . . Надобно жить у насъ въ Китаѣ и живо „понимать явные знаки Божескаго о родѣ человѣче„скомъ попеченія, милосердія, даровъ благодати „Его. . . . Злощастное отечество! къ чему пользуетъ „тебѣ сіяніе наукъ твоихъ и философіи? . . . Какъ „не литься слезамъ, имѣя предъ глазами идолослуже„ніе гнусное и глупое? . . . Перо не удержалося бы „въ рукѣ безъ благодарности; она одна подкрѣ„пляетъ духъ. Но чѣмъ чувствительнѣе терзаетъ и „умиляетъ насъ слѣпота нашихъ собратій, тѣмъ па„че чувствуемъ должное къ знаменитымъ тѣмъ осо„бамъ, кои призрили насъ, когда мы злострадали;

„отверзли предъ нами врата святилища истин-
„наго Бога; доставили возвращеніе во своя; освобо-
„дили отъ всякаго инаго попеченія, кромѣ проповѣ-
„ди Евангелія. Не по суетному любопытству, а по
„любви къ православной вѣрѣ жаждутъ они испы-
„тать, даже до чего озаритъ можетъ свѣтъ исто-
„[illegible] начатки нашего края. . . . Какъ же от-
„[illegible]ться и не препровождать къ нимъ розысковъ на-
„шихъ, до того надлежащихъ, въ часы, свободные
„отъ благовѣстія ученія Спасителя? . . . Естьли
„движеніе сердецъ дополнять могутъ недостатки
„дарованій, то сей слабый опытъ трудовъ нашихъ
„меньше будетъ недостоинъ превосходной ихъ уче-
„ности. Единый Господь зритъ нашу къ нимъ благо-
„дарность; да и никогда не престанемъ молить Его
„о низпосланіи на нихъ милосердія своего, и тѣмъ
„бы благословлялъ благодѣянія ихъ, коими они насъ
„удостоивали и нынѣ удостоиваютъ.„

V. Шу-Кингъ.

5. Прежде нежели вступимъ въ разсужденіе о Шу-Кингѣ, самой драгоцѣнной, прекраснѣйшей и самой древней изъ нашихъ книгъ, предварительно скажемъ читателю, что выдерживала она гоненіе торжественными разсматриваніями съ тонкостьми метафизическими, съ великимъ жаромъ въ пренiяхъ противниковъ съ поборниками своими, подобно какъ ополчалися когда либо раскольники и безбожники на Священное Писаніе. Политика, идолопоклонство, суевѣріе, изящные умы, упрямство системъ, нечестіе философическое, попремѣнно усиливалися опровергать ея достовѣрность, но безъ успѣха. Шу-Кингъ имѣла всегда врагами заблужденія Китайцевъ, но надъ всѣми оными восторжествовала. Ученые мужи безъ изъятія, начиная

пер-

первою династіею Сонговъ, единогласно именуютъ книгу сію наилучшею и самою ближайшею къ древнимъ нашимъ Кингамъ. Да не обманется читатель таковымъ нашимъ объ ней вступленіемъ; хотимъ только дать ему почувствовать, что предпріемлемое нами разсужденіе суть плоды трудовъ ученыхъ нашихъ мужей, на самое то истощенныхъ ими: слѣдовательно легко намъ будетъ простирать слово съ довольною точностію.

Кто сочинилъ Шу-Кингъ? . . . Какого вѣроятія достоинъ творецъ ея? . . . Какъ сохранилась до нашего времени? . . . . Чему научаетъ? . . . . Какія суть возраженія противу ея достовѣрности? . . . . Какъ думаютъ объ ней въ Китаѣ?

Вотъ почти все къ желанію знать о спранной, но самой древнѣйшей на свѣтѣ книгѣ. Отвѣты наши на оное не могутъ быть столь раздробленны, какъ отвѣты людей ученыхъ; но будутъ просты и искренны. Постараемся впрочемъ не выпустить ничего существеннаго.

Кто сочинилъ Шу-Кингъ.

Критики наши увѣряютъ, что Шу-Кингъ началась исторіею первыхъ временъ древности. Тинин Синъ, славный писатель Сонговой династіи, пріурочиваетъ сію замѣтку къ царствованію Яоа. Большія наши лѣтописи на многихъ мѣстахъ гласятъ, что въ теченіе двухъ первыхъ династій Гіаевой и Шангевой два были придворные Исторіографа: первой Тсо Хе, историкъ лѣвой стороны, которой собиралъ и записывалъ примѣчательныя слова, указы и отвѣты Государей. Второй именовался Вуи-Хе, историкъ правой стороны, который велъ дневникъ происшествіямъ и дѣяніямъ

для

для общенароднаго свѣденія. Тшеу-Ли весьма вразумительно изъясняется, что въ династіи Тшеуской было семь придворныхъ Исторіографовъ: первый Таи-Хе; должность его состояла въ записываніи всего надлежащаго до государственнаго правительства. Вторый Сіао-Хе; онъ собиралъ частныя исторіи царствъ, или областей Князей данниковъ. Третій Фонг-Сіангъ, вносилъ въ нарочную книгу касающееся до небесныхъ свѣтилъ. Четвертый Тао-Тшангъ, приводилъ въ порядокъ нашествія воздушныхъ явленій, общественныхъ золъ и странные случаи. Пятый Ней-Хе, былъ хранитель указовъ, возвѣщеній народу, повелѣній и рѣшеній Государя, составляющихъ законы. Шестый Уэ-Хе, вѣдалъ дѣла и книги иностранныя, переводы на Китайской языкъ и посольства. Седьмый Ю-Хе, долженствовалъ означать въ запискахъ особенныхъ надлежащее лично до Государя и его семейства. . . . . Нагибать вонзенной въ груди ножъ изъ стороны въ другую, и производить безполезныя сѣкованія въ Европейцахъ есть тоже, что словоплодствовать объ учрежденіяхъ толикой важности во времена династіи Тшеуской; тоже самое, что напоминать объ утратахъ нашей учености. Конфуцій застигъ династію сію, клонившуюся уже къ паденію, и предвидѣлъ злоключительные слѣды. Въ четыре ста восемдесятъ четвертомъ году Христіанскаго лѣточисленія, за двѣсти семдесятъ одинъ годъ до созженія книгъ, взялся онъ за перо, написалъ во стѣ главахъ сокращенія большихъ лѣтописей, сидѣвъ прежде надъ ними безпрерывно около двадцати лѣтъ. Главное его стараніе было соблюсть потомству образъ правительства и основанія общенароднаго права, обнаруживая во всей ясности мудрость, правосудіе и пользу оныхъ.

Сего-

Сего-ли ради предпочелъ разговоры, правила и слова великихъ мужей каждой династіи; историческое же повѣствованіе о всемъ томъ подвержено частымъ прерывамъ. Не должно представлять себѣ, что Шу-Кингъ есть только соборъ рѣчей и острыхъ словъ. Кромѣ описываемыхъ произшествій, давшихъ поводы къ прекраснымъ тѣмъ рѣчамъ и словамъ, кои книга сія намъ сохранила, находимъ дѣянія и подробности преполезныя. Шу-Кингъ начинается царствованіемъ Яоа, кончится же шесть сотъ двадцать четвертымъ годомъ по Рождествѣ Спасителя. Всѣ критики согласны, что Конфуцій списывалъ только писаніе о каждой династіи въ лѣтописяхъ государственнаго книгохранилища, отверзавшагося всегда предъ славою имени его; не приводя бы слово въ слово говореннаго великими мужами, полагаясь только на истинну историческую, не держался бы и меты своей. Были люди, которые подозрѣвали сіи лѣтописи переправленными отъ писателей Тшеуской династіи; но такое подозрѣніе ученые наши отмещутъ, яко неимѣющее доказательствъ, и что во времена Тшеускія вѣдали уже о бытіи Историіографовъ въ минувшихъ династіяхъ. Въ разсужденіи сходства слоговъ, повода же къ возраженію, отвѣтствуютъ, что сходство сіе не столь примѣтно, да и не примѣчено учеными людьми династіи Гановой. Одинъ и тотъ же писатель, объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ, не можетъ изъясняться различно. Вопросъ трудной къ рѣшенію: когда начали писать лѣтописи, возродившія со временемъ Шу-Кингъ? . . . За многія уже столѣтія Историіографы одной династіи готовили запасы, изъ коихъ бы могла составиться ея лѣтопись. Историіографы послѣдующей династіи пересматривали сіи запасы и издавали въ народъ, дабы отъ благоугожденія и потворства

не скользило перо сочинителей. . . . Но также ли точно поступали въ отдаленной древности? . . . . Равное дерзновеніе и утверждать и опровергать, не имѣя доводовъ, коими бы подпирать то, или другое.

Искуснѣйшіе наши критики, особливо Конг-Нгам-Куэ, Конг-Ин-Та, Тшин-Тсеэ, Горанг-Тсеэ, Тшу-Тсеэ, вѣрили по преданіямъ, что двѣ первыя главы Яо-Тіэнъ, Шун-Тіэнъ таковы точно, какими были искони въ царствованія Яоа и Шуна. Читая ихъ, всякой увидитъ, что суть паче историческіе запасы, нежели сказанія настоящаго времени. Не таковы три послѣдующія главы. Монг-Тсе и Тсо-Ки дѣлаютъ ссылки на выбранное ими изъ Гіа-Шу, то есть изъ той части Шу-Кинга, которая обнародована въ теченіи Гіаевой династіи. Остается еще нѣчто малое пріобщить объ отличной оной главѣ Ю-Кингъ; но пощадимъ на сей разъ читателя. Пристойнѣе отложить то до второй части сего опыта. Наши Скалигеры, наши Гревіусы, совокупляютъ и разгоняютъ критическіе мраки надъ большею частію главъ. Такой родъ ученыхъ розысковъ не вкусенъ будетъ Европейцамъ. Критики наши восходятъ, можно сказать, ощупью до древности. Во угожденіе же читателей, каковыхъ больше на свѣтѣ, минуемъ то въ молчаніи; желателей же заняться тѣмъ отсылаемъ въ У-Кинг-Тон-Као, книгохранилище Ма-Туан-Линъ, и пространныя толкованія Шу-Кинга нынѣшнихъ и прежнихъ династій.

Какого вѣроятія достоинъ творецъ Шу-Кинга.

Разумѣя Шу-Кингъ сокращеніемъ лѣтописей, чѣмъ онѣ древнѣе, тѣмъ вѣроятнѣе. Невинность и простота нравовъ первобытныхъ вѣковъ не позволяютъ сомнѣваться объ искренности и справедливости то-

могдашнихъ историковъ. Принять ли Шу-Кингъ за тѣ же самыя лѣтописи, но выправленныя и сохраненныя потомству Конфуціемъ, то со всякимъ правдоподобіемъ очевидно. . . . Мужъ, толико премудрый, не могъ обмануться во избираніи запасовъ къ своему сочиненію. . . . Конечно не хотѣлъ обмануть читателей; да хотя бы и причастенъ былъ нѣкоему поползновенію сего рода, не могъ бы, безъ сомнѣнія не могъ бы въ томъ успѣть.

1. Все, остающееся у насъ отъ пера сего нашего Сократа, доказываетъ глубокое его свѣденіе исторіи; что былъ не легковѣренъ; что былъ философъ, осторожнѣйшій критикъ, слѣдовательно удаленной отъ ошибокъ и отъ того, чтобъ выдавать ему сомнительное ученіе древности; ученіе, которое онъ преподавалъ самъ и къ коему столь былъ привержень до конца дней своихъ.

2. Хитрой лицемѣръ не жертвуетъ своимъ щастіемъ на то только, чтобъ не явиться предателемъ истинѣ. Конфуцій первый изъ земнородныхъ странствовалъ по городамъ и жилищамъ сельскимъ, научая народы любить добродѣтель. Неустрашимъ и твердъ паче Сократа. Языкъ его не запинался посреди бесѣдованія со слушателями; вѣщалъ о всевышнемъ Существѣ и о провидѣніи Его. Ко ученикамъ своимъ ужаснувшимся нѣкогда изрекъ: . . . „Если-ли „Тіэну [Богу] не противно преподаваемое вамъ мною, „безсильны человѣки помѣшать въ томъ и вредить „мнѣ собственно.„ Нѣкто изъ достойныхъ почтенія Христіанскихъ проповѣдниковъ такъ отзывается: . . . „Кинги, соблюденныя потомству Конфуціемъ, пре„исполнены велелѣпнѣйшихъ умовображеній о пре-

„мудрости, промыслѣ, правосудіи и всемогуществѣ „Господа всяческихъ.„

Никто не находитъ, чѣмъ бы можно было порицать житіе великаго сего мужа, ниже заклявшійся его злодѣй. Имѣлъ одну жену, которая была ему утѣшеніе въ нещастіяхъ; поведеніемъ своимъ проявляла плоды ученія супруга. Славно для него, что тѣ же самые писатели, которые во времена наши именуютъ его безвѣрнымъ, еще съ большею дерзостію хулятъ древнихъ святыхъ отцевъ и учителей церкви Христовой.

3. Книги во времена Конфуція были рѣдки. Книга Шу-Кингъ разумѣлась исторіею народа, цѣнительницею нравовъ и правительства. Слѣдовательно не льзя, чтобъ Конфуцій могъ заставить себѣ вѣрить въ такія времена, въ которыя размножилось уже число ученыхъ людей, и преходили уже они изъ одного въ другое царство.

Какъ сохранилась книга Шу-Кингъ.

Приступимъ теперь къ тому, какъ могла книга Шу-Кингъ дойти до нашихъ временъ? Очевидно, что Богдыханамъ нужно было удержаніе ея въ государствѣ; потому что прославляетъ ихъ происхожденіе, ихъ совозпослѣдованіе, ихъ владычество надъ нами; показываетъ оное священнымъ, даетъ имъ верьхъ надъ всякими иными властителями народовъ, означая права ихъ надъ ними. Держащіеся ученія Конфуціева съ великимъ попеченіемъ хранятъ книгу сію, не столько изъ почтенія къ нему, какъ ради превосходной красоты и важности слога, и что замыкается въ ней все достовѣрнѣйшее, все преполезное для человѣковъ, начиная царствованіемъ Яо до самыхъ лучшихъ временъ настоящей династіи: дѣянія, описываемыя ею, оное доказываютъ.

1. Исторія свидѣтельствуетъ, что по книгѣ Шу-Кингъ учились въ школахъ.

2. Ссылаются на нее творцы сочиненій и послѣ Конфуція.

3. Именно была названа въ челобитной Ли-Тсея.

Книга Шу-Кингъ оставляема была въ покоѣ до тридцать четвертаго лѣта владѣнія Тсин-Ши-Гоанга, бывъ изъ всѣхъ древнихъ книгъ нужнѣе къ сохраненію, ежели не ради пользъ учености вообще, то ради вмѣщаемыхъ въ себѣ наставленій общежительныхъ. Весьма вѣроятно, что по истребленіи древнихъ книгъ могли бы найтися нѣсколько Шу-Кинговъ, когда поспѣшено тѣмъ было; ибо династія Тсинова погасла же чрезъ семь только лѣтъ по сожженіи книгъ. Виды политики основателя Ганской династіи, какъ сказали мы выше, почли нужнымъ оставить то въ небреженіи. Основатель сей былъ возведенецъ щастія изъ простыхъ рашниковъ, не просвѣщенной науками. Былъ лютъ въ недовѣрствіяхъ своихъ даже до толикой крайности, что по самому малѣйшему подозрѣнію въ предательствѣ на одного изъ своихъ чиновниковъ разрубилъ тѣло его на части, и сваривъ въ водѣ похлебку, разослалъ по всѣмъ своимъ полководцамъ. Въ пятое уже лѣто царствованія Уэн-Ти разнесся слухъ, что нѣкакой престарѣлой ученой человѣкъ, именемъ Фу-Шенгъ, знаетъ Шу-Кингъ наизусть: по указу Государя сего повелѣно было написать ее съ изустныхъ его сказаній.

Не поступая далѣе, дадимъ здѣсь мѣсто двумъ небольшимъ примѣчаніямъ: 1) Фу-Шенгу по увѣренію

Лiэу-Те-Минга и многихъ другихъ, удалось укрыть одну такую книгу, которую потерялъ однако же послѣ въ наставшія войны при перемѣнѣ династіи. 2) Имѣли и имѣемъ мы въ обычаѣ заставлять дѣтей нашихъ твердить Книги наизусть, прежде нежели ихъ толковать имъ начнемъ, чтобъ лучше помнили и незагладимѣе бы вкоренились у нихъ въ мысляхъ. Надобно еще молвить, что Шу-Кингъ, какая у насъ нынѣ въ пятидесяти осьми главахъ, состоитъ только въ двацати пяти тысячахъ въ семи стахъ словахъ: слѣдовательно меньше Виргиліевой Энеиды. Фу Шенгъ не могъ насказать болѣе осьмнацати главъ присланнымъ къ нему отъ Двора, коимъ конечно трудно было понимать нарѣчіе старца сего, совсѣмъ отмѣннаго отъ ихъ нарѣчія, и находить приличныя буквы. Нгеу-Янгъ и Гіа-Геуа, славные ученые при Дворѣ, приступили преподавать Шу-Кингъ по школамъ. Каждой сочинилъ толкованія, столь похваляемыя въ лѣтописяхъ нашихъ; но къ нещастію потерянныя въ смутныя времена, предшествовавшія Танговой династіи. Нгеу-Янгъ говоритъ о своемъ толкованіи: . . . . „Долженствовалъ я вопрошаться со многими, „чтобъ выразумѣть Шу-Кингъ и толковать. „

Послѣдователи великихъ сихъ мужей, или лучше преемники преподаванія въ школахъ Шу-Кинга, не успѣли еще обнародовать свои объясненія, какъ Конг-Уангъ, сынъ Богдыхана Кин-Ти, при разломаніи дома, въ которомъ жили потомки Конфуція, для разпространенія Дворца своего, къ неизреченной радости нашелъ рукописную Шу-Кингъ, закладенную въ стѣнѣ. Тотчасъ возвѣстилъ о томъ Государю, и находка отдана Конг-Нган-Куэу, претьемунадесять наслѣднику Конфуціеву по прямой низходящей чертѣ.

Конг-

Конг-Нган-Куэ былъ весьма знающъ въ древностяхъ; преданія его остались навсегда драгоцѣнны въ родѣ Конфуція; но рукопись, о коей слово, состояла изъ старинныхъ Ко-Тэускихъ буквъ, коихъ уже никто не разумѣлъ: а бамбуевы доски, на коихъ была писана, или истлѣли, или источены отъ червей. Другіе памятники древности, другія Книги, послѣ находимыя, и Фу-Шенгова Шу-Кингъ, много вспомоществовали къ растолкованію оной. Прилагая сыски къ сыскамъ, сличенія къ сличеніямъ, перевели на языкъ употребительной пятьдесятъ восемь главъ, сопричисляя къ тому же и тѣ двадцать восемь, которыя уже имѣли въ рукахъ. Составились тридцать три главы, а прочія потеряны. Конг-Нган-Куэ лучше восхотѣлъ лишиться ихъ, нежели выдать догадки истинною. Онъ же присоединилъ пространное толкованіе къ новому Шу-Кингу. Ма-Тшингъ повѣствуетъ, что сіе изданіе состояло въ сорокъ шести книгахъ; что сочинитель не посмѣлъ представить его Двору, державшемуся тогда ученій ложныхъ и волхвованія. Истинна же не имѣла ни защитниковъ, ни друзей. Труды свои хранилъ у себя, и говорить объ нихъ перестали. Преподаватели въ школахъ Шу-Кинга Фу-Шенгова по зависти не хотѣли имѣть послѣдователей; однако же рукопись его, какъ точно упоминаютъ лѣтописи и многіе наши писатели, тайно изтребована Дворомъ и положена въ государственное книгохранилище Тсонг-Ю-Пи-Фу. Сэ-Ма-Сіэну позволенъ былъ свободный туда входъ для сочиненія исторіи. Возмогъ онъ пользоваться сею рукописью, да и столь откровенно, что списалъ слово въ слово лучшія мѣста, какъ то видѣть можно въ старинныхъ и новѣйшихъ изданіяхъ лѣтописей. Но перо ученаго сего мужа никого не увѣрило, а еще

того

того меньше Дворъ. Шу-КингЪ Фу-ШенговЪ предпочелся, и учили по оному даже до конца пятаго столѣтія. Многіе ученые люди, по свидѣтельству Ма-Тшинга, имѣли у себя списки, занимались чтеніемъ ихъ у себя по домамъ: были въ толикомъ почтеніи отъ мужей глубокой учености, что Ту-ЛинЪ денно и ночно носилъ при себѣ такой списокъ чрезъ все продолженіе междоусобныхъ браней, бѣгствуя изъ области въ область, дабы не разлучиться съ симъ сокровищемъ [какъ называлъ] своимъ. Мало помалу размножалися такіе списки въ теченіи династіи, не долго длившейся послѣ долговременной Ганской династіи же. Торжественно обнародованы были въ династіи Танговой шесть сотъ сороковаго года. Богдыханъ У-Ти кратикой же династіи Тсуэвой правда что выдавалъ повелѣніе, около двухъ сотъ лѣтъ предъ тѣмъ, преподавать по сей рукописи въ государственномъ училищѣ, да и затмила уже она тогда и привела въ забвеніе Фу-ШенговЪ Шу-КингЪ; но еще не утверждена была гласнымъ разсматриваніемъ цѣнителей книгъ и общимъ ихъ свидѣтельствомъ, даже не уравнивалась въ достоинствѣ съ другими древними книгами. Тай-ТсонЪ во времена откровенной проповѣди Евангелія въ Китаѣ доставилъ Шу-КингЪ сею честію, внесши съ таковыми прочими въ большее свое изданіе. Заглавіе украсилъ именемъ знаменитаго Конг-Ин-Та, потомка Конфуціева и Конг-Нган-Куэва. Племя Конфуція, столь обильное въ мужахъ великихъ [и самое древнее на свѣтѣ] нынѣ еще многочисленно и процвѣтающе. СтарѣйшаГо между ими именуетъ Княземъ государственнымъ; пользуется онъ многими преимуществами. Достойно замѣтить, что никогда и ни одинъ идолослужитель, ниже одинъ зараженный какимъ либо расколомъ, не помрачалъ

славы

славы сего племени. Лучшіе наши ученые люди созывались изъ всѣхъ областей вспомоществовать Конг-Ин-Таю, и по длинномъ родѣ годовъ, въ трудахъ и поискахъ провожденныхъ, появилась наослѣдокъ книга Шу-Кингъ такою, какъ ее разположилъ и издалъ Конг-Нган-Куэ. Дополненіе его оной утрашилось. Замѣнило однако же другое, достойнѣе перваго, достойнѣе остаться навсегда образцемъ ясности, точности и изрaзительности слога; снабдѣвающее науки всѣми возможными такъ сказать парусами, подъ коими бы могли плыть къ вѣчности безъ препятствъ отъ долготы времени, не рѣдко затмѣвающей частіе истинны преподаемаго ими. Шу-Кингъ въ послѣдующія времена претерпѣлъ только ту премѣну, что около ста лѣтъ началъ печататься новѣйшими буквами.

Не трудно войти съ учеными нашими въ историческія подробности: о разныхъ ли рукописяхъ Шу-Кинга; о тѣхъ ли особахъ, кои ихъ у себя имѣли; о разныхъ ли училищахъ, гдѣ были преподаваемы; какими именно славными мужами одними по другихъ; или напослѣдокъ о многочисленныхъ изданіяхъ Шу-Кинга, дошедшихъ до нашихъ временъ, и чѣмъ различаются такія книги? Но какъ сіе завело бы насъ въ безмѣрное пространство разсужденій, то скажемъ только, что сомнѣнія ученыхъ людей о нѣкоторыхъ мѣстахъ Шу-Кинга, разнящихся между собою, о нѣкоторыхъ несходствахъ въ правописи, о небольшемъ числѣ буквъ и неважныхъ переносахъ смысла, переходили изъ династіи въ династію, да и нынѣ происходятъ состязанія. Власть и сила Государей нашихъ не могли наложить молчаніе ревности сего рода ученыхъ людей. Самыя мраморныя доски, на

иоихъ вырѣзаны изъ Шу-Кинга правила государственныя, не избѣжали различныхъ толковъ, какъ скоро выставлены были на вратахъ государственнаго нашего училища; а сіе повершаетъ все.

Слогъ Шу-Кинга есть совсѣмъ особой: простъ, красенъ, краткъ, повсюду высокъ, не шотъ, что слогъ нынѣшняго Шу-Кинга. Разумѣть ихъ за одно есть пренесеніе съ мѣста на мѣсто смысла, естьли кто станетъ искать совозпослѣдованіе содержаній и разсматривать оныя подробно. Одна глава не связуется съ другою, а всѣ совокупно учиняютъ рядъ сокращенныхъ выписокъ, еще паче несвязующихся взаимно, нежели извѣстное Европейское сочиненіе Селекта господина Шомире, изданное имъ въ пользу учащихся. Дѣянія, повѣствуемыя въ Шу-Кингѣ, наставленія, наука нравовъ, политика и философія, даютъ ей всю цѣну. Платоны, Аристотели, столько же дѣлаютъ приступовъ къ правиламъ своимъ, столько же даютъ имъ видовъ, горячатся ихъ подпирая, и являютъ разборчивость во избираніи образовъ, какъ оные раздроблять: сколько содержанія Шу-Кинга просты, естественны и вѣрны, истинна безъ предваряющей ее зари, а въ полномъ своемъ свѣтѣ; краснорѣчіе глубоко, изразительно, очевидно, доказывающе. Глубина душъ удостовѣряется, какъ бы истинна сказуемаго происшекала изъ самой ихъ внутренности у слушателей и читателей. Шу Кингъ не щадитъ страстей и предразсудковъ; въ человѣкѣ видитъ человѣка. Правосудіе Шанг-Тіа [Божіе] разумѣетъ обезоруживаемымъ отъ собственной же Его благости въ пользу раскаявающихся. Приводитъ примѣры, что та же самая Десница увѣнчаваетъ добродѣтель въ порабощеніи, караетъ злыхъ Государей на престолахъ и губитъ ихъ

подъ

подъ развалинами величія ихъ. Саны Царей достаются человѣкамъ по единому избранію Тіэна [Бога]. Облеченный таковымъ саномъ паче долженъ представлять въ себѣ Его лице мудростію своею и благотворительностію, нежели уразами могущества и власти. Мечь, имъ же вложенный въ руку Царя, посѣкая неправедно что либо, самаго Бога собственно ранитъ. Сіяніе діадимы да не извлекаетъ ниже единаго вздоха у послѣднѣйшаго изъ подданныхъ. Слава Царя есть ощастливленіе народа, не на косвенныхъ правилахъ политики, все къ себѣ только самой относящей. Шу-Кингъ основываетъ искусство царствовать. Тайныя пружины сего искусства суть только способны ко удержанію въ совершенной чистотѣ науки и нравоученія, ограждая ихъ доблестьми общежительными, гражданскими и священными. Примѣры Царя, по разуму Шу-Кинга, суть сильнѣйшія опоры власти его. Чѣмъ паче благій онъ сынъ, благій отецъ, супругъ, братъ, родственникъ, гражданинъ, другъ: тѣмъ меньше возъимѣетъ нужды заставлять повиноваться себѣ. Чѣмъ болѣе чтить будетъ людей престарѣлыхъ, удостоивать отличностей своихъ чиновниковъ, уважать добродѣтель, умиляться надъ нещастными: пополику паче увидитъ себя благоговѣема, хвалима, славима и любима. Отъ сего слѣдуетъ, что Шу-Кингъ толкуетъ войны и самовластительство наровнѣ съ пожарами, коихъ скоропротечное пламя оставляетъ по себѣ только пепелъ и слезы, и [сіе можетъ быть не по вкусу всякаго Европейца] что человѣки имѣютъ слишкомъ много нужды, слишкомъ мало силы, чтобъ преизбыточество однихъ не было для другихъ необходимостію. Роскошь рисуетъ самыми ошпарительными красками, вездѣ кажетъ ее камнемъ претыканія общему благу; доказываетъ произшествіями,

что развращеніе нравовъ, какъ естественные ея слѣды, повлекло за собою паденіе династіи Гіаэвой и Шанговой. Роскошь, по разуму Шу-Кинга, есть обиліе рода такого, какъ опухоль, или отекъ на человѣческомъ тѣлѣ, а не дородство. Сколь многія бы еще надлежало пріобщить здѣсь черты ко изображенію красотъ ученія Шу-Кинга! Не упорствуемъ находить мы себя чрезмѣрно пореваемыми восторгомъ пристрастія къ отечеству, но конечно примемся таковыми. Отцы проповѣдники вѣры Гобиль и Бенуа перевели Шу-Кингъ, одинъ на Французской, а другой на Латинской языкъ. Переводамъ ихъ должно быть во Франціи; да читаютъ Европейцы и судятъ насъ. Шу-Кингъ за тритцать пять столѣтій предъ симъ доказываетъ Китаю, что земледѣльство есть источникъ самый чистый, самый обильный и самый неизчерпаемый богатствъ и велелѣпія областей. Чрезъ толикій рядъ временъ не бывало Китайцамъ нужды ни въ какомъ иномъ, ниже самомъ мѣлкомъ сочиненіи къ подпиранію святой сей истинны.

Ученые Гановой династіи, повѣствуетъ Тцин-Тсеэ, написали болѣе тритцати тысячь буквъ, или знаковъ, изъясняя два первыя слова книги Шу-Кинга; написали бы и больше, нападая на знаменованіе сихъ словъ. Ополченію у насъ на сей драгоцѣнный остатокъ древности не можемъ инако дать понятіе Европейцамъ, какъ уподобляя Шу-Кингъ Священному ихъ Писанію, розыскиваемому, опровергаемому и клевещемому: сіе продолжалось, начиная династіею Гановъ, до династіи же Сонговъ, сирѣчь болѣе тысячи четырехъ сотъ лѣтъ. Часть сія исторіи нашей ученостію всегда нова, всегда привлекательна, ради странныхъ стеченій случаевъ, коими напол-

полнена. Упражняющіеся въ наукахъ представляются здѣсь такими, какъ и по инымъ краямъ свѣта: вождями духовъ какого либо особливаго умствованія, упрямаго защищенія какой либо системы, изувѣрія усилившагося, восторговъ соперничества, тонкостей политики, гордыни учености, глупаго надѣянія на самихъ себя. . . . Лин-Те имѣлъ причину говорить: . . . . „Развратные и смѣха достойные толки, без„умныя мнѣнія, ребячьи ссоры ученыхъ, болѣе при„носятъ пользы, нежели лучшія сочиненія, естьли „кто умѣетъ глядѣть на нихъ съ надлежащей „стороны.„

Тѣснота предѣловъ Опыта сего не можетъ вмѣстить повѣствованія объ ученыхъ онихъ войнахъ, произведенныхъ Шу-Кингомъ; скажемъ только вообще: одни сражалися, восходя до временъ Конфуціевыхъ, хотѣвъ выдать ее за сказку объ ученіи великаго сего мужа. Другіе, отмеча возможность въ отысканіи ея послѣ истребленія книгъ, паче всего затрудняли произшествія въ писателяхъ того времени. Третьи винили невѣрностію издателей, и думали доказывать, что смятенія народныя, сожженіе книгъ, ссылки и изгнанія ученыхъ, междоусобныя войны и премѣны династій, не могли никакія подлинныя древнія книги оставить всецѣлыми. Четвертые опровергали достовѣрность Шу-Кинга самимъ качествомъ въ ней пишемаго, съ помощію такой критики, которая сама себѣ установляла вѣсъ и мѣру; не принимали за истинну, естьли что либо не соотвѣтствовало ихъ мыслямъ. Пятые посредствомъ порядка лѣточисленнаго и справокъ со всѣми иными книгами находили неисправною и противорѣчащею. Шестые порочили ея нравоученіе, политику и тому подоб-

ное; выводили, что разногласитъ въ правилахъ съ прочими нашими Кингами, даже и съ сочиненіями Конфуція. Седьмые составляли длинныя росписи несходствъ, переносовъ словъ, разностей въ правописи и въ самыхъ буквахъ; а по тому заключали, что перестроила слога Шу-Кинга премѣнила существенное ея содержаніе, запемнила первобытныя знаменованія такъ, что уже сама на себя не походила; что буквы, или знаки, на примѣръ Ко, или Кіао-Теу, о коихъ упоминаетъ Конг-Нган-Куэ, суть знаки неизвѣстные древности, и что другія книги, найденныя вмѣстѣ съ Шу-Кингомъ, писаны были инако. Наконецъ большая часть ученыхъ [что однако же довольно чудно] превозносили Шу-Кингъ великими похвалами, находя самыя трудныя мѣста ко исполкованію обстоятельствомъ, почти ничего незначущимъ, требующимъ только прилѣжанія. Замолчимъ о возраженіяхъ послѣдователей Фоэвыхъ и Тао-Сеэвыхъ, имѣвшихъ пользу порочить книгу, дѣлающую ихъ посмѣшищемъ предъ людьми. Но достойно отдать имъ справедливость: несравненно умѣреннѣе враждовали они противу Шу-Кинга, нежели вольнодумцы Танговой династіи и философы династіи Сонговой. Издатель книги Кин-Гоа замѣчаетъ, что прежде первой династіи ни одинъ ученой человѣкъ не предполагалъ возраженій противу Шу-Кинга. . . . . Танг-И-Тсіэн-Уол-Іэу-Ё. Что ученые люди послѣдней династіи ее толковали. . . . . Сонг-Ю-Тши. Въ книгѣ Кин-Гоа, не упоминая о другихъ, собраны всѣ возраженія, происки и затрудненія противу-Шу-Кинга: проходятъ главы ея одну за другою, и не останавливаяся безъ критики, гдѣ только можно. Книга Кин-Гоа есть сгонъ облаковъ въ одно мѣсто. Славный писатель

сатель Тшу-Тсеэ, той же династіи, болѣе совращаетъ, хотя меньше выдаетъ себя глубокимъ въ наукахъ. Отваживается на крашкія только реченія, но или забавныя, или иносказательныя, часто состоящія въ наборахъ словъ, пріятныхъ слуху и обманчивыхъ, всякой же разъ острыхъ и замысловатыхъ: слѣдовательно тѣмъ болѣе вредныхъ, что сочинитель дѣлаетъ себя защитникомъ Шу-Кинга. Кто избѣжитъ сѣтей его, когда вѣщаетъ онъ о сновидѣніи Као-Тсонга? . . . . По разуму Шу-Кинга, Шанг-Ти явился во снѣ доброму сему Государю и сказалъ ему: . . . . „Даю тебѣ вѣрнаго Министра [или вѣр„наго вельможу для государственныхъ твоихъ дѣлъ]. „. . . . Бывъ сіе такъ, въ чемъ и усомниться не „можно, продолжаетъ Тшу-Тсеэ, надобно, чтобъ „кто нибудь изъ небожительныхъ вельможей гово„рилъ сіе Као-Тсонгу: *даю тебѣ вѣрнаго Министра*; „потому что слово Ти значитъ вельможу. Но какъ „небожители безплотны, то боюсь, пригодится ли „безплотный для такого званія?„ Сей примѣръ описываетъ довольно, какоъ былъ Тшу-Тсеэ. Можетъ быть послужитъ то къ понятію истиннаго смысла нѣкоторыхъ Французскихъ книгъ въ томъ же вкусѣ. Въ разсужденіи же пишемаго здѣсь нами, не колеблемся изрещи, что конечно не будутъ насъ совершенно разумѣть за морями, не узнавъ прежде въ точности исторіи учености нашей и языка каждаго столѣтія. Мало нужно вникать, яко критику, въ старинныя наши состязанія о Шу-Кингѣ. Поелику болѣе имѣла она устремителей на себя, тѣмъ славнѣе проявляется торжество ея надъ ними. Искренность не позволяетъ намъ утаить, что многія возраженія противу сей книги оспались безъ отвѣтовъ. Ган-Лины, или члены государственнаго училища нашего, смягчаютъ

истин-

истинну сію. Въ заглавіи прекраснаго новаго изданія Шу-Кинга положили они сіи слова: . . . . . „Шу-„Кингъ да отвѣтствуетъ и защищаетъ сама себя, „естьли читатель безсиленъ проникнуть, что книга, „обнажившая всѣ пороки, низринувшая всѣ расколы, „установившая нравовъ чистоту, правило правитель-„ства, надежды мудрыхъ, не можетъ быть книгою „подложною: то таковый читатель не заслужи-„ваетъ, чтобъ доказывали ему то. Единый слогъ „проявляетъ древность ея людямъ, искусившимся въ „наилучшихъ сочиненіяхъ мудрыхъ нашихъ мужей „всѣхъ династій.„

Трудно утверждать съ ясностію, какое Китай нашъ имѣлъ всегда понятіе о Шу-Кингѣ. Богдыханы и ученые именовали ее источникомъ учености. . . . „очевидными наставленіями святости. . . . . благовѣ-„стіемъ закона Тіэнова [Божіяго]. . . . моремъ неизмѣ-„римыя глубины правосудія и истинны. . . . . кни-„гою Царей. . . . . искусствомъ владѣть народами „. . . . гласомъ древности. . . . . вождемъ для всѣхъ „столѣтій.„

Таковыя пышныя реченія, сверьхъ безчисленныхъ иныхъ, находимыхъ въ книгахъ нашихъ, не опредѣляютъ никакого точнаго знаменованія смысла. За морями твердятъ, что Шу-Кингъ имѣетъ власть законодательную и гражданскую, по праву торжественнаго внесенія ея въ записныя книги шести верьховныхъ нашихъ судилищъ. Смѣшная сія ошибка не заслуживаетъ примѣчанія. . . . . Шуточная и забавная мысль: . . . . „Вносить въ книги судилищъ го-„сударственныхъ доходовъ, государственныхъ обще-„ственныхъ работъ, государственныхъ военныхъ

„дѣлъ

„дѣлъ и тому подобныхъ! . . . . Царямъ нашимъ, „дѣловымъ ихъ людямъ, нѣтъ ни до чего нужды, „кромѣ законовъ: не совопрошаются ни съ чемъ, кро„мѣ оныхъ.„

Законы настоящей династіи малое нѣчто заимствовали изъ Шу-Кинга, во многомъ же удаляются отъ пишемаго въ ней; явно противорѣчатъ въ надлежащемъ до общественнаго права и коренныхъ основаній отечества. А по тому ясно, что Шу-Кингъ не участвуетъ въ рѣшеніяхъ всякаго рода судебныхъ нашихъ мѣстъ. Чтобъ увидѣть книгу сію въ полномъ ея сіяніи, надобно войти во святилище наукъ нашихъ: тамъ на престолѣ славы пріемлетъ почести отъ Царей, мужей мудрыхъ и ученыхъ. Проливаетъ лучи свѣта своего на всѣ науки въ государствѣ; тщательно внемлется ея гласъ, какъ блюстителя и свидѣтеля временъ ученію древности. Императоръ, произнося слова яко Самодержецъ, или яко глава учености, подпираетъ ихъ мѣстами Шу-Кинга; славится разумѣніемъ глубины смысла сея книги; не вмѣняетъ за низкое для себя брать въ руки перо и толковать мѣста ея, избирая обычайно изходившее что либо изъ устъ Государей и знаменитыхъ мужей.

Дѣловые его люди, цѣнители всего ему подвластнаго, безпрестанное пріемлютъ къ ней прибѣжище: одни, дабы одобрены были ихъ замыслы; другіе, снѣемля ненавистное въ даваемыхъ совѣтахъ, и дѣлая оные паче сильными; витіи, стихотворцы, нравоучители, философы, правила ея имѣютъ своими опорами, рѣшенія ея своимъ покровомъ, мысли душею, красоты пособіями къ достиженію до высочайшаго слога. Упражняющіеся въ словесныхъ на-

укахъ изящные умы, углубляющіеся въ размышленіяхъ, разумѣютъ ее какъ Европейцы Библію. Въ училищахъ, тамъ, гдѣ водворяются исторія и науки, власть Шу-Кинга безъ границъ никогда не нарушается; рѣшеніе ея свято. Шу-Кингъ есть книга превосходнѣйшая для государственныхъ особъ и людей мудрыхъ. Единогласно они вѣщаютъ словами Ли-Кіа: . . . „Ево только снискивается глубина знанія „закона Божіяго, не совращаясь въ суевѣріе. . . . Въ „лѣтописяхъ нашихъ стоитъ: . . . Открываетъ и „толкуетъ преданія; естьли Шу-Кингъ не первая „изъ Кинговъ нашихъ, то и не книга. . . . Тшу Эн-„Хе-Шу говоритъ: . . . . Равная глубина пишемаго „ею о духахъ и душахъ; повѣствованія ея о Шонг-„Тіэ пречудны.„ . . . . Юнг-Тшингъ напослѣдокъ, отецъ нынѣ владѣющаго Государя, переведши Шу-Кингъ на Татарскій языкъ, такъ объ ней изражается: . . . . „Книга наидрагоцѣннѣйшая между всѣми „древними; гласъ изволенія Тіэна [Бога], свѣтиль-„никъ премудрости.„

Перо упадаетъ изъ руки; не вѣдаемъ, что сказать объ ужасныхъ тѣхъ противорѣчіяхъ въ поведеніи сочетниковъ нашихъ и о высокомъ ихъ почтеніи къ Шу-Кингу. Чѣмъ болѣе размышляемъ, тѣмъ меньше можемъ сообразить, что одинъ и тотъ же смертной толкуетъ, защищаетъ преподаемое Шу-Кингомъ, и преклоняетъ колѣно предъ истуканами древянными, или глиняными. Загадку снося съ загадкою же, скажемъ, что есть и Христіане, повергающіеся предъ изображеніемъ крестнымъ, богохульствуя Христа Іисуса дѣяніями жизни и сочиненіями . . . . А сіе еще труднѣе къ рѣшенію.

Силъ-

Сильнѣе свидѣтельствовать славу Шу-Кинга не можемъ, какъ симъ: . . . . Естьли идолослуженіе, вѣра господствующая Государей и народа, не учинилась вѣрою же правительства нашего, то тѣмъ долженствуемъ Божественной сей книгѣ: первое не единожды покрывала стыдомъ. Шу-Кингъ, какъ заря предъ дневнымъ свѣтиломъ, руководствовала многимъ науками просвѣщеннымъ Китайцамъ ко кресту Господа Іисуса. . . . . Евангеліе естьли не ополчало никогда на себя членовъ государственнаго нашего училища, естьли защищалося ими и не было обезчещиваемо, то ради того единаго, что вѣра Христіанская прославляется въ Шу-Кингѣ.

СТАТЬЯ III.

Знатнѣйшіе повѣствователи о первыхъ временахъ послѣ сожженія книгъ.

Начнемъ статью сію разсматриваніемъ нѣкоторыхъ сомнѣній, о коихъ слышали мы въ Европѣ. Дается подразумѣвать, что отыскано въ Китаѣ болѣе старинныхъ книгъ, нежели какъ сказываютъ; да и есть сочинители, кои упоминаютъ невѣдомо о какихъ-то лѣтописяхъ, восходящихъ отъ рода въ родъ даже до первѣйшихъ лѣтъ мірозданія: почти нарицаютъ именами сихъ писателей; а что и того уразительнѣе, самые оплакиватели невозвратныхъ утратъ учености, пожары, истребившіе книгохранилищи Птоломеевы, послѣ же и Константинопольское, болѣе другихъ не имовѣрствуютъ, чтобъ самовластительскій оный указъ Тсин-Ши-Гоанговъ былъ въ точности исполненъ; что бѣшенство мучителя сего было обмануто и укрыто множество книгъ.

Да позволено будетъ вопросить и намъ, какимъ указомъ погублено? Не говоримъ, сколь безмѣрное количество древнихъ книгъ, Греческихъ и Римскихъ, даже до несмѣтности размноженныхъ различными изъ нихъ выписками, разсѣявшихся почти по всему земному лицу, уцѣлѣвшихъ частію во многихъ книгохранилищахъ; но о великомъ ономъ числѣ сочиненій средней древности, и учинившихся извѣстными въ самые благоденственные дни Христіанства, коихъ остаются нынѣ только однѣ имена.

Дивно

Дивно ли, что когда столь многіе просвѣщенные народы Европейскіе оплакиваютъ утраты свои сего рода, кои, какъ кажется, легко бы могли предотвращены быть, и кои однако же столико часто случались: Китай нашъ, долженствуя довольствоваться своими собственными книгами, лишился несравненно болѣе числомъ книгъ во время гоненія, въ которое не можно было инако спасать книги, какъ только цѣною имѣнія и жизни?

Находимъ книгу, содержащую въ себѣ глубокой учености сокращеніе: она свидѣтельствуетъ, что Лакедемоняне изражали мысли свои столь сжатыми, такъ сказать, реченіями и столь въ немногихъ словахъ, что не было имъ нужды писать книгъ, возмогая все упомнить. Древніе Китайцы не могли ли имъ уподобляться? . . . . Доводъ, правда что основанной на тонкихъ догадкахъ, но лучше хотимъ искренно и согласно съ исторіею нашею признаться, что въ первѣйшіе годы мірозданія возникающія наши сельбищи, разсѣянно одно отъ другаго по неизмѣримому пространству страны, неотвлекаемо занимались разпахиваніями цѣлизнъ, разпространеніями угодій своихъ, тщаніями доставать пропитаніе; а отъ сего не оставалось имъ времени замышлять сочиненіе книгъ. Просимъ ученыхъ Европейцовъ сказать намъ, кто таковы были Греческіе и Римскіе писатели во дни первыхъ столѣтій послѣ окорененія отчизнъ ихъ, и сколько было такихъ же на завоеванныхъ ими мѣстахъ въ обѣихъ Америкахъ и Индіяхъ? Мало тому знаема древность, кто разумѣетъ ее столь же болѣливою, каковы времена новѣйшія. . . . . „Древніе, вѣ„щаетъ Конфуцій, всѣ часы житія своего обращая на „проспираніе въ добродѣтеляхъ, отнюдь не щадили

„ оныхъ на разговоры и состязанія. Благіе примѣры „ были ихъ книги. Слова притупляютъ силы души. „ Наилучшія сочиненія кратки, естьли не вмѣшивает- „ ся въ нихъ лжей.„ Тшинг - Тсеэ, приводя мѣсто сіе изъ Конфуція, пріобщаетъ: . . . . „Древніе, разсуждая „ здравѣе насъ, разсуждали о наукахъ какъ должно „ членамъ общежитія; охотнѣе желали не имѣть ну- „ жды въ книгахъ, нежели сочинять ихъ. Первыя „ ихъ сочиненія были кратки и полны не словъ, а „ вещей; прежде нежели принималися за перо, дол- „ гое время одумывали, что писать. Облака, въ одно „ мгновеніе появляющіяся и изчезающія, не даютъ „ дождей.„

Такія вѣщанія Конфуція и Тшинг - Тсеа подтверждаются преданіями и свидѣтельствомъ Кинговъ. Государи, дѣловыя ихъ особы, мужи мудрые, приводимые въ Шу - Кингѣ, вѣдаютъ исторію своего отечества по однѣмъ знаменитымъ произшествіямъ. Ю - Тсеэ и Я - Тсеэ, книги, послѣдовавшія за Кингами, описываютъ древность. Слогъ оныхъ затрудняетъ читателей безмѣрною своею краткостію и стѣсненіемъ смысла; состоитъ въ однѣхъ пословицахъ. Но для чего повторять, что уже упомянули? Предъ окончаніемъ Тшеуской династіи размножилися у насъ книги; мало же сочиненныхъ въ самыя древнѣйшія времена, но для того, что и бывало ихъ всегда мало.

Какъ же, возразятъ намъ, согласить то, что указы Императоровъ, изданные на поспѣшествованіе наукъ, поспособствовали опысканію весьма небольшаго только числа книгъ?

Столь неотступно нудимы бывъ, скажемъ все: 1) Начиная послѣдними годами Тшеуской династіи,

Князи

Князи данники были враги древнихъ книгъ, которыя казали имъ скипетръ Императоровъ подъятой надъ ними, слѣдовательно всячески усиливались стать независимы отъ нихъ; а того и довольно. 2) Тсин-Ши-Гоангъ возшелъ на престолъ, искоренивъ прежде всѣ помѣстныя владычества Князей; а по сему еще болѣе долженствовалъ онъ страшиться древнихъ книгъ и ненавидѣть. Предъ гоненіемъ своимъ на нихъ истребилъ уже многія Тсин-Ши-Гоангъ, коего самыя маловажныя положенія исполнялися какъ законы. 3) Виды политики принуждали Императоровъ Ганскаго поколѣнія пользоваться хищничествами и злодѣяніями, помощію которыхъ возвеличилось ихъ самовластіе. Вотъ съ которой стороны надобно взирать на утрату и отысканіе древнихъ нашихъ книгъ! Подозрѣвающіе Христіанскихъ проповѣдниковъ въ неправедномъ свидѣтельствѣ, что мало у насъ древнихъ книгъ, проявляютъ только невѣжество свое. Нужны для нихъ подробности, вотъ онѣ:

Когда У-Ти, пятый Императоръ Ганскаго поколѣнія, повелѣлъ показать себѣ всѣ отысканныя книги, то прислано было отвсюду столько, что, говоря словами сочинителя, навалены горами предъ Дворцемъ. Но какія то были книги?.... Писанныя въ царствованія Тсин-Ши-Гоанга и У-Тіева прадѣда, основателя династіи своей. У-Ти довольно зналъ древнія книги, почему и предпочелъ прочимъ только тѣ шесть Кинговъ, о коихъ уже мы упоминали. Большія лѣтописи и тому подобное, никогда не выходили изъ государственнаго книгохранилища Тисускаго поколѣнія Императоровъ, коими были захвачены. Послушаемъ Сеэ-Машси-Эна:..... „Хотя удалось Тсину „превратить въ пепелъ Шу-Кингъ, Ши Кингъ и дру-

„гія

„гія книги, нашлося однако же нѣсколько оныхъ час-
„тію внѣ, частію внутрь государства. Все, надле-
„жащее до исторіи нашей, заперто было въ одномъ
„Тшеускомъ книгохранилищѣ, слѣдовательно и изтре-
„блено огнемъ. Утрата, вѣчнаго оплакиванія достойная!
„утрата, вѣчно ничѣмъ не замѣняемая!„ Но развѣ не льзя
употребить поисковъ въ сосѣдственныхъ народахъ?
. . . . „Мысль, безпрерывно занимавшая головы уче-
„ныхъ Китайцевъ болѣе осьмнатцати столѣтій. Отъ
„Двора издаваны повелѣнія; происходили поиски въ
„Кореѣ, Японіи, Индіи и даже въ Персіи; тѣ же
„самыя повелѣнія были возобновляемы въ теченіи
„многихъ вѣковъ, потомъ послѣдовавшихъ, но безъ
„успѣха. При Императорахъ Ганскаго поколѣнія отыс-
„скано сто сорокъ книгъ. Десять отданы знаменито-
„му мужу Нгеу-Янгу, четырнатцать подобно же
„сысканы въ царствованія Тонгскаго поколѣнія, двад-
„цать восемь привезены изъ за морей при Императо-
„рахъ Сонгской династіи, и такъ далѣе. Все то не
„замѣнило утраты нашей. Въ Европѣ не вѣдаютъ
„приключенія, о коемъ повѣствуетъ Фу-Ти, какъ
„въ продолженіе Тшеуской династіи нашли въ
„нѣкоторой пещерѣ двѣ тысячи древнихъ книгъ,
„заклаженныя внутри каменной горы. Ученые
„наши заплатили бы чистымъ золотомъ вѣсъ
„каждой книги Шу-Кинга, но не увидѣли ни
„одной.„

Истинныхъ ученыхъ людей, благонамѣренныхъ къ отечеству нашему, просимъ возвести очи на Уэн-Гіэн-Уинг-Као, и Ивен-Кіэн-Лей-Ганъ, Тсеэ-Ши-Кин-Коа, и другія: въ нихъ представятся ко удивленію ихъ неподражаемые примѣры ревности ученыхъ нашихъ въ отысканіи, проявленіи, возрожденіи,

ніи, сличеніи, сохраненіи и обнародованіи древнихъ рукописей.

Не думали мы столь долго задержаться предварительнымъ вступленіемъ къ сему нашему сочиненію; но да послужитъ то отвѣтомъ на многіе вопросы, дѣлаемые уже намъ, и да опровергнутъ всякія подозрѣнія.

„Государь! говаривалъ Ли-Піао Императору „У-Ти: каждый день приводитъ намъ на память „многое изъ случившагося въ день вчерашній, но „не приводитъ того, что мы тогда чувствовали. „Кто медлитъ записывать случающееся, тотъ под„вергаетъ ослабленію чувствованнаго имъ. . . . . „ Правило мудрое и прекрасное, ставшее пословицею въ учености, закономъ государственнымъ: оно-то доставило Китай историографами, замѣчателями приключеній каждаго дня, достойныхъ внесенія въ лѣтописи для потомства. Императоры Ганскаго поколѣнія посреди общенародныхъ замѣшательствъ и междоусобныхъ браней только что возникающей династіи имѣли историографовъ: они, не сводя, можно сказать, глазъ съ отечества своего, судили произшествія и записывали. Но какъ лѣтописи первыхъ нашихъ династій не избѣжали гоненія Тсин-Ши-Гоанга, которой восхотѣлъ, чтобъ начинались оныя его царствованіемъ, и всѣ безъ изъятія погибли: то Китай доведенъ сталъ не знать, что былъ онъ прежде. Недостатокъ памятниковъ и виды политики долго препятствовали Императорамъ нашимъ приступать къ возобновленію утраченнаго такимъ образомъ. Приводить на память образъ древняго правительства было тоже самое, что и огорчать духи

народа, терпящаго нищету; разправлять не совсѣмъ еще поджившія раны; внушать и самымъ умѣреннѣйшимъ попытки къ прерванію узъ, наложенныхъ предками сихъ Императоровъ.

Не прежде, какъ за сто четыре года до воплощенія Сына Божіяго, сирѣчь въ началѣ втораго столѣтія новой династіи, Императоры наши отважилися попустить сочиненію всеобщей исторіи Китайскаго государства искони и даже до настоящаго времени.

Сеэ-Ма-Тсіэнъ за 104 года до воплощенія Сына Божіяго.

На Сеэ-Ма-Тсіэна, ученаго мужа, сына мужа ученаго же, возложено было великое сіе дѣло: названъ онъ былъ главою засѣданія историческаго.

Отецъ его предшествовалъ ему въ званіи семъ, и какъ бы предвидѣлъ, что сынъ его тоже самое исполнять будетъ долженъ; потому что заставлялъ его путешествовать по всему государству, пріобрѣтать познанія помѣстныя и географическія, столь нужныя для толкованія древнихъ памятниковъ. Оставилъ ему въ наслѣдство безчисленное множество книгъ, рукописей и чертежей землеописательныхъ. Какъ скоро Сеэ Ма-Тсіэнъ вступилъ въ должность свою, отверзто предъ нимъ стало государственное книгохранилище; многимъ ученымъ людямъ дано повелѣніе помогать ему; предписано было не имѣть никакого инаго упражненія, кромѣ только того, чтобъ сочинять лѣтописи. Въ трудахъ сего рода проводилъ онъ только семь лѣтъ. Вступившись за нѣкоего нещастнаго человѣка, или паче произнесши нѣсколько словъ противу охоты У-Тіа къ волхвованію, навлекъ ненависть Двора на весь прочій остатокъ жизни своей;

своей; обѣднялъ даже до того, что не нашелся въ состояніи собрать сто унцій серебра, дабы откупиться отъ посрамительной казни, чтобъ не стать скопцемъ. Духъ пререканія принудилъ его сказать сіи слова: . . . . „Кто имѣетъ чѣмъ задобрить судей, тотъ „не умираетъ никогда отъ катскихъ рукъ.„ Къ довершенію злоключенія низшелъ во гробъ, не пользуяся славою своею. Лѣтописи, имъ сочиненныя, коихъ расположеніе предвѣщало шворца, одареннаго рѣдкою способностію, взяты были въ государственное книгохранилище; долгое время оставались въ небреженіи, и многое изъ нихъ разтеряно.

Сеэ-Ки, сочиненіе сего нашего Тита Ливія, раздѣлено было на сто тринцать книгъ. Первая начинается Гоанг-Тіэмъ, оканчивается же Юэмъ; вторая содержитъ исторію Яэвой династіи, третія Шанговой, четвертая Тшеуэвой; шесть, за тѣмъ послѣдующихъ, вмѣщаютъ царствованія Тсиновъ и Гановъ, даже до четвертаго лѣта владычества У-Тіева, современнаго сто четвертому году до Рождества Христова; двенацать сихъ книгъ названы Фен-Ки, или основаніями исторіи. Изъ писанныхъ потомъ десяти дано имя Ніэн-Піао-Ти, сирѣчь годы, и суть ничто иное, какъ одно лѣточисленіе. Восемь наречены Шу, или книги, надлежатъ до чиноположеній вѣры, музыки голосной и инструментальной, календаря, астрономіи и прочаго; потомъ тринцать книгъ прозваны Ши-Кіа, или семейства времени: замыкаютъ въ себѣ исторію государственныхъ Князей и ихъ владѣній. Семьдесятъ книгъ Ліэ-Тшуанъ, или послѣдованіе записокъ, назначены имъ были къ показанію мужей славныхъ во всякомъ родѣ, о коихъ упоминается въ лѣтописяхъ; слѣдовательно три только

книги оставлены были для древней нашей исторіи по тысяча сто двапцать второе лѣто отъ Рождества Христа Спасителя; ибо книги Шуи, Ши-Кіи и Ліэн-Тшуаны, не восходили далѣе Тшеускаго поколѣнія. Скажемъ къ тому, что книги сіи, не имѣя каждая болѣе двапцати страницъ, наполняются объясненіями и примѣчаніями. Ученые наши не смотрятъ на то, когда сказываютъ имъ, что большія наши лѣтописи, именуемыя Ніэн-Эульгъ, состоятъ въ шести стахъ шестидесяти осьми томахъ. Хотя то и самая правда, и хотя совсѣмъ не начинаютъ еще повѣствовать оныя о царствующей нынѣ династіи, однако же извѣстно имъ, что изъ всѣхъ оныхъ шести сотъ шестидесяти осьми томовъ одинъ только содержитъ въ себѣ исторію отечества нашего даже до династіи Тшеуской. Сочиненіе Сеэ-Ки хранится и въ королевскомъ Французскомъ книгохранилищѣ: любопытные могутъ оное видѣть.

Послѣ сего скажемъ, чѣмъ укоряютъ Сеэ-Ми-Тсіэна наши ученые. Теперь же замѣтимъ только: 1) Всѣ единогласно пріемлютъ пять Кинговъ: Сеэ-Шу, при дополненія Тшун-Тсіэуа, Куэ-Ю, сочиненія Тсон-Шіа, Кіа-Ю Конфуціевъ, Ши-Пенъ, изданной при Тсин-Ши-Гоангѣ, какъ многіе думаютъ; лѣтописи царства Тсинскаго, о коихъ уже мы писали, и Тшун-Тсіэу, суть одни коренные источники, изъ коихъ почерпалъ Титъ Ливій нашъ. 2) Извѣстно по свидѣтельствамъ и сѣтованіямъ ученыхъ нашихъ мужей, что со временъ Сеэ-Ма-Тсіэна до нынѣ не отыскался ниже одинъ какой либо памятникъ, ниже одна какая либо рукопись, изъ надлежащихъ до всей той части исторіи, которая предшествуетъ Тшеуской династіи. Вотъ для чего Тсеэ-Ма-

Ма-Тсіенъ не располагаетъ по годамъ событія, а только основывается на книгахъ.

Никто изъ ученыхъ нашихъ мужей не оспориваетъ, чтобъ книга Сеэ-Ки не была сочиненія глубокаго разума. Сеэ-Ма-Тсіенъ сколько скупъ на слова, столько же обиленъ размышленіями. Одной строки для него довольно и повѣствованіе и представленіе въ картинѣ, разнимать и объяснять разсужденіями, давать подразумѣванія того, о чемъ только что мыслилъ онъ. Выраженія его удачно отборны, взаимно сцѣпляющіяся, приличныя и особенно свойственныя пишемому имъ. Не было и нѣтъ человѣка, коего бы слогъ былъ къ слогу его столь близокъ, какъ его къ слогу Кинговъ. Отъ пера его исходятъ, можно назвать, говорящія картины: человѣкъ обнажается въ самой своей точности. Нужно было поставить примѣчанія ради краткости и отрывчивости рѣчей, ради древнихъ буквъ, или знаковъ, и мѣстъ, почерпнутыхъ въ Кингахъ: всемъ онымъ преисполненно сіе сочиненіе, паче же ради особыхъ словъ чиноположительныхъ времени Сеэ-Ма-Тсіэна, и красотъ витійства, повсюду срѣщаемыхъ.

Пан-Ку.

Пан-Ку есть вторый историкъ. Вступивъ онъ во исправленіе сего званія своего, имѣлъ въ рукахъ всѣ бумаги Сеэ-Ма-Тсіэна, Ліеу-Гіанга и Пан-Піаоа, отца своего. Сими-то великими пособіями содѣйствуемой, продолжалъ сочиненіе лѣтописей. Ради испытанія ли силъ съ соперникомъ своимъ, для благоугожденія ли царствовавшему поколѣнію Государей (что и вѣроятно; ибо Императоръ У-Ти, читая писанное Сеэ-Ма-Тсіэномъ объ отцѣ своемъ, изодралъ книгу и повергъ къ ногамъ своимъ) началъ временами Као-Тсуя, основателя Ганской династіи, и две-

нащатьми книгами довелъ труды свои до временъ Пан-Тіа. Послѣдовавшими за тѣмъ осьмьюдесятью осьмью книгами дополнилъ и окончалъ предпріятія предшественника своего, сирѣчь подобно ему написалъ восемь книгъ лѣточисленныхъ и родословныхъ Императорскихъ. Далѣе еще въ седьмидесяти книгахъ вмѣстилъ о великихъ и славныхъ мужахъ. Еще въ десяти книгахъ, напослѣдокъ названныхъ имъ Пе-Тши, разпростерся о законахъ гражданскихъ и уголовныхъ, объ исторіи натуральной, земной и поднебесной, наукахъ и художествахъ, нравахъ и вѣрѣ. Пан-Ку имѣлъ достойный подражанія образецъ въ предшественникѣ своемъ; старался его превзойти, но не могъ и сравниться. Хотя книга Сеэ-Ки, сочиненіе перваго, содержитъ въ себѣ только пятьдесятъ, а лѣтописи Пан-Куевы болѣе осьмидесяти тысячь словъ; въ послѣднихъ однако же далеко меньше вещей и дѣяній. Пан-Ку не имѣлъ столь глубокаго и проницательнаго ума, толикаго же возвышенія мыслей, толико же возхищающей ясности и простоты слога, каковыми былъ одаренъ Сеэ-Ма-Тсіэнъ. Правда, даже до невѣроятія рылся, можно сказать, во всей учености, писалъ красно, да и пользовался нѣсколько лѣтъ громчайшею славою, нежели Сеэ-Ма-Тсіэнъ, однако уже по смерти своей. Бѣды и нещастія какъ бы сопряжены суть со званіемъ исторіографовъ: приводя уже ко окончанію труды свои, лишился милости Двора и умеръ въ темницѣ. Пан-Ку въ самой точности былъ только историкъ на времена Ганской династіи. Здѣсь упоминаемъ мы объ немъ по причинѣ, что онъ продолжалъ лѣтописи Сеэ-Ма-Тсіэна, и коснулся многимъ статьямъ Тшеускаго поколѣнія, о коихъ первой не начиналъ еще повѣствовать.

Сеэ-

Сеэ-Ма-Тсіэнъ началъ исторію свою вдругъ царствованіемъ Гоанг-Тіа, а Сеэ-Ма-Тсіэнъ династіею Танговою, династіею ухищреній художествъ, вкуса, роскоши и забавъ. Досадуя онъ, что сочиненіе предка его подобно было тѣлу безъ главы, какъ говорили тогда изящные умы, предпріялъ выполнить мнимые сіи недостатки, и отойти повѣствованіями своими даже до временъ Фу-Гіэвыхъ. Жадничая впрочемъ вѣщать что либо новое и странное, справлялся съ книгами Тао-Сея, дополненіями Кинговъ, со старинными сказками, и извлекъ оттуда все такое, что содержало въ себѣ меньше нелѣпостей, наименовавъ оное Челомъ Великаго Зданія, сооруженнаго предкомъ его. Лучшее въ такомъ его выполненіи есть краткость; ибо помѣщаются на немногихъ только страницахъ предсловія, столь же длинныя, какъ и самыя сочиненія. Сеэ-Ма-Тсіэнъ.

Не скажемъ ничего о большей его книгѣ Су-Кинъ; потому что не сопринадлежитъ къ пишемому здѣсь нами: цѣпь тайныхъ приключеній, случаевъ, не вышедшихъ на ружу, и любовныхъ сплетней, слога подобнаго Светонову. Книгу сію нынѣ никто уже не читаетъ.

Сеэ-Ма-Куангъ, единый изъ потомковъ нашего Типа Ливія, писалъ удачнѣе Сеэ-Ма-Тсіэна, или инако зовомаго Малаго Сеэ-Ма; удержалъ славу произхожденія своего отъ него. Великой сей человѣкъ, не послѣдній между превосходными умами, людьми ученѣйшими, искусными писателями и государственными особами, каковыхъ когда либо имѣлъ Китай, былъ столь любимъ и почитаемъ, что весь народъ по смерти его облекся въ печальныя одежды. Сеэ-Ма-Куангъ.

Сверьхъ

Сверхъ продолженія большей нашей исторіи, надъ которою трудился съ нѣкоторыми въ томъ помощниками, составилъ прекрасное сокращеніе лѣтописей нашихъ. Качества и разположенія онаго подобны того же рода сочиненію предсѣдателя Гено. Цѣлію своею поставляя толкованіе истиннаго ученія древности, запопляемаго, можно назвать, неизмѣримымъ Океаномъ книгъ, болѣе всего старался живо описывать лицы, выводимыя имъ дѣяніями, означая разумъ оныхъ и сердце. Дѣяніямъ таковымъ придавая красоту рѣдкими ихъ дарованіями природы, видами, каковые при томъ имѣли; ихъ корыстьми, ихъ погрѣшностями и добродѣтелями; не отгадывая, подобно Тациту; не прокрадываясь мысленно внутрь Дворцевъ, подобно Светону, столь къ мѣсту и столь сильно основывается на обстоятельствахъ рѣшительныхъ, что, сказать можно, влагаетъ въ руки читателей сцѣпленіе произшествій; путеводствуетъ имъ изъ одной ясности въ другую, даже до самыхъ отдаленнѣйшихъ и производящихъ удивленіе временъ. Умъ его, паче твердый, нежели сіяющій; паче прямый, нежели проницательный; паче сжатый, нежели пріятный, предоставляетъ пишемому всю важность, всю величественность. Естьли не льститъ слуху и мыслямъ, то не выпускаетъ ничего нужнаго къ освѣдомленію читателя. Словомъ, вѣщаетъ повсюду витійствомъ философа, непримѣтно заставляющаго согласоваться съ собою. Въ людяхъ неключимѣйшихъ производитъ размышленія. Поелику любитъ кто либо истинну, нравится ему книга Тсе-Тши-Тонг-Кіэнъ. Первое ея достоинство есть изображеніе истиннаго духа правительства нашего. Ощутительно нудитъ признаться, что Государи и на-

роды, совратившись на единый токмо шагъ отъ законовъ, начинаютъ уже ближиться къ общей гибели. Содержаніе сей книги взимается отъ двадесять третіяго года царствованія Императора *Ли*-Уанга, сирѣчь за сто тридесять девять лѣтъ до Рождества Христова, и повѣствуетъ по девять сотъ пятьдесятъ девятый послѣ воплощенія Сына Божія, то есть послѣднихъ лѣтъ малой Тшеуской династіи. Не праведно думаютъ въ Европѣ, будто бы Сіэ-Ма-Куангъ въ сочиненіи своемъ возходилъ и даже до баснословной древности. Самъ онъ говоритъ нѣгдѣ, что не можно описывать времена, не имѣющія лѣточисленнаго порядка; порядка, коего крайнѣ держася, изъ сокращеній дѣлалъ сокращенія, подобныя Европейскимъ лѣточисленнымъ же таблицамъ; умѣлъ однако же не пропускать ничего.

Ліэу-Ю одаренъ былъ паче изящнымъ разумомъ, нежели Сеэ-Ма-Куангъ; но меньше его былъ философъ, меньше доброй гражданинъ, болѣе начитавшійся, нежели ученой; но и думалъ инако о временахъ до *Ліэ*-Уанга. Поборствомъ ли по расколу Тао-Сеэву, къ коему былъ прилѣпленъ въ душѣ; желаніемъ ли прославиться, но преклоненъ былъ сражаться съ человѣкомъ, затмѣвающимъ его достоинство. Сочинилъ книгу Тао-Ивенъ, возходя ею до самаго мірозданія. „Имовѣрствуя всякаго рода сочиненіямъ, го„воритъ Уэн-Тшанг-Тсеэ, принималъ *да* и *нѣтъ* „за едино: Кикихе-Феи. Противорѣчилъ лучшимъ „писателямъ: Ніэу-Ю-Шенг-Генъ.„ *Ліэу*-Ю.

Думалъ, что сочиненію сему надлежало быть первою частію сочиненія же его соперника. Выдавалъ пишемое имъ о случившемся прежде царствованія Яэа

преданіями, коихъ за истинну не ручался. Послѣ же Яоа нарочито не удалялся отъ смысла Кинговъ. Первая часть трудовъ его обратилась къ предосужденію части второй. Та и другая напослѣдокъ опорочены и не приняты въ историческое наше засѣданіе. Послѣдовавшія столѣтія хвалили за то сіе засѣданіе. Лiэу-Ю щастливѣе былъ изданіемъ книги Ки-Ку-Лу, книги лѣточисленной, возходящей даже до Фу-Гіа. Тѣ, кои присвояютъ оную перу Сеэ-Ма-Куанга, не подумали, что послѣдній одаренъ былъ довольною памятію, слѣдовательно не могъ бы самъ себѣ, а притомъ и такъ близко противорѣчить. Правда, что имя его стоитъ въ сей книгѣ, но какъ обычайно ставятся имена Секретарей Академическихъ въ издаваемыхъ сочиненіяхъ: безъ его скрѣпы, какъ предсѣдателя историческаго собранія, не выпускалися въ свѣтъ сочиненія. Къ тому должно припомнить, что начиналъ уже тогда онъ приходить въ опалу у Двора за ревность свою къ общему благу. Нещастіе свое до конца претерпѣлъ какъ философъ, и возпоржествовалъ надъ онымъ самымъ лестнымъ для него образомъ.

Кин-Хи. Какъ мысль Лiэу, чтобъ подаваться годъ за годомъ до самыхъ начатковъ монархіи нашей, была сама по себѣ похвальна, то Кин-Хи взялся произвести оную на дѣлѣ, способствуяся разными сочиненіями, особливо же Тшу-Тсеэвымъ Канг-Му. Выбралъ изъ книги Тонг-Кiэна Тсiэн-Пiэнъ, и составило то первую часть прекрасной сей исторіи. Кин-Хи имѣлъ осторожность не заходить за времена Яоэвы и держаться, сколько было ему можно, пѣхъ только благодеятельныхъ столѣтій, въ которыя первобытно основывалась монархія наша и о которыхъ

память

память соблюдена пошомству Кингами. Лiэу-Ю не возхотѣлъ избирать ся далѣе временъ Гоанг-Тiевыхъ. Пиша книгу свою Тонг-Кiэн-Уэ-Ки, имѣлъ хвалителей и защитниковъ. Кин-Хи ополчился на него въ предсловiи своемъ, и утверждалъ, что нѣтъ ничего подлинно извѣстнаго объ Яоэвыхъ временахъ, и что басни объ нихъ, чьи бы ни были, недостойны помѣщенiя въ исторiи. Желанiе увеличить книгу и наполнить промежутки въ Кингахъ, завлекло Кин-Хiа въ нѣкоторыя изъ самыхъ тѣхъ погрѣшностей, которыми укорялъ онъ Лiэу-Юа. И такъ, по пословицѣ Китайской, оба они шили золотомъ по сермягѣ. Острыя его слова противу Лiэу-Юа критики обратили противъ его собственно. Тшин-Хи сдѣлалъ больше: дабы не уступить побѣды Кин-Хiю, ниже явиться защитникомъ басней Лiэу-Юа, составилъ книгу Тсiэн-Пiэн-Уэ-Пiэнъ, со внесенiемъ въ оную сноснѣйшихъ мѣстъ изъ Пен-Ки, Пiао-Сеэ-Маэва, Лiэу-Юэва и Уэ-Ки. Таковое умѣнiе избрать средину между двухъ крайностей доставило его честiю, что сiя книжица сопричислена была къ прекрасному собранiю разныхъ сочиненiй, подъ именемъ Тсеэ-Хи-Тонг-Кiэн-Конг-Му; однако же не безъ примѣчанiй и предсловiя, не весьма ее пощадившихъ.

Тсеэ-Хи-Тонг-Кiэн-Му любопытные найти могутъ въ книгохранилищѣ Французскаго Короля. Не задержимся описыванiемъ порядка разположительнаго великой сей книги, инако же болѣе бы, нежели должно, стали мы выхвалять нашъ Китай. Не можемъ однако же не освѣдомить справляющихся съ нашими книгами, что похвалы, воздаемыя учеными великой сей книгѣ, не равно надлежатъ до всѣхъ ея четырехъ частей, не все заслуживаетъ уваженiе. Подъ общимъ

именемъ сіи части ея суть: Ту-Кіэна, Сіао-Сеэ-Ма, Кин-Хи, Сеэ-Ма-Куангъ. Изъ словъ нашихъ выше познается разность между оными. Скажемъ читателямъ въ осторожность, что прежде, нежели возхотятъ приводить къ слову мѣста изъ частей сихъ, надобно имъ читать критическія въ нихъ предсловія и примѣчанія, сочиненныя учеными нашими двухъ послѣднихъ династій, кои довели времячисліе великой сей книги до династіи Минговой. Парижская Академія по днесь еще не напечатала систему въ разсужденіи физики и астрономіи: наукъ, столь различно толкуемыхъ по разнымъ краямъ Европы. То же самое разумѣется и о членахъ Ган-Линскаго судилища, въ разсужденіи пріятія и утвержденія нашихъ лѣточислителей, нашихъ пворцевъ древней исторіи.

Ло-По. Ни слова не скажемъ о сочиненіи глубоко-ученомъ, глубоко-скучномъ и столько же вяломъ Ло-Пія, изданномъ въ теченіи Сонговой династіи. Пристойнѣе упомянуть о немъ въ слѣдующей статьѣ. Подобно же умолчимъ о многихъ сокращителяхъ книгъ, выписывателяхъ изъ оныхъ и лѣточислителяхъ всѣхъ династій, какъ избѣгая излишняго плодословія, а паче, что большей части писцовъ сихъ *да* и *нѣтъ*, не замѣчаются учеными нашими. Ма-Туан-Линъ означаетъ лучшихъ изъ нихъ въ отдѣленіи сто девяносто третьемъ книгохранилища своего, куда отсылая любопытныхъ, простремся нѣсколько о двухъ великихъ сочиненіяхъ, поднесенныхъ славному Императору нашему Кан-Гіусу, о коихъ, сколько намъ извѣстно, ничего еще писано не было за морями. Первое названо И-Хе, во стѣ шестидесяти главахъ. Содержаніе ихъ есть исторія наша баснословная и истинная, отъ сотворенія міра до Гановой династіи.

Достой-

Достойный творецъ сего сочиненія, вѣдая, сколь много на свѣтѣ мѣлкихъ сочинителей, которые любое для себя выбираютъ изъ древнихъ писателей, и которые, представляя оное читателямъ во инакомъ видѣ, являются глубокими невѣждами во всемъ томъ, что имъ не понятно; производятъ безконечные споры; вѣдая оное, повторяю, примыслилъ, какъ бы ему единымъ ударомъ обезглавить гидру словопрѣній. Расположеніе сочиненія его просто, даетъ волю кореннымъ сочинителямъ взаимственно объясняться, толковать, отражать и противорѣчить, сближаться и согласоваться. Списываетъ слово въ слово, не мысля очищать золото отъ грязи; не прерываетъ черты теченія столѣтій; останавливается при каждомъ имени Государя; не именуетъ произшествій, не замѣтивъ, что объ немъ было писано до воцаренія Гана Восточнаго, начавшагося на двацать пятомъ году послѣ Рождества Христова. Праведно разсуждалъ сей писатель, что собирателей народныхъ преданій при владѣніи Гана Западнаго до сожженія книгъ должно сопричислить къ писателямъ древнимъ.

Задумавъ мы писать Опытъ сей, каковъ онъ ни выйдетъ, разкрывали множество книгъ. Но признаемся чистосердечно, что книга И-Хе паче всѣхъ иныхъ установила мысли наши, заставила насъ рѣшиться.

Многія есть въ ней ссылки на Шу-Кингъ и выписанныя мѣста. Все же то представляетъ разнообразность чудную въ сличеніи съ прочими старинными памятниками; доставляетъ однако же тѣмъ себѣ предпочтеніемъ, которое почти не возможно ей не воздавать. Нечѣмъ инымъ укорять творца книги

И-Хеа, какъ развѣ тѣмъ, что не списалъ слово въ слово смѣхотворныхъ басенъ, надлежащихъ до временъ прежде Яоа. Можетъ быть не хотѣлъ больше, нежели должно, поносить прилѣпленцовъ Тао-Сеэвыхъ; но и мало сказаннаго имъ о томъ довольно для проницательныхъ умовъ читателей.

И-Хе перваго изданія нынѣ рѣдки. Если могутъ отыскать у себя Европейцы, то прежде чтенія надобно имъ составить лѣточисленную таблицу именъ, о коихъ упоминается въ книгѣ сей. Пишемаго же въ предсловіи не довольно, какъ для такихъ людей, кои не имѣютъ подъ руками всей нашей учености.

Второе большее сочиненіе зовется Ю-Тинг-Ли-Таи-Ки-Хе-Ніен-Піао; можетъ быть произошло отъ перваго. Раздѣляется на сто книгъ, наполняемыхъ Китайскою исторіею искони и до воцаренія Канг-Гіуса. Творецъ книги былъ единый изъ таковыхъ, которые, углубляясь въ размышленія, не держались ни чьей системы; которые напрягаютъ всѣ силы въ распространеніи собственныхъ своихъ познаній. Трудности пріискивать въ безмѣрномъ множествѣ сочиненій, собранныхъ Ніэн-Іэмъ, въ книгахъ Коанг-Кингъ, Канг-Му и другихъ; дѣянія и произшествія частныя, но нужныя къ свѣденію; неясности, на достовѣрныхъ ли памятникахъ основываясь, вѣщаетъ исторія, или только заимствуетъ слова писателей, малаго достойныхъ уваженія; несогласности въ лѣточисленіяхъ, запутывающія мысли и прерывающія сцѣпленія случаевъ; отсылки неизбѣжныя отъ книги къ книгѣ, когда идетъ рѣчь о частныхъ исторіяхъ разныхъ царствъ, во времена, когда бывали у насъ Кня-

Князи, данники Императоровъ, начиная Ганскою династіею; все сіе соображая, примыслилъ творецъ книги, какъ предоправить. Расположилъ оную, можно назвать, путеводительною запискою отъ начала ея и до конца. Не безполезно бы могло быть подражаніе сего года и въ Европѣ, особливо при сочиненіяхъ всеобщей исторіи.

Избравъ онъ лучшія мѣры лѣточисленія, какія только могъ, на времена прежде Лю-Уанга, времена, кои оставалися всегда и останутся вѣчно во мракѣ неизвѣстности за недостаткомъ потребныхъ памятниковъ; далѣе, послѣдуетъ онъ за Тю-Ма-Куангомъ и продолжателями его сочиненія изъ одного въ другое столѣтіе, не пропуская года безъ замѣтъ. Для каждаго удѣляетъ по нѣскольку страницъ, а для примѣчательнѣйшихъ не жалѣетъ и многихъ; на всякой страницѣ зрится буква круголѣтія и годъ царствованія Государя; на всякой страницѣ проведены въ равномъ одна отъ другой разстояніи черты: между первыми вмѣщаетъ описаніе жизни Государя и государственную того года исторію, между другими чертами тоже самое въ разсужденіи подвластныхъ Китаю царствъ и Князей данниковъ. Единаго воззрѣнія довольно, чтобъ увидѣть всѣ знаменитыя происшествія каждаго года. Сіе отдѣленіе книги его писано кратко: означаетъ только самыя дѣянія. Въ разсужденіи древней исторіи заимствуется отъ коренныхъ нашихъ писателей, и къ нимъ отсылаетъ желающихъ знать подробно. Освѣдомляетъ о прославившихся писателяхъ, но между собою несогласныхъ, и въ чемъ точно.

Наконецъ, для совершенной ясности читаемаго, положена въ заглавіи таблица, или доска, единымъ

ударомъ очей обозрѣваемая: въ ней стоятъ ключевыя буквы на каждый годъ, каждый годъ самъ по себѣ, династіи и Государи на престолѣ.

Книга Ніэн-Піао была смотрѣна и правлена членами государственнаго училища. Императоръ Канг-Ги, или Кан-Гіусъ, какъ зовутъ его Европейцы, коему крайнѣ нравилась, велѣлъ напечатать новое изданіе, которое и вышло въ самомъ великолѣпномъ видѣ, достойномъ великаго сего Самодержца: самъ онъ почтилъ ее предсловіемъ пера своего. Хвалилъ много и признавался, что имѣлъ участіе во усовершенствованіи сей книги, также и въ томъ, что прибавилъ къ ней отъ себя нѣчто. Одну изъ таковыхъ книгъ мы видѣли: конечно заслуживаетъ отборное мѣсто между всякими иными и по единой чистотѣ и изрядству тисненія.

СТАТЬЯ IV.

О временахъ баснословныхъ.

Всѣ народы равно одинъ на другой походятъ столько же лжами, какъ и истинами. Китай подобно же Египтянамъ, Персамъ и Грекамъ имѣлъ баснословныя времена; времена, до коихъ не достигаетъ свѣтъ историческій, обѣятыя мракомъ древнихъ преданій, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше сгущающимся невѣжествомъ, посреди коего мнишъ суевѣріе видѣть все, что хочетъ. Несодѣянности, несвязности, противорѣчія, въ коихъ погружается, ему не мѣшаютъ. Разсмотримъ мимоходомъ 1) источникъ временъ баснословныхъ, коими начинаются лѣтописи наши. 2) Сколь несбыточно и смѣходостойно вѣщаніе сихъ лѣтописей. 3) Какія истинны скрываются между лжей писателей тогдашнихъ.

1. Многія были причины къ постороннимъ сказаніямъ въ лѣтописяхъ о временахъ, предшествовавшихъ царствованію Яоа. Праотцы наши, также какъ и праотцы иныхъ народовъ, начинали считать время первыми годами послѣ разсѣянія изчадія Ноева, имѣли познаніе объ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ прежде всемірнаго потопа, и сохраняли оное въ памяти. Не здѣсь мѣсто разыскивать, что таковое напоминаніе удерживалося изустными ли преданіями, или вносилось въ книги. Послѣднее мнѣніе сколь ни должно казаться новымъ Европѣ, однако же основано на правдоподобіяхъ, паче бы достойныхъ уваженія во всякомъ иномъ обстоятельствѣ. Надобно разкрыть

сочиненія Тшеуской династіи и увидѣть, сколь долго не заглаждалася въ мысляхъ память о древнихъ книгахъ, подъ названіями Сан-Фенъ, или Тіэнъ, и прочихъ, коихъ остаются нынѣ однѣ имена. Въ нихъ ясно изражено было, что начаты писаться скоро послѣ сотворенія міра Тсеэ-Кан-Пи; что замыкали въ себѣ великое учаніе. Трудно понять, по увѣренію, и кромѣ насъ, многихъ проповѣдниковъ вѣры Христіанской, что весь Китай не могъ бы сохранять закона естественнаго, естьли бы вѣра общенародная не освящалася и не подпиралася писанными преданіями. Обративъ вниманіе на первобытное кровавое жертвоприношеніе, ощутимъ, что подразумѣвалось въ ономъ общенародное исповѣданіе вѣры и надежда ожидаемаго воплощенія Спасителя человѣковъ.

Сверьхъ того въ Кингахъ нашихъ, во всѣхъ старинныхъ нашихъ сочиненіяхъ, находимъ чудеса, пословицы и образы израженія, столь сходныя со слогомъ Писанія Священнаго. . . . Сіе само по себѣ заставляетъ заключить о первыхъ Китайцахъ, яко или сочинявшихъ, или внесшихъ въ страну свою отъинуда книги, содержавшія исповѣданія вѣры первыхъ временъ отъ сотворенія вселенной. Не дерзаемъ мы коснуться статьи о древнихъ нашихъ буквахъ, или знакахъ таинственныхъ, не ради того только, что безсильны писать вразумительно, но что признаки наступить нѣкогда имѣющаго воплощенія Божества въ статьѣ сей есть столь ощутительны, самыя высокомысленныя пророчества столь ясно преподаны, дѣянія первѣйшихъ временъ міра столь просто и достовѣрно повѣствованы, что не льзя насъ принять выдающими призраки истинами. Одинъ только, или не болѣе двухъ, извѣстны намъ писателі,

ли, повѣствовавшіе, что книги, о коихъ теперь слово, существовали за два столѣтія до Тсин-Ши-Гоанга. Не смѣемъ сказать, что видѣлъ ихъ и Конфуцій, хотя стоитъ въ предсловіи Шу-Кинга, пера, какъ думаютъ, Конг-Нган-Куа, по причинѣ, что сей мудрый мужъ не упоминаетъ о томъ нигдѣ болѣе. Лао-Тсеа, разсуждая по сочиненію его Тао-Те-Кингъ, естьли не читывалъ книгъ сихъ, по меньшей мѣрѣ преданія объ оныхъ въ его время были еще въ свѣжей памяти. Есть точныя замѣты въ лѣточисленіи, что при началѣ Ганской династіи о самой отдаленнѣйшей древности носилися въ народѣ басни несвязныя, запутанныя побочными сказаніями и наполненныя смѣходостойныхъ бредней; но и сіи бредни подразумѣвали и доказывали, что существовали нѣкогда таковыя книги, подобно какъ списки съ чего либо доказываютъ подлинники, а поддѣланныя деньги бытіе ходившихъ нѣкогда денегъ. Европѣ нѣтъ нужды искать того внѣ предѣловъ своихъ, что память дѣяній самыхъ важнѣйшихъ отъ рода въ родъ измѣняется, какъ скоро единожды прервано чѣмъ либо общественное оной преподаваніе потомству. Невѣжественныя столѣтія то показуютъ. Благочестіе простонародное приняло и освятило дѣянія, обезобразившіяся преданіями, смѣсило времена, мѣста и прочее. Не взирая на общественное ученіе исповѣданія вѣры, помогавшее невѣжеству черни и предохранявшее ее отъ заблужденій, самая та же Европа столь грубо ошибалась въ безчисленномъ множествѣ вещей; въ какія же бездны нелѣпостей долженствовали низринуться мы Китайцы, когда раздиралось отечество наше смятеніями, войнами, премѣнами правительствъ, рабствомъ? Пріобщимъ къ тому: . . . „Виды политики Государей нашихъ за-

„ставляли ихъ ослѣплять насъ болѣе и болѣе за-
„блужденіями, и тьмить память нашу о древнихъ
„преданіяхъ.„

Когда жилъ Конфуцій, вѣра, источникъ и пища истинны ратоборствовала съ расколами, прельщавшими черь. Они-то вмѣсто святой простоты ученія казали ей чудеса и чрезвычайности, вмѣсто изнуренія плоти и богослуженія игры и позорищи, вмѣсто смиренномудрія и степенности коверканіе членовъ, кривлянія лицъ и чародѣйство. Умеръ Конфуцій; легкомысліе и ложный блескъ бездѣлицъ развратили народъ. Обращая въ посмѣшище ученіе древнихъ, начали вѣщать языкомъ надмѣннымъ. Слышны стали слова, чуждыя смысла: на малой остатокъ языка сего, которой дошелъ и до насъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ того времени, не можно взирать безъ презрѣнія; но тогда подпирался благоволеніемъ Государей, прельстилъ искателей милости ихъ, а чрезъ нихъ, въ таковое же пришли прельщеніе и простолюдины. Простолюдины, повторяю, чѣмъ наипаче держалися древнихъ преданій о временахъ, предшествовавшихъ царствованію Яоа, тѣмъ удобнѣе было развратить ихъ понятіе о вещахъ, и путемъ, можно сказать, истинны доводить до заблужденій. Невинное состояніе перваго человѣка, блаженство его безъ трудовъ, плоды жизни его и прочее поспѣшествовали вѣрить баснямъ Тао-Сеэвымъ о странѣ безсмертныхъ жителей, о наслажденіи ихъ всемъ при совершенномъ бездѣйствіи души; о грѣхахъ, оживотворявшихъ ихъ. . . . „Съ коликимъ поползновеніемъ увѣрилися въ томъ и начали неистовствовать умы, восхищаемые призраками! Раскольники

„и

„и Талмудисты (*) доказываютъ, даже до колико„ мнимой очевидности приняли истинною послѣдо„ватели Тао-Сея вымышленныя самими ими лжи, „и находя пользу свою, улещали суетность Тсин„Ши-Гоанга, становяся орудіями его политики. Кто „не вѣдаетъ, что злые Государи ревностно услужи„ваются лжами? При всей нелѣпости выводить про„изхожденіе мучителя сего отъ крови Гоанг-Тіа „не удивительно, когда Греки Александра своего, а „Римляне своихъ Цесарей выводили же отъ безсмерт„ныхъ. Самыя басни, носившіяся когда либо въ на„родахъ о первобытныхъ временахъ міра, не заслу„живаютъ ли по крайней мѣрѣ равнаго вѣроятія „противъ басенъ нѣкогда Агличанъ о Римскихъ Па„пахъ? Но такъ вѣрила только чернь, разумные же „и честные люди утверждалися на свидѣтельствахъ „странствователей и философовъ. Естьли что либо „назваться можетъ странно, то конечно сіе, что „Кинги наши могли не только противостоять Тао„Сеевымъ кривымъ толкамъ, но напослѣдокъ загнать „ихъ въ отшельническія раскольниковъ сихъ обще„житія и дать имъ мѣсто въ одномъ только суевѣріи „подлости.„

Можетъ быть не довольно размышлено въ Европѣ, что Китайцы по положенію своему далеки отъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, окружены отвсюду морями, пустынями, грядами горъ и людьми дикими, и тогда, какъ въ свѣжей еще были памяти древнія преданія, трудно имъ было соглашать оныя съ географическими своими познаніями. Науки вообще одна съ другою сцѣпляются. Меньше всѣхъ иныхъ кажущаяся

(*) Талмудисты развратные толкователи Библіи у Жидовъ.

нужною предостерегаетъ прочія отъ ошибокъ. Наши Кинги именуютъ Китай Тіэн-Гіа, сирѣчь поднебесная; Тшонг-Куэ, сирѣчь царство среднее. Китаецъ сколько бы ни былъ просвѣщенъ науками, слѣдуя отечественнымъ понятіямъ географическимъ, какъ можетъ имѣть понятіе же точное на примѣръ о Сенарскихъ степяхъ и о всей Западной Азіи, и въ сходственность того толковать о первомъ разположеніи народовъ до всемірнаго потопа? Глубокомысленнѣйшій изъ всѣхъ разумѣетъ себя далеко достигнувшимъ въ учености, когда такое всеобщее произхожденіе рода человѣческаго присвоять станетъ отечеству своему предъ всѣми иными краями вселенной. Царства до Конфуція, на которыя раздѣлялся Китай, почти не имѣли между собою никакого сообщенія. Каждый Китаецъ не выходилъ изъ предѣловъ страны своей. Путешествуя изъ царства въ другое, говоритъ Ли-Ки, надлежало проходить ущеліями, стрегомыми многочисленнымъ воинствомъ, которое никого не пропускало безъ точныхъ повелѣній владѣльцовъ земель, изъ коей и въ которую путешествовали. Люди ученые едва имѣли познаніе о цѣломъ Китаѣ, какъ же можно было имѣть имъ свѣденіе о предѣлахъ чужестранныхъ? Книги были рѣдки; науки, довлетворящія любопытство и умственныя, въ небреженіи; учился, но только чтобъ стать годными къ какому нибудь служенію отечества. Къ чему же служило прониканіе въ вещи физическія и нравственныя? Вѣроятно, что не приходило самымъ искуснѣйшимъ на мысль разумѣть Китай частію только земной поверьхности. Сочиненія древнихъ, до насъ дошедшія, свидѣтельствуютъ, что Китай полагался въ средоточіи всего міра и разумѣлся одною только такою страною, гдѣ процвѣтали науки и художества. Невѣжество

пра-

праотцевъ нашихъ даже до того простиралось, что ставили Китай окруженнымъ морями. Такъ точно изображается оный на древнихъ чертежахъ нашихъ. Нѣкоторой ученой проповѣдникъ вѣры весьма изрядно замѣчаетъ, что Конфуцій, не возмогши ни отвергать преданія о первобытныхъ временахъ, по причинѣ всеобщаго о томъ умствованія, ниже сообразовать оное съ истинною Китайскою исторіею и географіею своего времени, за лучшее разсудилъ молчать. Правда, лѣтописи Шанговой и Тшеуской династіи упоминаютъ о нѣкоторыхъ Западныхъ народахъ, кои присылали посланцовъ для засвидѣтельствованія зависимости своей отъ Императоровъ нашихъ; но Китайцы не оставляли никогда отчизны своей, то Конфуцій не писалъ, чтобъ не ошибиться и не поступить къ предосужденію образа ученія своего о древности. Другіе ученые наши конечно совсѣмъ были не таковы, каковъ былъ Конфуцій; не слѣдовали его примѣру, выдали систему за утвержденную на самыхъ твердыхъ основаніяхъ, что Китай населился жителями прежде Японіи, Кореи, Татаріи и иныхъ странъ; что послѣдніе суть выходцы первыхъ, долженствующіе имъ образомъ правительства, письменами и законами. Ученые Европейцы да не оскорбятся сими присвоеніями; да напомнятъ, какое было невѣжество Грековъ о всеобщей географіи; какое имѣли понятіе Римляне о земныхъ поясахъ, знойномъ и льдоносномъ; сколь развратно мыслили праотцы и тѣхъ и другихъ о противоножныхъ въ разсужденіи насъ жителяхъ; пусть прочтутъ примѣчанія искуснѣйшихъ своихъ писцовъ на сочиненіе Страбона; пусть приведутъ на мысли, какъ разсуждалось и въ послѣднія уже столѣтія о найденіи Америки, Индіи и Китая нашего. Должны будутъ признаться, что въ каждомъ народѣ

были

были ошибки и заблужденія, коими одинъ другаго укоряли. Наши собственные предки неправы, пріемля другіе народы дикими; но какъ же Китайцевъ разумѣли Европейцы, даже и тогда, какъ нашъ фарфоръ, нашъ шелкъ, устыжали наизамысловатѣйшихъ ихъ художниковъ? Глупости, гордыня, суть природны всякому краю свѣта. Сколько было писателей во Франціи, вѣщавшихъ презрительно о нѣкоторыхъ сосѣдственныхъ имъ народахъ? Что же бы было, естьли бы древность, величіе, богатство и мощность государства пространства неизмѣримаго, подобно же какъ насъ Китайцевъ ихъ ослѣпляли? Сказующій истинну не страшится ничего. Не опираясь мы ни на что болѣе, какъ что родилися въ Китаѣ, видѣли въ книгахъ нашихъ ощутительные слѣды древности; примѣтили, что искусные переводчики и выполнители сочиненія Римлянъ и Аѳинейцовъ, ошибались въ надлежащемъ до нравовъ, обычаевъ, художествъ и прочаго. Чего же ради? Конечно взирая на все то не съ прямой стороны на Европу, нынѣ населенную народами совсѣмъ новыми. Самые Аѳинскіе и Римскіе писатели неточны и недостовѣрны, когда идетъ у нихъ слово объ отдаленнѣйшей древности, которая представляется имъ объятою мраками первобытной дикообразности. Цицеронъ не умѣлъ далѣе восходить, ища источника законовъ, какъ только до цвѣтущаго состоянія Аѳинъ, и дерзновенно утверждалъ, будто бы оттуда они возникли и разнесены по всѣмъ инымъ концамъ земнымъ.

Не могли ли ошибаться и ученые наши въ первые годы Гановой династіи? Ученость тогда младенчествовала. Должно было довольствоваться отрывками древней нашей исторіи, тамъ и самъ разбросанными; не имѣли предъ собою ни свѣтильника вѣ-

ры,

ры, ни совоспослѣдованія географическихъ познаній, ни чужестранныхъ лѣтописей, которыя бы служили имъ вождями. Скажемъ все, хотя бы осмѣяли насъ читатели, простодушное признаніе наше: къ чужестраннымъ языкамъ не прилѣжали никогда ученые Китайцы. Водители заграничныхъ нашихъ дѣлъ велятъ учиться чужимъ языкамъ, но только сосѣдственныхъ народовъ, которые у насъ же все перенимаютъ. Языки просвѣщенныхъ странъ отъ насъ удалены, не имѣемъ мы въ нихъ нужды, не имѣемъ и потребныхъ къ тому книгъ. Качество буквъ нашихъ обращая на себя время все, не оставляетъ досуговъ. Опойдемъ до возрожденія у насъ наукъ, до временъ Ганскаго поколѣнія, и увидимъ, что всякаго рода сочиненія, кромѣ Китайскихъ, не существовали для нашей учености. Гордыня ли, лѣность ли, политика ли, или здравый разумъ суть причины, что чрезъ весьма долгое время не мыслили мы учиться чужимъ языкамъ.

Заключимъ: премѣны вѣковъ, упадокъ естественнаго закона, утрата древнихъ памятниковъ, мракъ преданій, заблужденіе расколовъ, козни политики, гоненія на ученыхъ и науки; словомъ, всѣ нещастія учености возродили басни, запутавшія и обезобразившія начатки нашей исторіи. Многое еще нашли бы мы пріобщить въ разсужденіи потрясенія учености нашей, въ разсужденіи имовѣрности черни къ разумѣвающимъ читать наши буквы, въ разсужденіи самаго качества таинственности сихъ буквъ; но читателямъ не надобны разсужденія наши о всемъ томъ. Довольно, если разберутъ силу писаннаго нами о знаменованіи и образованіи буквъ нашихъ, яко существенности оныхъ. Изъ того единаго по-

стигнутъ безъ нашихъ объясненій, что виды животныхъ, соединенно поставленные съ видами человѣка, содѣйствовали изобрѣтенію смѣхотворныхъ сихъ чудовищъ духомъ идолослуженія, кои обожаются подъ именами знаменитыхъ мужей отдаленной древности. Но приступимъ ко второй статьѣ, и покажемъ, сколь нелѣпы суть баснословныя бредни наши.

2. Нѣкоторый проповѣдникъ вѣры признавался намъ, что случалось ему читать въ языческихъ книгахъ и сочиненіяхъ первыхъ отцевъ церкви Христовой, сколь въ гнусное идолопоклонство приведены были народы самые мудрые, самые просвѣщенные и благоразумные, едва познавая омраченіе свое. Съ одной стороны бывъ облагодѣтельствованы суемысліемъ съ младыхъ ногтей и побѣдоносностію онаго; съ другой, навыкнувъ слышать похвалы Грековъ и Римлянъ, разумѣть книги ихъ образцами премудрости: слѣдовательно не могли проникнуть ослѣпленіе народовъ, прежде нежели возсіялъ свѣтъ Евангелія. У насъ уже только въ Китаѣ открылися глаза сего проповѣдника; у насъ уже позналъ глубину язвъ грѣховныхъ естества человѣческаго, и даже до коликой степени оныя разтравлены.

Боимся, чтобъ не стали насъ винить хульничествомъ отечества нашего, повѣствуя о смѣхотворныхъ баснях, которыя составляютъ часть вѣры нашихъ идолослужителей, положенныя вмѣсто дополненія въ заглавіи лѣтописей. Будутъ сличать басни сіи съ выгодными мнѣніями о Китайцахъ, и усомнятся въ искренности нашей. Самые ученые люди долженствуютъ быть привычны срѣтать подобное, а мо-

можетъ быть болѣе другихъ не остерегутся умоображеній своихъ. . . . Вотъ какъ предразсудки заграждаютъ пути къ истинѣ! Естьли скажемъ, что басни наши не имѣютъ никакой силы и суть предметы осмѣянія мыслящихъ здраво, то еще паче навлечемъ на себя подозрѣніе. Въ Китаѣ, равно какъ и во всякой иной странѣ, столь же далекое есть разстояніе между книгами и нравами, между законами и правительствомъ. Наши ученые ходятъ въ Miao (*), какъ Іезуиты въ оперу и комедію.

Надобно списывать Тао-Ивенъ, пера Ліэу-Юэва, или Ло-Піэнъ-Лу-Хе, чтобъ увѣриться совершенно, сколь глупы и презрѣнны суть басни, коими разпестрены мнимые начатки исторіи нашей. Желающіе узнать, до чего разумъ человѣческій заблуждать можетъ, пусть прочтутъ оба сіи сочиненія. Послѣднее конечно есть и въ Европѣ; для насъ же довольно изобразить первыя черты гнусной таковой картины.

Тао создалъ небо и землю. Тао есть Троица во Единицѣ. Тсан-И, первое лице, изъ ничего произвело вселенную; лице второе отдѣлило существа одно отъ другаго, плававшія въ хаосѣ; лице третіе сотворило день и ночь. Пан-Ку въ царствованіе Гана восточнаго принятъ на мѣсто Таоа по разуму книги И-Ки. Пан-Ку есть Отецъ всего міра: изшелъ изъ хаоса какъ могъ; по смерти голова его превратилась въ гору, одинъ глазъ въ солнце, другой въ луну, волосы въ растѣнія, и такъ далѣе. Древніе наши писатели запруднялися дознаваніемъ, изъ которой его кро-

(*) Храмъ очищенія.

вяной жилы составилась желтая рѣка, или Кіангѣ. Ли-Ки, или исторіи календаревъ, толкуетъ, что Пан-Ку долго пребывалъ заключеннымъ въ хаосѣ, въ яйцѣ. Хаосъ прочищался осьмнатцать тысячь лѣтъ. Небо подымалося вверьхъ въ каждый день по десяти футовъ, по стольку же плотнѣла и земля, по стольку же возрасталъ Пан-Ку, чтобъ стать напослѣдокъ духомъ неба и святымъ на землѣ. . . . . Мать Фу-Гіэва отъ него очреватѣла, прошедъ по слѣдамъ исполина. Беременность ея длилась двенатцать, по мнѣнію же другихъ двапцать четыре мѣсяца. . . . Фу-Ги произшелъ на свѣтъ, имѣя уже великій разумъ и проницательное понятіе. Тѣломъ подобенъ былъ змѣѣ, но съ головою человѣческою. Онъ-то раздѣлилъ все сотворенное вещество на пять стихій, и установилъ движенія планетъ, которыя до того бродили безпорядочно туда и сюда. Конь-Змѣй принесъ къ нему таинственное изображеніе, нарицаемое Гу-Ту. Конь сей былъ ничто иное, какъ самая остръйшая пряность, изсяченная отъ неба и земли. Человѣки тогдашняго времени, говоритъ Уэ-Ки, засыпали, какъ скоро ложились, и храпѣли безмѣрно громко; стоявъ на ногахъ, текла у нихъ изъ носу мокрота; зѣвали во весь ротъ; взалкавъ, искали чѣмъ утолить голодъ; недоѣдки же бросали.

Ніу-Гоа, сестра, дочь и жена Фу-Гіева, имѣла тѣло змѣиное же, голову человѣческую. Ли-Ки увѣряетъ, что мѣняла видъ образа своего по семидесяти разъ на всякой день.

Ку-Кугъ, злый духъ, въ ярости, что побѣжденъ на войнѣ, его же происками наставшей, ударилъ головою объ одинъ изъ столбовъ, на коихъ

держалося небо, и переломилъ оной: сводъ небесный опустился и коснулся землѣ; но по словамъ Уэ-Кіа, Ніу-Гоа сваляла и вычистила камень пяти цвѣтовъ, и вставивъ въ небесной провалъ, подняла оное по прежнему лапами, отрѣзавъ ихъ у черепахи. Послѣ умертвила чернаго дракона, сожгла кожу шкуры въ пепелъ: тѣмъ и другимъ заткнула щели, сквозь которыя лившаяся съ неба вода затопляла землю. Голосъ Ніу-Гоанинъ былъ столь пріятенъ, что плясали подъ нимъ звѣзды. . . . Шин-Нонгъ зачался во утробѣ чудесно, такъ какъ и всѣ другіе первобытные человѣки; родился, имѣя человѣческое тѣло, голову же бычью. По мнѣнію И-Вен-Минг-Паоз лице у него было человѣческое же, а глаза змѣиные. Чрезъ три часа по рожденіи сталъ ходить, чрезъ пять дней говорить, чрезъ семь дней выросли у него зубы. На четвертомъ году сплотничалъ топоромъ плугъ и началъ пахать землю. Сѣялъ послѣ дождя. Въ засухи молился черному, синему и бѣлому зміямъ, или иначе бросался въ огонь; иногда же посылалъ дочь свою притаскивать облака. Пивъ изъ многихъ источниковъ воду, чтобъ узнать, которая прѣсная и которая горькая, научилъ людей пить послѣднюю. Ю-Пао отъ громоваго удара понесла Гоанг-Тіа и чрезъ двадцать четыре мѣсяца породила его на жизненной горѣ. Гоанг-Ти, ставъ десяти лѣтъ, по словамъ И-Вен-Кіа, позналъ погрѣшности правительства Шин-Нонга. Уэн-Ки говоритъ, что учинилъ онъ ручными большихъ и малыхъ медвѣдей, леопардовъ, тигровъ и иныхъ лютыхъ звѣрей, и сдѣлалъ годными ко употребленію на войнѣ. Ужасной Тши-Іэу, у коего тѣло было безобразнаго животнаго, голова мѣдная, лобъ желѣзной, питался пескомъ. Вымыслилъ онъ убійственное оружіе, и производилъ безпрерыв-

ныя замѣшательства въ имперіи. Гоанг-Ти пошелъ на него войною, и одержалъ бы побѣду, но Тши-Іэу навлекъ облака и густые пары, отъ коихъ потемнѣлъ день; а чрезъ то не довершилась бы надъ нимъ побѣда, естьли бы Гоанг-Ти тотчасъ не сдѣлалъ телѣгу, показующую, гдѣ полдень, слѣдовательно и не могъ уже заблудиться. Великій сей Государь правилъ имперіею столь мудро, что десять тысячь Князей добровольно ему подчинились. Трава Кин-И росла у него подлѣ Дворца. Фонг-Гоангъ свилъ гнѣздо подъ кровлею его же дома. Кин-Линъ прогуливался по его саду. . . . Рука устала писать толикія нелѣпости. Нѣкоторые наши ученые изъ жалости къ мыслившимъ такъ принималися было все оное толковать посноснѣе; но кто можетъ выдержать чтеніе подобныхъ сплетней?

О Пан-Куѣ, Ку-Гіѣ, Ніу-Гоаѣ, Шин-Нонгѣ, Гоанг-Тіѣ, не льзя намъ было ничего не сказать, потому что лицы сіи суть самыя славнѣйшія въ баснословной нашей исторіи.

3. Нѣкоторые проповѣдники Христіанской вѣры имѣли терпѣніе учиться нашей миѳологіи, дабы разобрать сколько нибудь преданія первобытныхъ басенъ между сказками и бреднями, коими объяты. Къ нещастію большая часть начали составленіями прежде системъ. Старалися учинить ихъ ясными и довольно исполкованными въ древнихъ лѣпочисленныхъ нашихъ запискахъ, подобно какъ тоже самое предпринималъ въ Европѣ Г. Гюэтъ надъ баснями Греціи, и подобно же ему потратили напрасно время. Нѣтъ возможности связать нелѣпости, дошедшія до насъ чрезъ трои, или четверо руки, столь же од-

на для другой чуждыхъ, какъ приключенія Юпитера, Бахуса, Европейской и идолопоклоннической Азіи Сивиллъ. Волею и неволею должны были потеряться въ лабиринтѣ сличеній и соображеній. Никакая критика не можетъ снабдить насъ нитью, съ помощію бы которой проходить излучины онаго. Всякая критика тогда только успѣваетъ, когда здравый разумъ даетъ ей крылья къ вылету изъ таковыхъ излучинъ. Григорій де Сент-Вен-Санъ открылъ дорогія вещи, ища четверобочность круга, хотя и не нашелъ его. Проповѣдники вѣры, ища же полной исторіи временъ прежде всемірнаго потопа и разсѣянія народовъ въ старинныхъ нашихъ басняхъ, мнятъ ставшими въ силахъ ощутительно доказывать, что первобытные Китайцы имѣли свѣденіе о древнихъ праотцахъ, жившихъ до потопа: разумѣютъ ихъ внесшими къ намъ исповѣданіе вѣры и надежду сошествія Мессіи, богопоклоненіе, законъ естественный, чаяніе вѣчнаго блаженства и прочее. Открытія сіи далеко углубляются въ первобытнѣйшей древности, слѣдовательно безмѣрно трудно Европейцу достигать даже до того, чтобъ могло все оное представиться ему въ надлежащемъ видѣ. Будемъ же щадить мѣру таковаго его мысленнаго протеченія, и займемся статьями паче существенными, не требующими предварительныхъ толковъ.

Сотвореніе міра и человѣка, состояніе невинное, паденіе Адамле, долголѣтная жизнь первыхъ праотцевъ, означаются въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ съ ясностію, какой желать больше не льзя. Всѣ книги, возходящія до начатковъ временъ, начинаются созданіемъ міра. Два слова Каи-И посвящены знаменованію сему. „Тотъ, которой есть самъ онъ, есть

„самъ

„самъ себѣ источникъ и корень, вѣщаетъ Тшуан-„Тсеэ: сотворилъ небо и землю. . . . . Есть, по мнѣ-„нію Лiэ-Тсеа, жизнь, не получившая ни отъ кого „жизни, слѣдовательно и недающая отъ себя ни-„кому.„ . . . . Теперь приходитъ на память, что одна изъ пѣсней Тсинскихъ такъ начинается: - . . . „Когда небо и земля сотворены [Тiэн-Ти-Кай-Пи], „солнце и луна проливали яркое сiянiе; но нынѣ и „прочее.„ Ло-Пи просто изражается: . . . . „Фу-Ги „создалъ небо и землю.„ . . . . А Гоан-Нан-Тсеэ: „Гоанг-Ти сотворилъ свѣтъ и тьму.„ Въ примѣчаніи стоитъ: . . . . „Гоанг-Ти есть первобытный духъ, „сотворившiй въ началѣ человѣка и образовавшiй она-„го оба пола.„ . . . . Книга Фонг-Су-Тонгъ по-ступаетъ далѣе; въ ней гласитъ точно: . . . „Ко-„гда созданы небо и земля, не было еще ни человѣ-„ка, ни народа. Ниу-Гоа слѣпилъ изъ желтой гли-„ны человѣка: вотъ истинной источникъ рода на-„шего!„

Разныя сiи мѣста и иныя многiя, на которыя можемъ ссылаться, удаляются одно отъ другаго, когда умствуемъ по онымъ о прямомъ Творцѣ твари; но утверждаютъ событiе. И мы сами не беремся до-казывать инако. Замѣтимъ однако же: 1) ссылаемся мы только на книги, на древнiя царствованiя Яоа, и ничего не заимствуемъ отъ Кинговъ. 2) Не прiемлемъ на себя сличать пишемое каждымъ творцемъ такого сочиненiя на одной страницѣ съ пишемымъ же на послѣдующей. Не должны выходить изъ предѣловъ умѣренности; противно бы то было праводу-шiю, чтобъ выдавать искры, блестящiя между ды-момъ, за яркое пламя. Столько же несправедливо обращать въ вещество физическiя объясненiя сотво-

ренiя

ренія міра, первоначально основавъ оное самою дѣятельностію. Системы Картезіуса и Гасендія суть предметы презрѣнія предъ очами людей настоящаго столѣтія, но злочестивыми оныхъ назвать не можно. Сіе вмѣщаемъ мы здѣсь образомъ вопроса у тѣхъ, которые прикидываютъ, такъ сказать, насъ Китайцовъ на вѣсы, и начинаютъ прежде всего узнаваніемъ, какія гири мы, вѣся себя, употребляемъ.

Бредни Тао-Сеэвы не извѣстно о какой-то странѣ радостей и блаженства, обитаемой мудрыми, которые избѣжали смерти, живъ душевно только, поработивъ плоть, въ размышленіяхъ и въ забвеніи самихъ себя, очевидно вяжутся съ преданіями о первобытной человѣческой невинности и земномъ раѣ. Умоначертаніе о горѣ смерти, гдѣ водворялся Фу-Ги; о горѣ жизни, вмѣстилищѣ Гоанг-Тія, запутанно прообразуютъ родоначальника человѣковъ Адама. Вѣщаемое Гоан-Нан-Тсеэмъ о земномъ раѣ Тао-Тсея достойно вниманія: . . . . „Посреди [на вершинѣ „горы Куан-Люнъ] есть садъ; тихій зефиръ вѣетъ „тамъ безпрестанно, колыхая листья на прекра„сныхъ древесахъ тонговыхъ, коими окруженъ. Воз„хитительное сіе мѣсто помѣщено подлѣ затворен„ныхъ вратъ неба. Воды, орошающія оное, взимаютъ„ся отъ источника желтаго, возвышеннѣйшаго предъ „прочими и обильнѣйшаго: зовется Источникъ Без„смертія. Піющіе изъ него не умираютъ. Раздѣленъ „на четыре рѣки: одна между Сѣвера и Востока; въ „ней вода красная. Между Востока и Юга; вода ея „зовется Ю. Между Юга и Запада; а точащая воду „Агнца между Запада и Сѣвера. Четыре сіи рѣки „источники Господа Духа [Ти-Шина]. Оныхъ-то „струями пріуготовляетъ онъ врачеванія всему и все „ими

„ими омываетъ. . . . . По разуму Шан - Ган - Кинга „тамъ находятъ [сирѣчь въ томъ саду] все желае„мое. Древеса удивительныя, источники чудные. „Зовется садъ запертой и утаенной, садъ висящій, „прелестное зрѣлище цвѣтовъ. . . . . Жизнь изъ не„го произошла. Путь то къ небесамъ; но сіе отноespecть должно плоду единаго дерева, съ коимъ со„пряжено храненіе жизни. Въ примѣчаніяхъ названо „древомъ безконечнымъ [Тшанг - Шенгъ] Тшоанг„Тсеэ, такъ описуетъ вѣкъ совершенной добродѣ„тели [Тши - Те - Тши - Хи]. Тогда стопы стран„ствователей не протаптывали путей по покато„стямъ горъ, ниже ладьи рыбарей оставляли бразды „на поверьхности водъ; все произрастало само собою; „человѣкъ вездѣ былъ у себя дома; животныя ста„дами паслися тамъ и сямъ; птицы всюду летали „станицами; земля вездѣ давала плоды свои. Чело„вѣкъ обиталъ посреди звѣрей. Вселенную населя„ло единое семейство; каждой членъ онаго простирал„ся въ добродѣтели безъ помощи ученія. Жили въ „невинности, не знали подстреканія плоти.„ На иномъ мѣстѣ онъ же: . . . . „Инъ и Янгъ жили во взаим„номъ и совершенномъ согласіи; духи имъ не вреди„ли; годовыя времена были порядочны, ничто не „могло быть бѣдственно; ничто не умерщвляло. . . . „Человѣкъ имѣлъ познанія, но были для него лишнія „ко употребленію. Таковое его состояніе зовется „великое единство. Дѣлали добро естественно, не мы„ся, а не съ намѣреніемъ.„

Достойно вниманія, что въ первобытныхъ таковыхъ написаніяхъ находимъ болѣе подробностей о паденіи Ангеловъ, нежели человѣковъ, то не противорѣчитъ ли оное толку Тао - Сеанъ, которые не хотѣли

тѣли сіе защищать? Станемъ держаться только человѣка, чтобъ не умножить до излишества ссылокъ. Неумѣренное желаніе къ наукамъ, говоритъ Гоан-Нан-Тсеэ, погубило родъ человѣческій. А „Тонг-Лаи Сеэ вмѣсто того полагаетъ сіи слова: „Лакомство погубило вселенную и учинилося ей вра„тами для всякихъ злодѣйствъ. „ Древняя пословица есть: не должно слушать словъ женщины. Въ примѣчаніи свова сіи знаменуютъ, что развращеніе женщины было корнемъ всѣхъ золъ. . . . . Ло-Піи говоритъ: „По паденіи человѣка живопныя земныя, „птицы, гады и пресмыкающіяся начали наперерывъ „враждовать взаимно; а когда человѣкъ просвѣтился „наукою, все имѣющее жизнь стало его непріятелемъ.„

Окончимъ двумя странными мѣстами изъ Ло-Піа и Гоан-Нан-Тсея: „Меньше, нежели въ три, или „пять часовъ измѣнилось небо, человѣкъ пересталъ „быть подобенъ себѣ. . . . . утрачена невинность, „но проявилось милосердіе. „

Сократимся о долготѣ жизни первыхъ праотцевъ. Тао-Сеэ присвоетъ ей столь многое число лѣтъ, что не льзя не принять его вѣщателемъ о временахъ до потопа. Умоначертанія о Тсіэн-Тіэнѣ [небѣ предшествовавшемъ] и Геу-Тіэнѣ [небѣ послѣдовавшемъ], подобно и объ ихъ же Тао-Сеэнскихъ десяти Кіахъ, или поколѣніяхъ, кажутся такъ близко изъятны изъ истинной исторіи рода человѣческаго, что строгая критика не находитъ опроверженій. Тао-Сеане, чванися философіею и ученостію, тонутъ, проходя посреди потопа, стараяся достигнуть до первѣйшихъ племенъ человѣческаго рода; но за недостаткомъ коренныхъ истинъ сливаютъ и смѣшива-

ютъ смыслы о состояніи первобытной невинности и о временахъ до потопа. Единый только мечь вѣры Христовой удобенъ разсѣчь Гордіанскій сей узелъ. Нужно пріобщить, что писатели того, срѣтая преданія соразтворенными съ баснями, сами прежде приводили въ запутанность ими вѣщаемое. Вотъ для чего проповѣдники, старавшіеся внести свѣтъ въ таковый хаосъ, утратили тщетно и время и труды, соглашая писателей, другъ другу противорѣчившихъ и не понимавшихъ собственныхъ своихъ сочиненій. Нѣкоторые ученые заморяне писали же, что такія преданія наши, присланныя въ Европу, могутъ послужить оружіемъ къ защищенію церкви Христовой, запечатлѣютъ уста безвѣрныхъ, неумолкно ссылающихся на Китай и велегласно вставливающихъ его въ свои израженія. Никакой проповѣдникъ не долженъ отрицаться отвѣтствовать на подобные вопросы. Когда позволено ученымъ удаленіе отъ пишемаго ими, и вносы постороннostей, до единаго любопытства надлежащихъ, то требуемъ и мы того же права включить здѣсь отвѣтъ нашъ. Званіе проповѣдниковъ же и скуки, претерпѣваемыя въ сочиненіи опыта сего, да снищутъ пощаду сію отъ наистрожайшихъ читателей.

1. Не надобны вычисленія, доводы, ниже зрительныя стеклы, доказывать солнце надъ оризонтомъ, а надобны только глаза. Жизнь человѣческая кратка къ тому, чтобъ достигнуть до вѣры, ища ее по мрачнымъ излучинамъ лѣточислительныхъ записокъ, въ исторіяхъ народовъ, въ физикѣ, въ метафизикѣ и въ самой высокой богословіи. Потребны были Пророки благовѣстить воплощеніе Мессіи, чудеса къ опознанію Его, войны и побѣды церкви ко опра-

оправданію Его обѣтовъ: исповѣдуй Евангеліе и послѣдуй оному: вотъ истинное доказательство всему, что доказываемо быть можетъ нужно. Представимъ мысленно Европу за двѣ тысячи лѣтъ предъ симъ: мраки расколовъ, нравовъ поврежденіе, не затмили всесовершенныхъ онаго свойствъ, сіяющихъ въ церквѣ Христовой, и которыхъ она единое есть вмѣстилище. Житія святаго Лудовика, святаго Франциска Сальскаго, нашего особаго ходатая на небеси; святаго Лудовика Гонзака, составляютъ избыточное обнаруженіе Божественности закона Христіанскаго. Кто вѣдаетъ сердце человѣка, тотъ знаетъ исторію человѣковъ; предъ нѣмъ открыто ученіе самыхъ глубокомысленныхъ Стоиковъ.

2. Хотѣть отвѣтствовать на вопросы цѣлаго народа развратныхъ писателей есть тоже самое, что распространять ихъ нечестіе, вмѣсто приведенія къ концу.

3. Послали бы мы отсюда примѣчанія наиподробнѣйше окрестненныя, самыя точныя и лучшею подпираемыя ученостію, о всемъ томъ, что свидѣтельствуетъ истинну закона Христіанскаго, изъемля ихъ не только изъ древняго баснословія, но и Кингъ и лѣтописей нашихъ. Но какой бы произошелъ отъ того плодъ? Нападающіе на Библію какъ бѣсные, преобратятся ли въ незлобныхъ агнцевъ? Европа никогда еще не обиловала столько сочиненіями о Китаѣ, никогда Китай не бывалъ столь глупо клевещемъ! Похвалы, слышанныя нѣкогда нами исторіи философической, и то, что мы сами читывали въ Европѣ объ отчизнѣ нашей, суть притчи, коихъ никогда не отгадаемъ.

4. Не столь упрямо стоимъ мы въ образѣ мыслей нашихъ, чтобъ не уступить размышленіямъ великихъ въ учености мужей. Судятъ ли они, что нужно собирать искры истинны, кое гдѣ сверькающія въ баснословной нашей исторіи? Безъ отрицанія повинуемся, сколько силъ достанетъ. Но не лучше ли вопросить насъ, въ чемъ состояла вѣра Китайцевъ, болѣе нежели чрезъ пятьнадесять столѣтій, по свидѣтельству Кинговъ нашихъ? А еще и того наипаче, коимъ образомъ отдаленнѣйшая древность провозвѣстила, предобѣщала и прознаменовала Наисвятѣйшаго, долженствующаго нѣкогда родиться отъ Дѣвы и умереть въ мученіяхъ? Скажемъ смѣло, да и въ состояніи то доказать. Пособій имѣемъ несмѣтно больше, нежели когда либо Египтяне и Греки. Пусть не было у насъ ничего, кромѣ Тао-Те-Кинга и Тшонг-Юлга. Знаменитый и ревностный нашъ Сан-Тши возглашаетъ: . . . „Доказательства истин„ныя вѣры писаны на небесахъ перстомъ Создателя „міра, на землѣ же кровію Христа Спасителя. Тще„тно злочестивые омочать будутъ кисть въ желчи; „не загладятъ онаго никогда: первыя читаются рав„но въ темнотѣ ночей, какъ и въ самые ясные дни; „а вторыя безпрестанно подновляются кровію муче„никовъ.„

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Время, къ которому относить можно начало имперіи Китайской.

Писанное нами въ первой части Опыта сего не должно инако разумѣть, какъ вступленіемъ послѣдующихъ онаго частей, изъ коихъ къ одной теперь приступаемъ. Нужно то ко вразумленію читателей содержанія, оставляемаго всѣми Европейскими науками во внутренности Азіи, и къ коему не лзя имъ было приближаться, не подвергаяся на всякомъ шагѣ заблужденіямъ, естьли не будутъ путеводимы. Когда точно постигли вы связь подробностей, въ которыя мы входили; когда точно не ошиблись, съ которой стороны должно взирать на древности наши и памятники, ее свидѣтельствующіе: то легко вамъ будетъ съ перваго мгновенія познать истинную нашу цѣль, для которой мы пишемъ. Мнѣнія ученыхъ о всемъ оном разныя; преходятъ онѣ колеблясь изъ системы въ систему: то конечно извѣстно намъ, что предполагая мы образъ мыслей нашихъ, должны подпираться доводами. Поступимъ далѣе, не устрашимъ трудностей, ослабляющихъ, или опровергающихъ нѣкоторыя мѣста, не замѣчая ниже малѣйшимъ мракомъ.

Миносъ, законодатель Критскій, помѣстилъ между коренными законами запрещеніе, даже и усомниться о мудрости и пользѣ законовъ его; но въ республикѣ ученыхъ нѣтъ Миносовъ. Не дано никому право подчинять мнѣнію своему человѣковъ. Истин-

ные

ные ученые люди не знаютъ изреченій сихъ самовластителей. . . . *Я говорю, я думаю такъ.* Изреченія, столь извычайныя пантологамъ нашихъ временъ, которые бы усугубили только дерзновеніе и невѣжество нашего пера. Можемъ мы обмануться, но не хотимъ обмануть. Вотъ причина, заставившая насъ раздѣлить вторую сію часть на десять частей, дабы было гдѣ и порочить и защищать вещи; дать читателямъ свободу мыслить съ нами не одинаково, когда гдѣ либо свое собственное вѣроятнѣйшимъ найдутъ. Чувствуемъ и то, сколь пріятно имъ будетъ увидѣть насъ въ препираніи съ тѣми Европейцами, которые писали о томъ же; обращать насъ то тою, то другою стороною, показывая, какими ложными путями мы заблуждали. Но твердо устоимъ въ предпріятомъ уже нами: проявлять будемъ глубокое наше невѣжество о всемъ, что когда либо ни бывало писано за морями. . . . „Сталкиваніе противныхъ мнѣ„ній, вѣщаетъ Тшу-Тсеэ, болѣе дѣлаетъ шуму, не„жели просвѣщаетъ мысли. Докажи, что право ду„маешь; опровергнешь противниковъ.„

СТА-

СТАТЬЯ I.

О томъ, что повѣствованное о временахъ до Яоа есть смѣсь басней и темныхъ преданій, заслуживающихъ презрѣніе.

Во Францію странствовали мы учиться основательно Христіанскому закону, и стать способными научать же оному нашихъ земляковъ. Исповѣдуемъ искренне, что упражненія наши почти никогда не выводили насъ изъ предѣловъ Богословіи. Скажемъ иносказательно: страна критическая, въ которой находили и находятъ Европейцы многія урочищи вновь, есть страна извѣстная намъ только однимъ именемъ. Признаніе сіе конечно послужитъ оружіемъ противу насъ; но лучше, чтобъ укорялися невѣжествомъ, отъ чего и краснѣться не имѣемъ причины, нежели стать посмѣшищемъ, говоря о томъ, чего не разумѣемъ. Ученые наши Китайцы судятъ и разнимаютъ образомъ, каковый можетъ быть не по нраву заморянъ: кромѣ, чтобъ не навести скуки, едва ли неизбѣжной, отважилися бы мы на приступленіе вниманія читателя, и безъ того избыточно уже занимаемаго новостію пишемаго нами. Сіе нудитъ насъ сближаться съ Европою путемъ, которой одинъ намъ открытъ, сирѣчь Богословія. Доказываетъ она и испытуетъ истинну дѣяній, замыкающихся во святомъ Евангеліи. Вотъ начертаніе, даемое сію намъ, совсѣмъ уже готовое, совсѣмъ уже объясненное и раздробленное для сей нашей статьи.

Есть ли книги о временахъ до Яоа? .... Кто были сочинители оныхъ? .... Сочиняя, не обмануты ли были кѣмъ либо? ... Хотѣли ли обманывать другихъ? ... Не повреждены ли со временемъ книги сіи? .... О чемъ вѣщаютъ? ... Разные историки, объ нихъ упоминавшіе, не разнорѣчатъ ли между собою? ... Какъ о томъ мыслили самые древніе писатели? ... Сколько уважаются сіи книги въ Китаѣ?

Таковы суть вопросы, которые мы сами себѣ предполагаемъ. Отвѣты на оные наполнятъ спасибо.

„Есть ли книги о временахъ до Яоа?„

Есть, и не мало; новѣйшія повторяютъ тѣ, кои старѣе. Послѣ Ганскаго поколѣнія Государей не издавалося уже ни одной. Можно дѣлить ихъ на три части: первыя писаны въ концѣ Тшеуской династіи, вторыя при царствованіи Тшин-Ши-Гоанга; послѣднія при Императорахъ Ганскаго поколѣнія. Замѣтимъ здѣсь: 1) что когда бы всѣ дѣянія, значущіяся и въ тѣхъ и другихъ, выбрать и соединить, то составилась бы одна только умѣренной величины книга. Большая часть творцевъ упоминали только случайно о временахъ до Яоа, паче же самые древніе. 2) Малыя Кинги и общенародные писатели суть инаго рода. Простремся объ нихъ особо.

„Кто были сочинители оныхъ?„

Древнѣе не отыскиваемъ Ю-Тсея, жившаго, какъ сказываютъ, во времена Уэн-Уанга, сирѣчь около тысячи ста сорока лѣтъ до Рождества Христова. Вѣдаемъ объ немъ изъ сочиненія Пан-Кун. Онъ двадцати двухъ временъ Ганскаго поколѣнія дошли до

насъ

насъ не болѣе четырнадцати главъ. Суть разговоры нравоучительные и политическіе, случайно же упоминаютъ о Ганг-Тіѣ, Фу-Гіѣ и иныхъ, не означая точно никакого произшествія. Странно, что Ю-Тсэ не говоритъ ни слова объ Яоэ-Шунѣ и Юѣ.

Отъ Ю-Тсея должно снизойти до Тшу-Анг-Усея и Ліэ-Тсея, современниковъ Манг-Тсея, какъ почти всѣ вѣрятъ.

Примѣтная разность въ писателяхъ о временахъ, въ которыя жили они. Смотри книгохранилище Ма-Туан-Линское, книгу третію. Имѣемъ и иныя ихъ сочиненія философическія, политическія и нравоучительныя, сообразно толку Тао-Сэва раскола, коего были ревностные прилѣпленцы. Вѣщаютъ о трехъ Гоангахъ и пяти Тіяхъ, не объясняя, кто они были, ниже когда царствовали. Простираясь въ однѣхъ преподаваніяхъ раскола своего, случайно повѣствуютъ о нѣкоторыхъ дѣяніяхъ Фу-Гіа, Шин-Нонга и Гоанг-Тіа. Тоже самое разумѣть должно объ Уэн-Тсеѣ, Шен-Тсеѣ, Ши-Тсеѣ, Ган-Феи-Тсеѣ, жившихъ въ послѣдніе годы Тшеуской династіи. Писанное ими о временахъ до Яоа состоитъ въ немногихъ страницахъ.

Книги Тшун-Тсіэу, присвояемой перу *Лу-Хіа*, котораго поставляютъ отцемъ Тсин-Ши-Гоанга, и которой подлинно былъ ближній его дѣловецъ, не извѣстно произхожденіе; по слогу же познается время царствованія восточныхъ Гановъ. Какъ бы то ни было, повѣствуютъ о Сан-Гоангахъ, Уттіахъ, Фу-Гіѣ, Шин-Нонгѣ и Гоанг-Тіѣ, не означая времени ихъ. Басни *Лу-Хіевы* не столь сумозбродны

въ разсужденіи Тао Сея; не основываются на правилахъ и ученіи раскола его. Слогъ нестроенъ и разновиденъ, главы кратки, а содержанія премѣнчивы. Думаютъ, что Лу-Хи, бывъ богатъ, платилъ много денегъ за всякую не къ стати поставленную букву въ сочиненіи своемъ, естьли кто въ томъ его осмѣялъ. Као-Тши зоветъ его Царемъ сочиненій Гоан-Нан-Тсеэскихъ. Лу-Тшун-Тсіэу-Тсеэ, Гоан-Нан-Уанг Шу, Гоан-Нан-Тсеэ, жили въ началѣ династіи Гановъ западныхъ, были любители книгъ, платили за нихъ дорого, а еще того больше давали тѣмъ, кто оныя имъ уступаютъ; но какъ омрачилиль расколомъ Тао-Сеэвымъ, то и доставали такимъ образомъ охотнѣе надлежащія до онаго книги. Собственныя ихъ сочиненія имѣли слогъ цвѣтной и стихотворной, суть пространное вмѣстилище преданій и басней отдаленнѣйшей древности, однако же погрѣшающее противу лѣточисленнаго порядка, стройности въ связи своей, и подверженное критикѣ. Силилися всячески проявиться самыми высокими писателями, но вмѣсто того, какъ свидѣтельствуетъ Ліэу-Ле-Галю, остались между историками грубыми и дикими: Ѣ-Ше. Такими же творцами находятъ Европейцы сочинителей Пе-Гуя, Фонг-Фу-Тонга и иныхъ временъ той же династіи, когда возстановлено было спокойствіе для ученыхъ людей. Хотя и то ненадежно, что первое сочиненіе было пера славнаго Пан-Куя, а второе Инг-Тшаоа; но какъ собраны въ нихъ только что не совсѣмъ изчезнувшія въ памяти человѣческой преданія, то не льзя инымъ укорять сочинителей, какъ единымъ соблюденіемъ для потомства смѣхотворныхъ басенъ, заслуживавшихъ вѣчное забвеніе. Въ книгохранилищѣ Французскаго Короля есть полное собраніе мѣлкихъ сочиненій

ненiй Ганской династiи, слѣдовательно и нѣтъ нужды здѣсь ихъ изчислять. Любопытные пусть прочтутъ; однако же не найдутъ того же въ одномъ, о чемъ въ другомъ писано.

Что же надлежитъ до Шанг-Гаи-И-Кинга-Сан-Фена, ботаники Шин-Нонговой и врачебныхъ книгъ Гоанг-Сiа, сказали уже мы выше, что прiемлются отъ всѣхъ знатоковъ подложными трудами новѣйшихъ писцовъ подъ древними титлами, а по тому и минуемъ объ нихъ въ молчанiи. Были критики [понеже обѣщалися мы опровергать и защищать все, что можемъ], которые находили слогъ Шан-Ган-Кинга близкимъ къ слогу самому древнему, и подразумѣвали книгу сiю писанною въ концѣ Тшеуской династiи; но самые тѣ же критики признаютъ ихъ естьли не сочиненными, то поврежденными по крайней мѣрѣ отъ людей, вѣрящихъ смѣходостойнымъ призракамъ, упрямо держащихся бредней Тао-Сеэвыхъ. Кневеда и Цирано въ Европѣ не вымышляли никогда столь сумозброднаго, каковы суть вздорныя сказки сей книги. Нѣкоторые простодушные проповѣдники мнили видѣть въ ней чудесныя вещи подъ иносказанiями, изъ коихъ будто бы была она составлена. Послѣдуя нѣкоему числу нашихъ ученыхъ, примыслили посредство къ извиненiю таковыхъ бредней. Годится она, но только для прiискиванiя слѣдовъ древней нашей исторiи, паче же чрезвычайныхъ оныхъ и чудотворныхъ приключенiй, кои въ ней меньше другихъ таковыхъ же книгъ безобразны. На примѣръ, упоминаетъ объ народѣ, питавшемся священною росою, имѣвшею вкусъ, кто каковой въ ней найти хотѣлъ: Шо-Ю-Ки-Уэн. Въ примѣчанiи стоитъ: роса сiя походила на сахарныя крупины. . . . Не точное ли подобiе манны небесной?

„Сочиняя, не обмануты ли были кѣмъ либо, „или не хотѣли ли обмануть другихъ?„

Не много мы сказали выше сего о глупыхъ тѣхъ и посмѣянія достойныхъ басняхъ, которыя составляютъ исторію временъ до Яоа; однако же и по тому читатели судить могутъ. Ю-Тсеэ изъ самыхъ древнихъ писателей вѣщаетъ, что Гоанг-Ти, бывъ десяти лѣтъ отъ рожденія, позналъ погрѣшности правительства Шин-Нонга, и ихъ исправилъ. Тшуанг-Тсеэ, Ліэ-Тсеэ, Увен-Тсеэ и другіе, жили во времена замѣшательствъ, войны и потрясеній государства. Все писанное ими свидѣтельствуетъ, что были ослѣплены призраками; что утверждали расколъ Тао-Тсеэвъ; что благоугождали Двору, предлагая новый образъ правительства, новые законы. Не доказываетъ никакой памятникъ, что читывали они коренныя лѣтописи Тшеускаго книгохранилища, да и не ссылаются на оныя; откуда же почерпнули Гоан-Нан-Тсеэ, Тшао-Гоа, Ган-Инъ и прочіе выписыватели изъ книгъ Ганскаго поколѣнія временъ, повѣствованія свои о бытіяхъ до Яоа? Молчатъ о томъ сами, не подпираются никакими достовѣрными доводами. Критики наши согласны, что много способствовались всемъ обнародованнымъ въ царствованіе Тсин-Ши-Гоанга, послѣ какъ утихло гоненіе на ученыхъ, и что тогда-то собирали древнія преданія, изходившія изъ устъ Тао-Сеянъ. Никакой писатель, пиша о временахъ до Яоа, не подпирался никакими же достовѣрными памятниками. Въ прежнія времена писатели находили пользу свою разсѣвать басни, подкрѣпляющія расколъ, ими защищаемой; а писатели временъ новѣйшихъ болѣе, какъ кажется, занимались отысканіями слѣдовъ старины, нежели избираніемъ сноснѣйшаго здравому разуму.

„Не

„Не повреждены ли со временемъ таковыя со-
„чиненія?„

Отвѣчаемъ: 1) рода таковаго книги никогда на себя не привлекали вниманія ученыхъ людей, и оставлялися въ рукахъ тѣхъ, кто хотѣлъ ихъ сберегать. Ю-Кіаон, или послѣдователи ученія Конфуція, не хотѣли даже и обнажать ихъ лжи, развѣ доходили случаи выписывать что либо изъ частныхъ исторій, или подавая когда либо челобитныя Императорамъ противу раскола Тао-Сеэва. Главнѣйшее ихъ правило было и есть, что лжи изкореняются и изчезаютъ сами собою.

2) Разные толки Тао-Сеэва раскола нападали одинъ на другаго разными же онаго выясненіями, прибавленіями и разнятіями, каждой смотря по тому, что ему полезно, или противно. Ни которой не могъ стать побѣдоноснымъ, потому что послѣднія изданія такого рода сочиненій, можно сказать, въ ничто обращали прежнія, и что не находимъ ни одной старинной рукописи, ниже словесныхъ подробностей, по коимъ бы льзя было преходить изъ послѣднихъ въ первыя.

3) Искуснѣйшіе критики утверждаютъ, что книги, присвоемыя перу Тшанг-Тсея, Куан-Тсея и другихъ, не суть подлинные труды сихъ творцевъ. Такъ особенно мыслилъ славной Конг-Ин-Та о Тшу-Тсеѣ и другихъ. Читай Синг-Ли-Та-Тси-Ненъ книгохранилище Ма-Туан-Линское, предсловіе Тонг-Кіэн-Канг-Ліуское. Подложность и поврежденіе сихъ сочиненій были возможны и легки въ началѣ Ганской династіи, когда духи заняты были искоре-

не-

неніемъ книгъ и во времена настоявшихъ тогда государственныхъ смятеній: ради малочислія разумѣвшихъ старинныя буквы; ради видовъ тогданнія полиціики Двора; утороплення Ю-Кіаоэвъ, силы и довѣренности Тао-Сейцевъ, и удобности для каждаго разсѣвать въ народѣ рукописи. Области наши почти были между собою безъ сообщенія, книги рѣдки. Не трудно бы было взвѣсить всѣ сіи обстоятельства, и подпереть то самыми дѣяніями; но не стоитъ заботы. Довольно, естьли отошлемъ читателей къ ропоту и жалобамъ послѣднихъ издателей; но труды ихъ въ снискиваніи достовѣрныхъ старинныхъ изданій же, доводы, коими оправдывать себя стараются, свидѣтельствуютъ, сколь слабо заслуживаютъ книги ихъ вниманія ученыхъ людей.

„О чемъ вѣщаютъ?„

Очевидность, важность, порядокъ, взаимосвязаніе и правдоподобіе дѣяній, означаютъ историческую истинну. Надобно разкрыть книги, о коихъ мы пишемъ, и увидѣть, что не льзя ихъ помѣщать въ число общенародныхъ лѣтописей. Снизходя даже до царствованія Шин-Нонга и Гоанг-Тіа, не находимъ ни одного произшествія, которое бы ударяло на цѣлой Китай, которое бы обнажало нравы, показывало способности умовъ. Различіе видовъ корыстей обнаруживало законы и правительство. Все замыкается въ немногихъ только личныхъ приключеніяхъ, въ дѣяніяхъ частныхъ, приводимыхъ случайно, и кои не основываются ни на географіи, ни на лѣточисленіи и физикѣ. Смѣхотворныя чудеса, достойныя загнанія во страну бредней и призраковъ; самый образъ сказанія проявляетъ, что почерпнутъ изъ вѣковъ не древнихъ. Естьли бы кому изъ Европейцевъ

пейцевъ пришло на мысль разумѣть находимое въ такихъ книгахъ ударяющимъ на Мономотапскій народъ, то бы не знали мы, чѣмъ опровергать оное. Правдушіе, коего столь ревностно держаться хотимъ, требуетъ извѣщенія нашего, что большая часть старинныхъ книгъ, упоминающихъ о временахъ до Яоа, суть разговоры о разныхъ предметахъ политики, нравоученія, физики и философіи. Способствовавшіеся ими, сочиняя исторію, больше заслуживаютъ укореніе, нежели оныхъ творцы. Ю-Тсеэ, Куан-Тсеэ, Тшуанг-Тсеэ, Лie-Тсеэ и иные, заставляли лица собственныя изражать свои мысли, не ручаясь сами за основательность оныхъ. Сіе не одна только догадка: многіе Тао-Сеяне, крайнѣ желая поднирать расколъ свой одобреніемъ Конфуція, вмѣшивали въ помянутые разговоры или его самаго, или приводили будто бы изходившее изъ устъ его. Ссылаемся на Кіа-Ю, Тсан-Ли и другихъ. Читай И-Хе, книгу вторуюнадесять. Конфуцій представляетъ у нихъ весьма смѣшное лице, подобное Сан-Гоангову, Фу-Гіеву и другихъ. Легко имъ было выдумать личные случаи, и такими баснями забавлять простой народъ. Восхощетъ ли любопытство Европейцевъ преплыть моря и войти въ наши книгохранилищи, надобно, чтобъ вождемъ своимъ избрали нашу же исторію учености: она бы во мракѣ ономъ послужила имъ свѣтильникомъ.

„Разные историки, объ нихъ упоминавшіе, не „разнорѣчатъ ли между собою?„

Здѣсь требуемъ извиненія у читателей, и просимъ не взыскивать отъ насъ списыванія противорѣчій, въ которыя заводимъ ихъ мнимымъ совозлослѣ-

деяніемъ Императоровъ нашихъ одинъ за другимъ, въ темныя оныя времена, какъ откры тіями, имъ присвояемыми, такъ и числомъ лѣтъ и произшествіями ихъ временъ, и прочимъ. Воззрѣть на первыя главы Ли-Хеи, и на примѣчанія, положенныя въ книгѣ Тсеэ-Ши-Тонг-Кіэн-Канг Муэ, довольно ко увѣренію себя, что писатели почерпали въ разныхъ источникахъ. Ли-Хи, Куан-Тсеэ, Тшуанг-Тсеэ, на примѣръ чудесное повѣствуютъ о музыкѣ голосной и инструментальной, усовершенствованной Гоанг-Тіэмъ, хотя и невѣжествуютъ о великихъ произшествіяхъ въ царствованіе сего послѣдняго, но каждый по своему описываетъ систему музыки. Печатныя вѣдомости Европейскихъ государствъ легче взаимно сообразить о какой нибудь войнѣ, нежели ихъ сказанія о войнѣ же Гоан-Тіа съ Тшин-Іэуемъ. Самаго Тшин-Іэу одни представляютъ безплотнымъ духомъ, другіе владѣтелемъ, третьи бунтовщикомъ: таковы же точно и прочія ихъ сочиненія вообще.

„Какъ о томъ мыслили древніе писатели?„

Совсѣмъ никакъ. Ни книги, ни писанное Конфуціемъ, ниже ученики его, не говорятъ о поколѣніяхъ и владѣльцахъ до Яоа. Имена Фу-Гія и Шин-Нонга стоятъ въ прибавленіяхъ И-Кинга, присвояемыхъ Конфуціеву перу; однако же не вѣрятъ тому многіе наши критики. Трудно дознаться, для чего премудрый сей мужъ, вездѣ извлекая правила ученія своего отъ самой отдаленной древности, нигдѣ не упоминалъ о Фу-Гіѣ и Шин-Нонгѣ, кромѣ помянутыхъ прибавленій; да и молчитъ, въ Китаѣ ли они царствовали? . . . . Скоро возвратимся мы къ сей же самой статьѣ.

„Сколь-

„Сколько уважаются книги сіи въ Китаѣ?„

Чтобъ съ большею исправностію и точностію отвѣтствовать на сей вопросъ, надобно различить учениковъ школы Конфуціевой. Само по себѣ явствуетъ, что первые вѣрили начальникамъ и наставникамъ раскола своего. Умствованія ложныя и заблуждающіяся, но и оныя раздѣляются на ученыхъ, изступленниковъ и простолюдиновъ; каждый особую для себя составлялъ систему. Ученые кичатся здравымъ смысломъ, способностями все критиковать и знаніями; уважаютъ наставниковъ своихъ, но отвергаютъ преподаемое ими странное, смѣхотворное, отвратительное и всѣ чудеса, выходящія изъ вѣроятія; все то, что совершенно не вяжется съ общенародными памятниками; все основывающееся на прибавленіяхъ новѣйшихъ писателей. Таковыхъ ученыхъ и самыя бредни суть систематическія, нарочито взаимно сцѣпленныя. Изступленники же ничего не составляютъ, не выводя изъ предѣловъ вѣроятія; они-то открываютъ собою слабость ума человѣческаго. Напряженія мыслей своихъ обращаютъ на такіе только предметы, которые необычайны, странны и глупы, защищая все такое съ крайнею запальчивостію. Чернь слѣпо идетъ по пути, на которой напала; не думаетъ разсматривать, чему вѣрить, какъ вѣрить и для чего вѣрить?

Ученики школы Конфуціевой суть истинныя главы упражняющихся въ наукахъ; имъ единымъ по справедливости приличествуетъ имя ученыхъ. Презираютъ Тао-Сеянъ, какъ сплетателей сумозбродныхъ басенъ, которые, не бывъ въ состояніи доказывать ими сказуемое объ исторіи нашей, начиная временами

Яоа, углубляются далѣе въ древность, дабы не быть противорѣчимымъ общенародными памятниками. На каждомъ, можно сказать, шагѣ, подавшагося назадъ такимъ образомъ, да отдѣлятъ дѣянія отъ правилъ, на коихъ почіетъ ихъ умствованіе; да посмотрятъ тогда на нихъ, какъ на историковъ и сказателей о древности: найдутъ, что обстоятельства временъ сближали и удаляли отъ Императоровъ ученыхъ, по мѣрѣ, какъ слѣдовали обычаямъ Двора, или прилѣплялися къ какому либо особому сонму. Въ теченіи Ганской династіи расколъ Тао-Сеэвъ былъ всемощенъ. Сами Императоры были онаго поборники; ученость не смѣла на него ополчаться. Но таковая политика сихъ Государей была къ мѣсту, хотя въ самое тоже время являлися они отыскиватели Кинговъ, созывателями людей ученыхъ, но медля издавать Кинги въ народъ во всей ихъ цѣлости. Съ другой стороны явно выходили въ свѣтъ книги Тао-Сеянъ, хотя казалось, что то было безъ ихъ соучастія. Въ Китаѣ, равно какъ и въ другихъ странахъ, владѣтели держатся истинны и лжей по видамъ своимъ; но наши Государи, достойные прозвища Великихъ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, любили правду паче всего; народъ при нихъ только благоденствовалъ. Вкрался новой расколъ Фоевъ во времена той же Ганской династіи. . . . Что принесъ съ собою? . . . Горячку умовъ, соблазны и смятенія. Въ теченіи послѣдовавшихъ краткихъ династій государственныя потрясенія притупили у всѣхъ вниманіе. Самое правительство не могло удостоивать покровительствомъ ученыхъ, какъ только вскользь и мимоходомъ. Проявлялися они и скрывались вмѣстѣ съ произшествіями; колеблемы были, пореваемы вѣтромъ благоволенія Двора и обычаевъ. Буря сія иногда наносила ихъ къ Кин-

Кингамъ, но та же самая буря разражалася надъ ними и въ самомъ семъ пристанищѣ. Заблужденіями гнусными, системами нелѣпыми, бѣшенствомъ идолослуженія, наполнялися Императоры до того, что принимали на себя званіе Бонзовъ и Тао-Сеянъ. Искуснѣйшіе въ наукахъ мужи въ бѣдственныя такія времена не только принуждены были хранить постыдное молчаніе, но прятаться по горамъ, лѣсамъ и пещерамъ. Государи Тангскаго поколѣнія безмятежно владычествовали Китаемъ. Стеклися къ престолу ихъ науки и художества, и подкрѣпили собою, умножили величіе его, разпространили славу. Началось собираніе всего вмѣщающагося въ Кингахъ, вышли на свѣтъ прекрасныя изданія, вышли изящныя объясненія оныхъ. Умы человѣческіе начали проникать въ самыя отдаленнѣйшія времена. Возжелали достигнуть до начатковъ исторіи нашей; но лучшіе разумы не могли, сказать просто, пробиваться далѣе Яоа. Пристрастіе нѣкоторыхъ Императоровъ къ безсмертію по толкамъ Тао-Сеянъ отверзло врата къ выходу изъ предѣловъ, предписываемыхъ Кингами: пустилися даже до Фу-Гіа. Стихотворцы и философы, принаравливаясь къ мнимой сей исторіи, которая какъ бы подвязывала крылья ихъ умовоображеніямъ, навели вапы на басни, изъ коихъ долженствовала составиться такая исторія. Изчерпались пособія для продолженія труда. Вкусъ къ забавамъ размножилъ любленіе мѣлочей, разслабилъ умы, ученыя книги скрылись въ книгохранилищахъ. Жены и любовницы Императоровъ взяли въ руки скиптръ учености, предписали, какіе угодны имъ были, пути къ почестямъ для ученыхъ. Ученость начала вѣщать словами острыми и замысловатыми, эпиграфами, пѣснями, и удостоилась ихъ благоволенія. Послѣдовали, но весьма не-

многія царствованія, паче полезныя для наукъ; но слабый только излустили блескъ надежды. Скопцы учинилися сильнѣйшія особы при Дворѣ, заразили оной нѣгою, роскошью и злодѣйствами. Кровавые слѣды внутреннихъ и внѣшныхъ браней, мятежи, моровыя язвы, голоды, премѣны правительствъ, покрыли науки непроницаемыми мраками, прочистившимися не прежде временъ протяжной династіи Сонговъ. Основатель сей династіи вступилъ во святилище наукъ, издалъ законы, запечатлѣлъ врата въ сіе святилище черни. Взоры правительства обратились на ученость и проникація въ первобытныя столѣтія. Книги начали быть купуемы вѣсомъ золота, въ замѣненіе утратъ оныхъ. Отряжены нарочные свозить ихъ изъ сосѣдственныхъ областей; размножились тисненія вновь; приложены труды къ трудамъ, послѣдуя великимъ образцамъ древности; а сіе возродило благій вкусъ, критику и философію. Истинна возсіяла во всей своей чистотѣ; но къ нещастію наскучили взирать на нее, и подъ предлогомъ сооруженія ей престола посредствомъ системъ, закрыли ее завѣсою. Мнимое философствованіе, блестящій внѣшнею поверьхностію разумъ, безвѣріе и своевольство, привели ее въ забвеніе. Начали вѣрить всему, и все опровергать. Одни подвергли сомнѣнію произходившее до древней Тшеуской династіи, другіе заходили за времена Фу-Гіевы и мчалися даже до Пан-Куа. Сцѣпленіе произшествій поднимали и опускали попремѣнно мнѣнія между учеными; а паденіе династіи Сонговъ все то погребло подъ развалинами того же самаго. Императоры Ивенскаго поколѣнія были чужестранцы, безъ наукъ, безъ людкости, удерживалися на престолѣ силою оружія. Мингской династіи предуставлено было смотрѣть на науки очами мудрой и про-

просвѣщенной политики, удерживать ученыхъ цѣпію законовъ, дабы не вдавались въ тѣ же заблужденія, которыя толикократно были гибельны общему благу. Погрѣшности минувшихъ поколѣній научили Министерство пользоваться науками, подобно огню, освѣщаться ими, но не быть зачерненными ихъ дымомъ; согрѣваться ихъ теплотою, но не сжигаться. Одною рукою поощряло ихъ наградами, другою же стѣсняло пути къ чинамъ и достоинствамъ. Окруживъ престолъ Императора превосходнѣйшими умами, глубокой учености мужами и одаренными наилучшею красотою словесныхъ наукъ, опоясало надъ ними яремъ законовъ, изрыло предъ стопами ихъ бездну золъ на рубежахъ, до коихъ доходить имъ позволяло. Сей-то преславной политикѣ долженъ Китай умѣренностію упражненія въ наукахъ, заградившею поползновенія къ спорамъ. Овладѣли нами Татары, но послѣдуютъ правиламъ той же самой политики, и письменная наша республика въ покоѣ.

Но возвратимся на прежнее, какъ Тао-Сеяне бывали въ милости и во изгнаніи отъ Двора; какъ пристрастіе къ состязаніямъ и системамъ попускалось; какъ полуученые, приверженцы особыхъ умствованій, любители новизнъ и мнѣній изступленныхъ, усиливались и ослабѣвали стройность сказанной республики; какъ прибѣгали къ книгамъ, о коихъ мы пишемъ; какъ отвергали ихъ, нападали на нихъ, или защищали? Скажемъ вообще, что поборники сихъ книгъ никогда не дерзали уравнивать ихъ съ Кингами и съ другими сочиненіями коренной важности, а только что могли иногда дополнять молчаніе оныхъ. Въ каждомъ столѣтіи видали ученыхъ, которые ополчались противу такихъ книгъ, даже и

въ

въ тѣ времена, когда сами Императоры облекалися въ одежду Тао-Сеянъ, проводили дни или въ размышленіяхъ, или во истолкованіяхъ бредней раскола сего. Замѣтимъ мимоходомъ, что вѣра нашихъ Императоровъ часто разнилась съ вѣрою ихъ подданныхъ, хотя и являлися внѣшно ее исповѣдующими: послѣдняя вѣра разумѣется у насъ древнею. Существа ея состоятъ въ жертвоприношеніяхъ, общественныхъ молитвахъ при нашествіяхъ каковыхъ либо бѣдствій, и въ книгахъ.

Вмѣсто возобновленія писаннаго нами въ статьѣ сей, и преклоненія читателей согласно съ ними размышлять, разсуждать и извлекать заключенія, и чтобъ согласилися же въ томъ, что исторія наша до Яоа почіетъ на основаніи разворенномъ и не достойна вѣроятія, лучше предоставимъ то ихъ собственному проницанію. И что бы могли сказать для нихъ новое? Полезнѣе задержаться на нѣсколько минутъ изслѣдованіемъ системъ, вымышленныхъ въ разныя времена, которыя раздѣляютъ мнѣнія, нами опровергаемыя. Такое удаленіе, естьли удаленіемъ назвать можно, выполнитъ пропущенное можетъ быть нами, объяснитъ болѣе сказанное уже, и послужитъ вступленіемъ къ слѣдующей за симъ статьѣ.

Естьли когда либо писалась исторія заблужденій и развращовъ ума человѣческаго, то конечно таковы суть лѣточисленныя системы. Китай отъ своей части пространное къ тому открываетъ поле. Запутанныя ли преданія временъ до потопа были того виновторцы, бредни ли Тао-Сеянъ, обезобразившія времена, произвели таковыя слѣпоти, или вкусъ къ странному и чудесному завлекъ въ оныя нашихъ ученыхъ;

ныхъ; но то правда, что выдумали они множество системъ на времена, предшествовавшія Яоу. Думывали измѣрять долготу оныхъ физическимъ и нравственнымъ состояніями отечества. Астрономы взлетали на небеса, совопрошалися со свѣтилами и вычисляли по бѣгамъ ихъ и явленіямъ, образами, какими кто разсудилъ за благо. Физики устрояли вселенную изъ стихій собственнаго ихъ изобрѣтенія, изложили за коренныя основанія то, что не согласно съ *Ли* и Ки, Инъ и Йонгомъ: стихіи, конечно не уступающія премъ стихіямъ же Картезіуса, и ихъ не лучше. Выполнишели книгъ, замкнувъ умъ и вниманіе свое въ Куэ, книгѣ Фу-Гіевой, а послѣ въ двухъ доскахъ Гоу и Лошу, мнили проповѣдывать истинну объ отдаленной древности. Великое число инаго рода людей кинулись подбирать разперянное долготою временъ, подкрѣпляяться ученостію, вѣщать языкомъ критиковъ, созидать вновь изъ безобразныхъ развалинъ огромное зданіе древней исторіи. Изъ однѣхъ примѣчаній таковыхъ системъ составилась бы превеликая листовая книга, хотя бы вносить въ нее только до безконечности скучное. Скажемъ о трехъ только главнѣйшихъ изъ сихъ писателей, держася повѣствованнаго ими же. Первой возходитъ отъ временъ Пан-Куа до сотворенія міра. Второй не далѣе, какъ до Фу-Гіа. Послѣдній останавливается на Гоанг-Тіѣ. Поелику системы сіи опровергались и защищались съ крайнимъ жаромъ, сколь точно же оспаются у всѣхъ въ небреженіи; *да* и *нѣтъ* оныхъ нынѣ ничего не значатъ, а прежде служили объявленіями войны и провозвѣстіями замѣтъ во временахъ. Читатели да не почтутъ насъ виновными, когда поведемъ ихъ въ пустыни безплодныя и необитаемыя, гдѣ не повстрѣчаются ни съ чемъ пріятнымъ, ни съ

чемъ научительнымъ: недовѣрствія и подозрѣнія Европы къ тому насъ принуждаютъ.

I.

4. Довольно странно, ежели и того что нибудь не хуже, что сочинителями Китайской исторіи были люди, меньше многихъ свѣдущіе объ отдаленной древности. Страннѣе, что ревностнѣйшіе Тао-Сеяне не имѣли духа стать лѣточислителями, кромѣ какъ въ теченіи продолжительной Сонговой династіи, сирѣчь по тысячи лѣтахъ отъ успокоенія учености въ Китаѣ. . . . . Какъ же посмѣть вѣрить тому, чему вѣрить не смѣли первые писатели? Вѣщаетъ предсловіе Тонг-Кіэнъ: . . . . „Истинна не „трудно познается въ памятникахъ достовѣрныхъ, „какъ же находить ее въ хаосѣ преданій? . . . . „Всякъ, прокладывая путь новой, заблуждается и „проч.„

Лізу-Ю, Ло-Пи, Су-Тсеэ, первые отважились составить исторію изъ басней и преданій, разсѣянно помѣщавшихся въ книгахъ раскола Тао-Сеэва. Писцы сіи согласны въ списываніи всего ими находимаго, и въ сказываніи, что сами тому не вѣрятъ, а только почитаютъ себя должными соблюсть оное потомству. Посредственно ученые въ ихъ времена и подъ ихъ глазами воспользовались свободою и позволеніемъ не вѣрить перу ихъ. Пан-Ку, коего имя не стоитъ ни въ какой старинной книгѣ, и которому присвояютъ каждой по своему сотвореніе міра. Тіэн-Гоанги, Ти-Гоанги, Гин-Гоанги, жили, по ихъ сказкамъ, за осьмнатцать тысячь лѣтъ прежде страннаго побоища боговъ, богинь и діаволовъ, коими наполняютъ мнимыя ими столѣтія; и другія подобныя же бредни, сплетаемыя въ сходственность

ажеученія Тао-Сэва. Чѣмъ же доставило то ихъ отъ современниковъ? . . . Колкими шутками и насмѣшками, а отъ послѣдующихъ родовъ всеобщимъ презрѣніемъ. Лэу-Ю былъ историографъ государственной, претерпѣлъ оскорбленіе, что книга его похулена была историческимъ нашимъ засѣданіемъ, какъ уже выше мы сказали; хотя онъ выпустилъ изъ нее всѣ бытія до Гоанг-Тіа, и хотя выдавалъ выпискою только, не ручаясь за достовѣрность, однако же заказано было печатать сію книгу. Ло-Пи тщетно вѣщаетъ, что. . . . „ученіе Тао-Сея взем„лется отъ временъ, когда люди по семи разъ пре„мѣняли образъ и видъ свой; что остается къ со„жалѣнію неимѣніе способовъ объяснить дѣянія перво„бытной древности; что праздникъ Пан-Куэвъ „торжествовался осьмагонадесять числа десятыя лу„ны; что Лу-Тсунъ имѣлъ инака о трехъ язы„кахъ, коего туловище покрыто было чешуею, ды„ханіе же было ароматическое; что Куэнъ, или зе„мные духи, выходя изъ молніи, вселялися въ яст„ребовъ и змѣй, прогуливались на телѣгахъ и сами „себя запирали въ ящикахъ; что желтой духъ имѣлъ „большее брюхо, низшелъ съ третьяго небеси, вымы„слилъ искусство царствовать и прочее.„ Удивляясь неутомленнымъ сыскамъ ученаго сего, не льзя не жалѣть, что онъ трудился только для глупцевъ. Не безполезно знать, что всѣ такія нелѣпости имѣли источникомъ не одну голову. Необходимо надлежало Ло-Пію прочитать всѣ раскольническія книги для составленія первыхъ частей своего Лу-Хе. Того еще чуднѣе, всѣ сіи части напичканы примѣчаніями, достойными содержанія своего. Напрасно упоминаетъ, что ни одинъ ученой человѣкъ и не думывалъ никогда опровергать пишемаго о временахъ до Фу-Гіа.

Сочиненія сего рода уже не печатаются у насъ болѣе, да и сами Тао-Сеяне почти уже ихъ бросили. Но какъ разумъ человѣческой естественно подразумѣвающъ, могло бы случиться въ послѣдующіе роды, что не находя болѣе нигдѣ книгъ, о коихъ теперь слово, почли бы небреженіе наше въ сохраненіи оныхъ нѣкакимъ таинствомъ. Вотъ чего ради упомянуто малое нѣчто въ сокращеніи лѣтописей нашихъ, и объяснено пристойными ссылками.

Полагая, что первая сія система не имѣетъ нужды въ опроверженіи, удовольствуемся слѣдующими примѣчаніями:

1. „Хотя не льзя открыть истинну посреди „объемлющихъ ее мраковъ, говоритъ издатель Лу-Хея, „однако же подразумѣваются времена до Фу-Гіа. А „по сему и должно преподавать потомству преданія „объ оныхъ, не пріемля на себя то объяснять: Тсун-„Эульг-Пу-Люнъ. Конфуцій не хотѣлъ изрещи болѣе: искони настало вдругъ небо и земля, послѣ „всякія существа, наконецъ человѣкъ и жена.„

2. Странно, что произхожденіе недѣль находимъ въ сказаніяхъ о сотвореніи міра нѣкоторыхъ Тао-Сеянъ, сказаніяхъ, невяжущихся и полныхъ смѣшныхъ басней. Въ нихъ-то стоитъ о долготѣ жизни первобытныхъ людей, отъ одной до десяти тысячь лѣтъ. Были и такіе между Тао-Сеянами, которые разумѣли годы не солнечными, а лунными, то есть состоящими въ двенадцатой только части солнечнаго года.

3. Въ царствованіе Тсин-Ши-Гоанга и въ началѣ Ганской династіи астрономы Тао-Сеянаго раскола

кола вымыслили круголѣтніе во стѣ тысячахъ, двухъ стахъ тысячахъ и трехъ стахъ тысячахъ годахъ, чѣмъ больше, или менѣе требовали того системы ихъ, чтобъ установить имъ чрезъ то семь планетъ, солнце и луну, сообразно невѣдомо какому-то умствованію, на нѣкоторыхъ точно точкахъ въ эфирѣ, и на такомъ-то основаніи утвердить мысленныя свои сцѣпленія низпосылаемыхъ на родъ человѣческой наваждений: мира, благоденствія и славы, безпрестанно премѣняющихъ состояніе земнородныхъ. А какъ всего нужнѣе для нихъ было улещать суетность Императоровъ, то таковую свою систему подпирали историческимъ свидѣтельствомъ, пустилися во времена неизвѣстныя, прибавляя и сокращая безъ зазрѣній бытность Государей на престолахъ до Яоа. Вотъ истинное произхожденіе уродливаго онаго лѣточисленія, основываемаго на развалинахъ невѣжественной астрономіи, и которое тотчасъ изчезаетъ, какъ скоро будетъ разнимаемо хотя самымъ наислабѣйшимъ вычисленіемъ.

4. Когда славный раскольникъ Лао-Тсеэ путешествовалъ по Западнымъ странамъ, Евреи вошли въ Китай въ концѣ Тшеуской династіи; во времена же династіи Ганской имѣли сообщеніе съ Индіею, Персіею, а можетъ быть и съ Римлянами: то не безправдоподобно, что послѣдователи Тао-Сея научены были знать о многомъ, о чемъ однако же со временемъ начали вѣщать по своему, для внесенія того въ нашу исторію.

5. Что сіе было точно въ тѣ дни, когда Сеэ-Ма-Куангъ и другіе наши критики видѣли только мраки въ лѣточисленіи нашемъ до Уанг-Ліа, книги

Тшеуской династіи, которую возводятъ весьма далѣе въ древность Кинговъ нашихъ. Самъ Фу Ми, жившій въ теченіи династіи послѣднихъ Тсиновъ, сколь ни ревностной былъ Тао-Сеянинъ, не дерзалъ однако же возходить за Фу-Гіа; по скольку болѣе прочихъ ученѣе былъ, тѣмъ паче боялся спать посмѣшищемъ, пріемля за истинну бредни раскола своего.

6. Янг-Тсе, человѣкъ ученой и простодушной, временъ древнихъ Тшеуэвъ, Тао-Сэ, откровенно утверждали, что исторія первобытной древности вся безвозвратно утрачена: Таи-Ку-Тши-Хе-Міе. Скажемъ къ слову, что троякія суть древности въ лѣтописяхъ и книгахъ Китайцовъ: Таи-Ку древность, касающаяся міросданію; Шанг-Ку, взимающаяся отъ Яоа назадъ, и есть истинной начатокъ достовѣрной нашей исторіи; Тшунг-Ку, древность средняя, вмѣщаетъ бывшія между Конфуція и Тшеу-Конга.

II.

Фу Ги учинился щастливѣе въ Европѣ, нежели въ Китаѣ. Тамъ разумѣютъ его основателемъ монархіи нашей; историки же наши или совсѣмъ не упоминаютъ о немъ, или хотя нѣкоторые приводятъ имя его, но никакъ не уважая. Первый изъ такових былъ Сэ-Ма-Тшинъ, въ династіи Танговой. Послѣ сочиненіе его Пен-Ки помѣщено въ заглавіи Сэ-Ма-Тсіенова Сэ-Кія, какъ дополненіе, однако съ приложеніемъ примѣчаній: 1) что искони міросотворенія поколѣнія человѣковъ сославлялися единымъ только семействомъ Тсее-Каи-Пи-И-Гіа и прочее. 2) Что древніе памятники потеряны, слѣдовательно не льзя повѣствовать и судить основательно о первобытныхъ временахъ: Ку-Шу-Оунг И, и проч. 3) Хотя не йдетъ подъ сличеніе малое что нѣчто изъ сказаній Тсе-Лія, Тшеу-Лія и другихъ, выбра-

выбрано однако же все оное и наполнился пятой промежутокъ тѣхъ временъ: Пу-Кинъ. Книгу сію имѣютъ у себя Европейцы; могутъ повѣрить предлагаемое нами соотвѣтственно двумъ изданіямъ, кои имѣемъ и мы подъ руками: одна описываетъ минувшую династію, а другая царствованіе Шун-Шія, перваго оной Императора; въ послѣдней не столь много примѣчаній, и меньше любопытны. Сее-Ма-Тсіенъ не смѣлъ возходить за времена Гоанг-Тія; не избѣжалъ однако же хулы, какъ тотчасъ увидимъ. О славномъ сочинителѣ Куаевѣ И-Кинга ни въ памятникахъ, ни въ книгахъ древнихъ, не находимъ ничего вѣроятнаго и достойнаго внесенія въ исторію народа нашего. Писатели и весь соборъ ученыхъ, когда поступая противу здраваго смысла, начинаютъ лѣтописи свои сумозбродными баснями, то самое предразсужденіе не даетъ мѣста въ старинныхъ нашихъ книгахъ. Подобное же своевольство въ Титѣ Ливіѣ извиняется; потому что первѣйшіе Римляне не умѣли еще при немъ инако считать годы, какъ вколачивая гвозди на стѣнѣ капища Минервы. Такія сочиненія ни въ чемъ не предосуждаются. Послѣдніе издатели Канг-Муя, желая упомянуть о Фу-Гіѣ, чтобъ прославить прибавленія къ И-Кингу, гдѣ стоитъ имя его, не нашли сказать больше согласно съ Тао-Сеянами: . . . . „что былъ онъ Царь лѣсной „добродѣтели; ---- что избралъ для пребыванія дво„ра своего урочище, называемое Тшинъ; ---- что на„училъ человѣковъ звѣриной и рыбьей ловлямъ, „скотоводству; —— что рука его начертила Куи, и „что вымыслилъ онъ буквы; —— что производилъ „въ Мандарины подъ именемъ змѣя; —— изобрѣлъ Кіа „и Хе (орудія музыки).„ Но все сіе не самыя ли ничтожныя мѣлочи для Государя, жившаго на свѣтѣ

сл)

сто сорокъ пять лѣтъ? Къ тому же противорѣчитъ самъ себѣ сочинитель сей, сказавъ, что буквы вымыслилъ Фу-Ги, на иномъ мѣстѣ присвояетъ то Тсонг-Кіану, подъ владѣніемъ Гоанг-Тія. Европейцы конечно не будутъ имъ довольны. Но развѣ бы писать ему съ примѣра словаря Пин-Тее-Тсіенъ, что цѣло Фу-Гію дано по сотвореніи уже міра, душа же его бытствовала за долго прежде? Или согласно съ Ло-Піемъ: женилъ его на Ніу-Гоаѣ, дочери и сестрѣ своей. А когда и того мало, то можно прибавить, что былъ ношенъ въ матерней утробѣ двенадцать мѣсяцовъ: чипай И-Ки; что Конь Змѣй принесъ къ нему писменныя изображенія Куаевъ: Сан-Фенъ; что небесной музыкѣ научила его Нимфа: Гоан-Нан-Тсеэ. Похощетъ ли кто и еще распространить таковыя бредни, пусть изыскиваетъ, что мать лѣснаго сего Царя очревателя имъ онъ молніи, или не нарочно вступивъ на слѣды исполина, или надуло ей вѣтромъ. Далѣе, имя Фонгъ наложено ему не для ли того, что родился въ огненномъ народѣ, или по тому, что вѣтръ есть символъ примѣра Царей? Девять ли было у него головъ, или одна? Лице человѣческое ли, или голова змѣиная? Онъ ли создалъ небо и землю, или былъ только Царь надъ духами?

Какъ всякое пустословіе о Фу-Гіѣ и послѣдовавшихъ за нимъ временахъ есть товаръ Тао-Сеннъ, вотъ какъ мы оной цѣнимъ: . . . . Великой Канг-Гіусъ, нашъ Лудовикъ XIV, во все продолженіе преславнаго и долговременнаго владычества своего, трудился самъ и заставлялъ трудиться болѣе пятидесяти лѣтъ надъ пространнымъ истолкованіемъ И-Кинга. Лучше судилъ совсѣмъ умолчать о Фу-Гіѣ, творцѣ Куаевъ, нежели обезчестить перо свое выписыва-

ні-

ваніями изъ нихъ самаго сноснѣйшаго разуму и слуху. Были проповѣдники, которые мнили узнавать въ Фу-Гіѣ Еноха; но таковыя догадки не можно простирать далеко, ради того, что Тао-Сеянами замѣшаны всѣ слѣды древности. Подобныя же соображенія, какъ-то бракъ Фу-Гіевъ съ Ну-Гоаею, имена, коими нарекъ онъ растѣнія и живопныхъ, званіе его перваго Царя, старѣйшины человѣковъ и прочее, не приводятъ ли на мысли Адама?

III.

Въ Европѣ есть въ печати, что со временъ Гоанг-Тія исторія наша справедлива и достовѣрна; вѣдаемъ то и мы, но вѣдаемъ же, что не Европѣ приличествуетъ рѣшительно объ ней изъясняться, по крайней мѣрѣ не прочтя всего до того надлежащаго, и не просмотрѣвъ, какъ должно ученымъ и критикамъ. Однако же устоимъ въ словѣ и не престанемъ казаться невѣждами о состязаніяхъ заморянъ, въ разсужденіи пишемаго нами. Пустъ заворяпъ, какъ сказано, за нами врата, впустивъ насъ въ оное, что по большему еще промчимся разстояніе; со всемъ тѣмъ не пойдемъ и не дойдемъ до иной цѣли, какъ только къ одной той, которую уже мы для себя предвзяли: . . . . 1) Разсматривать мнѣнія Тсеэ-Ма-Тсіена, отца исторіи нашей; 2) Тшон-Шу, рукопись на бамбуевыхъ дщицахъ, найденную при владѣніи Ву-Тія, основателя Тсинской династіи, около послѣднихъ годовъ третіяго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ; или инако, какъ сказываютъ, въ династію старинную Тшеускую. 3) Что было повѣствовано о Сан-Уангахъ и У-Тіяхъ, въ малыхъ Кингахъ и почти всѣхъ сочиненіяхъ Тао-Сеянъ. Все таковое можетъ уразить умы въ шести тысячахъ миляхъ отсюда; произвести недоумѣніе . . . . Но здѣсь конечно нѣтъ.

Рокъ то есть всѣхъ свѣтскихъ древнихъ исторій: начинаются хаосомъ и мраками. Розыски, ученость, критика наиславнѣйшихъ сочинителей оныхъ, преткнулися объ суесловія; льстили гордынѣ своихъ отчизнъ, выводя ихъ изъ самой глубокой древности.

Лучше хотѣли начать баснями темными и смѣшными, возходя сколько могли далѣе въ старину, нежели пожертвовать истиннѣ и немногими годами. Тсеэ-Ма-Тсіэнъ можетъ быть паче иныхъ историковъ извиняется, что пересказываетъ басни, носившіяся въ народѣ въ его время, а могъ бы съ помощію оныхъ податься назадъ въ самую мрачную древность не на одно столѣтіе; вмѣсто дѣяній и произшествій ставитъ чудеса и невѣроятное. Началъ лѣтописи свои вдругъ царствованіемъ Гоанг-Тіа. Не льзя не отдавать справедливости праводушію и искренности сего писателя; обще съ искуснѣйшими критиками находимъ перо его довольно прекраснымъ и складнымъ. Если бы попустился мчаться обычаями времени своего, то бы не могъ представить потомству Гоанг-Тія столь великимъ и всепрославить престолъ его во улещеніе суетности, или политики Ганскаго поколѣнія Императоровъ, желавшихъ происходить отъ сего Государя, дабы быть по праву его наслѣдниками и пользоваться всѣми хищеніями мучителя Тсин-Ши-Гоанга, который искоренилъ у насъ народное право. Не станемъ настоять, доказывая сіе. Читатели сами собою оное познаютъ; пусть припомнятъ писанное нами о тѣсномъ томъ положеніи, въ какомъ были ученые люди; въ какой силѣ находился расколъ Тао-Сеэвъ, и даже до того ослѣплялъ народъ бреднями своими, что не чувствовалъ оной бѣдствій и нищеты, подъ коими подавлялся. Скажемъ только, что Тсеэ-Ма-Тсіэнъ жилъ

при

при Дворѣ; что Ву-Ти, по повелѣнію коего сочинялъ исторію свою, былъ Императоръ побѣдоносный, былъ завоеватель, самовластитель, глава народовъ, наполненная высокомѣрія; былъ завистливъ и подозрѣвающъ, имѣлъ изящный и острый умъ, зараженный призраками лжеученія Тао-Сен [а Гоанг-Ти былъ же онаго ересіархъ]. Ву-Ти воздвигнулъ башню, устроилъ какъ бы парящій надъ нею истуканъ, который одною поднятою вверьхъ рукою держалъ великую золотую лахань для накопленія небесной росы: на сей-то росѣ мѣсили прахъ изъ истолченныхъ намѣлко жемчужинъ, сапфировъ, алмазовъ, и составляли питье безсмертія. Ву-Ти распространилъ рубежи всѣхъ своихъ областей, бралъ дани съ самыхъ далечайшихъ странъ, открылъ морскія пристанища, даровалъ свободу чужестраннымъ стекаться даже до столицы своей. Надобно, чтобъ исторіи нашей вѣрили такъ, какъ хотѣлъ сей Государь. Ни который посолъ изъ толикихъ къ нему народовъ Западной Азіи не могъ оспоривать древности его исторіи. Но какъ бы то ни было, положеніе нашего Тита Ливія было самое сжатое, да и не льзя хвалить за слѣдующія слова въ предсловіи его: . . . . „Многіе вѣщаютъ объ У-Тіахъ древнихъ „временъ, но Шу-Кингъ есть одна книга достовѣр„ная, болѣе не имѣемъ; начинается она царствова„ніемъ Яоа. . . . . Многіе писатели нарицаютъ Гоанг„Тіа, повѣствуемое однако же ими объ немъ чуждо „правдоподобія, и связуется взаимно. . . . . Трудно „простираться объ ученомъ Тшинѣ. „ На другомъ мѣстѣ: . . . . „Не нашедъ, кромѣ дѣяній сомнительныхъ, и преподаю сомнительное же. „ И-Тсеэ-Тшуен-И, исторіографъ государственный, такъ изражающійся въ подобныхъ обстоятельствахъ, изражаетъ многое для умѣющихъ вѣсить слова.

Естьли бы Тсеэ-Ма-Тсіэнъ писалъ утвердительнѣе, то бы не заслуживалъ имовѣрства и въ томъ, что доказываетъ за истинное и основательное. Ѣдкое перо писца уражаетъ простоумныхъ людей. Слава имени, какая бы ни была имъ снискана, подчиняетъ себѣ только невѣждъ. Рѣшенія такого писца суть божественны для тѣхъ только, кто не умѣетъ мыслить. Тсеэ-Ма-Тсіэнъ упоминалъ о Гоанг-Тіѣ какъ Тао-Сеянинъ и придворной человѣкъ; присвояетъ ему употребленіе языка чрезъ немногіе дни по рожденіи.... власть и силу установить пять стихій. ...знаніе дѣлать ручными медвѣдей, тигровъ, леопардовъ и иныхъ звѣрей. Сеэ-Ки, книга первая. Индѣ изображаетъ его дающимъ законы десяти тысячамъ царствамъ, управляющимъ странами неизмѣримыми. Онъ-то по его словамъ приводитъ въ цвѣтущее состояніе художества и науки, владычествуя мудростію, могуществомъ и величіемъ. Остановимся на семъ послѣднемъ: въ разсужденіи же басней, кои вставливалъ онъ въ исторію свою, должно его хвалить за умѣренность. Но какъ повѣрить, что пишетъ онъ о Китаѣ подъ Гоанг-Тіемъ въ толикой силѣ и велелѣпіи? Но не видно, когда началось столь благоденственное время; сколько по томъ длилось въ противорѣчіе Шу-Кинга и иныхъ достовѣрныхъ памятниковъ, какъ докажемъ ниже. Гдѣ помѣстить тѣ десять тысячь царствъ, которыя осѣняемы были скипетромъ Гоанг-Тіа? Нашъ Титъ Ливій не Римскій Титъ Ливій же. Сей приводилъ о Ромулусѣ и объ основаніи Римской имперіи, что хотѣлъ, за недостаткомъ источниковъ, изъ коихъ бы оное черпать, и никто ему не противорѣчилъ; а книги, служившія пособіями Тсеэ-Ма-Тсіэну, сохранилися столѣтіями даже до насъ. Пан-Ку, бывъ продолжитель его труда, явственно даетъ вѣдать въ

пред-

предисловіи своемъ, что трудился онъ по Кингамъ, по Тшун-Тсіэу-Тсо-Шіевомъ, по Кіа-Ю, по Ши-Пеу и инымъ сочиненіямъ. Не нужно свидѣтельство Куаевъ, надобно только увидѣть И-Хе, упомянутый уже нами, и узнать, что все надлежащее до Гоанг-Тіа взято изъ книгъ Тао-Сейскихъ. Можно всякому мѣсту дѣлать на нихъ ссылку. Книги Тао-Сеянъ не суть древнія и достовѣрныя, а притомъ и наполнены сумозбродствъ, опѣмяющихъ у самихъ себя вѣроятіе. На примѣръ: будто бы Гоанг-Ти былъ поднятъ на небеса и носился на свѣтломъ облакѣ, и такъ далѣе. Многое преображаютъ и по своему, держася только главнаго содержанія. Всякой историкъ имѣетъ право входить критически въ книги, подпадающія рукамъ его; взимать за основанія произшествія и оныя выработывать; но долженъ ли давать имъ видъ по однѣмъ прихотямъ? Можетъ ли облекать дѣянія историческія въ одежды басенъ? Можетъ ли выбирать и отмещать, что ему угодно, что совмѣстно, или нѣтъ съ его умоначертаніями? На примѣръ, Сеэ-Ма-Тсіэнъ говоритъ просто: . . . „Тши-Іэу причинялъ неспокойствія Гоанг-Тію, „ослушался его, вступалъ съ нимъ въ побоище на „степи Лу, взялъ въ плѣнъ и умертвилъ его.„ Въ книгахъ же, изъ коихъ сіе выбрано, стоитъ въ Ши-Ки: „Гоанг-Ти отрядилъ летучаго змія, которой „низвергъ Тши-Іэуа въ долину мрака и золъ.„ Въ Тшеу-Шу: „Нѣкогда, въ началѣ міробытія (Си-„Тіэн-Тши-Тшу) Тши-Іэу заупрямился признать „великаго Господа превосходнаго надъ всѣми; всевы-„шній Тіэнъ повелѣлъ Гоанг-Тію убить его.„ Въ Го-Ту: „Тши-Іэуевъ было восемдесятъ одинъ братъ, „шѣлеса имѣли лютыхъ звѣрей, вѣщали языкомъ че-„ловѣковъ, головы и шеи у нихъ были желѣзныя,

„питалися пескомъ. Гоанг-Ти не возмогъ пресѣчь „производимыхъ ими опустошеній, возвелъ очи къ „небесамъ и воздохнулъ. Тіэнъ низпославъ небесную „дѣвственницу, далъ ей оружіе, коимъ и побѣдила „Тшу-Іэуа.„ Въ Шан-Ган-Кингѣ: „Тши-Іэу, угово„ривъ властителя вѣтровъ и дождей, навлекъ стра„шную бурю; но подоспѣла небесная дѣвственница „на помощь къ Гоан-Тію, укротила бурю и лишила „жизни Тши-Іэуа.„ Ни слова не скажемъ о небесномъ же ономъ бубнѣ, величиною на три спа миль отъ одного конца до другаго; о облакахъ изъ цвѣтовъ, осѣнявшихъ главу Гоанг-Тіа въ день брани, и тому подобномъ. Читатели сами по себѣ видятъ, какъ можно полагаться на сплетателей таковыхъ бредней. Прибавимъ: 1) что книги, изъ коихъ все то почерпается, и изъ коихъ Тсеэ-Ма-Тсіэнъ составилъ исторію о Гоанг-Тіѣ, не соотвѣтствуютъ ни времени, ни мѣсту, ниже обстоятельствамъ побоища, или побоищъ, противу Тши-Іэуа. По мнѣнію нѣкоторыхъ было ихъ до пятидесяти двухъ. 2) Сан-Фенъ выдаетъ, что Тши-Іэу произшелъ изъ береговъ Агнцова источника, того самаго, которой находитъ Гоан-Нанъ въ земномъ раѣ. Есть слѣды, дающіе дознаваться, что Тши-Іэу былъ старѣйшина девяти Черныхъ народовъ (Ли-Мей-Ше), первый производитель замѣшательствъ и всякихъ злодѣяній (Тши-Тсо-Луан-Уго); по чему Тшеу-Ли пріурочиваетъ мятежничество его къ самымъ началамъ міротворенія.

Посреди толикихъ мраковъ и вздороглаголанія мечтается намъ проникать, что Тши-Іэу есть самый тотъ змій, о коемъ пишется въ И-Кингѣ. Гордыня его ослѣпила, возхотѣлъ подняться на небеса, но

но былъ низринутъ въ земныя нѣдра. Какъ бы то ни было, можно выводить, что Тсеэ-Ма-Тсіэнъ писалъ часть сію лѣтописей паче какъ человѣкъ разумной, нежели историкъ; однако же не доказываетъ временъ, предшествовавшихъ Яоу.

Да не почтутъ читатели, что мы ищемъ, чѣмъ бы прицѣпиться къ отцу исторіи нашей, и чтобъ тѣмъ освободить себя отъ ссылокъ на него. Лучшіе наши критики (смотри книгохранилище Ман-Туан-Линское, книгу сто девяностo первую; Син-Ли-Та-Тсі-Уэнъ, книгу пятьдесятъ пятую; Тсан-Ше-Кин-Коа, книгу шестьдесятъ седьмую и прочее) единогласно укоряютъ его преобращеніемъ произшествій въ басни. Лѣтописи Суйскія винятъ его: . . . что „люби находить истинныя дѣянія, но писалъ пре„зрѣнныя мѣлочи.„ Лѣтописи же Ганскаго поколѣнія въ части своей Геу-Ган-Шу вѣщаютъ, что не съ самаго начала принялся онъ писать о временахъ древнихъ (сирѣчь Гоанг-Тіемъ; иныхъ же Императоровъ полагаетъ жившими до Яоа), и послѣ уже принаровилъ оныя ко временамъ же исторіи своей, не стыдяся безчестить достоинство лѣтописца. Пан-Ку, его преемникъ, откровенно же винитъ, что заимствовался отъ книгъ Тао-Сейскихъ, а нѣгдѣ и предпочитая Кингамъ. Тшу-Тсее укоряетъ же его, что собиралъ баснословныя преданія; что не довольно вникалъ во глубину древней исторіи. Но какъ Тшу-Тсеэ есть двоеличной Янусъ Римлянъ, кажущійся то лицемъ, то тыломъ, слѣдовательно его *да* и *нѣтъ* не достойны уваженія. Кіа-Тси весьма не хвалитъ его, что посмѣлъ говорить однимъ языкомъ о Гоанг-Тіѣ и Яоѣ, что не освѣдомляетъ читателей, когда вышелъ изъ тьмы и увидѣлъ великій свѣтъ Шу-Кин-

Кинга. И-Ку-Фангъ не прощаетъ за удаленіе отъ Кинговъ, за прошиннутіе лѣтописей своихъ смѣшными сказками и бреднями дополнителей и толкователей. Фу-И-Венъ утверждаетъ, что естьли судить его по достовѣрнымъ памятникамъ, откроется неимѣющимъ доказательствъ и преисполненнымъ ребяческаго вранья. Ма-Янгъ сочинилъ особую книгу во опроверженіе лжей его (сіе сочиненіе намъ не извѣстно). Вѣря писателямъ Тсеэ-Ма-Тсіэна, навлекаетъ на себя вышесказанныя укоризны. Сами они не дерзаютъ находить въ немъ ясность историческую.

Приступимъ теперь къ Тшу-Шуэмъ, или рукописямъ на дщицахъ бамбуевыхъ. Вычеты Европейскаго астронома никогда не докажутъ ихъ достовѣрности. Предварительно бы надлежало ему подперетъ слѣдующее: 1) что понялъ онъ содержаніе рукописей сихъ; а сіе труднѣе, нежели представить себѣ можно. 2) Писатель столько слабоумной, а можетъ быть и притворной, что исторію свою основываетъ на басняхъ, конечно не обязываетъ ручаться за вѣрность замѣтъ времени своего. 3) Тетради, до половины изпоченныя отъ червей, писанныя буквами Котеускими, почти неразумѣемыми за пять столѣтій предъ нимъ, переведены въ точности, а не подогнано содержаніе ихъ подъ систему славнаго Фу-Міа, скоро послѣ того возникшую. 4) Отысканіе рукописей сихъ было не таково, какъ отысканія же всѣхъ другихъ книгъ: не сосноляла ли въ томъ хитрость Тао-Сеянъ? Впрочемъ, какъ скоро согласимся вѣрить, что древнія книги Тао-Сеянъ вѣщаютъ о Гоанг-Тіѣ, то должно согласиться же, что естьли станемъ мы отметать рукописи, отысканныя въ началѣ

чалѣ малой Тсинской династіи, то конечно не для опроверженія ихъ свидѣтельства. Сочиненія безъименныя, неизвѣстныя всѣмъ нашимъ писателямъ, углубляющіяся въ самую старину, полныя глупыхъ басенъ, не послужатъ никогда надежною гирею на вѣсахъ критики. Говоримъ мы о томъ, но ради того только, что было о томъ говорено.

Вотъ по чему находимъ, что все сіе не достойно вѣроятія: 1) найдено во времена смутныя и при самомъ началѣ перемѣны правительства. 2) По переводѣ на Ли-Тсеэскія буквы искусные ученые люди, члены историческаго засѣданія, по повелѣнію Императора разсматривали и такъ рѣшительно отозвались: . . . „Ты, Государь, много уважаешь, однако „же не достойно то вниманія исторіографовъ.„ Читай лѣтописи Суи-Кин-Тсіэ-Тшискія. 3) Въ долговременныхъ оныхъ препираніяхъ объ исторіи и лѣточисленіи первыхъ династій не имѣло все то никакой цѣны у ученыхъ. 4) Нѣтъ сомнѣнія, что Тао-Сеяне вымыслили многія подложныя рукописи.

Простодушный Нан-Гоан-Тсеэ на свою часть выдавалъ такія же многія, и всѣ отринуты, да и во время, когда цѣлое наше государство было въ движеніи, ища старинныхъ книгъ. Сего ради не именуется ни одна Тао-Сейская книга (забыли освѣдомить о томъ читателей), которая бы по выдержаніи надлежащихъ свидѣтельствъ издана въ свѣтъ, кромѣ одной только, подъ названіемъ Тао-Те-Кингъ. Всякіе природные предразсудки отложа въ сторону, кажется намъ, что критики Европейскіе могутъ полагаться на ученыхъ нашихъ въ вещахъ, совмѣстныхъ ихъ только уму. Излишне бы было взыски-

вать отъ ученыхъ же заморянъ, разумѣющихъ книги наши, чтобъ и они могли примѣтить, подобно Гонг-Юнг-Тсаію, Ли-Гіун-Іэую и другимъ, чѣмъ точно доказываются слогъ, реченія, образы буквъ и таблицы Тшу-Шуа и Тшеу-Шуа, писанныя въ царствованіе Ганскаго поколѣнія Императоровъ, или уже и послѣ Минг-Тіа. Съ самымъ малымъ вниманіемъ на смѣшныя тѣ басни, коихъ оныя полны, скажутъ конечно, что пусть будутъ современны послѣднимъ лѣтамъ Тшеуской династіи, или и старѣе, какъ утверждали нѣкоторые Тао-Сейцы; однако же не льзя имѣть къ нимъ никакого вѣроятія. Въ лѣточисленіяхъ ихъ есть преузорочная замѣта времени пятидесятаго года царствованія Гоанг-Тіа. Тси-Юэ-Фонг-Ніао-Тши: явилась птица Фонг-Гоангъ въ теченіи седьмой луны.

Въ Тшеу-Ли стоитъ: ..., „Исторіографія вещей „внѣшнихъ составила книги: три Гоанговыхъ и пять „Тіовыхъ. Изъ того вышло сочиненіе, названное „Четыре Части.„ Слова, ничего точно неозначающія; вникать въ нихъ можно какъ въ загадку. Отъ недостатку же нужныхъ записокъ родилися безконечныя состязанія, по причинѣ, что справляться должно въ малыхъ Кингахъ; что Тао-Сеяне тѣмъ же самимъ подпираясь, доказываютъ исторію временъ до Яоа. Всѣ толки ихъ удобно заключить можно числомъ въ пяти. Нѣкто изъ проповѣдниковъ именуетъ ихъ Концами Надмѣнными, ради того, что весьма на малое ударяютъ. Приняты таинственниками и размышлителями Тао-Сеянскими три главы Гоанга: И, Ги и Уэи, о коихъ Лао-Тсеэ говоритъ: Тао, сирѣчь жизнь; что И породилъ Ги, а И и Ги оба вмѣстѣ породили Уэи; напослѣдокъ всѣ трое сотворили всякія веще-

вещества. Постигаемое умомъ, невидимое же глазами, зовется И; чувствуемое сердцемъ, но не слышимое ушесами, Ги; обѣемлемое душею, но неосязаемое рукою, Уэи. Да не дерзаетъ никто внимать во глубину Троицы сея; непостижимость ея происходитъ отъ ея же единства. Превыше оной нѣтъ свѣтлости, ниже ея нѣтъ темноты; вѣчна, неизреченна и прочее.

Тао-Сеяне именуютъ И, Ги и Уэи Ѣ-Санъ, единство, Троица, или точнѣе три. Пять Тіевъ по мнѣнію ихъ суть пять ипостасій, или лицъ, подъ коими Лао-Тсе́э являлся человѣкамъ, или пять его воплощеній. Система, совсѣмъ чуждая для нашей исторіи; почему и не задержимся ею. Однако же должны замѣтить, что толкователи Ли-Кіа государственнаго, изданнаго въ народъ въ царствованіе послѣдняго Императора, разнимая мнѣнія ученыхъ о Сан-Гоангахъ и У-Тіахъ, утверждали, что слова сіи означаютъ только два имя, подъ коими признаваемъ и обожаемъ былъ Шанг-Ти. Для разумѣнія того любопытнымъ надобно вѣдать, что числы три и пять суть риторическое стеченіе многихъ доказательствъ, помощію которыхъ древнія книги обычайно объясняютъ. Собраніе всѣхъ тварей, сообразно съ обычайными же умоначертаніями людей, и образы ихъ языка. На примѣръ говоримъ: Сан-Кан-Пу означаетъ три существенныя и первобытныя должности, привергающія человѣка къ человѣку: отца къ сыну, Государя къ подданному, мужа къ женѣ. Сан-Тсу, три колѣна: отецъ, сынъ и внукъ. Сан-Тси, три степени родства: съ стороны отцовой, съ стороны матерней и съ стороны женниной. Сан-Уэи, три воздержанія: отъ беззаконныхъ забавъ во младости,

тяжбы въ среднемъ возрастѣ, отъ скупости въ престарѣніи и прочее. Тоже разумѣть должно и о числѣ пяти. Говоримъ: У-Тшангъ пять всегда. Сирѣчь: человѣколюбіе, правосудіе, учтивство, благоразуміе, искренность. У-Ло пять щастій: долголѣтная жизнь, богатство, безмятежность состоянія, добродѣтель, благій конецъ жизни. Также говоримъ пять страстей, пять подстреканій плоти, пять запаховъ, пять туковъ, пять цвѣтовъ, пять стихій, напослѣдокъ пять концевъ вселенной: Сѣверъ, Югъ, Востокъ, Западъ, Средина. Ученые наши, произнося Сан-Гоангъ У-Ти, разумѣютъ всевысочайшаго изъ трехъ Господа пяти, а сіе знаменуетъ Шанг-Тіа, существо всевышнее, выговоромъ самымъ яснымъ, самымъ высокимъ и самымъ изразительнымъ. Каждой языкъ на земной поверьхности имѣетъ свою свойственность. Должность его разумѣть и находить; кажущееся на немъ не трудно къ понятію. Между обычаями нашими суть, что слово Гоангъ просто значитъ Тіэнъ, зачлюченный самъ въ себѣ. Ти и Тіэнъ правитъ вселенною. Читай прекрасную челобитную Ли-Коанга, коею старается доказывать, что слово Санъ хотя сложное и содержащее въ себѣ риторическіе доводы, но надобно разумѣть въ превосходной степени, что Сан-Гоангъ означаетъ троекратно Вседержителя. Смотри Тонг-Кіэнъ торжественное жертвоприношеніе У-Тію въ династіи Гановой; паче же краснорѣчивое оное представленіе славнаго Тонг-И-Вена, въ сокращеніи его Ли-Таи-Минг-Тшин-Тсеу-И, въ спатьѣ о жертвоприношеніяхъ.

Во второмъ объясненіи Тао-Сеянъ Санг-Гоанга суть: Гоанги небесные, Гоанги земные и Гоанги люди, изъ коихъ каждый живъ по десяти тысячь лѣтъ.

лѣтъ. У-Тіи суть пять Князей, или Государей, ихъ преемниковъ. Послѣднихъ не легко назвать именемъ. Ученые Тао-Сеяне въ томъ не согласны. Каждый нарицаетъ своихъ подобно же какъ ученые Европейцы о древнемъ рядѣ именъ Египетскихъ Царей; но такія сочиненія годятся только, говоритъ Ли-Хи, къ простуженію горячихъ и бѣглыхъ мыслей. Естьли кто либо изъ учениковъ его болѣе, нежели должно, употребилъ времени на стихотворство, того за вину осуждалъ онъ прочесть нѣсколько листовъ сихъ сочиненій.

Третіе объясненіе есть Сіао-Сеэ-Маево; онъ изъ внесенныхъ въ исторію нашу именъ, Фу-Гіа, Ніу-Гоау, Шин-Нонга, находитъ затруднительнѣе прочихъ. Ибо естьли принять сіи существа тремя Гоангами, то слѣдуетъ, что Гоанг-Ти не происходитъ непосредственно послѣ для начатія пяти Тіевъ; но и болѣе пяти щитаютъ Императоровъ между Шин-Нонга и Яоа: ужасная запутанность. Каждой писатель ссылается на свои доказательства. Всякій Тао-Сеянинъ не уступаетъ въ томъ никому другому. Нѣтъ возможности согласить всѣхъ писателей. Дѣянія, совѣстопослѣдованіе, произшествія, порядокъ поколѣній, послужили бы вождями; но имъ извѣстны только оныхъ имена.

Четвертая система есть смѣсь второй съ третіею. Не достойна вниманія; все запутываетъ и ничего не объясняетъ. Не стоитъ названія слыть системою, да и имѣетъ мѣсто въ краткихъ только лѣточисленныхъ запискахъ для младыхъ отроковъ.

Послѣдняя наконецъ система выдаетъ Яоа, Шуна и Юа за трехъ Гоанговъ, или просто ска-

зать, превосходныхъ Императоровъ; потомъ присовокупляетъ къ нимъ Тшинг-Тонга, основателя Тшангской династіи, и У-Анга, основателя же династіи Тшеуской, чтобъ составить полное число пяти. Системы сей держатся многіе переводчики и толкователи Шу-Кинга, избирая ее посредствомъ ко успокоенію защитниковъ до излишества Тшу-Ліа. Скалигеръ нашъ въ достохвальномъ своемъ сочиненіи Ту-Шу-Піэнъ вѣщаетъ: 1) различіе системъ, разстояніе временъ и мѣстъ, взаимно ихъ отдѣляющихъ, различіе состояній писцовъ и неудобность довести имъ труды свои до нѣкотораго извѣстнаго правдоподобія, доказываютъ малую основательность утверждаемаго ими. 2) Какіе бы ни учинены были розыски, не льзя найти въ Кингахъ и другихъ древнихъ памятникахъ что либо подпирающее мнѣніе новѣйшихъ писателей о Сан-Гоангахъ и У-Тіахъ. 3) Исторія наша упоминаетъ о томъ стала не прежде царствованія Тсин-Ши-Гоанга и въ теченіи Ганской династіи. Сочинитель, долго издѣваясь острыми шутками въ разсужденіи басенъ, противорѣчій, странныхъ мыслей и глупой учености составителей системъ, такъ продолжаетъ степенно: . . . „Со временъ, какъ начались писать книги, достойныя вѣроятія, ни которыя не могли достигнуть древностію сказанія, мудростію содержанія и основательностію правилъ, кромѣ оставленныхъ намъ Конфуціемъ Шу-Кинга, Ши-Кинга и прочихъ; но Конфуцій не упоминаетъ ни о Сан-Гоангахъ, ни о У-Тіахъ. Тоже должно разумѣть и о сочиненіяхъ учениковъ его, въ разныя времена и о разномъ писанныя. Какъ же бы не сказать имъ ни слова, когда бы имѣлося о томъ свѣденіе въ ихъ времена, когда были столь наполнены почтеніемъ къ глу-

„бо-

„бокой древности, и нигдѣ не забывали подпирать-
„ся ея свидѣтельствами? Какъ же столь стран-
„ное открытіе предоставилось толкователямъ
„книгъ мучительской династіи Тсина? Не очевидно
„ли, что полуученые сіи хотѣли только улещать
„гордынѣ несносившаго ничего себѣ противнаго
„Тсин-Ши-Гоанга, выпуская на свѣтъ, такъ ска-
„зать, вымышленныя ими лица подъ знаменіемъ пе-
„чати древности, подъ именами громкими и урази-
„тельными Гоанговъ? Вотъ праведной источникъ
„всего повѣствованнаго о семъ. Читай Ту-Шу-Пі-
„энъ, книгу семдесятъ осьмую.„ Сей славный писа-
тель Мингской династіи повторялъ только писан-
ное славными же сочинителями, до него жившими. По
мнѣнію Тси-Шіа, басни, бродившія въ народѣ о трехъ
Гоангахъ и пяти Тіахъ, суть столь глупы, что
гнусно для разумнаго человѣка приниматься ихъ раз-
сматривать. Именитый Коанг-Ин-Та утверждаетъ,
что возникли оныя не прежде царствованія Тсин-
Ши-Гоангова; что и тому не вѣрящій, и тотъ, кто
относитъ ихъ далѣе въ древность, не разумѣлся уче-
никомъ Конфуція: Пу-Тши-Ку-Ву-Ки-Гин, Тшонг-
Ни-Уэн-Танг-Тао. Просвѣщенный науками Гу-Ши, раз-
бирая, что ученые люди разныхъ династій, упоми-
навшіе о Гоангахъ и Тіахъ, каждой разсуждалъ по
своему, и что во всякое столѣтіе воздымалися и
опускалися какъ такія системы, такъ и уваженія
защитниковъ ихъ, которые разнились же и въ перво-
начальныхъ основаніяхъ и въ доказательствахъ, и
въ ссылкахъ на старинныя книги. Вышло только то,
что нѣтъ возможности основательно о всемъ ономъ
судить. Мо Тши-Кинг-Люнъ. Легко бы льзя было
умножить ссылки и свидѣтельства; но по пословицѣ:
. . . . „Не надобенъ большой камень для раздавленія
„муравья.„ Чи-

Читатели да судятъ сами, до чего простираются доводы наши; что все, надлежащее до временъ прежде Ноа, есть ничто иное, какъ смѣсь басенъ и темныхъ преданій, недостойныхъ ни малѣйшаго имовѣрства. Надобно имѣть упрямое легковѣріе омраченныхъ какимъ либо ложнымъ толкомъ, думающимъ имѣть незапутанное понятіе о временахъ до потопа, о первомъ изчадіи праотца Ноя; понятіе, преходившее отъ роду въ родъ, или полученное чрезъ сообщенія съ чужестранцами, потомъ поврежденное и обезображенное бреднями Таосеянъ. Не обратимся уже мы назадъ на повѣствованное нами въ первой части Опыта сего о положеніи Китайцовъ, касательно до знаній исторіи своей; положеній, коимъ принуждены были подбирать извѣстные слѣды древности. Странствіе ли соотечественниковъ нашихъ въ чужія земли; вшествія ли иностранцовъ къ намъ въ Китай, доставили насъ познаніями, коими мы умудрялись; или свѣтильникъ критики и учености далъ намъ усмотрѣть истинну; или наконецъ важность Кинговъ и сочиненій Конфуція предпоставили непреоборимый оплотъ баснямъ, которыя бы разлившись могли затопить науки наши? Есть замѣты времени, о коихъ можно паче сомнѣваться и почитать ошибками ученыхъ, нежели винить послѣднихъ заблужденіями, приятыми за достовѣрности; сомнѣнія, преходившія изъ столѣтія въ столѣтіе. Ошибки, кои часто были познаваемы, и противу которыхъ вопіяла всегда истинная ученость. Европейцы справедливы: увѣрены мы, что станутъ измѣрять народъ нашъ тѣми же вѣсами, коими вѣсятъ Египтянъ, Вавилонянъ, Финикіанъ, Грековъ и прочихъ державшихъ нѣкогда въ рукахъ своихъ скипетръ во храмѣ наукъ, прежде нежели просвѣщенные Европейскіе краи опровергли

онаго

онаго врата. Сіе да будетъ послѣднее наше слово. Памятники самые древніе, самые коренные, самые священные, не ошибались въ разсужденіи древности нашей. Пусть судятъ насъ ими. Пусть не вѣрятъ, естьли кто изъ насъ скажетъ, что Книги восходятъ за времена Яоа. Не все еще: смѣло мы возвѣщаемъ, что восходящее далѣе сихъ временъ въ лѣтописяхъ никогда инако у насъ не принималось, какъ у Грековъ баснословныя ихъ времена, у Французовъ древній Царь Фарамондъ и первые его послѣдователи. Усомнится ли кто и еще, да прочтетъ предсловія Сеэ-Кіа, Сеэ-Ма-Тсіэна и Тсеэ-Тши-Гонг-Кіэн-Кан-Муя. Разглашаемое по Европѣ есть ложно, будто бы почтенное сочиненіе Ки-Хе-Ніэу-Піао и другія, напечатанныя, какъ уже мы сказали, повелѣніемъ Канг-Гіа, и сподобившіяся предсловія пера его, начинаются временами Яоа. Молчаніе о произходившемъ до сихъ временъ тѣмъ паче примѣтно, что въ первыя двѣ династіи уважалися книги Тао-Сеянъ, не изключая и такъ называемой Ло-Пи.

СТАТЬЯ II.

О имовѣрнѣйшемъ во времена Яоа, Шуна и Юа; произхожденіе Китайскаго народа не можетъ далѣе пріурочиваться одного, или двухъ столѣтій прежде Яоа.

Нѣкоторые между Христіанскими проповѣдниками (можемъ сказать) прибыли изъ Европы, имѣя болѣе ума, нежели разборчивости; болѣе благочестія, нежели мастерства цѣнить вещи; болѣе пылкости мыслей, нежели хладнокровія. Прочли въ толкованіи Шу-Кинга, сочиненномъ славнымъ нашимъ Ган-Фен-Тсеэ, что Уэн-Уангъ привезъ на большей ладьѣ семдесятъ два человѣка: составили наскоро систему (новость ихъ прельстила), и стали изъ того выводить, что Государь сего имени приплылъ водою въ Китай невѣдомо откуда; первой узналъ оной, прежде всѣхъ и населилъ. Далѣе, сживая они съ рукъ опровергательное противу того свидѣтельство Шу-Кинга, Ши-Кинга, Ли-Кіа и иныхъ, не много думавъ, рѣшилися вѣщать, что суть то книги, есть-ли писанныя не до потопа, по меньшей мѣрѣ скоро послѣ; что не имѣютъ ничего общаго съ Китайскою исторіею; что смыслъ ихъ есть таинственной, иносказательной, украшенія витійства; слѣдовательно находили въ сихъ книгахъ вещи чудесныя, множество пророчествъ и признаковъ духовнаго царствія Мессіи, которые довольно были выразумѣваемы, чаяны и ожиданы въ благоденственные годы Тшеуской династіи.

Не мы конечно ополчимся на систему сію, набожную и усердную къ Христіанской вѣрѣ. Умѣющій взи-

взирать на нее, откуда должно, подастъ лучшее понятіе о Кингахъ нашихъ, нежели все то, что ни было писано объ нихъ похвальнаго. Ошибка правда что смѣшная, но рѣдкой бы ученой Европеецъ могъ ее избѣгнуть, когда бы Кинги наши были на Греческомъ, или Сирскомъ языкѣ; когда бы вѣдали ропотъ и сѣтованіе нашихъ ученыхъ объ упрашѣ древнихъ преданій, кои объясняли въ Кингахъ истинной смыслъ, открывали истинную оныхъ ученость; ропотъ и сѣтованіе, тѣмъ наипаче уловительныя, что умножалися еще воплемъ искусныхъ Тао-Сеянъ, обычайно опрокидывающихся на мѣлкихъ писцовъ свѣтскихъ, дерзающихъ понимать Кинги, дерзающихъ толковать содержаніе ихъ въ смыслѣ историческомъ и просто по словамъ. Шагъ самый скользкій для добродушныхъ проповѣдниковъ, снѣдаемыхъ ревностію къ вѣрѣ. Изъ Европы пріѣзжаютъ со вкорененнымъ въ мысляхъ предразсудкомъ, что солнце освѣщаетъ западные предѣлы цѣлою половиною выпуклости своей, на прочія же части земной поверьхности кидаетъ только излишки своихъ лучей. Какъ подумать, что дикіе Азіатцы могли писать лѣтописи, сочинять стихи, углубляться въ размышленіяхъ нравоучительныхъ и вѣры, да и прежде еще, нежели Греки, наставники и образцы Европейцовъ, умѣли грамотѣ? Какъ вѣрить, что за многія сотни лѣтъ до Александра Македонскаго навыкли уже сіи Азіатцы изъ книгъ, выше наименованныхъ, слогу высокому; навыкли знать истинну, благородство душъ, краснорѣчіе и величественность, каковыхъ въ превосходнѣйшихъ сочиненіяхъ Римлянъ слабые только зрятся блески, хотя даютъ имъ первое мѣсто по священной Библіи?

Таинственные толки Европейцовъ объ Іероглифахъ Египтянъ довершили встревоженіе мыслей тѣхъ же проповѣдниковъ; ибо и наши древнія буквы въ книгахъ Ки-Уэнъ, Куанъ и Кингъ, болѣе еще подпадаютъ подъ мнимоблагочестивыя и мнимо же ученыя таковыя бредни. Знаменитый Г. Гюэтъ находилъ Моисея во всѣхъ языческихъ богахъ, даже въ Пріапѣ и Вулканѣ. Проповѣдники въ кротости духа обманулися нѣкоторыми нашими буквами, точно пріемлемыми отъ насъ за одинѣ кудри витійства въ смыслѣ историческомъ, иносказательномъ и тому подобномъ. Но они почли себя нашедшими изложеніе всего Христіанскаго исповѣданія и въ буквахъ прочихъ. Одно открытіе не мечтательное завело ихъ во сто ошибокъ, и сильнѣе прилѣпило къ системѣ, о коей уже были упреждены. Справки къ подпиранію такой системы родили удивительную ученость; открылися предъ ними всѣ книги наши; снискали тѣсное знакомство съ искуснѣйшими нашими писателями; основательно научились Китайскаго языка и познали всю онаго глубину; вникли въ существо нашихъ нравовъ, обычаевъ, законовъ, нашей исторіи гражданской и исторіи же письмянъ; облегчили свой подвигъ благовѣстія Евангелія; кончили же тѣмъ, что сняли сами съ себя завѣсу заблужденія, открыли для новообращенныхъ Христіанъ ощупительные слѣды православной вѣры и воплощенія Сына Божіяго во всѣхъ нашихъ Кингахъ.

Не боимся видѣть систему иносказателей и разбирать ея совозпослѣдованіе: она принесла великую пользу и тѣмъ, коихъ болѣе иныхъ ввергнула въ заблужденіе. Слово выскользнуло у насъ изъ подъ пера; вотъ оно: . . . „Тотъ самой ученый Европеецъ, ко

„то-

„ торый говаривалъ объ ономъ наипрезрительно, иног-
„ да долженъ становиться всею своею Китайскою уче-
„ ностію запискамъ и розыскамъ, съ коими онъ ни-
„ когда не справлялся. „

Что же надлежитъ до системы, которая еще страннѣе пріурочивающей основаніе монархіи нашей седьмому столѣтію до Рождества Христова, то мы заранѣе признаемся покоряющимися, естьли ополчится кто либо на сію систему побѣдоноснымъ оружіемъ, взятымъ изъ Египта. Критика, науки, книги, и едва ли не самая истинна, суть вещи, стоющія только того, во что ихъ цѣнить будутъ; а не рѣдко цѣна состоитъ болѣе во мнѣніи о томъ, нежели въ существѣ самыхъ сихъ вещей. Европа конечно выиграетъ, презрѣвъ древнюю нашу исторію, не находя въ ней совозпослѣдованія произшествій, пропиворѣча ея умоначертаніямъ, уничижая все выдаемое за наилучшее; требуя Олимпіадъ (*) болѣе, нежели на тысячу лѣтъ времени до того, какъ народы Европейскіе престали быть дикими. Смѣло отметать противное, утверждать пріятное, въ такомъ случаѣ есть лучшее посредство. Кто же унизится даже до доводовъ, надобно тому начать установленіемъ за правило, что ученые у насъ не разумѣютъ ни буквъ, ниже Книговъ нашихъ; ибо ни одинъ изъ нихъ не возходилъ никогда на Египетскія пирамиды и не читывалъ изсѣченныхъ тамъ надписей. Мы, собственно избравъ должностію слѣдовать по стопамъ ученыхъ нашихъ мужей, разумѣя себя обязанными ихъ трудамъ знаніемъ нашимъ древней исторіи, пойдемъ за ними инымъ путемъ искать началовъ Китайской монархіи; угождая же читателямъ, изберемъ

(*) Олимпіада, слово Греческое; значитъ время четырехлѣтнее.

ремъ кратчайшій и сколько можемъ прямѣе; будемъ задерживаться мало на мѣстахъ, на коихъ наши вожди останавливалися долго. Безъ сомнѣнія паче бы сблизились мы съ Европою, начавъ тотчасъ Египтомъ; но древности Египта столь густымъ обѣяты мракомъ, что боимся, не принять бы намъ Изиса за нагую истинну.

Прежде всего полагаемъ, что читатели не выпускаютъ изъ вида повѣствованное нами о произхожденіи, прославленіи, отысканіи и достовѣрности Шу-Кинга, книги неоцѣненной, самой старинной, почтеннѣйшаго памятника древности. Изъ посреди строгихъ разсматриваній вышла сія книга со славою; лучезарностію своею освѣтила нашу исторію; проявилась свидѣтелемъ исповѣданія вѣры первыхъ вѣковъ міробытія, поборникомъ законовъ общежительныхъ, судіею Царей, щитомъ нравоученія, проклинателемъ идольскія прелести. Самыя сіи строгія разсматриванія, чрезъ которыя проходила она, утвердили древность ея, дали ей власть и силу подавлять все возстающее на нее. Книга Шу-Кингъ сама себя подпираетъ во всемъ, что вѣщаетъ и какъ вѣщаетъ: въ Китаѣ разумѣется основаніемъ достовѣрной исторіи; сомнѣнія въ ней оканчиваются при самыхъ своихъ начаткахъ. Всякія системы, всякіе доводы, всякое лѣточисленіе, подгибается подъ ея правила.

Ученые наши имѣютъ особый родъ способности разсуждать о Шу-Кингѣ, помощію котораго сократилися бы и мы здѣсь, естьли бы могли имъ подражать. Конфуціусъ говоритъ: „ Тшонг-Тингъ начинаетъ самую отдаленнѣйшую древность временами „ Яоа; все же повѣствуемое далѣе есть неизмѣримое „ про-

„пространство собранія басенъ до Гунг-Гоанга. Но „отъ царствованія сего Государя исторія наша под- „пирается свидѣтельствомъ Шу-Кинга, и вѣщаетъ „языкомъ истинны.„

И такъ Шу-Кингъ есть памятникъ, коего не имѣемъ старѣе. Дѣянія въ сей книгѣ взаимственно объясняются, связуются, доказываются нравами и законами; соотвѣтствуютъ имъ и всѣ наши преданія, не противорѣчася никакою лѣтописью. Шанг-Шу, по разуму прекраснаго предсловія Тонг-Кіэна, не далѣе пріемлетъ начало свое, какъ отъ временъ Яоа и Шуна, не углубляется далѣе въ древности; понеже мужъ мудрый не провѣщаетъ нелѣпостей и не преподаетъ потомству того, о чемъ сомнѣвался самъ. Пріемлетъ въ руки перо для показанія только какъ простираться въ добродѣтеляхъ и убѣгать пороковъ. Всѣ его словеса достойны вѣроятія. Отъ таковыхъ-то и симъ подобныхъ правилъ лучшіе наши писатели выводятъ, что истинная наша исторія начинается временами Яоа. Кто же посмѣетъ оное опровергать? Мы собственно, вѣдая недовѣренія Европы ко всему вземлющемуся изъ чужихъ странъ (кромѣ Греціи и Рима), понимаемъ въ полной мѣрѣ, что надобны намъ здѣсь убѣдительныя причины, доводы и подробности для ученыхъ заморянъ. Сіе не трудно. Сколь ни велико наше къ нимъ почтеніе, сколь ни мало цѣнимъ мы себя сами; но просимъ у нихъ одной только милости, чтобъ осмотрѣлись, меньше ли мы повѣствовать имъ будемъ доказательно, нежели они сами пишутъ объ Ассиріанахъ, Вавилонянахъ, Египтянахъ и Грекахъ.

Дабы споручнѣе для нихъ предпоставить ихъ разсужденію и сближить съ ними Китай нашъ, станемъ разсматривать по порядку географію, правительствен-

тельство, нравы, народоразположеніе, науки и вѣру временъ Яоа, Шуна и Юа, какъ стоитъ обо всемъ томъ въ Шу-Кингѣ и иныхъ старинныхъ нашихъ книгахъ. Шесть такихъ статей, кажется намъ, изчерпаютъ все надлежащее до сихъ временъ, естьли совокупно будутъ показывать, что царствованіе трехъ сихъ Государей было какъ бы младенчество нашей монархіи; естьли все будетъ проявлять народъ новый, имперію еще не окоренившеюся, то произойдетъ очевидность, что пріемля во уваженіе самое достовѣрнѣйшее въ отдаленной древности, не можно много далѣе пріурочивать произхожденіе Китая временъ Яоэвыхъ. Первыя главы Шу-Кинга, какъ-то и должно, составятъ средоточіе и опору розысковъ нашихъ; однако же пріобщимъ къ тому и другія старинныя наши книги, сочиненныя прежде и послѣ пожара: . . . . . „Надобно выбирать камни, „устлать ими дорогу и устроить изъ нихъ мосты, „говаривали наши предки; обломки камней годятся „на уравненіе поверьхности и той и другихъ. „

I. Географія временъ Яоа, Шуна и Юа.

„Человѣческія сердца, вѣщаетъ Пан-Ку, болѣе „разнятся, нежели лица человѣческія же. Вотъ для „чего видятъ они и понимаютъ столь различно вещи! „ Сіе философическое примѣчаніе, толико удобное къ рѣшенію задачъ, возникающихъ отъ разности мнѣнія, не довольно, когда идетъ дѣло о древней географіи Китая. Чѣмъ болѣе справляться станемъ съ книгами, тѣмъ меньше найдемся въ состояніи сближить понятіе о царствованіи Гоанг-Тіа съ понятіемъ же о положеніи Китая во времена Яоэвы. Гдѣ найдемъ десять тѣ царствъ, платившихъ дань? Гдѣ помѣстить пребываніе и самаго Гоанг-Тіа съ его придворными? Глу-

Глубокоученый Ма-Туан-Линъ не могъ отыскать географіи сего времени. Читай предсловіе его, такъ начинающееся: . . . „Нѣкогда во времена Яо-Си-„Яо-Ши. „ Крѣпко стоящіе за времена же царствованія Гоанг-Тіа начинаютъ географію свою его областьми. Но цѣлыя сотни астрономическихъ вычетовъ не могутъ дать бытія и одной пядени земли. Тао-Сенне въ теченіи Сонговой династіи хотѣли проявить такое чудо: недостатокъ свидѣтельствъ на письмѣ дополнили примышленіемъ; однако же подобныя ихъ бредни сопричтены къ баснямъ.

Имѣемъ мы въ довольномъ уваженіи знанія и начитанность тѣхъ ученыхъ людей, которые построили морскія суда, помѣстили на нихъ многія семейства изъ разсѣянныхъ по Сенарской странѣ (*), и преплывъ съ ними Персидскій заливъ, достигли Китая. Не отмещемъ, что могли такимъ образомъ населиться Южныя наши области; но какъ всякія догадки, всякія системы, оставляемъ мы въ сторонѣ, а держимся только памятниковъ, подающихъ намъ нѣкоторый свѣтъ объ отдаленныхъ временахъ: то и думаемъ, что пришельцы, наполнившіе Китай нашъ жителями, прибыли сухимъ путемъ отъ страны западной. Кажется, что никакая критика не найдетъ предпоставить оному какое либо возраженіе. Всѣ лѣтописи наши, всѣ географическія сочиненія, всѣ книги древнія и новѣйшія, согласно съ Шу-Кингомъ утвер-

(*) Первая книга Моисеева, глава десятая, стихъ десятый; Даніила Пророка глава первая, стихъ первой же; Моисеева книга, глава четвертаянадесять, стихъ вторый.

Въ достохвальномъ словарѣ при концѣ Священной Библіи Россійскаго перевода стоитъ: *Оттуду созидатели стояла разточи Господь по всей земли.*

ждаютъ, что Яо, Шунъ и Ю, владычествовали въ области: Шен-Си; въ ней имѣли Дворъ и столицу. Вскинувъ глаза на карту Китая, легко познается, что область сія была первая, которую могли найти пришельцы отъ окрестностей Вавилона, странствуя къ востоку. Не беремся означить точно мѣста, коими проходили, но мѣста же и страны, пройденныя Тишанами, Озирисомъ, Бахусомъ, чрезъ Кодор-Логоноръ, и тѣ, по коимъ ходятъ караваны изъ Россіи даже до Канг-Тша-Ка; набѣги Аравлянъ, сосѣдственныхъ къ намъ Татаръ, народовъ обѣихъ Америкъ, объясняютъ, какъ праотцы наши могли пробраться въ Китай отъ страны Сенарской. Греческіе проповѣдники вѣры, во времена Танговой династіи, пробрался подобно же въ Шен-Сискую нашу область, что свидѣтельствуетъ памятникъ, воздвигнутой изъ камней, и которой былъ отысканъ въ тысяча шесть сотъ двадцать пятомъ году по Рождествѣ Христовѣ. Всякой разъ представлялось намъ чудно, что тѣ же самые писатели, которые не затруднялися примышленіями, откуда бы снабдѣвать запасами и скотскими кормами несмѣтныя войски Нинуса, Семирамиды, Сезостриса и иныхъ древнихъ завоевателей; но они же находили непреодолѣваемыя трудности къ пропитанію небольшаго количества пришельцовъ, на малое только разстояніе подвигавшихся ежедневно впередъ со стадами своими, подобно праотцамъ Священнаго Писанія, и подобно же нынѣшнимъ кочевнымъ Татарамъ, отъ коихъ трепетали всѣ древніе народы, и которые возходили на престолы Царей отъ одного до другаго края нашея половины земной поверьхности. Страны сверьхъ того, отдѣляющія нынѣ насъ отъ моря Каспійскаго и Персіи, могли быть не таковы, каковы стали потомъ. Естьли бы-

ли

ли столь же мало плодоносны, то толпа пришельцовъ, несшаяся населить Китай, нашедъ себя на оныхъ, долженствовала итти далѣе къ востоку. Хотя нѣтъ возможности повѣствовать о причиненныхъ тамъ премѣнахъ, но исторія о произшествіяхъ, послѣдовавшихъ на всѣхъ частяхъ земнаго шара, даетъ дознаваться, что и сіи пришельцы оныхъ не избѣжали. Дѣянія самыя уразительныя, можно сказать, погружаются и тонутъ въ книгахъ, и становятся какъ бы утраченными для критиковъ. Когда идетъ слово о древней географіи, забываютъ они повѣствуемое исторіями всѣхъ народовъ о разлитіяхъ водъ, землетрясеніяхъ, огнедышущихъ горахъ, страшныхъ буряхъ, дождяхъ песчаныхъ и зольныхъ, кои премѣнили совсѣмъ состояніе поверьхностей на земли: самыя плодоноснѣйшія поля обратились въ дикія пустыни. Землетрясеніе, случившееся въ Канадѣ въ тысяча шесть сотъ шестьдесятъ второмъ году, объясняетъ древнія географіи, и заставляетъ не разумѣть баснями описанія о томъ. Самое состояніе Китая во времена Яоа, какъ увидимъ послѣ, опкрываетъ, что поверьхности земли, о коихъ пишемъ, не просохли, еще тогда послѣ всемірнаго потопа: были плодоноснѣе, нежели потомъ, и что другія напротивъ того наполнялися болотами и глубокими рѣками, слѣдовательно были несравненно паче неудоболроходны.

Говоритъ не знаю какой-то астрономъ, что упалъ онъ въ колодезь, за тѣмъ что не глядѣлъ подъ ноги, а возводилъ и мысли и взоры къ небесамъ. Ищущіе по движенію и стоянiямъ планетъ и затмѣніямъ начало монархіи нашей, подвергаются увязнуть въ болотахъ, коими покрывался весь Китай прежде

временъ Яоэвыхъ. Добрый сей Государь такъ вѣщаетъ въ Шу-Кингѣ, въ главѣ Яо-Тіэнъ: „Царь сказалъ „четыремъ Кіоаэмъ: неизмѣримыя воды потопа раз„лились и залили все. Горы скрылись въ нѣдра свои, „погреблися холмы, треволненіе во ужасномъ ревѣ „угрожало небесамъ; въ народахъ слышанъ былъ „вопль и стенаніе, кто подастъ имъ помощь?„ Читая со вниманіемъ слова сіи, не льзя усомниться, чтобъ Яо не вѣщалъ о всемірномъ потопѣ и о состояніи Китая, въ какое онымъ былъ приведенъ. Многіе искусные критики примѣчаютъ, что сіи реченія совсѣмъ отдѣлены отъ предшедшаго смысла Шу-Кинга. Сначала до конца той главы не видно, чтобъ упоминалося о произшествіи, не давно случившемся. Яо говоритъ о потопѣ для того, что повелѣваетъ приступать къ работамъ; да и извѣстно, что Шу-Кингъ есть выписка изъ разныхъ мѣстъ лѣтописей. Слѣдовательно и надобно полагать, что все выпущенное въ сей книгѣ, или прерванное, есть не сопринадлежащее къ общенароднымъ работамъ во времена Юэвы. Содержаніе пишемаго здѣсь нами есть совсѣмъ новое для Европы: то и вступимъ въ нѣкоторое объясненіе, предотвращающее ихъ недовѣрчивость. Лучше бы можетъ быть было срубить голову Голіафу собственнымъ его мечемъ, и ссылаться намъ на Гоаи-Нан-Тсея, Ліэ-Тсея и другихъ Тао-Сеянъ, какъ они сказуютъ о потопѣ, случившемся во времена Ніу-Гоаи, когда безчисленный сонмъ водъ все на землѣ покрылъ, когда не прерывалися дожди, когда, по словамъ Фонг-Су-Тонга, Ніу-Гоа побѣдила сонмы сіи водъ древесами, и соспроила корабль, могущій плыть далеко. Но всякія сочиненія Тао-Сеянъ не суть древнія и достовѣрныя, то оставимъ ихъ въ покоѣ. Охотнѣе бы

при-

прибѣгли къ стариннымъ нашимъ буквамъ, и представили картину естественную всемірнаго потопа во изображеніяхъ и таинственныхъ смыслахъ, изъ коихъ оные составлены. Ло-Пи, спатья Суи-Тши, упомянувъ о томъ, какъ годовыя времена измѣнились, какъ смѣшалися дни съ ночами, продолжаетъ: . . . . „Великія воды покрывали тогда вселенную. Танг-„ Ше-Тши-Ши, Тіен-Гіа, Та-Шуи. Человѣки до-„ведены спали до состоянія рыбъ. Кіао-Гин-Ѣ-Ю.„ Все сіе изражается одною только буквою. Смотри словари Тшуэн-Тсеэ-Гоэи и Шуэ-Уэнъ.

Возвратимся къ смыслу Шу-Кинга. Государственный толкователь доказываетъ всемірный потопъ: 1) Монг-Тсеэ, воды, стремящіяся противу обычайнаго порядка естества, называетъ Кіанг-Шуи. Смыслъ Конг-Шуи тоже самое значитъ: Кіанг-Шуи-Тше, Конг-Шуи-Ѣ. 2) Утверждаетъ онъ же, что воды сіи не совсѣмъ еще слили, Эульг-Уэи-Сіэ. 3) Признаетъ, что были неизмѣримы; что покрыли собою горы со всѣхъ сторонъ и стояли далеко выше холмовъ, Пао-Ки-Сеэ-Міэн. . . . . Кіа-Тшу-Ки-Кингъ. 4) Поступаетъ и на то, что не даетъ имъ предѣловъ; что все было ими залито, и казалось, что весь промежутокъ между неба и земли былъ ими наполненъ: Ю-Ман-Тіэн-Ѣ.

Знаменитый Конг-Ин-Та прибавляетъ, что водами залились живопныя, домы и прочее.

Шу-Кингъ со всею высотою слога своего есть книга просто историческая, безъ примѣси стихотворства; слѣдовательно трудно не опознавать въ таковомъ описаніи быпности всемірнаго по-

топа. Запутало оное толкователей, и привело въ состояніе Тао-Сеянъ ополчиться на ученыхъ нашихъ, въ разсужденіи достовѣрности Шу-Кинга. Вопрошаютъ, гдѣ же могъ укрыться Яо съ народомъ своимъ? Обращаютъ впрочемъ въ издѣвки и насмѣхаются Юу, какія онъ принималъ мѣры къ тому, чтобъ слили воды, и прочее.

Ган-Лины, толкователи Шу-Кинга, не входятъ ни въ какое сего рода состязаніе, а довольствуются ссылкою на разумъ книги Тсин-Тсеэвой: . . . . „Въ древнія сіи времена было мало жителей „на землѣ: каждый человѣкъ обиталъ по произволе„нію своему на высокомъ мѣстѣ; воды, разлившіяся „по долинамъ, никому не вредили. Человѣки мало „по малу размножились; начали разпространять „сельбища свои и устроять стоки водамъ. „ . . . . Не въ Яоэво время воды были толико бѣдственны Каи-И-Кіэу Смыслъ словъ сихъ есть ясенъ и рѣшителенъ. Просимъ разумѣющихъ Китайской языкъ внять послѣднее реченіе. Не одинъ Тшин Тсеэ такъ повѣствуетъ; Ган-Лины на него только ссылаются, по пословицѣ: „Когда гвоздь плотно будетъ вколо„ченъ, то напрасны уже удары молотомъ по его „шляпкѣ. Гун-Гаи-Куэ. „ Тоже вѣщаетъ въ толкованіи своемъ Тшун-Тсіэуа, томъ первый, глава четвертая: „Разлитіе водъ по словамъ его не коснулось временъ „Яоэвыхъ; но не всѣ еще воды при немъ спекли. „Ю трудился, изрылъ протоки, въ которые и во„брался. „ Тша-Ши говоритъ: „Злы, произведенныя „разлитіями водъ, суть столь древнія, что не было „надежды дождаться слитія оныхъ самихъ по себѣ; „а сіе-то самое и оскорбляло народъ, и прочее. „ Какъ же льзя было заселить землю, до половины покрытую вода-

водами? Съ другой стороны пришедшимъ столь далеко, какъ льзя же было возвратишься назадъ? Яо имѣлъ причину сѣтовать и искать средствъ ко освобожденію народа изъ плаковаго смятенія. Монг-Тсеэ, много пиша объ Яоѣ и Шунѣ, еще живѣе изображаетъ тогдашнее состояніе Китая послѣ потопа: . . . . „Подъ владѣніемъ Яоа государство наше еще „не основалось. Воды по потопѣ стояли вездѣ и „покрывали поля. Все отъ нихъ обнаженное имѣло „на себѣ или дремучіе лѣса, или дикія растѣнія, съ „безчисленнымъ множествомъ люпыхъ звѣрей. Ни ко„торый изъ пяти хлѣбовъ въ зернахъ нигдѣ не из„ницалъ. Лѣсные звѣри пожирали человѣковъ: ихъ „только и пшичьи слѣды повсюду зрѣлись. Сердце „Яоа раздираемо было сокрушеніемъ; взялъ себѣ Шу„на въ помощники установлять во всемъ порядокъ. „Шунъ повелѣлъ Ѣю зажещи лѣса и травы, чтобъ „очистить поля и прогнать дикихъ животныхъ. Ѣ „исполнилъ оное, и устрашенные звѣри разбѣжались „искать иныхъ убѣжищъ. Юу поручено устроять „стоки водамъ: изрылъ девять протоковъ, поше„кли ими воды въ рѣки и море. Послѣ преславныхъ „сихъ работъ Китай явился удобнымъ къ земле„дѣльству и пропитанію жителей. Монг-Тсея глава „третія.„ Ниже повторяетъ потопъ же писатель инакими словами: . . . . „Воды, устремясь противу есте„ственнаго своего теченія, покрыли Китай, были „вмѣстилищемъ зміевъ и драконовъ. Человѣки не „имѣли неподвижныхъ мѣстъ къ пребыванію, нуди„лися взлазить на деревья и укрываться въ ущель„яхъ горъ. Ю устроилъ земляныя насыпи, изрылъ про„копы. Число птицъ и звѣрей хищныхъ было умень„шено; народъ напослѣдокъ возмогъ имѣть выгод„ныя и спокойныя селенія.„

Не

Не предостается намъ никакихъ размышленій о прямомъ смыслѣ всѣхъ сихъ мѣстъ писателей. Довольно ясно они вѣщаютъ, что Яо былъ одинъ изъ первыхъ заводителей жилищъ, и населилъ Китай; что при немъ оный только началъ быть обитаемъ. Ученымъ людямъ нѣтъ нужды въ напоминаніи, сколь согласны суть всѣ сіи подробности съ читаемымъ въ древнихъ писателяхъ о первыхъ заселеніяхъ Западныхъ странъ, о вишняхъ, ловцахъ и прочемъ.

Статья, въ коей теперь простираемся, есть весьма любопытна для Европейцовъ. Ученые, коихъ опровергаемъ мы систему, могутъ безчисленныя намъ предположить возраженія: то охотно снимемъ завѣсу, закрывающую отъ нихъ древній нашъ Китай, и покажемъ съ помощію свѣтильниковъ историческаго и критическаго, каковъ онъ былъ во времена, о коихъ теперь слово.

Историки временъ Юэвыхъ въ славномъ описаніи своемъ Китая, составляющемъ цѣлую главу Шу-Кинга, подъ названіемъ Ю-Конгъ, не упоминаютъ нигдѣ не только о городахъ, но ниже о деревняхъ. Представляютъ области наши совокупно точно также, какъ первые Европейскіе странствователи Америку; означаютъ теченіе рѣкъ, положенія озеръ. По разнымъ мѣстамъ въ старинныхъ примѣчаніяхъ стоитъ, что Ю наложилъ имена всѣмъ мѣстамъ. Такой образъ описанія, установляющій истинную топографію земли, во многомъ послѣ премѣнился, и преизрядная сія глава Ю-Конгъ обращена въ загадку географическую. Китай вообще опознается въ ней, какъ обѣтованная земля въ книгѣ Іисуса Навина; какъ Франція въ толкователяхъ исторіи временъ Іюлія Цесаря.

Уче-

Ученость и критика равно претыкаются въ подробностяхъ; потому что 1) большая часть урочищъ иначе уже слывутъ; 2) при переводѣ древнихъ буквъ на новѣйшія оставлены многія изображенія и таинственные знаки, которые состоя въ живописи, могли бы показывать знаменованія оныхъ; 3) землетрясенія и наводненія, причиненныя выступленіемъ изъ береговъ великихъ рѣкъ, произвели знатныя премѣны почти во всѣхъ странахъ на земномъ кругѣ.

Повѣствуемое лѣтописьми, начиная Ганскою династіею даже до днесь, доказываетъ, что могло случиться чрезъ толикій рядъ вѣковъ прежде сей династіи. Смотри три ста первую и три ста вторую книгу Ма-Туан-Линскаго книгохранилища. 4) Бѣгъ многихъ рѣкъ обращенъ инуда Государями нашими; осушены озера, повырыты новыя; соединены малыя рѣки во едину, большія же раздѣлены на рукава и протоки: ради ли то умаленія быстрины ихъ, ради ли удобности судохожденія, или ради орошенія нивъ со пшеномъ сарацинскимъ?

Объясняя въ подробности главу Ю-Конгъ, надобно, чтобъ сочинитель ея не проронилъ никакихъ обстоятельствъ сихъ премѣнъ: замѣчены имъ многія, но не упоминаетъ о томъ что либо отъ себя ни слова. Замѣтимъ же и мы мимоходомъ, что ученые ваморяне, требовавшіе отъ насъ полнаго исполкованія Ю-Конга, конечно не подумали, что для великой сей части географіи нашей и уподобленія Китая Европѣ должно бы было и самому малому сокращенію объ ономъ наполнить многія листовыя книги. Пусть представятъ себѣ Бропардову священную географію, и уподобятъ Іудею Китаю. Одного слова, одного указанія, одного произшествія довольно для

ученыхъ, искусныхъ въ нашей исторіи, которые имѣютъ въ памяти своей всѣ имена, всѣ знаменитыя замѣты временъ; но Европейцу на каждой строкѣ нужно *для чего* и *почему*. Что въ Китаѣ легко, то темно, запутанно и скучно въ Европѣ. Какъ могутъ жители послѣдней найтися въ разсужденіи тѣхъ мѣстъ изъ нашихъ книгъ, кои производятъ споры и между здѣшними учеными? Искренность и правдолюбіе, главные подвиги наши, не позволяютъ намъ притворствовать, что глава Ю-Конгъ есть самая трудная и неудобнѣйшая къ выразумѣнію во всемъ Шу-Кингѣ. Можетъ быть по той самой причинѣ выдумано было, что глава сія есть описаніе древняго Египта. Развѣ кто обрѣлъ уже философическій камень въ учености, инако же безразсудно и смѣшно полагать соотвѣтствіе между Ю-Конгомъ и географіею древняго Египта. Двѣ рѣки, Ни-Апша и Гоанг-Го, не уступаютъ конечно обширностію и прошяжностію своею Египетскому Нилу; а то уже и опровергаетъ всякое сего рода сличеніе. Не бывало никогда повѣстей на свѣтѣ, въ коихъ бы читать можно было о безчисленномъ множествѣ горъ разсыпавшихся, какъ читаемъ въ главѣ Ю-Конгѣ. Тао-Сеяне достойно презрѣнія утверждаютъ, что не упоминается въ ней о городахъ будто бы для того, что Ю трудился не только для своего времени, но и для всѣхъ грядущихъ вѣковъ; что города могли быть разворены, горы же вмѣсто того не премѣняютъ никогда мѣстъ. Ган-Лины почитали такое мнѣніе Тао-Сеянъ несовмѣстнымъ съ правдоподобіемъ, будто бы ихъ Гоанг-Ти имѣлъ городъ и области; тотчасъ начали географію свою статьею о земледѣльствѣ, потому что упоминается объ немъ въ Шу-Кингѣ. Смотри Кин-Тонгъ, Шеу-Ши-Тонг-Као, книга осьмая, страница вторая.

Имѣю-

Имѣющіе нѣкоторое понятіе о древнемъ Китаѣ вѣдаютъ, что оный началъ населяться и разводить пашни мало по малу. Область Шен-Сиская, или Ти-Тшеуская, гдѣ первыя основаны были окорененія общежительныя, по словамъ Тшу-Тсеи, была же и вмѣстилищемъ Двора прежнихъ нашихъ Государей до послѣднихъ лѣтъ династіи Тшеуской, и какъ бы ложесна, изъ коихъ произошло разположеніе народа, какъ бы корень силы государства нашего: не по богатству своихъ произращеній, не по изобилію и плодоносію (въ томъ далеко уступаетъ она прочимъ нашимъ областямъ, особливо же Южнымъ); но спавъ первая населена, первою же учинилась и обработанною. Самое имя Таи-Ивенъ-Фу города, первоначально появившагося (подъ коимъ извѣстна древняя столица), тоже самое доказываетъ. Казалось бы вѣроятнѣе, что первые выходцы въ Китай долженствовали ипши селиться въ области толико красиваго положенія; Кіан-Гнанъ и Тіанг-Си: однако же были онѣ въ погдашнія времена дикія пустыни, заросшія лѣсомъ и полныя болотъ. Съ самаго прихода праотцевъ нашихъ въ Китай разпаханныя земли долженствовали окоренить ихъ пребываніе, подобно Европейцамъ въ Америкѣ и въ Индіяхъ, хотя послѣдніе имѣли уже пособія и свѣденія, какихъ не могли имѣть праотцы наши. Будучи сверьхъ того нудимы не медлить окорененіемъ своимъ, и поставляя себя щастливыми, нашедъ область Шин-Кискую по выходѣ изъ пустыни Ша-Моской. Въ главѣ Шу-Кинга, называемой Шун-Тіэнъ, упоминается, что Шунъ основалъ двенатцать Тшеуэвъ, и отвелъ имъ двенатцать же горъ; а по сему именитый Тшанг-Ко-Лао въ достохвальномъ своемъ толкованіи для младенчествовавшаго еще Канг-Гіуса примѣчаетъ:

. . . „Прежде того Китай не разпространялся далѣе „рубежей области Ки-Тсіэнъ: Ши-Тіэн-Гіа-Тши-„Іеу-Ки.„ Критическое разсматриваніе Шу-Кинга, подъ именемъ Канг-Шу-Тонг-Као, даетъ разумѣть, что слово Тшеу, какъ изображается въ старинныхъ нашихъ буквахъ, означаетъ округу, объятую отвсюду водою, прокопанною рвами, между коихъ жили люди. Къ тому онъ пріобщаетъ: . . . . „До спуска „водъ стараніемъ Юа не было раздѣленія на Тшеуи.„ Читай книгу первую, страницу шестую. Нынѣ слово Тшеу употребляется къ ознаменованію четырехъ частей свѣта, областей древняго Китая, и прочее. Весьма вѣроятно, что сначала довольствовалися предки наши осушеніями мѣстъ малаго пространства, и что тогдашняя карта цѣлаго Китая едва ли могла быть примѣтна на земной поверьхности. Самая глава Ю-Конгъ не занимаетъ нынѣшняго пространства Китая. Преизрядная карта, измѣренная и уменьшенная нашими Ган-Линами, которую положили они въ заглавіи Шу-Кинга, содержитъ въ себѣ только часть областей Пе-Тше-Ли и Шанг-Тонга, совсѣмъ же выпущены въ ней самыя наилучшія: Тше-Кіангъ, Кіанг Си, Фу-Кіэнъ, Куанг-Тонгъ, Куанг-Си и Юн-Нанъ. Въ своемъ мѣстѣ будемъ мы еще упоминать объ Ю-Конгѣ.

Долго повѣствовать обстоятельно, какъ становился время отъ времени Китай нашъ государствомъ; возъимѣлъ напослѣдокъ великое множество деревень, слободъ и городовъ большихъ, среднихъ и малыхъ. Остановимся только на нѣкоторыхъ извѣстныхъ произшествіяхъ, и предложимъ примѣчаніе, необходимо, какъ думаемъ, нужное: 1) Въ теченіи двухъ первыхъ династій исторія наша мало упоминаетъ

наетъ о городахъ, объ садахъ же ни въ одной. Въ Шу-Кингѣ и лѣтописяхъ находимъ, что Государи наши преносили пребыванія жилищъ своихъ съ мѣста на мѣсто. Пан-Кенгъ во второй династіи, возхотѣвъ преселиться въ Ю, такъ говорилъ народу: . . . . . „Древніе Императоры, мои предки, не пред„принимали ничего важнаго, не посовѣтовавъ съ „Тіэномъ. Ему-то повинуясь, не упорствовали они „жить на одномъ и томъ же мѣстѣ; до пяти кратъ „премѣняли столицу.„ Читай главу седьмую второй части Шу-Кинга.

Естьли чрезъ толикія столѣтія послѣ Яоа государственнымъ нашимъ главнымъ городомъ былъ то тотъ, то другой; естьли преселялися вмѣстѣ съ придворными и всѣ прочіе жители: то по сему ясно, что города были и рѣдки и весьма малые. Праведно, что въ первыхъ годахъ третіей династіи государственную столицу составлялъ только Дворъ Государевъ, его чиновники, его художники, работные люди, придворные же и купечество. Послѣдніе во уреченные дни продавали на торжищахъ предъ Дворцемъ избытки запасовъ Государя и привозимаго къ нему изъ областей. Около половины уже династіи сей пребываніе Двора составило нѣчто похожее на столицу. Однако же Ло-Янгъ не равняетъ то съ большими городами послѣдовавшихъ династій, когда Тшин-Ши-Гоангъ разрушилъ древній образъ земскаго правленія. Прежде же того не могло быть много городовъ, да и весьма о маломъ числѣ упоминаютъ старинныя наши книги. Жители оныхъ ходили на поля земледѣльствовать, подобно какъ повѣствуетъ исторія о Грекахъ, Римлянахъ и другихъ древнихъ народахъ. Не мыслили объ укрѣпленіи, по старинной пословицѣ . . . . „Градскія стѣны не окончаны, ратниковъ

 „мало,

„мало, но царство цѣмъ ничего не теряетъ.„
2) Первоначальное раздѣленіе Китая, по свидѣтельству Шу-Кинга, въ теченіи династіи Гіаэвой, было на девять Тшеуэвъ, или областей. Ки-Тшеуская была въ средоточіи полулуннаго положенія, ею составляемаго. Каждая область имѣла своего владѣльца (послѣ оное увидимъ). Императоръ же собственно управлялъ областію Ки; по срединѣ пребывалъ его Дворъ, окружаемой государственными его вотчинами и другими обсѣменяемыми землями; а на нихъ обитали разсѣянно деревнями, во всякой по осьми семей. Къ хлѣбнымъ нивамъ примыкали пажити: многочисленныя имѣли стада во времена первыхъ династій; за пажитями лѣса со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые ученые наши полагаютъ сады и огороды, обведенные заборами, между пашней и пажитей. На примѣръ Монг-Тсе даетъ подразумѣвать въ главѣ Уанг-Тшонгъ, когда раздѣляетъ онъ внутреннихъ подданныхъ на торговыхъ, сельскихъ, садовниковъ и жителей пустыхъ мѣстъ. Замѣтимъ къ слову: естьли Египетъ въ первобытные свои годы управляемъ былъ подобно Китаю, то статься могло, что земля Гессенъ была отведена подъ пажити. Изъясненіе сіе весьма естественно; да можетъ объяснить же прехожденіе праотцевъ рода человѣческаго съ ихъ стадами. Многіе изящные умы и ученые замѣчатели мѣстъ въ книгахъ были обмануты невѣжествомъ своимъ и нечестіемъ, осуждая сказаніе Моисеево. Кардиналъ Куска нѣкогда писалъ объ ученыхъ невѣждахъ; можетъ быть столь же не напрасно было бы кѣмъ нибудь писано и объ невѣжествѣ самихъ наукъ. Китай нашъ въ состояніи найти въ себѣ достовѣрныя записки той части Священнаго Писанія, которая возвѣщаетъ о нравахъ и исторіи древности.

Но

Но станемъ продолжать начатое: всякая область подобно же была раздѣлена, какъ и та, которою управлялъ самъ Императоръ. Одна съ другою сходилася лѣсами; по одной было большей дорогѣ изъ областнаго главнаго города въ другой такой же. Рубежи защищались людьми вооруженными, на мѣстахъ, называемыхъ Куэи. Праотцы наши говаривали Кіэу-Тао, девять дорогъ. Многое бы надлежало писать для точнаго ознаменованія политической и Agronomique карты: заключенія, выводимыя по оной, тѣмъ паче рѣшительны, что представляютъ Китай, каковъ былъ во второмнадесять столѣтіи до Рождества Христова, сирѣчь въ началѣ третіей династіи, подъ владѣніями Тшеускаго уже поколѣнія Государей. Области Князей данниковъ когда мало по малу размножились, то и не стало болѣе междуобластныхъ рубежей, лѣсовъ и пажитей. Читай Тонг-Тіэнъ, сочиненія Ту-Поэва; Ма-Туан-Линъ, большее собраніе разныхъ сочиненій Ту-Шу-Піэнъ, и прочія. Въ чемъ же состоялъ Китай, землепашествуемой и населенной за толикое число столѣтій прежде? Состояніе, въ коемъ застигъ его Яо, стараніе и труды сего Государя въ разработаніи земель, открываютъ все. 3) Таи-Кангъ, одинъ изъ потомковъ Юа, удаляся для ловитвы звѣрей въ область Ки-Тшеу на берега рѣки Ло, оставилъ въ небреженіи правленіе народное и проводилъ сто дней далеко отъ столицы. Геу-И воспользовался негодованіемъ жителей: собравшися препятствовать Таи-Кангу перебираться за рѣку, овладѣлъ имъ и провозгласилъ себя Императоромъ. Легко дознаться, что должно произойти въ землѣ, которой правитель отлучается въ далекія страны ловить звѣрей дней на сто, совсѣмъ не вѣдая, что въ ней дѣлается; правитель, остановленной при переправѣ

правѣ чрезъ рѣку, и у котораго похищается престолъ невозвратно. Ловитва установлена была особымъ закономъ, имѣвшимъ силу свою даже до послѣднихъ лѣтъ третіей династіи. Посредствомъ оной не допускалися дикіе звѣри какъ до размноженія, такъ и вредить обсѣмененныя мѣста. По четырежды на году производилась великимъ скопомъ людей по наряду. Весною и лѣтомъ прогоняли только звѣрей, осенью же и зимою ловили въ тенета и стрѣляли изъ луковъ. Первыя двѣ ловитвы именовались Тіэн-Ліэ, ловля полевая. Предоставимъ ученымъ мужамъ разыскивать, что такія ловитвы подъ предводженіемъ самихъ Государей не были ли источникомъ права ловлей, и какъ таковый родъ наряда поселянъ учинился со временемъ правомъ же, приносящимъ честь, хотя притомъ и причиною же опустошенія земледѣльческихъ трудовъ, коихъ къ предохраненію были установлены. Скажемъ только, что ловли, о коихъ столь много разъ упоминается въ Ши-Кингѣ и Ли-Кіэ, во времена Тшеуской династіи несравненно были нужнѣе. Въ династіяхъ же Шанговой и Гіаэвой, что еще и того приличнѣе къ повѣствуемому здѣсь нами, доказываютъ самое небольшее количество тогдашнихъ разработанныхъ земель. 4) Въ лѣтописяхъ стоитъ, что сынъ Кіэа, послѣдняго Императора Гіаской династіи, удалился въ Сѣверныя пустыни съ братьями своими и со всѣми тѣми, кто возхотѣлъ ему послѣдовать. Сѣверныя сіи пустыни, или степи, составляютъ нынѣ часть области Пе-Тше-Лиской. Нѣгдѣ читали мы, что мѣсто пребыванія своего избралъ онъ не подалеку отъ Пекина. Тѣ же лѣтописи свидѣтельствуютъ: . . . „Въ двадесять шестое „лѣто царствованія Сіао-И, двадесятаго Императо„ра второй династіи, Тан-Фу оставилъ окрестности

„Дво-

„Двора, и достигнувъ въ западную часть Шен-„Сиской области, бывъ сопутствуемъ довольнымъ „людствомъ, основалъ тамъ особое княженіе.„ Такъ пишется въ книгѣ Ши-Кингъ: . . . . „Какъ дикая „тыква, едва покрывающая плѣнію своею собственной „же свой корень, разпространяетъ далеко излучистые „отпрыски, увѣнчанные зеленью; размножается и „производитъ вновь множество вѣтвей: подобно же „размножалося и усиливалося племя Государей на-„шихъ. Тан-Фу обиталъ между рѣкъ Туя и Тсіа „въ пещерѣ, изсѣченной въ каменномъ машерикѣ; хи-„жины подъ соломенными кровлями, дымящіяся „сквозь малыя свои трубы, разпространяли въ спо-„роны убогое таковое селеніе. Тан-Фу садится на „коня, объѣзжаетъ западный берегъ рѣки, и утом-„ленъ, приближается съ супругою къ подошвѣ горы „Кіа. Поля и долины плодоноснаго сего края покры-„вались еще тогда мрачными лѣсами, а посреди „оныхъ нѣгдѣ росли хина, ложечная трава и нѣ-„сколько стеблей дикаго ячменя. Совопросившись „онъ съ великимъ Тіэномъ, приноситъ жертвы. . . . „Пребудемъ здѣсь! вѣщаетъ; страна сія представ-„ляетъ намъ пріятное убѣжище; воздвигнемъ себѣ „домы. . . . Проведены межи полямъ, назначены мѣ-„ста подъ селенія, учрежденъ порядокъ въ разпахи-„ваніи земель, и прочее.„

Царство сіе, мѣсто младенчества династіи Тшеуской, по увѣренію Монг-Тсея, въ пространеніи своемъ отъ одного до другаго края не имѣло сначала болѣе семидесяти ліевъ, или семи Германскихъ миль.

По тѣмъ же лѣтописямъ, на двадесять девятомъ году владычествованія Тсон-Тіа, двадесять

третіяго Императора оной же династіи, два старшіе сына Фу-Тановы основали сельбищи и княженіе свое во области Кіанг-Нанской. Нашли тамъ укрывающихся бѣглецовъ, людей уже одичавшихъ, которые приняли ихъ съ радостію.

Въ царствованіе Тшинг-Уанга, втораго Императора третіей династіи, прибыли ко Двору послы изъ чужихъ странъ. Тшеу-Конгъ, о коемъ было уже говорено, снабдилъ ихъ нѣкакимъ родомъ компаса, чтобъ съ помощію онаго могли не сбиться съ пути и достигнуть отчизны.

Все сіе между столь немногихъ произшествій о первобытныхъ временахъ въ лѣтописяхъ нашихъ помогаетъ выводить заключеніе, въ какомъ состояніи надлежало быть Китаю за толикія столѣтія до Яоа. Произшествіе, яко лѣствица, по коей возходить должно до временъ сего Государя, и точно выразумѣвать описаніе наше о Ки-Тшеуѣ, соотвѣтственно съ самыми достовѣрнѣйшими памятниками.

Не прежде осьмаго вѣка Христіанскаго лѣточисленія, видимъ княженія множащіяся, разпространяющіяся и становящіяся государствами. Должно замѣтить, что вся южная половина Китая, сирѣчь знатная часть областей Кіанг-Си, Фу-Кіэнъ, Куанг-Тонгъ, Куанг-Си и Юн-Нанъ, почиталися странами дикими до Конфуція. Монг-Тсеэ говаривалъ Уэн-Конгу: „ Шин-Леангъ изъ царства Тсускаго (ко„торое помѣщалось частію въ области Гу-Куангъ, а „другою въ Кіанг-Си), узнавъ, что въ сѣверной стра„нѣ преподается ученіе Тшеу-Конга и Конфуція, „отправился туда нарочно; и хотя не проникъ всей

„она-

„онаго глубины, однако же учинился способнымъ „укротить дикіе нравы земляковъ своихъ.„

Заключеніе: станемъ ли держаться мнѣнія, каковъ былъ Китай во времена Яоа; станемъ ли розыскивать, каковымъ становился въ столѣтія за столѣтіями, въ династіи за династіями, до начатка Греческихъ Олимпіадъ; но всячески не возможно полагать его населеннымъ за долгое время предъ Яоэмъ; паче по тому, что въ самую отдаленную ту старину войны бывали рѣдки, правительство равно благопоспѣшное разработыванію земель и размноженію народа.

Остается разсмотрѣть, откуда были тѣ выходцы первобывшіе въ Китаѣ, отъ коихъ древніе выводятъ происхожденіе нашихъ праотцевъ. Нѣкоторой Христіанской проповѣдникъ вѣры собиралъ всѣ наши ветхія преданія. Ему-то напослѣдокъ показалось, будто бы посредствомъ оныхъ могъ доказывать порядокъ поколѣній одно за другимъ, и сходствомъ случаевъ, что Яо есть Патріархъ Іектанъ (*), сынъ Эверовъ. Конечно много онъ намъ Китайцамъ дѣлаетъ чести. Тангъ, прозвище Яоа, а еще того болѣе православный законъ, чрезъ множество лѣтъ исповѣдыванной въ отечествѣ нашемъ, могли бы подпирать таковыя догадки; но мы держимся только книги Шу-Кинга.

II. Правительство во времена Яоа, Шуна и Юа.

Никакое царство не началось управляемо быть самовластительски. Самовластительство есть послѣд-

(*) Іектанъ, сынъ Эверовъ, смотри священную Библію, первую книгу Моисея, стихъ двадесять пятый.

няя перемычка во временахъ крайней силы могущества Царей, или точнѣе назвать, злоупотребленія ихъ власти. Правило сіе еще паче истинно въ разсужденіи временъ первобытныхъ. Главы общежительствъ, населившіе вновь земную поверьхность послѣ потопа, были простые домоначальники, отцы семействъ. Поелику слѣдуетъ изъ того, что санъ древнихъ Князей разумѣлся только имѣющимъ право предсѣданія, распоряженія, старѣйшинства, благодѣтельства, примиренія и благоразумія, право начальника многочисленной семьи; но столь же равномѣрно таковый санъ близокъ отъ источника своего. Таковъ былъ Яо. Нѣкоторые лѣточислители утверждаютъ, что книга Шу-Кингъ начата сочиняться въ шестидесятое лѣто отъ рожденія сего Государя. Ссылаются въ томъ на Ліо-Танг-Кіэн-Кана. Естьли имъ вѣрить, то число первыхъ годовъ жизни его было причиною круголѣтія нашего въ шестидесяти годахъ. Мы не оставили справиться съ приводимыми отъ нихъ мѣстами нашихъ писателей: . . . „Яо не вѣдалъ еще, можетъ „ли когда либо основать государство.„ 1) Взяты оныя ими изъ сочиненія Ліе-Тсеэва, коего свидѣтельство малаго достойно уваженія. 2) Но взяты не въ томъ смыслѣ, въ какомъ поставлены сочинителемъ. Читай И-Хе книгу девятую, страницу вторую.

Искусные критики наши не знаютъ точно, къ которому году владѣнія сего Государя пріурочить начало Шу-Кинга. Хотя отмещемъ мы писанное Ліэ-Тсеэмъ, однако же преклоняемся къ вѣроятію. Пусть не составилося еще тогда общежительство, или и было, но малочисленно, слѣдовательно не образовано еще правительство, однако Яо весьма уже поздно сталъ царствовать. Да и въ Шу-Кингѣ ни-

нигдѣ не значится, чтобъ были Цари до Яоа. Въ Тшу-Юнгѣ, въ статьѣ придесятой, читаемъ: . . . „Конфуцій начинаетъ исторію Яоэмъ и Шуномъ. „Тсу-Шу-Яо-Шунъ.„ Буква, значущая слово Тсу, въ переводѣ есть начало, изображается *башнею*, знакомъ таинственнымъ жертвоприношенія; свойственно же значитъ предка, домоначальника, источникъ, произхожденіе. Но какъ точно перевести по Французски все знаменованіе подобной буквы? Не смѣемъ толковать, въ какомъ смыслѣ ставится она въ нашихъ книгахъ. Инако навлекли бы подозрѣніе, что вымыслили отъ себя, для сближенія временъ Яоэвыхъ со временами Вавилонскаго столпотворенія. Могли бы быть обвиняемы, какъ выдаватели мечты истинною, естьли не скажемъ, что изображеніе башни одно само по себѣ иносказательно у насъ значитъ: отойти, раздѣлиться, сынъ, покидающій отца своего. — Вотъ причина, для которой не отважилися мы приводить множество и иныхъ буквъ, знаменованіями своими далеко превозходящихъ всякія изображенія на медаляхъ. Довольно свидѣтельства Шу-Кинга, какова была власть Яоа; какъ усиливали оную время отъ времени преемники его; какъ вступленіе на престолъ учинилось наслѣдственнымъ; какія были первобытныя званія и должности общественныя; какими законами управлялся народъ; что провозвѣщаютъ разные памятники о произшествіяхъ въ Китаѣ. Выводятся нами подробности, близко все то доказывающія; надобно только, чтобъ читатели намъ помогали, и помогали сами себѣ разсужденіями своими.

1. Вознадобился календарь, Яо изрекъ: . . . „Ги и Го! попекитесь, чтобъ годъ состоялъ въ

„трехъ стахъ шестидесяти шести дняхъ, и прочее.„ Глава Яо-Тіэнъ. Когда предпринято окоренить селенія въ проѣ, и устроить стоки водамъ для разпахиванія земель, Яо потребовалъ совѣта отъ четырехъ Кіоэвъ: . . . . . „Бѣдствующій народъ стонетъ, сказалъ Государь сей, въ состояніи, въ какое „приведены поля наши потопомъ; кто ему помо„жетъ? . . . Избрали Пе-Куэна. . . . . Увы! возо„пилъ Яо, не таковый нуженъ человѣкъ: онъ же„стокъ, врагъ единодушія. . . . . Можно будетъ „его смѣнить; отвѣчали четыре Кіоа, нѣтъ опасно„сти испытать его дарованія. . . . Да приступаетъ „же къ дѣлу. Законъ Божій да будетъ ему путе„водитель.„

„Пе-Куэнъ трудился девять лѣтъ, но безъ „успѣха. Читай тамъ же. Яо прозорливѣе былъ и „премудрѣе четырехъ Кіоэвъ; но не хотѣлъ посту„пать по внушеніямъ ума своего.„

Толкователи наши славятъ добродѣтель Государя сего и снизхожденіе, признавая однако же, что не могъ онъ вести себя инако. Читай Конг-Ин-Та, Тсин-Тсеа и другія сочиненія. . . . Не могъ не уступать, стоитъ въ первомъ: Пу-Те-Пу-Фу. . . . При„нужденъ былъ ожидать исполненія надеждъ своихъ „отъ случаевъ.„

Шунъ возшелъ на престолъ, созвалъ старѣйшинъ селеній, началъ съ ними разсуждать о государственныхъ дѣлахъ и опредѣлять къ общественнымъ должностямъ. Шунъ изрекъ четыремъ Юэмъ: . . . . . „Есть ли кто нибудь таковый, ко„торой бы могъ возвратить добрые годы Яоэвы „тру-

„трудами своими и прилѣжностію? Поставлю его „во главу людей; благоразуміе его и кротость по„спѣшествовать будутъ исправленію нуждъ нашихъ „и благому порядку.„ ..... Собраніемъ названъ Пе-Ю, на коего возложены были народныя работы. ..... „Любезный Ю! сказалъ ему Шунъ, труды твои „во обсушеніи земель оправдаютъ избраніе тебя; не „ослабѣвай и впередъ подобно же прилѣжанъ.„ Глава Шун-Тіэнъ.

Ю отрекался принять сію должность, указывалъ на Тси-Тсіеа и Као-Яоа, какъ на людей, паче къ тому годныхъ; но Шунъ остался непоколебимъ: изъ уваженія ли ко избравшимъ его, или чтобъ не преобидѣть власти своей, которую увеличивая, самъ собою учредилъ три званія, не потребовавъ ни отъ кого совѣта. Въ Шу-Кингѣ стоитъ: ..... „Ю „повергся ницъ на землю, просилъ Государя опредѣ„лить вмѣсто его Тси-Тсіэа и Као-Яоа ..... „Возтани, произнесъ Шунъ, и повинуйся ..... „Обратясь ко Кію, продолжалъ: [онъ же и Тси-Тсіэ, „или Геу-Тси] извѣстна тебѣ нищета народа, на„учи его пахать землю и сѣять хлѣбъ ..... За „симъ возвелъ очи на Тсіа, и сказалъ: въ народѣ не „довольное различіе состояній, подчиненности между „пяти степеней отъ одной къ другой худо наблю„даются; тебя избираю я Сеэ-Тіуэмъ... Далѣе гово„рилъ Као Яоу: жители полуденной и восточной „странъ причиняютъ возмущеніе: ты будешь отъ „нынѣ Хе„ Глава Шун-Тіэнъ„.

Учредивъ три сіи чина, паки вопросилъ собраніе: ..... „Есть ли кто изъ васъ всѣхъ, кого бы могъ „я приставить къ работамъ? ..... Собраніе наименовало Тшуіа„. Читай тамъ же.

Всякъ,

Всякъ, свѣдущій исторіи народовъ, видитъ, что всѣ древнія монархіи точно также основывались. Еморъ Царь Сихемскій (*) не прежде преклонился на прошенія дѣтей праотца Іакова, какъ съ совѣта подданныхъ своихъ. Денисъ Галикарнасскій, Діодоръ Сицилійскій, тоже повѣствуютъ о Царяхъ Египетскихъ. Аристотель пишетъ нѣгдѣ, что Цари предлагали народу на разсужденіе свои совѣты. Сколь ужасная разность власти Яоа и Шуна со властію Кіоэвъ, Тчеуэвъ и Тсин-Ши-Гоанговъ! Послѣдніе угнѣтали подданныхъ, подавляли подъ игомъ податей, посылали ихъ во изгнаніе, отнимали себѣ имѣнія ихъ, казнили смертію, все же то во удовлетвореніе своихъ прихотей! . . . . . „Власть Царей, вѣщаетъ „Ган-Ши, разпростерлась и заняла собою всю поднебесную. Прочіе человѣки, по мѣрѣ возвышенія пре„столовъ ихъ, уничижались. Народы иногда разумѣютъ „себя щастливыми, естьли Цари отличаютъ ихъ отъ „стадъ самыхъ презрѣнныхъ животныхъ; или не ху„же, нежели со скотами, служащими имъ, поступаютъ.„

Не можемъ доказать, коимъ образомъ власть Государей нашихъ столь безмѣрно усиливалась въ теченіи первой династіи. Произшествія, на которыя бы

(*) Первая книга Моисеева главэ 33, стихъ 19. Въ той же книгѣ глава 34, стихъ 2. Того же имени былъ городъ въ Самаріи, въ предѣлахъ Манассіинныхъ, книга первая Моисеева, глава 12, стихъ 6, Іисуса Навина глава 20, стихъ 7. Дѣянія Апостольскія, глава 7, стихъ 16; а инако нарицается Сукима, Царствъ третіихъ глава 12, стихи 1 и 25. Пророка и Царя Давыда во Псалмѣ 107, стихъ 8. Судей Израилевыхъ глава 9, стихъ 26; глава 21, стихъ 16. Инако нарицается Сухарь, смотри Святаго Іоанна Евангелиста главу 4, стихъ 5.

бы въ томъ надлежало ссылаться, не подтверждаюшся Шу-Кингомъ; однако же читаемъ въ сей книгѣ, что гнусный Кіэ, послѣдній Императоръ сей династіи, не только не совѣщался никогда и ни о чемъ съ подвластными Князьями, но презиралъ ихъ представленія. Осудилъ на смерть мудрыхъ тѣхъ мужей, коихъ ревность къ отечеству и неустрашимость предъ нимъ мучителемъ, учинили дерзновенными ходатайствовать за народъ его. Даже до излишества хваливше Яоа и Шуна признаются сами, что свидѣтельство ихъ не есть достаточно въ настоящія времена: . . . . „Самаго слабаго движенія весла, говорилъ Тинг„Пе, подно для малаго челна, плавающаго по неболь„шему пруду. Огромное кормило не довольно сильно „для великаго корабля, противу стоящаго треволне„нію морскому нягостію только тѣла своего: дви„гается, но только парусами своими, наполненными „и порѣваемыми отъ вѣтровъ; не рѣдко бываетъ „подверженъ страшнымъ бурямъ; единое иногда „мгновеніе спасаетъ его отъ ударовъ о подводные „камни и потопленія . . . . . Кораблю дать слабое „весло вмѣсто кормила! . . . . . Для Государя добро„дѣтельнаго всякая власть, какую бы онъ ни могъ „имѣть, мала; потому что употребляетъ се къ „единому ощастливливанію народа своего. Нарушаетъ „ли онъ законы, управляющіе властію его, нарушаетъ „же равно и тѣ, коими оная обуздывается и стѣ„сняется. „

2. Яо, доживъ до поздной старости, многажды зачиналъ избирать по себѣ наслѣдника. Въ первый разъ, когда о томъ разсуждалъ съ ближними своими, сіи представляли ему сына его; но онъ, какъ добрый Государь, предпочитая общее благо благосостоянію

дома своего, воздохнувъ отвѣчалъ имъ: . . . „Двое-
„душенъ онъ, непріятель мира и тишины въ наро-
„дѣ: какъ могу обратить на него мои взоры?„
Глава Яо-Тіэнъ. Послѣ Кіанг-Теу хвалилъ ему Конг-
Канга; на сіе сказалъ Яо: . . . „Изъ устъ его изхо-
„дятъ златыя словеса, когда ничего не дѣлаетъ;
„предпрінявъ же что либо, все портитъ. Является
„набоженъ, но гордыня его угрожаетъ и самимъ
„небесамъ.„ Читай тамъ же. Въ третій разъ при-
звалъ онъ къ себѣ четырехъ Ю̂эвъ, и такъ имъ ото-
звался: . . . „Царствую уже семдесятъ лѣтъ, мо-
„жете уже взять отъ меня престолъ и избрать дру-
„гаго на мѣсто мое. . . . О Государь! занимать его
„можетъ только единая наипревоходнѣйшая добро-
„дѣтель, инако же помрачится слава его. . . . Пред-
„ложите же мнѣ достойнаго, не взирая на состояніе
„человѣка, сколь бы ни было низко.„

Единогласно избранъ Шунъ, который не имѣлъ никакой степени знатности, и былъ еще холостъ. . . . „Изрядно, сказалъ Яо, я объ немъ наслышался; „спознайте его со мною. . . . Одинъ изъ четырехъ „Ю̂эвъ на сіе ему донесъ, и такъ далѣе.„ Читай тамъ же.

Яо, утвердяся на свидѣтельствѣ въ пользу Шу-
на, сочеталъ его бракомъ со второю дочерью своею;
далъ ему участіе въ государственныхъ дѣлахъ, а
чрезъ три года учинилъ сосѣдателемъ престола. . . .
„Возсяди на ономъ со мною, любезный мой Шунъ! я
„разсмотрѣлъ уже твое поведеніе, наслушался твоихъ
„словесъ; три уже года вижу тебя и мыслящаго и
„вѣщающаго, какъ приличествуетъ мудрому мужу.
„Престолъ мой есть твое достояніе.„ Глава Шун-
Тіэнъ.

Шунъ

Шунъ по смерти Яоа, подъ коимъ онъ царствовалъ, укрылся отъ Двора, и не инако заставленъ былъ правительствовать, когда всѣ государственные чины поддались ему добровольно. Тіэн-Гіа-Куэн-Шунъ. Четверо Ю̂эвъ опредѣлили къ Шуну первую дѣловую особу, или точнѣе сказать, помощникомъ, Юа; ибо названіе перваго дѣловаго человѣка не извѣстно было въ отдаленныя тѣ времена. Шунъ усотовариществовалъ его въ царствованіи, не по совѣту чьему либо, но по собственному своему подвигу. . . „Давно уже я рѣшился на сіе, и тебя избралъ, слѣдо„вательно никто не можетъ въ томъ попротиво„рѣчить.„ Глава Ю-Мо.

Въ Шу-Кингѣ не упоминается о преемникѣ Юа, но по лѣтописямъ то былъ его сынъ. Правда, что имѣлъ соперниковъ, но происками приверженцевъ Юа превозмогъ надъ ними. Имперія потомъ доставалася наслѣдственно: увеличилась и учинилась многонароднѣе при трехъ сряду одинъ за другимъ Государяхъ, въ продолженіе ста пятидесяти осьми лѣтъ. Инако же надлежало бы, какъ утверждаютъ наши ученые, отваживать общественно спокойствіе на восколебаніе, избирая новаго Государя; или когда бы наименованіе наслѣдника къ престолу зависѣло отъ Государя владѣющаго. Ему и безъ того нужно раздавать милости, слѣдовательно не пожалѣлъ бы ни какovыхъ, чтобъ тѣмъ купить престолъ дѣтямъ своимъ цѣною общаго блага. И такъ наслѣдственное преемничество было уставлено и назначено старшему сыну, рожденному отъ законнаго супружества, хотя бы имѣлъ другихъ братьевъ старѣе себя лѣтами. Есть громкій примѣръ въ лѣтописяхъ нашихъ. У мучителя Тшеу, Нерона Китайскаго, были два

старшіе брата, но онъ родился отъ Императрицы. Государыню сію хвалитъ исторія за добродѣтели ея и благоразуміе. Никакъ не хотѣла она допустить сына своего царствовать, не находя его достойнымъ; преклонила супруга своего предпочесть ему сына же его, рожденнаго отъ наложницы. Вельможи представили, что законы даютъ его престолъ сыну Императрицы; что нарушая въ самомъ главнѣйшемъ ихъ существѣ, опѣемлется у нихъ дѣйствованія сила. Ученые къ тому пріобщили, что Производитель Царей земныхъ, Господь и Владыка міра, отъ единой своей десницы даетъ народамъ властителей по благоизволенію своему и въ наказаніе и въ награду. . . . . „Желающій взойти на престолъ, говоритъ „Тшин-Тсеэ, всякій разъ на него взойдетъ. Будутъ „ли у него старшіе братія, смерть низринетъ ихъ „во гробы. Читай наши лѣтописи и виждь послѣд„няго изъ сыновей наложницы, надѣвающаго діадиму „на главу; путь къ ней отверзся ему смертію „всѣхъ его братій.„ Пусть ученые Европейцы судятъ о извѣстномъ Салическомъ во Франціи правѣ: изложителемъ онаго былъ ли Фэрамондъ, Клодисъ ли, или Филиппъ; у насъ же началось оное внукомъ Юэвымъ, но дщерямъ нашихъ Царей не дано совсѣмъ ничего въ удѣлъ.

3. Историографы наши тщетно собирали сказываннoе когда либо, или писыванное объ Яоѣ, Шунѣ и Юѣ; тщетно вѣщаютъ объ нихъ пышными изреженіями: Шу-Кингъ обращаетъ оное въ ничто, даже нигдѣ не упоминая, чтобъ существовало въ тѣ времена сколько нибудь примѣтное царство. Яо избираетъ звѣздочетцовъ сочинить календарь, возлагаетъ на Це-Куана обсушать отъ водъ земли, на-

назначаетъ Шуна наслѣдникомъ своимъ. Вотъ всѣ извѣстныя дѣла его времени, длившагося сто лѣтъ. Подъ владѣніемъ Шуна видимъ государство основывающееся. По увѣнчаніи, сирѣчь послѣ жертвы за одержаніе престола, созываетъ двадесять и двухъ человѣкъ, именно же четырехъ Юэвъ, или старѣйшинъ четырехъ селеній; двенадцать Муэвъ, или Мандариновъ, народныхъ разправниковъ (Му значитъ пастыря), шесть чиновниковъ придворныхъ, и съ ними приступаетъ ко учрежденію вновь чиновъ, подтверждая въ званіяхъ, въ которыхъ кто либо уже былъ. Кію поручено надзирать земледѣльство, Тсію поспѣшествовать въ семействахъ миръ и единодушіе, Као-Яоу велѣно защищать поселянъ отъ набѣговъ и грабежей бѣглецовъ, Тшуну имѣть въ вѣдомствѣ своемъ ремесленниковъ, и долженствовалъ пещися о пажитяхъ, о порядкѣ при рубкѣ лѣсовъ и ловитвахъ; Куэну подчинена музыка и ученіе юношества.

Или много мы ошибаемся, или все сіе не провозвѣщаетъ государства, имѣвшаго подъ собою десять тысячь Царей данниковъ (какъ упоминается о Гоанг-Тіѣ), но только что возникшее селеніе, окореняющееся, только что приступающее ко исправленію нравовъ. Шунъ былъ еще зятемъ и первымъ дѣловцемъ Яоа; когда чиновники приходили во Дворецъ съ докладами, то онъ доносилъ о каждомъ ему письменно; за доброе управленіе вѣренной каждому части государственныхъ дѣлъ дарилъ колесницею. Читай Шу-Кингъ, главу Шун-Тіэнъ.

4. Нѣкоторые ученые старалися находить всѣ наши законы въ первыхъ главахъ Шу-Кинга. Имѣли они ту же самую прихоть, какъ и госпожа Далѣе, мечтая

чтая видѣть наивышшее единобожіе въ Омировыхъ стихахъ. Первыя главы Шу-Кинга въ самой вещи прекрасны; достойны, чтобъ Государи читали ихъ и одумывали. У кого печатлѣются въ памяти превосходныя ея правила, тотъ удобенъ излагать преполезные законы. Мудрые мужи и знаменитѣйшіе Императоры наши изъ нихъ-то почерпнули все лучшее въ нашихъ законахъ. Но въ разсужденіи законовъ гражданскихъ находимъ въ сей книгѣ краткую только рѣчь воцаряющагося Шуна къ чиновникамъ, избраннымъ отъ него. Вотъ оная. . . . Шунъ, приказавъ отворить двери, и возшедъ на высокое мѣсто, съ коего бы всѣ могли его слышать, такъ говорилъ двенатцати Муэмъ: . . . „Чтобъ хлѣбъ былъ во изо„биліи на всякое время; чтобы взаимная склонность „и кротость соединяла сердца; чтобъ добрые люди „были любимы и почитаемы отъ всѣхъ; чтобъ че„стность и безпорочная жизнь учиняла послѣднихъ „того достойными. Будемъ ли осмотрительны во „избраніи чиновниковъ, то Маны полуденные, во„сточные Іи покорятся намъ.„ . . . Потомъ, обративъ рѣчь къ Кію, продолжалъ: „Тебѣ извѣстна „нищета народа, научай его пахать и обсѣменять „землю разнаго рода хлѣбными зернами.„ . . . . . Далѣе говорилъ Сію: . . . . . „Народъ не довольно „союзенъ, пять онаго степеней худо храняшъ зави„симость одна отъ другой, тебя опредѣляю Сеэ-Ту„ему; благочестіе да будетъ вождемъ усердію твое„му; духомъ кротости должно направлять каждую „изъ пяти оныхъ степеней на путь должности.„ . . Возрѣвъ на Яо-Као, изрекъ: . . . „Жители странъ „полуденной и восточной причиняютъ возмущеніе, „воруютъ, грабятъ, прелюбодѣйствуютъ: я тебя „избираю Хеэмъ.„ Читай главу Шун-Тіэнъ.

Шунъ

Шунъ не говоритъ ничего къ тѣмъ, кои поставлены отъ него смотрѣть за ремесленниками, имѣть въ вѣдомствѣ ловитвы и прочее. О надлежащемъ до музыки и вѣры упомянемъ послѣ.

Лучшій проявляетъ образъ правительства слѣдующее: Шунъ, бывъ еще только уполномоченнымъ Яоемъ въ государственныхъ дѣлахъ, посѣщалъ всѣ селенія чрезъ каждыя пять лѣтъ. Въ прочіе четыре года Мандарины являлися ко Двору, и доносили о состояніи ввѣренныхъ имъ мѣстъ. Шунъ объѣздъ свой начиналъ восточною частію государства, задерживался въ ней три мѣсяца; по стольку же времени послѣ въ южной, западной и сѣверной. . . . „Въ „каждой округѣ, вѣщаетъ Шу-Кингъ, свидѣтельствова„лъ, исправной ли жители имѣютъ календарь, мѣры, „вѣсы; музыка не попорчена ли, наблюдаются ли пять „Лiевъ.„ Глава Шун-Тiенъ. А сіе доказываетъ, что въ селеніяхъ не дикіе были жители, но выходцы конечно изъ благоучрежденной какой либо страны. Такъ по меньшей мѣрѣ должно подразумѣвать и не терять онаго никогда изъ вида, естьли кто хочетъ самъ въ себѣ разсуждать согласно съ Шу-Кингомъ. Но доказываетъ же и то, что заботы правительства весьма были не велики, когда Государи имѣли досуги путешествовать и заниматься таковыми подробностями. Еще доказываетъ же, что владѣніе Яоа не далеко простиралось. Областному правителю мало цѣлаго года объѣхать область свою, хотя и останавливается онъ только въ большихъ городахъ. Пріобщимъ къ тому, что путешествія сіи начались не прежде послѣднихъ лѣтъ царствованія Яоа; надобно думать, что селенія уже тогда размножились и распространились.

О

О законахъ уголовныхъ пишется въ той же главѣ, что Шунъ по раздѣленіи земель на округи, и по означеніи рубежей (коихъ конечно прежде не бывало), написалъ законы, установилъ пять родовъ ссылокъ, въ соотвѣтствіе пяти же казнямъ. Мандарины наказывалися кнутомъ, но могли откупаться деньгами. Глава Шун-Тіэнъ. Шунъ говоритъ ниже ко Као-Яоу: „Пять казней имѣютъ каждая для себя свои „одежды; пять одеждъ надѣваются въ пяти мѣ„стахъ; пять родовъ изгнанія имѣютъ уреченныя „свои округи: во всякой округѣ по три отведенныя „жилища.„ .... Посланъ имъ во изгнаніе Кон-Конгъ въ Іеу-Тшеу, Гоанг-Теу въ Тсон-Шанъ, Сун-Міао въ Сан-Уэи, Пе-Куэнъ связанъ и сосланъ былъ въ Ю-Шанъ. Весь народъ похвалилъ Государя за наказаніе четырехъ сихъ преступниковъ, и удивлялся его милосердію. Читай тамъ же.

Не поступая далѣе, помѣстимъ здѣсь нѣсколько примѣчаній, нужныхъ къ выразумѣнію точныхъ смысловъ мѣстъ Шу-Кинга. 1) Переводчики и толкователи сей книги нарочито соглашаются, что чрезъ всѣ царствованія Яоа и не бывали и не надобны были казни. Добродѣтели и кротость добраго сего Государя удерживали людей отъ преступничествъ, или по крайней мѣрѣ учреждали оныхъ слѣдствія. Примѣръ его вперялъ каждому любовь ко благимъ дѣламъ, и пробавлялъ невинность нравовъ народа. Ученые наши, пользуясь столь изящною славою Яоа, проповѣдывали ее предъ Императорами: много, какъ мы думаемъ, поспособствовали учинить казни ненавистными политикѣ нашей; хотя держитъ она безпрестанно подъятый мечь, но щадитъ всегда же кровь. Долженствуя когда либо и кому либо изрещи при-

го-

говоръ смертный, приходитъ въ содроганіе, произноситъ вопли, ужаснѣйшіе и самихъ казней; совершенно знаетъ искусство умножать, разпространять, не прерывать никогда страхъ и отвращеніе къ онымъ. Шунъ и Ю не меньше Яоа были добродѣтельны. Но по замѣчанію ученыхъ, государство при послѣднемъ не столь было многолюдно, то и удобнѣе могъ онъ удерживать вездѣ добрый порядокъ; когда же размножилися семейства, размножилися по мѣрѣ того разпаханныя земли: неминуемо настали злоупотребленія, неминуемо надлежало обуздывать ихъ боязнію казней.

2. Нѣкоторые толкователи Шу-Кинга разумѣли пять казней, установленныхъ Шуномъ, таковыми: 1) знакъ незагладимый на лбѣ, 2) отрѣзаніе конца у носа, 3) отрубленіе концовъ у ножныхъ пальцовъ, 4) учиненіе скопцами, 5) смертная казнь. Кромѣ, что не упоминается о томъ нигдѣ въ Шу-Кингѣ, не находимъ въ ней и примѣровъ. Самые вѣроятнѣйшіе переводчики сей книги утверждаютъ, что тѣлесныя наказанія не прежде введены въ обычай, какъ предъ окончаніемъ Гіаской династіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ тому слѣдовъ въ исторіи прежнихъ временъ, даже и въ книгахъ Тао-Сейскихъ. Тшинг-Тсеэ жилъ въ послѣдніе годы династіи Тшеуской, сочинитель же Пе-Гон-Тонга подъ владѣніемъ одного изъ Государей Ганскаго поколѣнія; оба они ясно изражаются, что казни, или лучше наказанія, во времена Шуновы состояли въ безчестныхъ одеждахъ: принуждалися носить ихъ на себѣ преступники; каждая одежда означала родъ преступленія. Уэн-Ти, Императоръ Ганской династіи, полагаетъ сіи слова въ одномъ указѣ своемъ: . . . „Когда царствовалъ

„Шунъ, разкрашенная шапка, странное одѣяніе, слу-
„жили казнію провинившимся. Народъ, устрашенной
„онымъ, не дерзалъ нарушать закона. Нынѣ же за-
„коны осуждаютъ на смерть, но злодѣянія не пре-
„стаютъ.„ У-Ти, Императоръ той же самой дина-
стіи, равномѣрно изражается. Преданіе, тѣмъ паче
вѣроятное, что Тшуанг-Тсеэ, Куанг-Тсеэ и дру-
гіе, полагаютъ добродѣтельную жизнь Императоровъ
учиняющею не нужными казни. Самъ Конфуцій гово-
ритъ: . . . „Безчеловѣчно производить казни за на-
„рушеніе законовъ.„ Можетъ быть для того во
времена первыхъ династій почти позволялось сыновь-
ямъ, братьямъ, родственникамъ и друзьямъ убіен-
ныхъ мстить отнятіемъ же жизни у убійцъ. Благо-
разумнѣйшіе наши нравоучители вмѣняли то должно-
стію. Правила ихъ, до сего надлежащія, ужасны. Зна-
менитый сочинитель Та-Гіо-Іэн-И-Пуа замѣ-
чаетъ, что они никогда бы не изрекли сихъ словъ,
ежели бы сходствовали съ закономъ. . . . „Законъ
„не пріемлетъ на себя карать за смертоубійства,
„находя за лучшее предотвращать оныя, отдавая
„въ волю участвующимъ въ отмщеніи; виды обще-
„ственные могутъ быть соблазнены, или обезору-
„жены пользою государственною.„ Законъ тоже са-
мое вѣщалъ и послѣ, но древній обычай остался въ
предразсудкѣ о чести и сыновнемъ приверженіи къ
родителямъ, подобно какъ единоборство въ Европѣ.
Въ наши дни болѣе стали люди послушны. Естьли
судья приступаетъ къ произведенію заключеннаго имъ
приговора, просятъ только его, дабы поспѣшилъ.
Но естьли будетъ столько подлъ и начнетъ потвор-
ствовать кому либо, то подвергнетъ себя претер-
пѣнію самыхъ жестокихъ насильствъ. Должно ска-
зать и то, что предки наши, отомщевая убійство
убій-

убійствомъ, отваживали сами жизнь свою; а изъ того происходило, что или враждующія семейства примирялись, или убійцы оставляли отечество и убѣгали въ чужія земли. -- Возвратимся ко установленнымъ наказаніямъ во времена Шуна. Государственный толкователь Шу-Кинга даетъ примѣтить, что буквы въ книгѣ сей, значущія сіи законы, заключаютъ въ себѣ точный смыслъ: „представленіе, одежда;„ что старающіеся выводить, будто бы бывали тогда тѣлесныя наказанія, принуждены прибѣгать къ смыслу иносказательному, насильствующему разумъ Шу-Кинга. 3. Ссылкою наказывался тотъ, кого нечѣмъ было очевидно изобличить въ преступленіи, или когда стеченіе обстоятельствъ умаляютъ злодѣяніе и онаго важность. 4. Одежды посрамительныя и наказательныя были разныя для всякаго рода преступничествъ. Кажется, что носили ихъ, ходя во Дворецъ въ торжественные дни, и во дни также народнаго собранія, на торжищи, внѣ домовъ какъ въ городѣ, такъ и по селамъ. Сколь же то уничижительно было не только для самихъ преступниковъ, но и для ихъ родни, паче же когда осуждался кто либо носить таковое одѣяніе всѣ дни живота своего! Ссылка конечно несравненно была сноснѣе.

Надлежало бы намъ войти во многія иныя подробности, открывая разумъ Шуновыхъ наказательныхъ законовъ; однако же довольно сказаннаго уже для пониманія, каковъ былъ народъ, для коего изложены были подобныя наказанія.

5. Писали уже мы, что во времена Яоа, Шуна и Юа, не находятъ въ Шу-Кингѣ произшествій, проявляющихъ великое государство. Книга сія, вхо-

дящая въ самыя подробности, конечно бы не замолчала о столь важныхъ замѣшахъ. Сіе самое приводитъ въ замѣшательство сказателей о царствованіи Гоанг-Тіа. Сочинитель Тсіэн-Пеэна избралъ за посредство прибѣгнуть къ баснямъ Тао-Сеянъ; что самое тоже, естьли бы кто сочинилъ исторію о Карлѣ Великомъ, основываясь на баснѣ о четырехъ сыновьяхъ Эмондахъ; или исторію же Людовика XII, выбравъ оную изъ народныхъ сказокъ какъ о семъ Французскомъ Королѣ, такъ и объ иныхъ знатнѣйшихъ особахъ времени его. Каковыми бы такія книги показалися Европейцамъ? Басни выдавать испинами можно не инако, какъ превращая ихъ въ произшествія историческія. Приведемъ примѣръ. Такъ стоитъ въ Тсіэн-Піэнѣ объ Яоѣ: . . . „Въ пятое лѣ„то Тшангъ полуденныхъ Іэвъ прибылъ для за„свидѣтельствованія подданства своего, и поднесъ въ „даръ большую черепаху.„ Случай, не противной историческому правдоподобію, подаетъ нѣкоторое понятіе о царствованіи Яоа. 1) Шу-И-Ки писалъ во времена династіи Гановой: изъ его сочиненія сіе взято; однако же не упоминаетъ онъ, въ какомъ то произходило году. Слова его суть просто: Танг-Тши-Ши, сирѣчь, во времена Танга. Тангъ было прозвище Яоу. 2) Не называетъ жителей полуденной страны Іями, о чемъ точно упомянуто въ Шу-Кингѣ. 3) Поднесенная въ даръ черепаха была черепаха небесная, имѣла тысячу лѣтъ, четыре ноги четвероугольникомъ; на чешуѣ ея изображалися знаки Ко-Теускіе; можно было читать на нихъ имена и праздники Императоровъ отъ созданія міра. Живошное нарицалось Черепахою Календаремъ. Смотри собраніе разныхъ сочиненій Куанг-Ганг-Шу, или И-Хе книгу девятую пятую страницу. Тсіэн-Піэнъ продолжаетъ: „Въ

. . . „Въ седьмое лѣто Ки-Лингъ прогуливался по „берегу озера Мао: Фонг-Гоангъ свилъ гнѣздо на чер„дакѣ Дворца.„ Сіе взято также изъ Шу-И-Ки. Ки-Лингъ и Фонг-Гоангъ суть вещи таинственныя, никогда не существовавшія, хотя Тао-Сеяне были столько глупы, что выдали ихъ въ противномъ смыслѣ. Въ Тсіэн-Піэнѣ также должно бы было стоять „о правѣ календарной, небесномъ драко„нѣ, птицѣ пяти цвѣтовъ, сахарной росѣ, паче же „о девяти солнцахъ, вдругъ появившихся на небѣ; „по сказкамъ Гоан-Нан-Тсея, могли бы преобратить „всю землю въ пепелъ, но догадался Яо, прокололъ „насквозь девять изъ своихъ стрѣлъ и прочее.„ Тао-Сеяне обычайно не занимался инымъ, кромѣ бредней; вымыслили нелѣпости, очевидно смѣшныя, предоставляя истинную исторію объ Яоѣ, Шунѣ и Юѣ Шу-Кингу; сирѣчь, не означая произшествіями, что тогда было уже великое государство, древнее и уже окоренившееся. Естьли бы такимъ разскащикамъ вздумалося вставить между лжей своихъ повѣсти о войнахъ, замиреніяхъ, совѣщаніяхъ, удѣльныхъ княжествахъ и тому подобномъ, то бы достовѣрность Шу-Кинга была еще болѣе опровергаема въ Европѣ, нежели у насъ. Издатели Тсіэнъ-Піэна заслуживаютъ похвалу, что пріобщили примѣчанія, въ коихъ увѣдомляются читатели о глупостяхъ, взятыхъ изъ Тао-Сейскихъ книгъ. Смотри книгу вторую, страницу пятую. Сеэ-Ма-Тсіэнъ держался только Шу-Кинга; но стараяся поддержать величіе Гоанг-Тіа, дополняетъ содержаніе сей важной книги, вымышляетъ Князей, составляетъ число придворныхъ, увеличиваетъ произшествіе, мало помышляя представить все то правдоподобнымъ; да и есть свое паче хвастовство, нежели лжи. Шу-Кингъ

и Сеа-Кій въ Библіотекѣ Французскаго Короля. Просимъ любопытныхъ сличить ихъ и увѣриться о пишемомъ здѣсь нами. Легко бы было проспирать далѣе примѣчанія наши на сочиненія, кои были пріобщены къ Шу-Кингу; но таковые розыски сверьхъ скучности и темноты содержанія для большей части читателей излишны къ обѣясненію всего того; довольно, когда не отступимъ мы отъ предписаннаго нами самимъ себѣ порядка.

III. Нравы временъ Яоевыхъ и прочее.

Достойны, по разумѣнію нашему, и похвалъ и почтенія тѣ ученые мужи, которые доказывали, что человѣки первыхъ временъ міробытія не лучше были нынѣшнихъ. Такое завистливое мнѣніе не будетъ никогда угодно намъ Китайцамъ. Всѣ памятники, еще не изчезнувшіе, глубокой древности; всѣ басни и преданія, носящіяся въ народѣ, свидѣтельствуютъ незлобіе и кротость нравовъ предковъ нашихъ въ блаженные тѣ дни, въ кои царствовали Яо, Шунъ и Ю. Сіе самое незлобіе сердецъ, сіе самое благонравіе, суть, какъ думаемъ мы, рѣшительныя доказательства, что добрые сіи Государи были истинные старѣйшины селеній, окоренившихся въ Китаѣ. Да разкроются лѣтописи всѣхъ старинныхъ Азіатскихъ народовъ. Чѣмъ ближе восходить будутъ читатели къ произхожденію сихъ народовъ, тѣмъ сильнѣйшія увидятъ: любовь къ общему благу, всенародное уваженіе добродѣтели, жизнь воздержную и единообразную, наклонность души къ человѣчеспву, тихое поведеніе, откровенность, безкорыстіе и прочее, отъ коихъ остаются нынѣ только одни лавры. Если-ли единожды пышность и роскошь, возникнувъ подъ

тѣнію

тѣнію престоловъ Царей, развратятъ первыя степени въ государствахъ: непосредственно послѣдуетъ за тѣмъ утѣсненіе и порабощеніе народовъ; послѣдніе отъ первыхъ будутъ уничижаемы и презираемы. Скажемъ, не поступая далѣе: 1) не должно смѣшивать селенія, составленныя дѣтьми святаго Патріарха Ноя, съ тѣми, которыя составилися же разбойниками разсѣянно по лѣсамъ, посреди коихъ могли найтися предпріимчивые старшины, могли собрать многихъ человѣковъ въ одну великую толпу и основывать народы. Не льзя замолчать и о томъ, разсуждая по первобытнымъ окорененіямъ Грековъ, что мужами превосходныхъ добродѣтелей положены были начала, и проявилися царства и области. 2) Писатели не всѣ не ошибались; пиша о семъ, слили они частные пороки лицъ со нравами вообще. Нужное различеніе для разсуждающаго справедливо. Заключать по частнымъ дѣяніямъ лицъ о цѣломъ столѣтіи, о цѣломъ народѣ, съ примѣра многихъ таковыхъ писателей, есть явное оказаніе злобы и обмана. Сего точно различенія не выпустимъ никогда изъ вида въ повѣствованіи нашемъ. Бывали преступленія, бывали злодѣйства и во времена Яоа, Шуна и Юа. Признаемся въ томъ, согласно съ Шу-Кингомъ; но сіи преступленія, сіи злодѣйства, разумѣть должно внѣшними только ранами народа ихъ, ядъ же пороковъ не заражалъ нравы вообще. Цѣлый государственный составъ былъ здоровъ и силенъ. Мало тотъ знаетъ родъ человѣческій, который мыслитъ, что можетъ существовать такое общежитіе, въ которомъ нѣтъ ни одного порочнаго члена, и что такое только можетъ имѣть невинные нравы. Что несправедливѣе, какъ винить всѣхъ за преступленіе нѣкоторыхъ? Добродѣтели, пороки общественные рѣшатъ сей во-

вопросъ. Нѣкакая женщина, хваля старинныя времена, говаривала: . . . „Были на перечетъ дѣвки, о коихъ „носилася какая нибудь молва; нынѣ же на перечетъ „тѣ, о которыхъ не говорятъ ничего.„ Охотно пріемлемъ мы острое такое слово за ударяющее на времена, описываемыя здѣсь, яко цѣлящее на всѣ государственные чины, на всѣ степени и состоянія людей, на всякой возрастъ и полъ. Монг-Тсеэ сказалъ, что погрѣшенія въ тогдашніе вѣки уподоблялися затмѣніямъ солнечнымъ и луннымъ. Юуэ-Іэ-Юэ-Тше-Хе.

Яо какой былъ отецъ? . . . Требуемъ у цѣлаго народа, чтобъ назвали ему именемъ достойнаго сидѣть съ нимъ на престолѣ и царствовать по его смерти. Не предуготовляетъ дарами и происками пути сыну своему къ наслѣдству по себѣ, а возвѣщаетъ откровенно предъ всѣми, что онъ человѣкъ порочной, негодящійся царствовать. Поведеніе соотвѣтствуетъ словамъ. Дали ему узнать достоинство Шуна: сочеталъ его тотчасъ съ дочерью своею, дабы не упустить изъ рукъ добродѣтельнаго мужа, и доставить престолъ свой быть отъ него украшеннымъ. . . . „Повелѣлъ устроить утвари и клейноды „для дщери своей; украсилъ ее оными, отправилъ „ее на берега Куэн-Юйскіе сочетаться бракомъ съ „Шуномъ. . . . Гряди, сказалъ ей, законъ Божій „да направитъ стопы твои.„ Глава Яо-Тіэнъ.

Шунъ, ставъ зятемъ его, не прежде усоповариществовалъ въ правленіи государства прошествія трехъ лѣтъ, въ которыя Яо узналъ сердце его и разумъ. Напослѣдокъ здалъ ему царство, по свидѣтельству Гоэн-Нан-Тсея, какъ бы слагая съ плечъ препяжкое бремя.

Шунъ

Шунъ какой былъ сынъ? . . . Вельможи Яоа на требованіе отъ нихъ послѣднимъ, чтобъ спознали его съ Шуномъ, отвѣчали: . . . „Онъ сынъ Ку„аэвъ; отецъ его безуменъ, мачиха женщина злоб„ная, братъ горделивецъ. Но терпѣніе Шуна и сы„новняя покорность никогда не ослабѣвали. Въ добро„дѣтеляхъ приспѣваетъ день отъ дня болѣе; ничто „хульное не помрачало честности его.„ Глава Яо Тіэнъ. Монг-Тсеэ повѣдаетъ, что мачиха Шунова безпрестанно наносила ему всякаго рода обиды, учинила его ненавистнымъ отцу и многажды покушалась на его жизнь. Онъ однако же не только не оказывалъ противу ея раздраженія, но чѣмъ чувствительнѣе оскорблялся ею, тѣмъ паче являлъ къ ней почтеніе и любовь, сѣтуя неутѣшно о томъ, что не можетъ снискать милости отеческой и жены его. Тонулъ во слезахъ, испускалъ стенаніе къ небесамъ. Его-то безсмертные примѣры учинили священнымъ у насъ долгъ сыновній повиновенія къ родителямъ. Добродѣтель сію поставили во главу всѣмъ инымъ добродѣтелямъ, всякимъ достоинствамъ, всякимъ дарованіямъ. Одно столѣтіе преподавало другому возвышенныя оныя понятія, вземшіяся отъ Шуна. Политика о томъ вѣщаетъ равно нравоученію; первая включила оное въ законы, придавая имъ болѣе силы и болѣе же кротости. Въ Китаѣ сто тысячь голосовъ человѣческихъ возопіютъ единымъ голосомъ негодованія и клятвы на неистоваго, которой возстанетъ чѣмъ либо противу отца своего. Въ толикой еще находимся мы дикости, что во укрощеніе всенароднаго такового ропота должно бываетъ поступить съ такимъ нечестивцемъ, какъ съ зажигателемъ и ядоносцемъ общественнымъ. Шунъ, по свидѣтельству мудрыхъ нашихъ праотцевъ, былъ даже до

того смиренномудръ, что страшился пріять санъ Царскій. По смерти Яоа укрылся; должно было насильственно возвести его на престолъ. Монг Тсэ говоритъ: . . . . . „Разспался бы онъ со званіемъ „Царя, какъ разспаемся мы съ нашею обувью, ложася „въ постелю. Бывъ съ прочими на долинѣ . . . . . „не отличался внѣшне ничѣмъ отъ простолюдиновъ. „Егда слава мудрыхъ правилъ и примѣровъ добродѣ„тельной жизни Яоа домчалася до него, по устре„мился путемъ благочестія, подобно быстринамъ рѣкъ „Кіангу и Гсэ, по неизмѣримымъ проспранствамъ „странъ, ими орошаемыхъ; ничто не заграждало ему „пути.„ Далѣе вѣщаетъ онъ же: . . . . „Зять и со„шоварищъ Яоа въ правленіи государства разумѣлъ „себя нещастнымъ изгнанцемъ; потому что не „могъ учинить добродѣтельными семьянъ своихъ, „ниже стать отъ нихъ любимымъ.„

Ю какой былъ человѣкъ? . . . Родитель его за неудачи въ произведеніи великаго предпріятія, при осушеніи земель, наказанъ и жилъ въ презрѣніи. Шунъ, призвавъ къ себѣ Юа, убѣдилъ его просьбою сѣсть подлѣ себя на Царскомъ престолѣ, и изрекъ: . . „Раз„литія водъ сжали у всѣхъ сердца отъ ужаса и „печали: все, что ты ни предпричималъ, исполнилъ; „все, что ни зачиналъ, окончилъ, спомоществуемъ „бывъ твоею премудростію. Труды твои спасли го„сударство. Твое хозяйство, бережливость, пропи„тали твое семейство. Смиренномудріе твое превы„ше успѣховъ твоихъ, единой добродѣтели твоей „равное. Нѣтъ человѣка, подобнаго тебѣ въ храбро„сти. Никто и никогда не слыхалъ изъ устъ твое„ихъ слова, тебѣ самому похвальнаго. Нѣтъ инаго, „кромѣ тебя, человѣка, которой бы соединялъ въ

„се-

„себѣ достоинства всякаго рода, и ты только одинъ „о томъ не вѣдаешь.„ Шу-Кингъ, глава Ю-Мо.

Ю вѣщаетъ, говоря о трудахъ своихъ: . . . „Едва нѣсколько дней могъ я удѣлить, чтобъ про„водить ихъ съ моею женою. Убѣжденіе ея, слезы „колыбельнаго сына, не удержали. Изъ мыслей не „выходили, и когда взиралъ на нихъ, измѣренія не„распаханныхъ земель, устроеніе плотинъ.„ Тамъ же глава И-Тси. Троекратно сопротивлялся онъ избранію своему. Многажды повторенныя повелѣнія Шуна напослѣдокъ положили конецъ упорству его. Гдѣ находимъ простолюдина, отрицающагося возсѣсть на престолъ? и которой бы такъ отозвался: . . . „Не стою я толь великаго возвышенія; не „угодно то будетъ народу. Као-Яо одаренъ муже„ствомъ духомъ, благотворною добродѣтелію. Сіи въ „немъ сіяютъ предъ лицемъ государства; всѣ его лю„бятъ, всѣ чтутъ. Великій Государь! обрати мы„сли свои на него. Чѣмъ ближе станешь ты его раз„смотривать, тѣмъ паче тебѣ понравится, тѣмъ „паче найдешь ты его достойнымъ избранія. Слава „имени его велика, но далеко не равняется его до„стоинству. Государь! напомни его заслуги.„

Естьли у насъ въ Китаѣ до нынѣ не ослабѣваетъ предразсудокъ и неправедной и глупой, по коему посрамляемъ бываетъ сынъ пороками отца своего; предразсудокъ, преходящій изъ рода въ родъ: то винить должно великаго Юа. Оплакивалъ онъ изгнаніе отца своего, преступленіе его загладилъ заслугами къ отечеству. Пусть положатъ мудрые мужи на вѣсы и разсмотрятъ, какую пользу пріобрѣло бы правительство, принявъ за правило, что погрѣшенія личныя безчестятъ только дѣлающихъ оныя.

Као-Яо какой былъ судія? .... Теперь же приведенныя слова Юевы великую воздаютъ почесть памяти его; но Шунъ еще болѣе уважаетъ оную, свидѣтельствуя такъ: ....„ Естьли вельможи „и простой народъ наблюдаютъ законы, сказалъ „онъ Као-Яоу, причина тому ты одинъ. Ты „единъ блюститель оныхъ; ты единъ удерживаешь „исполненія пяти должностей. Исправляя званіе „Хея, поступаешь столь мудро; умѣешь наводить „страхъ наказанія ко удержанію всего въ порядкѣ; „ты доводишь меня до истинной цѣли правитель„ства. Страхъ наказанія уже не нуженъ. Народъ „самъ собою повлекается ко благу и добродѣтели. „Довлѣетъ тебѣ вся слава за твои попеченія неусып„ныя.„ Тамъ же, глава Ю-Мо. Као-Яо, не пріемля похвалъ, относитъ успѣхи заслугъ кротости, милосердію, благости Государя своего; но Шунъ ему отвѣчаетъ: ...„Я умѣю цѣнить себя. Правда, что „по подвигу души моей стараюся такъ правитель„ствовать; но ты мнѣ путеводствуешь. Естьли „всѣхъ подданныхъ моихъ сердца внемлютъ гласу „добродѣтели, сіе есть дѣло твоихъ стараній, слѣ„довательно тебѣ и да будетъ слава.„ Читай тамъ же.

При Яоѣ, Шунѣ и Юѣ какіе были придворные? .... Воздавали другъ другу справедливость полную и нелестную. Къ должностямъ государственнымъ представляли людей достойныхъ, предпочитая самимъ себѣ. Настала нужда именовать преемника Яоу. Сельская простая жизнь не укрыла добродѣтельнаго Шуна: провозглашаютъ его, подпираютъ голоса свои общими хвалами, и поддерживаютъ на то изволеніе Яоа. Нарочные отряжены искать Шуна, укры-

укрывающагося по умертвіи Государя. Насильственно принуждается онъ возходить на престолъ.

Китай го блаженныя тѣ времена какимъ населялся народомъ? . . . Доселѣ писанное о старѣйшинахъ показуетъ, что добродѣтель была любима; представляетъ намъ народъ сей великимъ и преславнымъ. Вотъ черта, изображающая Китай совершенно: . . , „Въ двадесять четвертое лѣто царствова„нія Шуна умеръ Яо. Народъ оплакивалъ его, какъ „отца; три года носилъ печальную одежду. Унылое „и глубокое молчаніе хранилось внутри домовъ; „пѣснь радованія ни единожды не была услышана.„ Глава Шун-Тіэнъ.

Нинусы, Сезострисы, Киры, Александры, Цесари и прочіе, удостоились ли таковыхъ надгробныхъ привѣтствій? Но и заслуживали ли таковое же всеобщее сѣтованіе? Они достигли до самаго верьха величія и славы, но чѣмъ? . . . Пролитіемъ крови человѣческой. Подданные ихъ не были столько добродѣтельны, чтобъ равно же возчувствовать лишеніе ихъ. Благій Государь, святый Людовикъ, красота Франціи, Царь, какого не бывало превосходнѣе и по единому разсужденію нашихъ ученыхъ; святый Людовикъ, повторяю, оплакиваемъ былъ подобно же всѣми своими областьми; но что было производителемъ всеобщаго сего рыданія? . . . Его благочестіе, его добродѣтели, вперялися въ сердцахъ подданныхъ, и просвѣтили ихъ тѣмъ исповѣданіемъ вѣры сердецъ, тѣмъ общественнымъ праводушіемъ, которыя ослабли не инако, какъ бѣдствіями временъ послѣдовавшихъ. Чувствительность и благодарность единою добродѣтелію вперяются въ души. Шанги, Тшеуи, по

свидѣтельству Ги-Тсея, . . . „собирали цѣлыя го-
„ры золота и серебра въ дань себѣ. Яо собиралъ
„же, но только обнаруженія добродѣтели отъ под-
„властныхъ себѣ. Каждый подъ его скиптромъ радо-
„вался добрыми дѣлами ближнихъ, какъ бы своими
„собственными; оскорблялся погрѣшеніями, какъ бы
„самъ онымъ былъ причастенъ.„ Монг-Тсеэ влагаетъ
во уста Яоэвы, когда онъ давалъ повелѣніе Сіэю,
слѣдующія слова: . . . „Увѣщавай, ободряй, поощ-
„ряй, исправляй, поддерживай и заохочивай народъ.
„Когда каждаго научишь владѣть сердцемъ своимъ,
„всеусильно старайся ввергнуть его въ обѣятія добро-
„дѣтели.„

Покажемъ примѣръ состоянія общественныхъ нравовъ во дни Яоа, Шуна и Юа, и каковы были правила тогдашней политики. . . . „Государь не инако
„царствуетъ со славою, какъ посвятивъ всѣ часы
„жизни попеченіямъ о правительствѣ. Всякой чинов-
„никъ недостоинъ званія своего, естьли не ищетъ
„работъ и трудовъ, а оныя его ищутъ. Глава Ю-
„Мо. --- Злоключеніе слѣдуетъ за злодѣйствомъ, благо-
„денствіе за дѣлами добрыми, какъ отголосокъ за
„голосомъ, тѣнь за тѣломъ. Добродѣтель владѣтеля
„состоитъ въ достохвальномъ управленіи народа:
„достохвально управлять есть доставленіе поддан-
„ныхъ нуждами и выгодами жизни; употреблять
„ихъ на служеніе отечеству съ благоразсмотреніемъ
„и мѣрою; хозяйственно обходится съ огнемъ, во-
„дою, металлами, лѣсомъ и хлѣбомъ. Добродѣтель
„есть душа всякой должности. Любовь къ должно-
„сти умножаетъ пособія дѣлъ рукъ человѣческихъ,
„разпростираетъ способности, увеличиваетъ щетъ
„пріятностей и отрадъ, связуетъ дружествомъ сердца.

„Пять

„Пять вѣтвей правительства къ сему-то точ-
„но клонятся концу. Достигнетъ ли онаго Государь,
„пѣсни народныя провозгласятъ его блаженство, его
„незлобіе. Единое тогда изреченное слово, безъ вся-
„кихъ прикрасъ витійства, поощряетъ добродѣтель;
„единое угроженіе ужасаетъ порокъ. Читай тамъ же. --
„Слабо сердце человѣческое, непорочность его измѣ-
„няется отъ мѣлочей: будь чистъ, будь всегда оди-
„наковъ, и не совратишься съ надлежащей средины
„пути. Зашкни уши отъ слуховъ шумныхъ и не-
„достовѣрныхъ, слѣдуй совѣтамъ, одумыванымъ дол-
„го. Государь, ненавидимой народомъ, заставляется
„онаго бояться. Народу надобенъ Государь, но Го-
„сударь безъ народа ничто. Да имѣетъ онъ почте-
„ніе къ собственной власти своей, чтобы мудрость
„была ей опорою. Глава Као-Мэ. --- Когда снизхожде-
„ніе безъ малодушія, учтивство безъ неключимости,
„праводушіе безъ упрямства, приласканіе безъ под-
„лости, ревность безъ запрометчивости, твердость
„духа безъ суровости, хозяйственная бережливость
„безъ скупости, смѣльство безъ нарушенія справед-
„ливости: тогда только человѣкъ прямо добродѣте-
„ленъ; благодеятельіе вездѣ ему сопутствуетъ.„ Чи-
тай тамъ же.

Шунъ говаривалъ вельможамъ: „Вы есте руцѣ,
„нозѣ, очи и уши государственнаго состава, коего
„я есмь глава. Обѣемлю народъ покровительствомъ
„моимъ, но содѣйствіемъ отъ васъ учиняю оной
„чувствующимъ и дѣйствующимъ; сила и мужество
„мое вами же разливаются по всѣмъ концамъ влад-
„нія моего. Награждаю ли отличающихся въ наукахъ,
„звѣздочтеніи и естествословіи; возвожду ли на сте-
„пени почестей назирающихъ общенародныя собра-
„нія

„нія и земледѣльство, вами же наставляемъ бывая, „слышу вашими ушами, и прочее. „Глава Ѣ-Тси.

Книгу Шу-Кингъ на Французскомъ языкѣ находимъ мы толико уничиженною и непоходящею на себя, что не достаетъ духа болѣе выбирать изъ нее мѣстъ. Правда, и наши переводы весьма посредственны, однако кажется доказываютъ довольно, что не изражалися такъ никогда въ совѣтахъ Государя порочнаго надъ народомъ развращеннымъ.

Оставя Шу-Кингъ, вопросили бы мы писателей, жившихъ прежде и послѣ созженія книгъ. . . . Описали бы намъ времена Яоевы, Шуновы и Юевы, какъ стихотворцы вѣкъ Сатурна и Реи. Конфуцій, Тсенг-Тсеэ и Монг-Тсеэ направили бы ихъ слогъ. Сами Таэ-Сеяне забыли бы о Гоанг-Тіѣ своемъ, въ коемъ не находятъ добродѣтелей, прославленія достойныхъ. Императоры наши чрезъ всѣ династіи не инако были хвалимы, какъ уподобленіями Яоу, Шуну и Юу. Твердили имъ, что вступаютъ въ ихъ слѣды; а сіе еще наипаче и сильно, и заключительно, что самые глубокіе наши политики, самые знаменитѣйшія государственныя особы, изложили за правило и онаго свято всегда держались, что добродѣтель есть единая опора власти Государей, благихъ нравовъ въ народѣ, истинная мета правительства.

Европа смутится можетъ быть, увидѣвъ въ книгахъ нашихъ политику, не столь извиняющую пороки, какъ ея политика; паче упѣсняющую, паче посрамляющую оные, и что первая послѣдней болѣе обнажаетъ, сколь бѣдственны пороки общественному

му

му спокойствію и блаженству народовъ. Сколько Мандариновъ, біемыхъ лозами, лишаемыхъ чиновъ и инако наказуемыхъ! . . . Когда бы все сіе вырѣзать на мѣди, написнить картины и выставить на продажу, подобно какъ продаютъ въ Европѣ картины въ такомъ же вкусѣ, изображающія Антіоповъ, Ганимедовъ, Ледъ, Венеръ, высокоученой ея Греціи! Приглашаемъ любопытныхъ къ прочтенію о важныхъ таковыхъ предметахъ Тшинг-Те-Сіеуа, Тшанг-Теу-Ту и другихъ. Имена Яоа, Шуна и Юа, часто будутъ срѣтать, равно какъ и во всѣхъ прочихъ книгахъ нашихъ, лучшихъ о политикѣ и нравоученіи, вездѣ же со славою и похвалами, кои свидѣтельствуютъ, сколь несомнѣнно во всѣ протекшія между тѣмъ столѣтія принималося истинное вѣщаніе Шу-Кинга о добродѣтеляхъ первыхъ нашихъ праотцевъ. Пріобщимъ къ тому два только слова: 1) Гоан-Нан-Тсеэ утверждаетъ, что Шунъ нарочные повелѣлъ устроить домы для бездѣтныхъ стариковъ; 2) самъ сочинялъ пѣсни для земледѣльцовъ въ работѣ.

Шуе-Сеэ освѣдомляетъ, что Ю, увидѣвъ всякой разъ ведомаго во узахъ преступника, проливалъ слезы: . . . „Увы! говаривалъ ко окружавшимъ его „и тому удивлявшимся, во благословенные дни „Яоа и Шуна не было человѣка, которой бы нару„шилъ чѣмъ либо должное. Нынѣ есть преступники: „но отъ того только, что не умѣю царствовать.„

IV. Разположеніе народа во времена Яоа, Шуна, и прочее.

Разположеніе народа есть дѣло многихъ лѣтъ. Народъ малочисленный не далекъ отъ кореня своего, особливо когда управляется добрыми законами, про-

свѣщается художествами; когда, какъ стоитъ въ нѣкоторой поэмѣ: . . . „каждый спокойно піетъ „изъ колодезя своего, и питается плодами своего „поля.„

Писанное доселѣ, согласно съ Шу-Кингомъ, довольно вразумляетъ, что Китай мало былъ населенъ во времена, о коихъ намъ слово, и что почти колыбельное было его тогда состоянїе. Общенародная непорочность нравовъ то проявляетъ. Нужно однако же вступить въ нѣкоторыя подробности и предложить нѣчто похожее на доказательство.

1. Родословїе Яоа, Шуна и Юа занимаетъ пространную статью въ лѣточисленїяхъ нашихъ исторій, и служитъ имъ основаніемъ. Но смѣемъ утверждать, послѣдуя самымъ наилучшимъ критикамъ, что молчаніе Шу-Кинга, противорѣчія между всѣми другими книгами, разность мнѣній, странности толковъ временъ за временами, трудности согласить оные, различные виды, подъ коими являлись премѣны системъ, возраженія неудоборѣшимыя, до безконечности ихъ раздробляющія, учиняютъ критиковъ недоумѣвающимися совершенно не находить даже и правдоподобія къ подпиранію разсужденія своего. Сеа-Ма-Тсіенъ выдаетъ Яоа, Шуна и Юа, потомками Гоанг-Тіа. Исторія Китайская, имъ сочиненная, есть рядъ Царей, происходящихъ отъ мечтательнаго сего Императора. Надобно было найти родословїе Кіо-Теуа, основателя династіи Гановъ; произвели его отъ единаго изъ предшественниковъ Яоа. Но вымыслитель того паче чувствителенъ былъ къ славѣ, нежели къ щастію, не возхотѣлъ, улещая суетность тѣхъ, кому былъ подвластенъ, посрамить себя

себя предъ очами просвѣщенныхъ науками. Вѣщаетъ безъ околичностей въ предсловіи третіейнадесять книги своей: . . . „Сан-Таи-Хи-Піао, много пу„стаго въ запискахъ, оставшихся до нашихъ временъ; „не можно въ нихъ находить толка. То-Ки„не-Пу-Ко-Лу, принужденъ я былъ спомощество„ваться рукописьми, не извѣстно чьими, ни мало „недостовѣрными.„ Онъ же признается: „Не отыскано мною ни въ Кингахъ, ни въ сочиненіяхъ Кон„фуція и его учениковъ, что бы могло возводить „меня изъ поколѣній въ поколѣніе. Прочія же всякія „книги полны ошибокъ времячисленныхъ и противо„рѣчій.„ Примѣчательно, что родословія сочинителя сего имѣютъ слогъ Священнаго Писанія: „Гоанг„Ти роди Шао Гаоа, Шао-Гао роди Тшун-Гіоа, „Тшун-Гіо роди, и такъ далѣе.„

Пан-Ку, преемникъ Тсеэ-Ма-Тсіэна, также вступаетъ въ показанія родословій, и возходитъ кое какъ до временъ Фу-Гіа. 1) Ку-Кин-Гин-Піаоа своего помѣщаетъ на концѣ лѣточисленныхъ таблицъ подъ именами Государей, которые паче другихъ ему нравятся. 2) Молчитъ, откуда бралъ писанное имъ, да и выдаетъ таблицы свои не инако, какъ за близкія къ правдѣ, за сокращеніе Та-Ліо-Яоа, признаваяся самъ, что отдаленная древность извѣстна ему по Кингамъ и оныхъ толкованіямъ только до временъ Яоэвыхъ. 3) Извѣстно, что трудился онъ въ сочиненіи своемъ подъ владѣніемъ Императора, гордившагося произхожденіемъ отъ Гоанг-Тіа, и которой явной былъ защитникъ бредней прежде Тао-Сеевыхъ, а послѣ Фоевыхъ. 4) Сію часть лѣтописей своихъ взялъ онъ изъ записокъ Ліэу-Шіе, паче искуснаго въ словесныхъ наукахъ, нежели въ глубокій

учености и критикѣ: сочиненіе его то свидѣтельствуетъ. 5) Примѣчаніе, положенное на концѣ книги сей, очевидно вразумляетъ, что всѣ шесть системъ о содержащемся въ ней толико запутаны, толико не соотвѣтствующія одна другой, что ничего изъ нихъ понять не можно, и что самъ Пан-Ку ошибся въ своихъ разсужденіяхъ Ву-Кіаи-И-Кіэн-Ѣу-Меи. Читай Ган-Шо, книгу двацатую. Ссылающіеся на Сеэ-Ма-Тсіэна и Пан-Куа не должны оставлять впуне небольшія такія примѣчанія, хотя бы ради единаго свидѣтельства искренности своей. Оба сіи славные писатели не могли подобно же не признаваться во многихъ мѣстахъ сочиненій своихъ, исповѣдуясь, что не свѣдомы имъ были никакіе памятники о далекой древности. Всякой ученой Китаецъ сверьхъ того знаетъ, что принуждены они были вспомоществоваться книгами Тао-Сеянъ, книгами временъ недавнихъ и наполненныхъ пропиворѣчіями. Наконецъ никакъ не льзя и ничѣмъ прочистить мракъ, покрывающій родословія до Яоа. Ма-Туан-Линъ вѣщаетъ въ предсловіи: . . . „Толко„вать сіе есть сочинять книги на воздухѣ. И-Конг„Іэн-Тшу-Шу. Нѣтъ доводовъ къ подкрѣпленію она„го. Ву-Шо-Као-Тингъ. Отъ начальниковъ Гіаэвой „династіи пойдутъ свидѣтельства старинныхъ па„мятниковъ.„ Знаменитый творецъ Ту-Шу-Піэна еще сильнѣе о томъ изражается. Доказываетъ основательно, что родословія, выдаемыя правдоподобнѣйшими, утверждаются на развалинахъ. 1) Полагаютъ наслѣдственное преемничество престола, но таковое вошло въ обычай не прежде Юэвыхъ временъ. 2) Числа родословій между Гоанг-Тіа и Яоа не сходствуютъ между собою: одни полагаютъ ихъ четыре, другіе пять, третьи три, четверные шесть, не

не увѣряясь однако же ни на тѣхъ, ни на другихъ. 3) По родословіямъ симъ, Шунъ послѣдовавшій послѣ Яоа, имѣетъ мѣсто въ осьмомъ колѣнѣ отъ Гоанг-Тіа; а Ю, наслѣдовавшій Шуну, въ пятомъ колѣнѣ. 4) Первый Государь Тшеуской династіи въ осьмонадесять колѣнѣ послѣ Яоа; первый же Государь династіи Шанговой въ семнацатомъ. Въ Гіаѳвой династіи считаютъ семнацать Императоровъ, въ Шанговой же двацать восемь. Какъ же помѣстить сорокъ пять колѣнъ съ одной, а девятнацать съ другой стороны? Читай Ту-Шу-Піэнъ, книгу шестьдесятъ осьмую. Достойный сей критикъ оканчиваетъ розыски свои такимъ отзывомъ: . . . „Титъ Ливій нашъ даже не пріемлетъ за „предразсужденіе писанное имъ; ибо не ручается самъ „за достовѣрность, и какъ говоритъ Монг-Тсеѳ:.. „лучше, чтобъ не имѣть никакихъ книгъ, нежели „принимать правдою, что сіи въ себѣ содержатъ.„

Нѣкоторые проповѣдники вѣры, по писанному нами выше, брали на себя трудъ заблуждать, можно сказать, по лабиринту древнихъ оныхъ родословій, и могли думать, что первая книга Моисеева Бытія служила имъ благонадежнымъ вождемъ, особливо когда держалися нѣкоторыхъ извѣстныхъ праотеческихъ именъ, нѣкоторыхъ извѣстныхъ произшествій и обстоятельствъ, хотя все то перемѣшано было съ баснями и сумозбродствомъ Тао-Сеянъ. Искусные мужи въ такомъ родѣ учености да займутся изслѣдованіями, и скажутъ намъ мнѣніе свое на записки сихъ проповѣдниковъ, посланныя ими нѣкогда въ Европу. Мы же, имѣя только одни Кинги путеводителями въ отдаленную древность, не будемъ касаться къ таковымъ изслѣдованіямъ; инако же

стали бы мы искать крупинъ золота въ горахъ песчаныхъ, да и подвергаяся принимать блестящую дресву драгоцѣннымъ симъ металломъ. Много разъ твердили уже мы, и еще повторяемъ, что Кинги не только не упоминаютъ, но и не намѣкаютъ о какомъ либо Государѣ до Яо. Сіе еще тѣмъ чуднѣе, что въ Шу-Кингѣ выводятся правила, ученіе, законы и произшествія первыхъ вѣковъ мірозданія.

2. Вотъ что представляется намъ довольно сильнымъ противу всякихъ родословій и колѣнъ Царей нашихъ прежде временъ Яоевыхъ. Въ Шу-Кингѣ включены двѣ поэмы о произхожденіи двухъ же Царскихъ семействъ, Шанговомъ и Тшеускомъ, долгое время владѣвшихъ Китаемъ. Сочинители поэмъ сихъ выводятъ первое отъ Ки-Тси, второе же отъ Геу-Тси, кои оба были современны Яву, и состояли въ государственныхъ чинахъ подъ правительствомъ Шуна. Новѣйшіе родословцы возводятъ два сіи семейства даже до Гоанг-Тіа, яко родоначальника оныхъ. Но походитъ ли на правду признавать Гоанг-Тіа коренемъ сихъ поколѣній? Стихотворцы того времени, въ которое существовали еще конечно самые древніе памятники, умолчали ли бы столь прославное произхожденіе Царей своихъ, и не доказывали, что Шуновы они потомки? Шангомъ и Тшеуэмъ меньше ли было нужно Тсиновъ и Гановъ приближить поколѣнія свои къ Гоанг-Тію, выискивая къ тому и весьма слабыя прицѣпки? Какъ положиться на стихотворцевъ, пользовавшихся вольностію ремесла своего, и писавшихъ, что матери Ки-Тсіа и Геу-Тсіа зачали ихъ во утробѣ преестественно? Какъ увѣриться, что прославляя произхожденіе Царей своихъ подобною несбыточностію, не сказали ни слова

объ

объ Гоанг-Тіѣ, когда бы вѣдали что нибудь объ немъ? Но на всѣ такія, сколь ни самыя простыя примѣчанія, не напали Европейцы, писавшіе о надлежавшемъ до того. Читатели да испытаютъ сами, даже до чего простираются доказательства, что Шанги и Тшеу и не вѣдали произхожденія своего далѣе Яоа, и только современныхъ ему разумѣли первыми старѣйшинами древнихъ селеній, праотцами народа Китайскаго.

3. По разуму Шу-Кинга, Шунъ учредилъ чиновниковъ, возшедъ на престолъ. Геу-Тсію поручено вѣдать земледѣльство. Умовоображеніе нѣкоторыхъ Европейцовъ, разгоряченное полуученными нашими, званію сему присвояетъ самую высокую степень, хотя состояло въ самой вещи въ назираніи порядка и тяжкихъ трудовъ обработыванія земель. Да не подосадуютъ на насъ и тѣ и другіе: Шу-Кингъ совсѣмъ иное вѣщаетъ. Та-Яова поэма Шенг-Минъ, представляетъ намъ знаменитаго сего родоначальника Тшеускаго поколѣнія Царей нашихъ, испоргающаго плевы, своими руками орющаго, сѣющаго; представляетъ его съ сѣрпомъ въ рукахъ на поляхъ Таискихъ, на плечахъ хлѣбные снопы, которые несетъ онъ въ копну для жертвоприношенія. Слѣдовательно весьма мало тогда было людей въ Китаѣ, естьли самъ верьховный правитель земледѣльственнаго хозяйства исправлялъ такія работы. Стихотворцы древніе не даютъ Геу-Тсу никакого инаго преимущества, какъ только то, что бывалъ всегда напереди земледѣльцовъ, показывая имъ собою примѣръ, и что послѣдніе иногда облегчали участокъ труда его. Ѣу-Сіанг-Тши-Тао. Земледѣльство, правда что во всякія времена было у насъ въ почтеніи; сельскія работы не почитались низкими и пре-

зрѣн-

зрѣнными, не такъ какъ у многихъ иныхъ народовъ. Стихотворецъ, обычайно собирающій цвѣты только содержанія, имъ описываемаго, безъ сомнѣнія не снизходитъ на грубыя того обстоятельства, естьли не бываетъ принужденъ историческою истинною, особливо когда начинаетъ сими словами: . . . . „ Егда на„ родъ нашъ еще младенчествовалъ. „ Прославлявшій поколѣніе Шанговъ не темнѣе изражается: . . . . „ По„ верьхность земная стояла подъ водами; Ю обсушилъ „ оную, и открылись верьхи ея. Вотъ замѣта во „ временахъ возращенія и силы Китая.„ Читай предъ послѣднею поэму въ Шу-Кингѣ. Легко бы намъ было продолжать таковые же примѣры, и доказывать другія многія государственныя званія подобно Геу-Тсіеву, но предоставимъ нѣчто такое слѣдующей статьѣ. Есть у насъ пословица: . . . . . „ Когда „ растетъ терніе по садамъ, растетъ же трава на „ дворахъ. „

4. Буква Минъ по древнему обычаю изображаетъ нагую женщину съ превеликими сосцами: значитъ вообще народъ и народы. Достойная книга Лiэу-Шу-Тсин-Уэнъ, страница двенадцатая, въ главѣ третiей толкуетъ, ради чего представляется женщина нагая, сирѣчь: человѣкъ созданъ нагъ . . . . . Не знали еще тогда употребленія одеждъ. Человѣкъ обиталъ по полямъ, покрывая тѣло единою невинностію своею, и былъ истинный сынъ Тiэна . . . . . Большія сосцы, говоритъ нѣкто изъ древнихъ „ значатъ, что „ всѣ народы произошли отъ одной матери, и что всѣ чело„ вѣки вообще суть родные братія.„ Мраморная дска Си-Минъ, временъ Тшеуэвыхъ, имѣетъ надпись такову: Мин-У Тонг-Пэо и Гiонг-Ти Шu. Въ Шу-Кингѣ употребляется и слово Минъ вмѣсто народа; знаменуетъ же Китайцевъ во-

вообще; но отъ дня смерти Яоа введены во употребленіе два слова Пе-Сингъ; смыслъ ихъ въ точности есть: сто именъ; обычайно же пріемлется за народъ, подобно какъ у Евреевъ двенадесять колѣнъ Израилевыхъ. Многіе словесники и толкователи древности утверждаютъ, что изреченіе сіе взимается отъ числа семействъ, сначала поселившихся въ Китшеуѣ; приводятъ древнее преданіе, подпираютъ оное образомъ и таинственностію смысла буквы; почему хотя Китайскій народъ со временемъ толико размножился, но не престалъ быть называемъ Сотнею именъ. Вотъ причина, по мнѣнію ихъ, затмѣвающая исторію нашу. Извѣстно также и то, что предки наши, имѣющіе одинакое имя, не сочетавалися браками; законы наши находили оное запрещеннымъ. Удивительно, что близость родства не почиталась тогда препятствіемъ; однако же въ послѣднемъ случаѣ возмогъ ли бы размножаться народъ?

5. Не льзя, чтобъ много щиталось семействъ во времена первыхъ династій, когда только одна треть Китая была населена. Пастыри спадъ жили порознь одни съ другими. Куан-Тсеэ говоритъ, что въ десяти миляхъ не знали другъ друга и никогда не видались. Древніе города увеличились не прежде Тшеускаго поколѣнія. Всѣ писатели согласны, что въ старину мало было людей и семействъ. „Ку-Тше-Гу-Кеу-Шао, общее реченіе писателей, когда вѣщаютъ они о древности. Ма-Туан-Линъ добавляетъ: . . . . „Но человѣки были добродѣтельны, „имѣли дарованія. Столѣтіе за столѣтіемъ размно„жало ихъ, по той же самой мѣрѣ множилися ихъ „пороки и бѣдствія; однако размноженіе народа ме„дленными шло шагами.„ Никто и никогда не

оспориваль, что Тшеуи, или области, вмѣщали въ себѣ не болѣе двухъ тысячь пяти сотъ семействъ въ первые годы царствованія Юа; да и оное не подтверждается ни однимъ стариннымъ памятникомъ. Смѣта жителей Китая, находимая въ нѣкоторыхъ писателяхъ, учиненная конечно на удачу, дабы узнать, больше, или меньше становилося со временемъ людей, подобно таковой же смѣтѣ Европейцовъ, не достойна уваженія. Цыфры въ семъ случаѣ суть ноли, естьли опровергаются дѣяніями. Лжи печатныя заставляютъ себѣ вѣрить многихъ читателей, вперяютъ и мужамъ мудрымъ недоумѣніе. И такъ окончимъ сатирою разсматриваніемъ, что повѣствуетъ исторія о войнахъ Гіаэвой династіи, и о числѣ Князей данниковъ. Или много мы обманываемся, или то и другое обращаетъ въ ничто такія смѣты, дѣланныя когда либо, нынѣшнія и впередъ, доказывая, сколь мало былъ населенъ Китай нашъ.

Первая война, о которой упоминаетъ Шу-Кингъ, была поручена Шуномъ производить великому Юу, по принятіи его въ соцарствователи свои. Шунъ возложилъ на Као-Яа наблюдать надъ общественнымъ благочиніемъ народа. Помнятъ читатели, что говорилъ онъ послѣднему о воровствахъ и грабежахъ южной страны жителей, и какъ надобно было обуздать ихъ страхомъ наказанія. Не трудно дознаваться, что Ман-Ги, или полуденные сіи мятежники, были бѣглецы, укрывавшіеся въ лѣсахъ, какъ Негры и Мароны на Французскомъ въ Америкѣ островѣ; производили набѣги и разворяли селенія; инако смѣшно бы было приказать начальнику надъ общественнымъ благочиніемъ усмирять ихъ, а того бы еще болѣе осуждать на казнь по законамъ. Прошлый сей вы-

выводъ подкрѣпляется еще изреченнымъ отъ Шуна, Юа, Као-Яоа и другихъ на многихъ мѣстахъ въ Шу-Кингѣ. . . . . „Когда не ослабнутъ законы и „нравы не развратятся, скоро укрощены будутъ Сан„Міо и Ман-Ии.„ Кажется, что при усоповариществованіи Шуномъ Юа многіе, тѣмъ не довольные, умножили число Ман-Иэвъ и къ нимъ присоединились. Шу-Кингъ вѣщаетъ о сей войнѣ: . . . . „Шунъ „сказалъ Юу: Ѣу Міаосцевъ не покоренъ; иди на него, обрати его къ должности.„ Ю, какъ полководецъ, такъ говорилъ военачальникамъ: . . . „Воинство собралося, послушайте моего велѣнія. Міаосцы „производятъ возмущеніе. Ѣу, ихъ глава, человѣкъ „безразсудной, не внемлетъ гласу закона Божіяго, „въ буйствѣ своемъ всѣхъ презираетъ; ставитъ одного себя умнымъ, обращается спиною къ истинѣ, бѣжитъ отъ добродѣтели. Суетно онъ твердитъ, что дикія мѣста вмѣщаютъ въ себѣ мудраго „мужа, а безумецъ на престолѣ. Весь народъ нашъ „отъ него отступается и лишаетъ его покровительства своего. Всевышній Тіэнъ готовъ уже его поразить. Послушаемся вы и я изволенія нами обладающаго, накажемъ злодѣйство. Успѣхи зависятъ „отъ союза нашихъ сердецъ и силъ.„ Міаосцы сопротивлялись цѣлой мѣсяцъ. И сказалъ Юу: . . . . . „Добродѣтель умилостивляетъ Тіэна. Нѣтъ сердца, „какъ бы ни удалющагося отъ нее, которое бы ею „не восхищалось. Гордыня навлекаетъ нещастія; „кротость и благонравіе получаетъ и разпоряжаетъ „успѣхами. Тіэнъ никогда не нарушаетъ закона „своего. Шунъ провождаетъ жизнь, обрабатывая зе„млю на горѣ; повседневно повергается ницъ на ни„вѣ своей, тонетъ въ слезахъ, возсылаетъ вздохи „къ милосердому Тіэну, молитствуетъ за отца сво-

„его и за мачерь: суровости ихъ къ себѣ присвояетъ „своимъ погрѣшеніямъ и одного себя признаетъ винова„тымъ. Является на глаза къ отцу съ почтительною робостію, разтворенною съ несмѣльствомъ; „на лицѣ его изображена безпокоющаяся покорность, „столь живо обнажая любовь его и почтеніе. Ку прекланяется на жалость, и начинаетъ снисходительнѣе съ нимъ поступать . . . . . Безпорочное поведеніе уловляетъ разумъ и сердце. Какъ же возмогутъ противиться Міаосцы? . . . . . Вѣщаемое тобою есть истинна, отвѣчаетъ Ю, поклонившись „ему. Разпускаетъ воинство, возвращается ко Двору и всѣ часы свои истощаетъ на то, дабы процѣтала и владычествовала добродѣтель въ душахъ „его подданныхъ. Невинныя празднества, полезныя „оказанія проворствъ, послѣдовали за войною. Два „мѣсяца не протекли, Ѣу и Міаосцы пошли путями „должности и покорились.„ Шу-Кингъ глава Ю-Мо.

Древніе и новѣйшіе географы не согласно пріурочиваютъ положенія мѣстъ, на коихъ обитали Міаосцы. Одни въ области Го-Нанъ, другіе въ Гу-Куангѣ, третьи въ Тіанг-Нанѣ, сирѣчь на рубежахъ Ки-Тиеускихъ. Видятъ читатели, что война сія была внутренняя. Самъ Сеэ-Ма-Тсіэнъ признается, что народы, о коихъ пишется въ Шу-Кингѣ, произошли отъ Конг-Конга, Су-Пея и прочихъ изгнанныхъ по вышесказанному Шуномъ.

Другая война, произведенная мятежничествомъ прилѣпленцовъ Ѣу-Гуэвыхъ противу Ки-Ти, сына Юэва, была важнѣе войны Міаоской. Шу-Кингъ сохранилъ намъ только рѣчь Императора войску: . . . „Собраны шестьнадцать Кинговъ! Государь воздохнувъ ре„рекъ:

„рекъ: о вы, человѣки шести родовъ упражненій!
„(Переводимъ по обычаю нашему слово въ слово.)
„Ѣу-Гу приводитъ народъ во уторопленіе, разстрои-
„ваетъ пять должностей, небрежетъ и отмещетъ
„три общежительные союза. Тіэнъ (Всевышній)
„благоизволяетъ оружіемъ вашимъ лишить его жи-
„зни. Повинуюся Ему со благоговѣніемъ, явлюся
„исполнителемъ мщенія Его. Вы, стоящіе на пра-
„вомъ крылѣ, естьли не станете сражаться всемъ
„вашимъ крыломъ, окажете себя Его противниками.
„Вы, стоящіе на лѣвомъ крылѣ, когда не станете
„же дѣйствовать всемъ вашимъ крыломъ, подобно
„же пріиметъ Онъ васъ ослушниками своими. Вы,
„всадники! равномѣрно же прогнѣваете Его, разо-
„рвавъ въ сраженіи ряды ваши. Кто изъ васъ дока-
„жетъ вѣрность свою, наградится не онъ только, но
„и его родственники; а своевольные и непокор-
„ные низвергнутся въ Шу (мѣсто мрака и рыданія),
„и я поступлю съ ними, какъ съ мятежниками.„

Здѣсь въ первый разъ зрятся въ Шу-Кингѣ два крыла воинства и конница. Не льзя ни по чему узнать о шести Кингахъ, изъ коихъ составлялось ополченіе, сколько ратниковъ имѣлъ въ себѣ каждой.

По свидѣтельству Гоэи-Ки-Тсея и другихъ историковъ, Ки-Ти былъ побѣжденъ. Полководцы его совѣтовали ему вступить въ другое побоище....
„Да не будетъ сего, отвѣчалъ онъ; не для того,
„чтобъ области мои во изнуренномъ были состояніи
„и народъ малочисленъ. Я не одержалъ побѣды, но
„винить долженъ самаго себя: добродѣтели мои да-
„леко несовершенны и худо пекуся объ исправленіи
„нравовъ моихъ.„

Коликое бы множество кровавыхъ рѣкъ изсохло при самомъ оныхъ источникѣ, естьли бы Европа имѣла у себя Шу-Кингъ вмѣсто сочиненій Омира, Виргилія, Ѳукидида и Тита Ливія! Народъ измѣряетъ величіе свое числомъ смертоубійствъ. Умы человѣческіе даже до того ослѣплены, что торжествуя читаютъ въ общенародныхъ вѣдомостяхъ своихъ о умерщвленіяхъ тысячей человѣковъ, о разореніяхъ и опустошеніяхъ странъ, отъ чего бы во ужасъ и содроганіе приведены были самые дикіе въ пустыняхъ Африки и Америки! Но чѣмъ обычайно оканчиваются безпрерывныя и гибельныя такія войны, цѣлыя уже два столѣтія обнажающія Европу отъ жителей? Какую принесло пользу обагреніе Христіанскою кровію всѣхъ предѣловъ круга земнаго? Пусть изчисляютъ любопытные, коликими тьмами жизней человѣческихъ пожертвовано; да заглянутъ въ Шу-Кингъ, да увидятъ, что жизнь одного только Китайца поставляется въ ней драгоцѣннѣе завоеванія страны на сто миль пространствомъ.

Третію войну Гіаэвой династіи велъ Тшунг-Кангъ противу звѣздочетцовъ Гіа и Гоя. Нѣкоторые критики за морями замѣчаютъ ошибки въ повѣствованіи Шу-Кинга, кромѣ того, говорятъ они, что смѣшно, дабы внучаты и правнучаты между Китайцами прозывалися именами дѣдовъ и прадѣдовъ своихъ, какъ подъ владѣніемъ Тшонг-Конга; будто бы жили потомки астрономовъ, или звѣздочетцевъ временъ Яоэвыхъ единоименные съ ними. Паче того посмѣятельно утверждаютъ, дабы владѣтельный Императоръ могъ послать цѣлое воинство противу изчислителей мѣлочей. Что на сіе отвѣчать? Старинные Китайцы были люди дикіе, грубость нравовъ ихъ со-

сопримѣшивалася къ образу ихъ правленія. Еще мы то чувствуемъ и нынѣ. Шестый сынъ царствующаго нами Государя имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ математическую у насъ школу. Война, о которой слово, доказываетъ, что монархія наша только что основываться начинала. 1) Тшунг-Конгъ предводительствовать на войнѣ сей поручилъ одному изъ Князей своихъ. 2) Упоминается въ описаніи оной обо сшѣ Мандаринахъ. Смотри Пе-Куана. 3) Упоминается же о самодержавствовавшемъ тогда въ Китаѣ семействѣ. 4) Зрится, что усиліе и мужество сшановилися уже тогда нужны. . . . „Естьли сожалѣніе дружествен„ное превозможетъ надъ истинною и справедливо„сшію, говорилъ полководецъ воинству, то все „мы пошеряемъ; а когда надлежащая строгосшь пре„одолѣетъ сожалѣніе дружественное, то возъимѣемъ „успѣхи.„ 5) Примѣтно также, что были уже тогда и законы и воинское благоустройство. Не проявляло то размножавшійся уже народъ.

Но возвратимся ко княженіямъ. Надобно полагать, согласно со Тсеэ-Ма-Тсіэномъ, Пан-Куэмъ и другими историками, что не было и нѣтъ ничего извѣсшнаго, не было и нѣтъ обнаружившихся окресшностей объ нихъ во времена двухъ первыхъ динасшій. Въ лѣтописяхъ не прежде появляются княжесшва динасшіи Тшеуской. Знаменитый сочинишель Ніэн-Пізо принужденъ былъ оставишь бѣлыя мѣсша на каждой страницѣ для внесенія случаевъ изъ частныхъ лѣтописей Князей данниковъ. Довольно однако же общее есть мнѣніе, что были шаковые подъ владѣніемъ Государей Гіаской и Шангской динасшіи. Земли сихъ Князей долженсшвовали весьма быть не велики. По свидѣшельсшву Монг-Тсея, княженіе

женіе Тшангское, раззорившее Гіаскую династію, простиралося только и вдоль и поперегъ на десять Германскихъ миль; а Тшеуское, подобно же раззорившее Шангову династію, не болѣе семи миль. То и другое прилегали рубежами ко княжеству Ки-Тшеускому; не инако начались населяться и разпахиваться земли, какъ отъ пришельцовъ. Смотри выше сего въ статьѣ о географіи. И такъ да остерегаются читатели отъ невразумленія, читая писанное Тонг-Тіэномъ и другими историкаами, безпрестанно вѣщающими о Князьяхъ имперіи нашей, соотвѣтственно басни объ Императорѣ Гоанг-Тіѣ, пріемлющемъ засвидѣтельствованія зависимости отъ двацати тысячь Князей. Лжи обычайно подпираются для будущихъ временъ лжами же. Имена таковыхъ Князей суть слова, чуждыя существованія. Однако находимъ въ Ши-Кингѣ, что Тшинг-Танг, прежде ополченія своего противу гнуснаго Кіа, завоевалъ царства Уэиское и Куское, потомъ вошелъ въ царство У; болѣе же о томъ ничего не извѣстно. Множество прошло между тѣмъ столѣтій, какъ Гіаи сидѣли на престолѣ. Не извѣстно же, въ чемъ состояло воинство Тшинг-Тонга. Рѣчь сего Государя развѣ поможетъ дознаться . . . . . „Гіаи „виновны многими преступленіями. Тіэнъ [Всевышній] „соизволяетъ наказывать ихъ . . . . . Не говорите! „нашъ Государь не имѣетъ къ намъ сожалѣнія; вре„мя наступаетъ жатвенное, а онъ ведетъ насъ на „Гіаэвъ. Предвидѣлъ я ропотъ вашъ; но Гіаи ви„новны. Страшусь Шанг-Тіа, и не смѣю откладывать „вдаль наказаніе ихъ, и прочее. „Легко понять, какому должно быть войску небольшей области, населенной пришельцами. Легко понять, сколь слабую сторону побѣдило оное. Кіэ, по лѣтописямъ двоекрат-

кратно разбитъ, удалился въ округу Кіанг-Нанскую, гдѣ Тшинг-Тангъ оставилъ его въ покоѣ; чего бы конечно не учинилъ, естьли бы сія округа имѣла жителей и разпаханныя земли.

Значущееся въ концѣ главы Ю-Конгъ можетъ затруднить читателей, или по крайней мѣрѣ смутить. Въ самомъ дѣлѣ стоятъ тамъ Геуи, Нины и Пеи во времена первыхъ династій, а сіе было подобное Герцогамъ, Маркизамъ и Графамъ во Франціи, когда еще не истребились даннические владѣнія. Но вѣроятнѣе разумѣть подъ оными въ самой отдаленной древности не лица, а округи, естьли подлинно бывали оныя до Тшеуэвъ. Гдѣ говорится о податяхъ, тамъ видимъ, что привозился къ Императору хлѣбъ въ снопахъ и въ зернахъ изъ дальнихъ же странъ, перемолотой въ муку. Ученые наши входятъ во изслѣдованіе, таковыя округи не простиралися ли каждая на пятьдесятъ миль во всѣ стороны отъ округи Ки-Тшеуа, коею правилъ самъ Императоръ, или были особо лежащія внутри областей? Мнѣнія о семъ не одинаковы, хотя большая часть склонны вѣрить, что всѣ такія области замыкалися въ Ки-Тшеуѣ. Доводы, оное утверждающіе и опровергающіе, состоятъ только въ сомнительныхъ преданіяхъ, слѣдовательно не льзя ни на которомъ положиться.

Теперь пойдемъ противу затрудненія, еще болѣе угрожающаго Европейцовъ, которое также запутывало и нашихъ ученыхъ въ разсужденіяхъ ихъ о временахъ древнихъ. Упражненія Юа по всему Китаю въ спускѣ водъ, разпахиваніи цѣлизнъ, копаніи рвовъ и тому подобное, не даетъ ли подразумѣвать, что

Китай былъ уже населенъ? Не упоминается ли въ Ю Конгѣ о данныхъ съ разныхъ народовъ? Нѣтъ ли гдѣ слова о жителяхъ по островамъ на морѣ? . . . . Такія трудности не могутъ быть разбираемы безъ примѣчаній на главу самую любопытную, самую важную, но и самую же неудоборазумѣваемую Шу-Кинга. Задержимся на томъ, особливо же ради объясненія статьи о наукахъ и художествахъ, которую скоро писать станемъ, да и послужитъ то дополненіемъ выпущеннаго можетъ быть въ статьяхъ доселѣ.

Европеецъ читаетъ главу Ю-Конгъ въ переводѣ, находитъ себя весьма далеко отъ истинныхъ понятій глубокой древности. Чѣмъ чаще тоже перечитываетъ, тѣмъ сильнѣе уражается географическими подробностями прекрасной сей части Шу-Кинга. Образъ, коимъ означаются теченія рѣкъ, положенія горъ, рубежи Тшеуэвъ, плодоносіе, сличаемое между онымъ, и произращенія разнаго рода; все сіе собравъ въ мысляхъ, естьли хотя мало дастъ онъ волю овладѣть собою предразсудкомъ, конечно заключитъ, что глава Ю-Конгъ подложно утверждается писанною во времена Юэвы. Тотъ, кто не возходилъ инако въ глубину первобытныхъ временъ, какъ слѣдуя по стопамъ Грековъ и Римлянъ, не могъ возходить далѣе ихъ, сирѣчь до вѣковъ дикости и невѣжества въ родѣ человѣческомъ, и ихъ поставлянетъ произхожденіемъ оныхъ. Какъ ему вздумать, что на краю Восточной Азіи, во времена весьма древнія, народъ началъ бытствовать таковымъ, каковыми учинилися медленно Римляне и Греки? Разсужденіе у него тьмится, наука его засыпаетъ, столбенѣетъ умовоображеніе, запимѣвается въ памяти

все

все объ Ассиріанахъ, Вавилонянахъ и Египтянахъ и прочихъ народахъ, были ли благоустройны, просвѣщенны и научны искони; даже приходитъ у него въ забвеніе и самая первая Моисеева книга. Не захощетъ внимать ничему иному, кромѣ звука, превращеннаго въ человѣческія имена первыхъ основателей царствъ и областей. Повторивъ толикократно еще повторяемое здѣсь: вперяющему мысли свои въ самую глубокую древность надобно не бояться розгъ Грековъ и Римлянъ, коимъ она не извѣстна.

Заблудится тотъ отъ истиннаго пути, которой въ первобытныя времена будетъ переносить произшествія, объясняемыя и усовершенствуемыя послѣдовавшими столѣтіями. Ничему не вѣрить, вѣрить слишкомъ, есть крайность и то и другое. Наклонность наша къ послѣднему есть стремительна, когда имѣемъ подъ руками главу Ю-Конгъ, выполкованную и представленную въ наилучшемъ вкусѣ переводчиками. Полуученые безсильны мчаться по пути сему съ крайнею скоростію; только что подаются впередъ, и сбиваются далеко въ сторону. Полюбивъ какое нибудь реченіе, ослѣпившее ихъ любопытство, мнимое какое либо прорицаніе, составляютъ цѣлую систему; приводятъ насильственно всякіе доводы, прицѣпляютъ произшествія къ собственнымъ своимъ вымысламъ, прикрашиваютъ ихъ баснями, разпещряютъ громкими словами, на примѣръ: рыбій хвостъ у женщины прекраснаго лица.

Прежде нежели будемъ ссылаться на Ю-Конгъ и выводить заключеніе въ подпираніе, или во опроверженіе системы, надобно вѣдать, 1) что сія

глава есть Гордіанскій (*) узелъ Шу-Кинга, не столько ради трудности въ выразумѣніи, какъ по глубинѣ ученія. Должно подаваться впередъ, но, можно сказать, ощупью; быть принужденнымъ останавливаться на многихъ мѣстахъ, и не переступать ниже на шагъ. 2) Одною сею главою ополчаются противъ Шу-Кинга. Самые ревностнѣйшіе ея защитники заставляемы бываютъ признаваться съ Тшинг Тшіэмъ, что нѣтъ для нихъ пользы ни утверждать, ниже повреждать сію главу; что очевидно въ ней познаются мѣстоположенія Китая; что соблюдена она намъ Конфуціемъ и иными древнѣйшими писателями, которые больше ихъ были въ состояніи объ ней судить; что возраженія, дѣлаемыя противу ее, не довольно сильны ко уничтоженію преподаемаго ею. 3) Нѣкоторые Тао-Сеяне находили въ сей главѣ иносказательный смыслъ, и утверждали невозможнымъ сблизить разныя объ оной изъясненія ученыхъ. 4) Искуснѣйшіе переводчики Кинговъ понадѣлали многія особыя сочиненія, толкуя ее; а знаменитый Тшин-Тсеэ, состарѣвшійся въ наукѣ древности, незакрытно вѣщаетъ въ челобитной своей къ Императору, что всѣ его труды, всѣ его розыски, не могли толкованіе его Ю-Конга учинить яснымъ. Ки-Кан-Уэн-Ненг-Ѣу-Мингъ. Ученые послѣднихъ двухъ династій толковали же сію главу, но весьма инако на многихъ мѣстахъ. Нынѣшніе же ученые, составивъ превеликіе два тома, даютъ на произволъ читателямъ предпочитать мнѣніе изъ всѣхъ писавшихъ о томъ: мнѣнія, ими собранныя.

Выше

(*) Баснословный узелъ, будто бы такъ хитро связанный Гордіусомъ, Царемъ Фригіи, что развязателю онаго суемудренно предобѣщавалось владычество надъ всею Азіею. Великій Александръ разрубилъ сей узелъ мечемъ своимъ.

Выше сказали мы, откуда взимается подобное недоумѣніе, естьли читатели хотя мало припомнятъ упомянутое нами о сложеніи и иносказаніяхъ буквъ нашихъ, равно какъ и то, какъ книга Шу-Кингъ была отыскана, обнародована и соблюдена потомству: то легко они поймутъ, что такой отрывокъ древней географіи долженъ быть труденъ къ выразумѣнію. Страбонъ и Плиній весьма долго послѣ жили на свѣтѣ, писали слогомъ несравненно меньше сжатымъ; но индѣ крайнѣ темны, такъ что не много становятся яснѣе и при помощи толикаго множества толкователей. Мраки Ю-Конга изчезаютъ въ переводахъ, за что однако же не льзя винить переводчиковъ; они должны избирать и рѣшиться. Не довольно освѣдомленной читатель вѣритъ ихъ переводу, и вдается въ систему безъ предѣловъ.

Приступимъ теперь ко изображенію, взятому изъ главы Ю-Конга. Самые славные критики всѣхъ династій согласно разумѣютъ главу сію писанною чрезъ многое время послѣ пяти первыхъ династій, коихъ теченіе составляетъ исторію Яоа, Шуна и Юа. Что того-то ради не только пріобщена къ оной, но совсѣмъ особое есть сочиненіе, положенное въ заглавіи совсѣмъ другой книги, и начинаетъ собою исторію же династіи Гіазвой.

Когда писана Ю-Конгъ? . . . . По свидѣтельству Конг-Ин-Та, послѣ осушенія и разработанія земель. Лин-Тши утверждаетъ, что сочинители ея были историки временъ послѣдне названной династіи. Гоанг-Тши говоритъ, что положена въ заглавіи ихъ трудовъ, какъ бы увѣнчаваемая ими и дающая книгѣ ихъ достовѣрность. Тшанг-Тши, что Ю-Конгъ

есть записка, въ которую вносились дѣянія, по мѣрѣ, какъ устроялися прокопы и разпахиваны были цѣлизны. Со временемъ выправлена историографами и дополнена прибавленіями во облегченіе правительства. Читай многія другія ссылки въ критическомъ розыскѣ, подъ названіемъ Куан-Кіэнъ, книгу первую, страницу двацать пятую и тридцатую. Знаменитый Тсу-Тсеэ поступаетъ далѣе, что сначала не прежде стали описывать общественныя работы, производимыя Юэмъ, какъ только тѣ, о коихъ явствуетъ въ первыхъ главахъ. А когда уже размножился въ Китаѣ народъ и учинилися части его паче извѣстными, то вышла на свѣтъ глава Ю-Конгъ, какъ бы вступленіемъ послѣдовавшаго за тѣмъ описанія историческаго, географическаго и политическаго всей имперіи. Должно не забывать, что Шу-Кингъ составленъ изъ разныхъ отрывковъ большихъ лѣтописей. Шан-Тши, наиславнѣйшій писатель послѣдней династіи, разсуждая по содержанію книги Тшеу-Ли и словаря Эульг-Я, освѣдомляетъ насъ, что и во времена Шанговой династіи многое было присоединено къ Ю-Конгу, потому что упоминается о земляхъ, вновь доставшихся Государямъ нашимъ. Сочинители всеобщей географіи, въ тоже время трудившіеся, и по той же самой причинѣ, подозрѣваютъ Князя Тшеу Кинга давшимъ совсѣмъ иной видъ главѣ сей. Каи-Ю-Конгъ, что точно ознаменовалъ онъ рубежи девяти областей, о чемъ и дѣйствительно не прежде стало извѣстно, какъ во времена сказанной династіи. Читай достопочтенную книгу Кунг-Шу-Као-Су, главу вторую, страницу пятую и шестую, книгу весьма рѣдкую; не могли мы имѣть ее у себя больше одного дня. Географическія сочиненія не такъ какъ историческія: позволяется

пріобщаетъ къ нимъ вновь снискиваемыя свѣденія. Глава Ю-Конгъ подобно же распространена была до начатковъ исторіи Діэвой, хотя разработанія земель происходили въ царствованіе Яоа, и также спуски водъ, покрывавшихъ почти все наше отечество. Въ ней упоминается объ Юѣ только въ первыхъ строкахъ статьи Ки-Тшеуа, а потомъ уже нигдѣ ни о спускѣ водъ, ни о другихъ общественныхъ работахъ. Строки, гдѣ находимъ имя Юа, суть: „ „Ю раздѣлилъ земли, прокопалъ дороги посреди „горъ, срубилъ лѣса и узналъ большія горы и боль„шія же рѣки области Ки-Тшеуской. Находися въ „Гу-Муѣ, велѣлъ гнать стада свои отъ Леанга даже „до Кіа; послѣ по его же велѣнію взрѣзана цѣлизна „Таи-Ивенская до полуденнаго края округи Ю. Отъ „Танг-Гоаіа провелъ плотину до Тшонга.„ Весь прочій остатокъ главы сей есть описаніе осьми другихъ Тшеуэвъ, ихъ плодоносія, даемыхъ податей и прочее. Читай Тонг-Кіэн-Канг-Му, книгу вторую, страницу двадцать пятую. Но естьли главная перемычка въ Ю-Конгѣ не ударяетъ на времена, о коихъ намъ слово; естьли писана была гораздо уже позднѣе, то всякія возраженія сами собою упадаютъ и не требуютъ отвѣта. Послѣдующее за симъ паче сего сказаннаго нами заслуживаетъ уваженіе.

1) По состоянію Китая подъ скиптромъ Яоа, изображаемому намъ Шу-Кингомъ, Монг-Тсэмъ и всѣми древними писателями, и потому, какъ Шунъ вѣщаетъ объ Юѣ, очевидно, что великій сей мужъ цѣлыя тринадцать лѣтъ безпрерывно занимался срубкою лѣсовъ, прогнаніями лютыхъ звѣрей, распахиваніемъ земель и тому подобнымъ. Послушаемъ самаго его. . . . . „Поля понималися водою, народъ

„сѣто-

„ сѣтовалъ и сокрушался. Возходилъ я на вершины „ горъ. Предъ моими глазами начали валить лѣса. „ Вымыслилъ я устроить сани; пріохотилъ людей „ питаться звѣриною ловлею. Прокопалъ девять „ рвовъ: полились воды въ рѣки и далѣе въ море. „ Изъ большихъ рѣкъ провелъ малые ручьи вдоль „ полей; научилъ пахать землю и пріуготовлять „ снѣдное. Обиліе въ чемъ либо на одномъ мѣстѣ „ помогало мнѣ снабдѣвать другія, въ томъ недо- „ статочествующія. „ Шу - Кингъ глава Ю - Тси.

Все сіе сличая съ лѣтописьми, показуетъ ясно, что общественныя работы подъ Юэмъ произходили по округѣ небольшаго пространства. Не понимаемъ, откуда взяли нѣкоторые Европейцы баснословія о превеликихъ тѣхъ насыпяхъ и плотинахъ, которыя будто бы Ю понадѣлалъ, защищаясь отъ разлитія рѣкъ Тоанг - Гоа и Кіанга. 2) Состояніе географическое и политическое девяти Тшеуэвъ, или областей, какъ оное стоитъ въ Ю - Конгѣ, есть плодъ весьма многихъ лѣтъ, разсуждая по времени, чрезъ которое упражнялися проповѣдники вѣры въ сочиненіи карты Китая, имѣя конечно болѣе пособій и удобностей, нежели каковыя имѣлъ Ю. Переводчики Шу - Кинга говорятъ: . . . „ Ю долженствовалъ „ преходить съ одного ряда горъ на другія, съ одной „ высоты на другую; инако же не могъ подаваться „ впередъ. Тшин - Тсеэ. Подъ водою стояли всѣ низ- „ менныя мѣста. Не льзя было путешествовать изъ „ урочища въ урочище. И - Тши. Надлежало валить „ лѣса и прокладывать дороги посреди холмовъ. „ Конг - Ин Та. Ставлены были вѣхи въ виду одна „ отъ другой. Сеэ - Ма - Сіэнъ. Мѣста получали „ названія, по мѣрѣ какъ ихъ проходили. „ И - Тши.

Въ

въ книгѣ Ю-Кинг-Тси-Ніаи довольно все сіе описано. Не можно, чтобъ Ю могъ самолично осмотрѣть всѣ тѣ девять областей, о коихъ упоминается въ Ю-Конгѣ. 3) Тшу-Тсеэ съ насмѣшкою по своему обычаю говоритъ: .... „Въ Ю-Конгѣ много „словъ, много мѣлочей, и нечему дивиться: писано „такъ давно. Ю-Ки-Гао-Си. Земли, только что „обнажившіяся отъ водъ, не скоро даютъ богатства „нѣдръ своихъ.„ Продолжаетъ онъ же: „Когда на„стояли заботы о пропитаніи народа, тогда было „не до исканія вещей любопытныхъ.„ Послѣдними словами разумѣетъ Тшу-Тсеэ рудники, рѣдкіе камни и растѣнія, описываемыя въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ областей. Мыслимъ и мы, что не могъ Ю разозначить степени плодоносія каждой изъ девяти Тшеуэвъ. Большая оныхъ часть распахана чрезъ множество лѣтъ послѣ него, равно какъ и установлены подати съ народа. . . . . Содержаніе Ю-Конга объ ономъ, по свидѣтельству самыхъ искусныхъ нашихъ критиковъ, соотвѣтствуетъ временамъ, по крайней мѣрѣ оканчивающимся въ династіи Гіаэвой. 4) Исторія наша молчитъ до самаго начала Шанговой династіи, а потому Китай былъ прежде таковъ, какимъ представляетъ его Ю-Конгъ. Станемъ ли же объяснять согласно съ тѣми, которые облекаютъ Гоанг-Тіи величіемъ и славою, то конечно вдадимся въ противорѣчія съ Шу-Кингомъ. Довольно для сей статьи. Если бы стоило труда, въ большія бы вошли подробности и совозпослѣдовали за Ю-Конгомъ строка за строкою; сказали бы, на примѣръ, что были населенные морскіе острова въ области Ки-Тшеу, или Шен-Си; области, находящейся внутри Китая. Утверждающимъ, что по содержанію главы Ю-Конга писана она при Юѣ, могли бы отвѣчать,

не внемля критикамъ нашимъ, что Яо царствовалъ сто лѣтъ, а Шунъ сорокъ. Междовреміе довольное, чтобъ умирающій Ю оставилъ Китай въ описываемомъ состояніи Ю-Конговомъ; что замыкая народъ свой въ Ки-Тшеуѣ, могъ посылать для пріисканія земель и потомъ селишься по другимъ областямъ; могъ налагать новыя подати, подобно тому, какъ было во всѣ послѣдовавшія династіи при разпространеніи селеній и когда размножалося землепашество. Сколько таковыхъ точно странъ въ Америкѣ, коихъ въ наши дни имѣемъ уже и карты и описанія, подобно же разселились, или готовятся спать населенными. Упоминаемое о металлахъ и рѣдкихъ произведеніяхъ нѣдра земнаго, найденныхъ тамъ Европейцами, не учиняетъ ли правдоподобнымъ же открытія всего онаго въ Юевы времена?

V. Художества и науки при Яоѣ, Шунѣ и Юѣ.

О происходившемъ въ Китаѣ можно судить по происходившему же въ Азіи западной. Первые пришельцы, окоренявшіеся послѣ смѣшенія языковъ, внесли съ собою науки и художества временъ до всемірнаго потопа, оставшіяся въ памяти у Ноевыхъ дѣтей, а можетъ быть и усовершенствованныя близкими къ нимъ ихъ потомками. Мятежники, злодѣи, бѣглецы, недовольные, разсталися съ отчизнами, разсѣялися искать укрытія отъ угрожавшихъ ихъ бѣдъ; соединились, чтобъ защищать себя общими силами, и принуждены стали питаться или звѣриною ловлею, или грабежами. Дѣтямъ своимъ оставили примѣры дикости и невѣжества провожденной ими жизни. Наши Ман-Тсеи и Тсеи, Miao-Тсеи, точно такъ начали жительствовать по окрестностямъ древнихъ Ки-

Китайцевъ. Тоже самое разумѣть должно и о нѣкоторыхъ иныхъ старинныхъ народахъ безъ наукъ и художествъ. Въ самые первые годы таковыхъ общежительствъ, даже во времена Конфуція, въ областяхъ Куанг-Тонговъ и Куанг-Сіѣ обиталъ народъ, подобный отрывкамъ Грековъ, когда селенія ихъ въ Египтѣ и Финикіи начинали уже благоустройствовать. Таковымъ, повторяю, общежительствамъ потребны были превосходные умы отъ природы, щастливыя незапности къ возрожденію наукъ и художествъ. Куски дерева, носящіеся по водамъ, не могли открывать повода къ размышленіямъ о ладьяхъ, а далѣе и корабляхъ. Такъ умствовать и обидно человѣчеству, и смѣшно и непристойно. Естьли скажетъ сіе кто либо изъ Циниковъ, ведущій жизнь сообразно скотамъ, оное слышать еще паче уничижительнѣе, нежели дивно; а когда человѣкъ, осмотрѣвшійся въ наукахъ, даже до того забудется? . . . Что иное начать, какъ не устремить только взоръ къ небесамъ и устыдиться, находя себя обитателемъ земли? Еще примѣчаніе, не меньше того можетъ быть упущенное. Начинается селеніе, всѣхъ мысли обращены на земледѣльство и окорененіе, прочее же все забыто. Ссылаемся на самихъ Европейцовъ по оспровамъ и материку Америки; вводятся туда вкусы ремеслъ и выгодъ жизней, но для того только, чтобъ мало по малу изчезали. Труды нужные и прибыточные есть иное. Учители тамъ не могутъ имѣть учениковъ. Естьли бы корабли не подвозили необходимостей, то для пожелавшаго имѣть критику должно бы было вымыслить живопись совсѣмъ вновь.

На сихъ двухъ примѣчаніяхъ основываясь (понимается цѣна оныхъ чинившими древнюю исторію

о Европейскихъ селеніяхъ), приступимъ къ вопросу о художествахъ и наукахъ во времена Яоа. Поелику болѣе напоминать станемъ времена сіи, тѣмъ вразумительнѣе представится справедливость нашихъ подробностей.

Умы самые изящные тупѣютъ, вошедъ во храмъ наукъ; глубокая ученость становится мѣлка. Вотъ злѣйшее нещастіе наиславнѣйшихъ нашихъ писателей. Яо, Шунъ, Ю были добрые, но простые люди; возмечтали себя мудрыми и великими. Первобытные выходцы въ Китай основали пребываніе свое въ области Хен-Ши; чтобъ не умереть съ голоду, стали ловцы звѣрей, устроили хижины. Мѣста, не залитыя водами, разпахали и обсѣменили. Всякое селеніе такъ долженствовало начинаться въ могдашнія стариннныя времена. Народъ помалу размножался. Въ царствованіе Яоа наступила нужда валить лѣса и разчищать новыя пашни, какъ упоминаютъ книги, до здѣ приводимыя. Юдоли или были подъ водою, или покрывалися болотами. Юу поручено осушать ихъ; работы продолжалися тринадцать лѣтъ общими силами годъ отъ года болѣе разпложающихся селеній. . . . . Геу-Тси говоритъ: „Монг-Тсеэ научилъ поселянъ пахать „землю, обсѣменять ее и собирать жатвы пяти „родовъ хлѣба въ зернахъ. Жители отъ того сна„бдилися запасами.„ Ко-Те-Эульг-Тше, глава Овен-Тшонгъ. Геу-Тсеэ можетъ быть нашелъ сами собою растущіе роды хлѣбовъ, соотвѣтственно пишемому въ книгахъ; со временемъ учинился искуснымъ земледѣльцомъ помощію опытовъ, наблюденій климата и разныхъ слоевъ земли. Тсеэ-Ма-Тсіэнъ освѣдомляетъ, что въ самой вещи прилѣжалъ онъ къ земле-

земледѣлію отъ младенчества (а сіе весьма согласно съ похвалами, даемыми ему въ Шу-Кингѣ), и что успѣхи покушеній поощряли его къ дальнѣйшей предпріимчивости. Но земледѣльство было извѣстно и по употребленіи прежде Геу-Тсея. Шунъ самъ пахалъ землю въ Ли-Шанской округѣ, когда Яо прислалъ къ нему дочь свою въ жену. Ю говоритъ о себѣ: . . . . „Училъ я народъ взрѣзывать цѣлизны.„ . . . . Все то происходило за многіе годы, какъ Геу-Тси поставленъ былъ надзирателемъ надъ общественнымъ земледѣльствомъ. Переводчики Шу-Кинга замѣчаютъ, что училъ онъ только осушать и разчищать новыя земли, и избирать удобныя мѣста къ посѣвамъ. Властію своею могъ заставлять чернь и благонадежными дѣлать успѣхи попеченій своихъ. . . . . „Тебѣ извѣстны нужды народныя, сказалъ „ему Шунъ, возлагая на него важное сіе званіе; на„учай земледѣльствовать; соображайся съ годовыми „временами въ посѣвахъ ста родовъ зеренъ.„ Глава Шун-Тіэнъ. Разсуждая по тогдашнему состоянію Китая, находимъ, что земледѣльствовали только однѣми покушеніями, сказать просто, ощупью. Истинные успѣхи земледѣльства послѣдовали не скоро, а можетъ быть и съ помощію получаемыхъ свѣденій изъ чужихъ странъ. Насыпи, прокопы, срубки лѣсовъ и тому подобное, суть попытки не на вѣрное людей дикихъ, снискивающихъ способы. Сколько на свѣтѣ благоучрежденныхъ народовъ, которымъ бы не достало духа предпринимать столь тяжкія работы? Что бы были мы Китайцы, когда бы предки наши проводили цѣлыя столѣтія въ размышленіяхъ и приступахъ, какъ имъ осушать и разпахивать земли?

Но какія зерны сѣялися въ тогдашнее время? . . . Преданіе освѣдомляетъ: . . . тѣ же самыя, которыя нынѣ въ употребленіи. Читатели! не ошибитесь въ разумѣ: сто родовъ зеренъ, какъ говорилъ Шунъ. Слово сто знаменовало вообще всѣ травы, овощи и хлѣбныя зерны: . . . „Тіэнъ благословляетъ хлѣбы „Геу-Тсеэвы, пишетъ въ Ши-Кингѣ; Онъ самъ „предуготовляетъ народу обильныя жатвы, пше„ницы, чечевицы и мѣлкаго чернаго гороха.„ Въ нѣкоторой поэмѣ помянуто о конопляхъ, крупномъ горохѣ и бобахъ, приносимыхъ въ жертву. Извѣстнѣе сего не вѣдаемъ о зернахъ, сѣянныхъ въ глубокой древности. Еще о хлопчатой бумагѣ явствуетъ же во многихъ старинныхъ книгахъ; однако довольное надлежало имѣть искусство, разсуждая о разныхъ родахъ обрабатыванія и сихъ только сѣменъ. Какіе простодушные люди предки наши! . . . Стоитъ въ Тшеу-Ли: . . . „Пять родовъ хлѣба, питая насъ, „учиняютъ здоровыми; они же и лѣкарство отъ бо„лѣзней.„ Нынѣ бѣдные только пахари знаютъ такъ пользоваться. Сіе ветхое врачебное предписаніе много нынѣ помогаетъ Христіанскимъ проповѣдникамъ вѣры, скитающимся по областямъ нашимъ; насъ самихъ изцѣлѣваютъ они въ случаѣ нужды не хуже лѣкарей, паче сверстниковъ своихъ, обогатившихся отъ торговыхъ людей, издерживающихъ столько дровъ для химическихъ огней своихъ. Сколько понадѣлали проповѣдники наши помощи въ убогихъ хижинахъ, въ которыхъ бы неминуемо долженствовали усилиться смертоносныя горячки, естьли бы то было въ Европѣ! О вы, родители семействъ, добродѣтельные и чувствительные! вы, которые ихъ не забываете! успокойтесь; пребудутъ и живы и здоровы. Милосердіе небеснаго Отца, вами провозвѣщаемое,

мое, дополнитъ недостатки человѣческой къ нимъ помощи; дополнитъ избыточно все то, чѣмъ безсильны вы доставить неимущихъ нашихъ, обращенныхъ вами въ вѣру православную, и чѣмъ они сами себя доставить не могутъ. По скольку кажутся безприбѣжны въ смутныхъ случаяхъ, лишенными даже и самыхъ необходимостей: по стольку наипаче Господь Іисусъ Христосъ не оставляетъ ихъ, подкрѣпляетъ и утѣшаетъ. Читатели! справьтеся съ исторіею проповѣди Евангелія въ Китаѣ, увидите, что люди самаго слабаго сложенія тѣла выносятъ претяжкія работы, посреди дряхлости достигаютъ преспарѣнія и болѣзней. Когда не снискиваются уже нынѣ вѣнцы мучениковъ благовѣстниками Евангелія, то какой родъ смерти сладостнѣе, какъ отъ изнуренія плоти и нищеты? Но куда восхищается мысль?... Читатели! простите перу, уставшему писать подъ струями слезъ изъ очей. . . . И мы проповѣдывали Благодать въ горахъ, но не сподобилися въ послѣдній разъ облобызать знаменитаго Ма-Іосифа, который предпочелъ посрамительное изгнаніе и рабство милости Государя своего. Единородный его сынъ умеръ, сражаяся на войнѣ, но за что? . . . Сталъ жертвою любви ближняго; обратилъ невѣрнаго ко Христу Спасителю. . . . Внукъ его изторгнутъ отъ сосцевъ доилицы: . . . . „Какія уразы „сердцу Ма-Іосифа! Но и какому сердцу! Оныя-то „предуготовили ему торжество благочестивой вѣ„ры.„ Идолопоклонники, за немногіе только дни управляемые имъ съ кротостію и снисхожденіемъ, не могли взирать на оковы его безъ ужаса. Покрытый язвами, окруженный стражею, имѣлъ веселое лице. Изгнаніе его столько же оплакивали послѣдніе, сколько радовалася душа его, терпящая за Господа Іисуса.

Іисуса.... Какое зрѣлище!...Родственники, друзья, знакомые и посторонніе, стѣснившись вокругъ, обнимали его, прощались, рыдали, привѣтствовали удостоевающагося мученичества. ... Супруга укоряла его, что не вовлекъ ее съ собою пострадать вмѣстѣ и нарушилъ данное обѣщаніе. Онъ извинялся неимѣніемъ случая. Послѣдовала бы за нимъ, но удержалъ, давъ ей почувствовать, сколь необходимо было призрѣніе ея къ младенствующимъ сиротамъ, дѣтямъ покойнаго ихъ сына. Коликія тысящи сочиненій клятвенныхъ и уничижительныхъ о томъ, что происходило предъ лицемъ цѣлаго Пе-Кинга!.. Изъ нихъ составлялось уголовное слѣдствіе и осужденіе ревностнаго сего новопросвѣщеннаго Христіанина! Надобно, чтобъ нечестивые явно были изобличены, открылися совершенными невѣждами, когда ищутъ даже въ Китаѣ возраженій противу вѣры Христіанской. Легко намъ разпространять, сличать и доказывать недоумѣніе заморянъ въ разсужденіи страдальчества мучениковъ; но несравненно сладостнѣе для насъ наполнять мысли наши о семъ, нежели наводить скуку читателямъ сухостію пишемаго. Однако же, начавъ единожды, будемъ продолжать, не взирая на горести и подавленія насъ обстоятельствами временъ.

Земледѣльство, какимъ мы его описали, необходимо долженствовало вспомоществоваться многими иными рукодѣліями. Пахать, сѣять и жать, надобны особыя збруи; слѣдовательно надлежало умѣть сѣять, молоть и печь хлѣбы; слѣдовательно житницы, кои наполнялъ у себя Шунъ, доказываютъ, что умѣли же сберегать хлѣбъ въ прокъ. Когда устрояли запруды, копали протоки, обращали теченіе рѣкъ и ручьевъ, то конечно было извѣстно

урав-

уравниваніе поверьхности земной и припоры водъ. Знаемы были и всякія снасти, потребныя для такових работъ, хотя все то конечно не въ такомъ было совершенствѣ, какъ нынѣ. Изображенія сошниковъ и плуга тогдашнихъ вѣковъ находимъ въ старинныхъ толкователяхъ Шу-Кинга и Ди-Кіа. Выработаны грубо, или точнѣе сказать, просто; но всякія художества вообще настоящихъ временъ, и самыя ухищреннѣйшія, подобно же сходствуютъ съ древними рукодѣліями каждое въ своемъ родѣ. Всякая и нынѣ у насъ збруя не во многомъ состоитъ, малой цѣны и такъ просто выдѣлана, что Европейцы удивляются искусству и красотѣ рукодѣльствъ нашихъ ремесленниковъ. Слѣды того же самаго образа мыслей предковъ нашихъ суть: что правительство наше воздвигаетъ зданія общенародныя и памятники, свидѣтельствующіе славу и величіе государства, огромно и великолѣпно, съ умѣренностію и простотою производитъ все надлежащее для удобности и усовершенствованія внутренняго плаванія по рѣкамъ и озерамъ, земледѣлія, перевозовъ всякихъ тягостей, нужныхъ ремеслъ и прочихъ общественныхъ исправленій; отмѣняетъ излишнія издержки, дабы сколько можно далѣе разпространять полезное.

Наука строевая въ Шу-Кингѣ и иныхъ древнихъ писателяхъ не подаетъ о себѣ пышнаго понятія. Качества старинныхъ домовъ и въ нихъ храмины не могутъ почитаться ниже тѣнію разположенія домовъ нынѣшнихъ. Общее есть мнѣніе, что Дворцы и великіе домы вымышлены въ теченіи династіи Шанговой. Гоан-Нан-Тсеэ, Лу-Хи и другіе, описываютъ жилище кроткаго Яоа хижиною земледѣльческою: кровля соломенная и дерновая, отъ

дождей порастшая травою и зеленѣющаяся. За входными врашами съ полуденной стороны пространный дворъ, а по срединѣ онаго допускная, или пріемная храмина, въ которой хранился вѣсы и мѣры для употребленія въ торговые дни собиравшихся продавать и покупать внутри же двора сего. Далѣе, еще впорый дворъ, а на немъ небольшой домикъ, въ которомъ жилъ самъ Яо съ Царскимъ своимъ семействомъ. Пріемная храмина была сострoена изъ глыбъ глины, крыльцо къ ней устлано дерномъ для ожидателей очереди быть впущеннымъ; насаждены деревья у врашъ, чтобъ чиновники и народъ имѣли убѣжище отъ солнечнаго зноя. Въ Шу-Кингѣ стоитъ: . . . „Шунъ, чтобъ придать Дворцу своему видъ величе„ственной, могущій внушать почтеніе въ приближа„ющихся къ нему, четверо врашъ Двора своего „украсилъ. Врашами южными, восточными и запад„ными входили на обширный дворъ, а сѣверныя „служили для домашнихъ его; за ними-то находи„лось его жилище.„ . . . Не такое ли точно расположеніе и нынѣшняго нашего Дворца? Еще пишется въ Шу-Кингѣ и въ той же главѣ Шунъ-Тіэнъ: . . „Шунъ повелѣлъ отворить четверы врата допускной „храмины, дабы всѣ могли его слышать.„ Что въ тогдашнее время было нужно по малости зданія, то нынѣ учинилось обрядомъ великолѣпія и государственнымъ закономъ для преукрашенной той палаты, которую Европейцы зовутъ Престольною. Устроена на площадкѣ, укладенной бѣлымъ мраморомъ; зрятся всѣ хитрости и красоты строевой нашей науки. Четверы же превеликія врата съ великолѣпныхъ переходовъ извнѣ, коими окружена вся палата. Престолъ Императора подъемлется высоко по срединѣ, а къ нему лѣстницы подъ богатыми коврами. Здѣсь-то

возсѣдая на престолѣ своемъ, пріемлетъ онъ знаки зависимости Князей данниковъ, Князей же крови своей, знатнѣйшихъ государственныхъ вельможей и иныхъ дѣловыхъ особъ, всѣхъ своихъ главныхъ судилищъ, повергающихся ницъ на площадкѣ, подобно какъ бывало тоже самое въ допускной храминѣ Шуновой, въ которой онъ на тотъ случай находился. Замѣтимъ мимоходомъ, что худо освѣдомленные Европейцы пріемлютъ то за верьхъ самовластія, о чемъ не имѣемъ мы Китайцы и понятія, что въ самой вещи есть наблюденіе древняго обычая. Императору, конечно не на семъ престолѣ его, подносятъ дѣловыя особы и присылаемыя нарочныя отъ судилищъ письменныя дѣла: пріемлетъ оныя ежедневно во внутреннихъ своихъ чертогахъ въ особоназначенной для того храминѣ; впускаютъ ихъ туда, говорятъ съ нимъ съ большею можетъ быть смѣлостію, нежели со всякимъ инымъ Государемъ на свѣтѣ. На престолѣ видятъ его только въ торжественные дни. Увидятъ его скоро пріемлющаго поздравленія и оказанія подданства отъ всей имперіи, по случаю вступленія его на шестидесятный годъ жизни. Къ тому должно вѣдать свойственное только нашему правительству: самъ онъ пойдетъ нарядным дѣломъ къ матери своей, сидящей на возвышенномъ же престолѣ; девять кратъ упадетъ къ ногамъ ея. Слѣдующаго за симъ года минуетъ Государынѣ сей восемьдесятъ лѣтъ. Изданъ уже указъ отъ сына ея, чтобъ сберегали до того несмѣтную казну, поднесенную ему въ даръ столичнымъ городомъ и всѣми областьми Китая по обычаю. Надобно вѣдать и то, что Императрицы матери не имѣютъ никакой силы въ дѣлахъ государственныхъ; всѣ оныя въ рукахъ царствующаго только Государя. Но сыновняя покорность не опика-

зываетъ имъ никогда и ни въ чемъ. Императорамъ нашимъ всегда угодно, дѣлаемыя милостни народу относить ходатайству родившихъ ихъ. Слѣдующаго года, повторяю, простилъ онъ всѣмъ преступникамъ, чтобъ молились за мать его, и благословлялъ ее весь народъ.

По дому Яоа можно судить о домахъ его подданныхъ. Расположеніе перваго сколь ни просто, означаетъ знаніе строишься; первые опыты во всякомъ искусствѣ не бываютъ въ надлежащемъ порядкѣ. Писатели среднихъ вѣковъ свидѣтельствуютъ, что Шунъ нѣсколько времени занимался заготовленіями кирпичей, а Тсеэ-Ма-Тсеэнъ внесъ оное во исторію свою. Но Шу-Кингъ совсѣмъ о томъ молчитъ, хотя есть самыя древнія буквы, значущія кирпичь и черепицу; слѣдовательно трудно опровергать такое свидѣтельство. Станется, что мы Китайцы инако дѣлаемъ кирпичи, нежели въ Европѣ. Станется, что принесено ремесло сіе изъ окрестностей столпа Вавилонскаго; понеже и до нынѣ существуетъ у насъ обычай строить на пустыхъ мѣстахъ башни. Полагающіе начало таковому обычаю вмѣстѣ съ началомъ же раскола Фоэва обманываются. Гнусное сіе идолослуженіе вникло въ Китай не прежде Гановой династіи; а о башняхъ, отдаленно отъ жилищъ, упоминается въ самой глубокой древности. Изъ басней нашихъ вѣдаемъ объ одной весьма славной во времена Фу-Гіэвы. Въ исторіяхъ стоитъ о другой, прозванной Гу-Куангъ: сѣисподи перегъ ея было тысяча шаговъ и столько же высоты; всходили на верьхъ ея лѣствицею, змѣеподобно извившеюся извнѣ. Находимъ въ нѣсколькихъ книгахъ Гановой династіи, что Яо повелѣлъ устроить три

такія

такія башни; но самая примѣтная въ древности есть построенная послѣднимъ Императоромъ Гіаскаго поколѣнія; стоила ему несмѣтныхъ денегъ, и довершила народное раздраженіе. Чудно, что бывъ угрожаемъ отъ мудрыхъ вѣка своего гнѣвомъ небесъ, предпріялъ безобразное сіе зданіе, дабы не погибнуть въ случаѣ внезапнаго разлитія водъ. Ю-Шуи-Тши-Янгъ.

Не много имѣемъ мы сказать объ одеждахъ, тканьяхъ, снѣдяхъ, домашнихъ утвaряхъ, и какъ все оное дѣлалось. Древніе писатели не разнятся, что Яо, Шунъ и Ю лѣтомъ носили платье холстинное, а зимою шубы изъ кожъ агнцевъ. Шапки, или точнѣе повязки, подгибались около головы, также зимою овчинныя, а лѣтомъ изъ холстины. Шелкъ изобрѣтенъ женою Гоанг-Тіа. Сочинитель Шуэ-Уэна доказываетъ, что всякія наши буквы, чѣмъ либо относящіяся къ шелку, не старѣе Тшеуской династіи, значущія же какое либо одѣяніе древнихъ: или шерсть, или пеньку. Ученые добираются, во употребленіи ли были точива шерстяныя, или изъ хлопчатой бумаги въ глубокой древности. *Да* и *нѣтъ* тому находимъ въ среднихъ вѣкахъ; что однако же не рѣшитъ вопроса. Ненавистному Тшеуу подана была челобитная; въ ней видѣлъ ропотъ, что вмѣсто шерстяныхъ и холстинныхъ одеждъ, кои носимы были всякаго состоянія людьми до его времени, сирѣчь до послѣднихъ лѣтъ второй династіи, появились шитыя золотомъ и разноцвѣтныя. Въ другой челобитной сказано было, что Ю имѣлъ одежду изъ хлопчатой бумаги, подбитую тою же тканью, но инаго цвѣта; но похуленъ бывъ за введеніе новости, спалъ носить и верьхъ и подбой одного цвѣта,

дабы и сею малостію не отличаться ему отъ подданныхъ. Однако же выходитъ изъ того, что при Юѣ умѣли краситъ тючива; да и осталося бы то несомнѣнно, естьли бы наши толкователи старинныхъ книгъ не очевидно склонны были обращать въ великолѣпіе все то, что присвояется торжественнымъ облаченіямъ и отличенію Мандариновъ отъ простыхъ людей. Естьли имъ вѣритъ, то пишемое объ Мандаринскихъ одеждахъ въ главахъ Шу-Кинга, Шун-Тіянъ и И Теи даетъ вѣдать, что бывали во употребленіи пять цвѣтовъ: бѣлой, фіолетовой, красной, желтой, черной; что одежды разнилися же узорами шитья и живописи, во ознаменованіе общественной должности каждаго лица. Въ Шу-Кингѣ не значится точно о цвѣтахъ подъ знакомъ, или буквою Сіангъ, подъ которою разумѣются одежды, шитыя золотомъ, и живопись: слѣдовательно и должно оставитъ оному послѣднее знаменованіе, какъ самое древнее и паче соотвѣтствующее простотѣ нравовъ первобытныхъ временъ, также и исторіи временъ послѣдовавшихъ; ибо все повѣствуемое о Гоанг Тіѣ по смерти его само собою изчезло. Никакихъ не находятъ слѣдовъ высокопарнымъ тѣмъ вымысламъ и тому величію, коимъ разкрашиваютъ мнимое его царствованіе. Нѣкоторые, мечты сіи претворя въ бытія, присвоюютъ ихъ Яоу, Шуну и Юу. Кому не извѣстно, что украшенія, о коихъ упоминается въ Шу-Кингѣ, нарицалися Уэнъ? Отъ сего произошло слово Уэн-Тшангъ, то есть рѣчь предъ собраніемъ и искусство писать; какъ бы кто хотѣлъ сказать: изображенія, взаимно объясняющіяся. Словесники подпираются содержаніемъ Шу-Кинга въ разсужденіи одеждъ, и выводятъ, что умѣли уже тогда писать; выводятъ, да и довольно, что толкова-

ковашели Шу-Кинга принуждены были списывать старинныя буквы, давая имъ истинной видъ мнимаго ихъ таинственнаго знаменованія. Шу-Кингъ не вразумляетъ, какая буква въ особенности знаменовала какія либо званія людей; однако же ша, подъ коею разумѣлось пшено, не могла никому иному приличествовать, кромѣ смотрителя за земледѣльствомъ; топоръ, кому повѣрено имѣть въ вѣдомствѣ своемъ рубку лѣсовъ и звѣриныя ловли; солнце, луна и звѣзды, астрономамъ. Не мало мѣстъ въ древнихъ сочиненіяхъ, на которыя въ томъ ссылаться можно. Но лучше откровенно скажемъ, что статья сія, равно какъ и многія другія, не можетъ достаточно доказываться за неимѣніемъ древнихъ памятниковъ. Должно быть довольными сужденіемъ толкователей, жившихъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; но они толико не согласны въ приводимыхъ ими преданіяхъ, толико являются незнающими; на чемъ же точно утвердишься? Кто читаетъ книги наши, тому отнюдь не надобно выпускать изъ вида примѣчанія сего; инако же обѣятъ будетъ непроницаемымъ мракомъ. Были и такіе толкователи, которые не проронили самыхъ мѣлочныхъ обстоятельствъ жизни Яова; въ Шу-Кингѣ почти не упоминается о таковыхъ совсѣмъ. Должно полагаться только на книгахъ: Ши-Кингѣ, Ли-Кіэ и Тшеу-Лиѣ, не восходящихъ повѣствованіемъ своимъ далѣе Шанговой династіи. Гоан-Тсэ, Гу-Тсэ, сочиненіе Лiэу-Тао, а послѣ и еще многіе писатели утверждаютъ, что Яо питался овощьми, травами и плодами. Сомнительно однако же, чтобъ даже до сего простиралася умѣренность его въ пищѣ. Сверьхъ того, что увѣряютъ о томъ Тао-Сеяне, увѣреніе подозрительное, не сбыточно, чтобъ давали во времена сего Государя порцыпься дичинѣ,

стрѣ-

стрѣляемой ловцами; разводили скотскія стада, мяса же не ѣли. Къ тому же извѣстно, какъ явствуетъ въ И-Кингѣ, что чрезъ каждые семь дней приносилася жертва Шанг-Тію, и употребляли въ пищу мяса закалаемыхъ живопныхъ. Въ книгѣ Ли-Ки разозначены и роды мясъ, подаванныхъ на столъ Императора, смотря по годовому времени. Обрядъ сей, правдоподобно, какъ и почти всѣ иные, пріурочиваютъ первобытные обычаи. Естьли древнія буквы, знаменующія столъ, скамью, кровать, чашу, ножъ и тому подобное, суть истинныя изображенія вещей искони, то можно съ благонадежностію поставлять ихъ выдѣлыванными съ малымъ искусствомъ; но доказываетъ же, что было уже извѣстно и во употребленіи. Европейцы разумѣютъ нѣкоторые народы дикими и грубыми, не находя въ языкахъ ихъ словъ, потребныхъ къ выраженію нуждъ, обычаевъ и выгодъ жизни человѣческой; но сему напротивъ должны они заключать, что первобытные Китайцы многое уже вѣдали: ибо древнія наши буквы суть собраніе изображеній всякаго рода вещей. Чипай Ліэу-Шу-Тсин-Гоэнъ.

Умолчимъ объ искусствахъ, надлежащихъ до роскоши и пріятности жизни, хотя и оныя столь же далеко въ древности, какъ надлежащія до исправленія необходимыхъ домашнихъ потребъ, имѣли начало свое, по свидѣтельству лучшихъ нашихъ писателей; но во временахъ, о коихъ слово, не находимъ слѣдовъ. Да и не льзя, естьли представляемъ Шуна съ плугомъ своимъ возвращающагося ко Дворцу. Римъ въ такомъ же нѣкогда бывалъ состояніи: самые знаменитѣйшіе военачальники, покидая плугъ, брали оружіе въ руки. Всякой разъ чудилися мы и внутренно

но негодовали, читая прославителей народовъ Парагайскихъ, когда роптали они на Евреевъ за малую ихъ наклонность къ художествамъ роскоши и жизненныхъ пріятностей. Наши бы писатели болѣе были справедливы, возгласили бы, что правительство Еврейское есть верьхъ премудрости человѣческой, и что наше собственное правительство подходило къ оному близко только въ благоденственныя времена Яо, Шуна и Юа: . . . „О блаженныя времена! о пре„благополучный вѣкъ! вѣщаетъ достохвальный Пе„линъ. Одежды не покупалися цѣною трудовъ мно„гихъ лѣтъ; глиняное блюдо не стоило наслѣдства; „самые неимущіе имѣли чѣмъ прикрывать наготу „во всякое годовое время, имѣли собственности. „Плоды земные не созрѣвали насильственно; мяса не „теряли соковъ своихъ отъ приправъ; неимущіе „люди обиловали пшеномъ, и никогда одни не сади„лися за столъ; краски и лаки не утаевали ветхо„сти домашнихъ приборовъ. Однако же дожди не „проникали въ хижины земледѣльцевъ; дѣти ихъ „имѣли постелю.„

Въ самой вещи, никакія примышленія послѣднихъ столѣтій конечно не умножили пріятностей жизни, несравненно для большей части человѣковъ. Добрый Государь, Генрихъ IV, не увеличиваніемъ роскоши и прихотей обнаруживалъ уражающее души хотѣніе свое, чтобъ послѣдній изъ подданныхъ его нашелся въ силахъ въ воскресные дни класть курицу въ горшекъ свой. Между вымыслами роскоши ошперегаемся мы включить составы и раздѣленія металловъ, мореплаваніе, всякія повозки, оружіе и прочее. Но за недостаткомъ памятниковъ не входимъ въ подробности обо всемъ томъ. Въ нѣкото-

которыхъ собраніяхъ рѣдкостей находятъ мѣлкія монеты будто бы временъ Яоэвыхъ. Однако не прежде стали такъ разглашать первыхъ годовъ втораго столѣтія по рождествѣ Христовѣ, въ теченіи же первой династіи. Исторія объ ономъ молчитъ. Сверьхъ того нѣтъ на нихъ чекана, проявляющаго ихъ древность. Тинги, или большія мѣдныя чаши, которыя выдаются выплавленными по Юэву велѣнію, и на которыхъ будто бы вырѣзаны были карты каждой области и главныя произращенія оныхъ: естьли бы то была правда, то искусство плавить металлы весьма много усовершенствовано во дни царствованія сего Государя. Куэ-Ю, книга, сочиненная Тсо-Шіемъ, первая о семъ упоминаетъ; книга, недостойная вѣроятія, полная басней и совсѣмъ инако вѣщающая, нежели Шу-Кингъ. Въ царствованіе Яоа ходили на звѣриныя ловли; при Шунѣ производили войну, слѣдовательно имѣли оружіе наступательное и оборонительное. Но какъ было дѣлывано? Какое было видомъ? На сколько родовъ раздѣлялось? На сіе нѣтъ нигдѣ и никакого отвѣта. Буквы, знаменующія лодку и плугъ, вотъ чего старѣе мы у себя не находимъ. Первая сопримѣшивается чудеснымъ образомъ ко многимъ инымъ таковымъ же знакамъ. Почти не возможно не опознавать, что ударяетъ на ковчегъ Ноя. Но сіе требовало бы особаго описанія. Довольно, когда скажемъ, что изобрѣтеніе лодки было и извѣстно и въ общемъ употребленіи во времена Яоа.

Всенародное есть преданіе, подтверждаемое книгами Ли-Ки, Тшу-Ли и иными, что при раздѣлѣ земель въ царствованіе Шуна и Яоа (никто не выводитъ древнѣе) осьми семействамъ отводилось чет-

четверобочное мѣсто въ девяти стахъ десятинахъ. Каждое семейство обработывало для пропитанія своего сто десятинъ, девятое же сто десятинъ обработывали общими силами всѣ восемь семействъ, и плодами послѣдняго труда своего платили дань Государю. Раздѣлъ братственной доказываетъ очевидно, что знали тогда межевое дѣло, землемѣріе и науку чиселъ. Да попустятъ Европейцы и предкамъ нашимъ имѣть участіе въ славѣ, присвояемой ими древнему же Египту. Нѣкоторые ученые между нами вѣрили, что доски, или таблицы, Го-Ту и Ло-Шу, изображали на себѣ вышесказанной раздѣлъ земель. Когда сіе такъ и не инако быть можетъ, какъ слѣдами самой глубокой древности, то весьма хвально для Европейскихъ геометровъ, что нашли они науку, нами потерянную. Что вѣдали праотцы же наши первыя основанія науки числительной, нѣтъ сомнѣнія. Астрономія извѣстна стала въ Европѣ весьма уже поздно въ вычетахъ и предсказаніяхъ явленій небесныхъ тѣлъ. Предоставляя разнимать оное искуснымъ, замкнемся только предположеніемъ относительнаго до того въ первыхъ главахъ Шу-Кинга. Читатели да будутъ впрочемъ увѣрены въ точности и исправности перевода нашего. Пусть будутъ израженія наши дикообразны, но уцѣпимся, такъ сказать, за прямый смыслъ книги сей, и перескажемъ содержаніе ея слово въ слово, сколь бы то было ни стѣснено. . . . . „Далъ „онъ (Яо) повелѣніе Гіу и Гоу. Всевышнему Тіэну „довлѣютъ наши обоженія и покорность. Сочините „календарь солнцу, лунѣ, созвѣздіямъ и звѣздамъ. Законъ „Божій да почествуется отъ человѣковъ временами, коими они должны Ему. Гіи Тшонгъ пребывай въ Ю И, инако зовомомъ Янгъ-Ку, и тщательно наблюдай возхож-

„денія солнца, уравнивай и приводи въ степени „теченіе сего свѣтила на востокъ. Дни средней „долготы и созвѣздіе Нію означаютъ сердце весны: „тогда разсѣивается народъ по полямъ, четвероногія „и птицы подклоняются подъ иго любви. -- Гіи-Шу „да остается въ Нан-Кіаѣ, да уравниваетъ и при„водитъ въ степени премѣнчивости полуденныя, „для установленія торжества поворота солнца. Са„мые должайшіе дни и созвѣздіе Го означаютъ точ„ную средину лѣта. Человѣки ищутъ тѣни, пти„цы линяютъ, у четвероногихъ шерсть короче. -- Го„Тшонгъ да живетъ въ западной странѣ, на мѣстѣ, „называемомъ Мен-Ку; да наблюдаетъ тамъ со „всевозможною искренностію захожденія солнца, да „уравниваетъ и приводитъ въ степени движеніе его „къ закату. Сокращающіеся дни и созвѣздіе Гіа „оказуютъ средину осени: люди начинаютъ отды„хать, птицы вновь перяться, на четвероногихъ „густѣетъ шерсть. -- Го-Шуу опредѣляю держаться „въ Лу-Фангѣ, инако зовомомъ Ю-Ту, уравнивать „и опредѣлять послѣднюю перемычку годовыхъ вре„менъ. Краткость дней и созвѣздіе Мао проявляютъ ядро зимы: человѣки затворяются въ до„махъ, всякое животное получаетъ защиту отъ „стужъ. . . . . Императоръ паки вѣщаетъ: Га и Го! „солнечный годъ состоитъ въ трехъ стахъ шести„десяти шести дняхъ. Замѣчайте новолунія, и по „тому разчисляйте четыре годовыя времена граж„данскаго круголѣтія. Разныя работы да соотвѣт„ствуютъ онымъ: отъ того земля дастъ плоды „свои въ большемъ изобиліи.„ Глава Яо-Тіэнъ. Астрономъ далъ бы безъ сомнѣнія паче астрономическія повелѣнія; велѣлъ бы искать многаго, чего съ правдоподобіемъ найти не льзя. Не довольно ли окрес-

менъ

жены изреченія Яоа? Или незнаніе нынѣшняго времени о созвѣздіяхъ, упоминаемыхъ симъ Царемъ? Но мы обрѣтаемъ во изреченіяхъ сихъ все нужное нашемому нами, сирѣчь: 1) присвоеніе Китаю астрономическихъ понятій; что вѣдали когда повороты солнечные и равноденствія; что спомоществовалися во установленіи оныхъ восходами и закатами сего великаго свѣтила; 2) что различали годы солнечные отъ годовъ гражданскихъ; что послѣдніе были лунные: одинъ мѣсяцъ, пріобщенной къ двенадцати другимъ нѣкоторыхъ годовъ, образовалъ порядокъ всѣхъ прочихъ мѣсяцовъ.

Кажется по главѣ Шун-Тіэну и всей книгѣ Шу-Кингу, что мѣсяцы не имѣли каждой особаго себѣ названія, а говорили: вторая, третія, четвертая луна, и такъ далѣе. Предаемъ на волю читателей сближать такія астрономическія познанія временъ Яоа съ состояніемъ тогдашнимъ страны нашей и оной населенія, какъ явствуетъ въ статьяхъ предъ сею. Праведно и безпристрастно размышляя, одинакія съ нами будутъ выводить заключенія. Если бы Китай былъ обитаемъ за долго прежде, то какъ бы наука астрономическая, столь долго ползавшая, подобно младенцамъ, и между самыми просвѣщенными народами; какъ бы наука сія, повторяю, могла вдругъ столь высоко подняться? Вмѣсто того сказываемъ мы, что предки наши принесли оную отъ береговъ рѣки Ефрата. Не все ли взаимно связуемъ и объясняемъ, тѣмъ паче удобовѣрно и просто, что сама исторія выдаетъ Вавилонянъ, Ассиріянъ, Египтянъ и иныхъ, успѣвавшими уже въ наукѣ сей не меньше предковъ нашихъ искони. Должно весьма не сливать содержанія Шу-Кинга съ толкованіями

плодословными выполнителей сей книги. Критики весьма похвально замѣчаютъ, что сіи выполнители были посредственные астрономы, когда мнили находить въ вышеприведенныхъ изреченіяхъ Яоа всю сію науку; а какъ каждые изъ нихъ знали ее соотвѣтственно своимъ временамъ, то и толки ихъ учинилися разностенны. Повсемѣстное преданіе свидѣтельствуетъ, что астрономія во дни Яоа была совершеннѣе, нежели въ послѣдовавшія поколѣнія нашего народа. Просимъ ученыхъ Европейцовъ освѣдомить насъ, откуда возникло таковое преданіе, и для чего нѣтъ же подобныхъ объ искусствахъ, надлежащихъ до проворствъ тѣла, умовображеній и вкуса; хотя, естьли не отметать нашихъ толкователей, искусства сіи нарочито уже доведены были далеко? Читаемъ въ Шун-Тіэнѣ, что по возложеніи Яоемъ Царскаго вѣнца на Шуна, сей въ первый день первыя же луны пришелъ во Уэн-Тсу, гдѣ находился Сивен-Ки-Ю-Генгъ, для учиненія чистѣйшими седьми законовъ правительства, и принесъ оные въ жертву Шанг-Тію. Толкователи наши изъ четырехъ сихъ словъ Сивен-Ки-Ю-Генгъ составили всю сферу небесную со всѣми премѣнами, явленіями и взаимостояніями движущихся небесныхъ тѣлесъ. Столь любопытная сфера будто бы устроена была по велѣнію Юа изъ камией дорогихъ: по качествамъ своимъ были между мармора и камней самыхъ жесткихъ; украшена камнями же великой цѣны, съ прикрѣпленною къ ней зрительною трубою.

Шу-Кингъ не говоритъ ничего такого ни сначала, ни послѣ; слѣдовательно трудно понять, какъ внесена была сфера во храмъ; да и не извѣстно подлинно, когда научилися предки наши знать планеты.

нетъ. Но сказанныхъ толкователей ничто не удержало, и какъ бы одна династія другой преподавала усовершенствіе сферы сей, даже напослѣдокъ въ прибытіе Европейцовъ въ Пе-Кингъ Си-Вен-Ки-Ю-Генгъ стала уже весьма вѣрная сфера. Да не мыслятъ за морями, что критики наши зажмуриваются предъ таковыми бреднями. Сочинители толкованія на Шу-Кингъ даютъ вѣдать читателямъ, что сфера Си-Вен-Ки возникла отъ нѣкакой мнимой надписи во времена Тшеускаго поколѣнія. Коликой промежутокъ времени между симъ поколѣніемъ и царствованіемъ Яоа! Молчатъ же о томъ Кинги и всѣ другія сочиненія до пожара. Напротивъ, по толкованіямъ древнихъ, Си-Вен-Ки-Ю-Генгъ было собраніе чашъ, искусно выработанныхъ, которыя употреблялися въ большіе торжественные дни; а по утвержденію другихъ, каменные столы, съ вырѣзанными на нихъ законами, и ящикъ, въ которомъ все то запиралось. Мнѣніе же словесниковъ, что буквы Си-Вен-Ки-Ю и Ю-Кенгъ значили созвѣздія; но писатели, на коихъ ссылаются, не довольно древніе. Читай Шанг-Шу-Тонг-Као, книгу третію, листъ первой и второй, и государственное толкованіе, книгу вторую, страницу третію и слѣдующую. Задержавшись мы единожды таковою мѣлочью, должны сказать читателю, что имена собственныя и названія вещей чужды смысла, когда преданія не соблюли намъ объ нихъ понятія. Связи между всякихъ сказаній, повторенія однѣхъ и тѣхъ же буквъ, сличенія съ иными древними книгами, есть способы издателямъ и толкователямъ Шу-Кинга для большей части словъ; но не Си-Вен-Ки-Ю, о коемъ нигдѣ и ничего не находимъ. Истинные ученые люди исповѣдаютъ незнаніе свое, что подлинно то значитъ,

чинъ. Также разумѣть надобно и о всѣхъ прочихъ древнихъ буквахъ. Сколько названій животныхъ, растеній, домашнихъ утварей и тому подобнаго въ Омирѣ, Эродотѣ, Пиндарѣ и иныхъ, которыя нынѣ суть слова мертвыя, безъ смысла, какъ говорятъ наши словесники? Еще долженствуемъ предостеречь читателей отъ вранья толкователей: человѣки до всемірнаго потопа первые пользовалися всею цѣлостію здраваго разсудка; жили довольно долго, слѣдовательно имѣли время находить всегда что нибудь новое за новымъ, даже и въ самой высотѣ наукъ. Могли имѣть превосходные умы; почему же не дано имъ было способности къ вымысламъ? Для чего же дивиться, что была уже сфера небесная во дни Шуновы? Выходцы послѣ Сенаарскаго разсѣянія языковъ конечно взяли съ собою въ путь все, что могло быть для нихъ нужно, такъ какъ Европейцы, странствующіе въ Америку. Астрономы Ги и Го не могли же забыть орудія науки своей. Однако не смѣемъ мы заставить Шу-Кингъ вѣщать, о чемъ молчитъ всесовершенно: даже до того, что толкователи сей книги, напягивая сколько имъ было можно правдоподобія, выдумали открытую сверьху башню, сквозь которую видно было небо. Изъ всѣхъ толковъ, изъ всѣхъ переводовъ, находимъ мы паче соотвѣтствующимъ содержанію Шу-Кинга и болѣе сходнымъ со знаменованіемъ буквъ каменныя доски, или столы, на коихъ изображалися вырѣзанные законы. Само по себѣ понимается, что употребляемы бывали при жертвоприношеніи, когда Шунъ возшелъ на престолъ.

Сказываное нами объ астрономіи подтверждается строками Шу-Кинга о музыкѣ, стихотворствѣ

ствѣ и пляскѣ. Шунъ, избравъ многихъ смотрителей, какъ-то надъ земледѣльствомъ, общенароднымъ благочиніемъ, надъ лѣсами и пажитями, надъ работными людьми всякаго рода, учредилъ же чиновника и надъ музыкою. . . . „Куэи! изрекъ Императоръ: тебѣ поручаю вѣдомство надъ музыкою: научай оной „сыновей вельможескихъ, чтобъ послужило то ихъ „помощію присоединять ко природушію мягкосердечіе, учтивство къ степенности, снизхожденіе къ мужествѣ, благонравіе къ презрѣнію суетныхъ забавъ. „Стихотворство изражаетъ чувствіе души, пѣніе „умиляетъ словеса, а музыка услаждаетъ пѣніе. Соразмѣрность соединяетъ голоса и единствуетъ съ „разными музикійскими орудіями. Человѣки, наименѣе чувствительные, смягчаются; душа и тѣло „вдругъ услаждены.„ Глава Шун-Тіэнъ. Читатели не имѣютъ нужды въ разсужденіяхъ нашихъ о говоренномъ такимъ образомъ отъ Императора, вложившаго въ руку скиптръ того, который прежде владѣлъ заступомъ; а упомянемъ о поставленномъ отъ него начальникѣ надъ музыкою. Естьли вѣрить Куэну, искусные музыканты, ударяя по Минг-Кіэуу, и играя на Кин Хеэ, приводили самыхъ жестокосердыхъ во умиленіе; возхищались, примѣчаемо въ нихъ было неизреченное услажденіе слуха. . . . „Музыка, „говоритъ онъ языкомъ стихотворцевъ, оживляетъ „камни, извлекаетъ изъ нихъ звуки, отъ коихъ „радостно прыгаютъ животныя; удаленныя сердца „враждою примиряетъ.„ Надлежитъ знать, что есть у насъ музыкальное орудіе, устрояемое изъ камня, коего звукъ пріятнѣе и согласнѣе всякаго металла. Осталося намъ, потомкамъ праотцевъ нашихъ, наслѣдственное свѣденіе о такомъ камнѣ. Куэи продолжаетъ: . . . „Государь любитъ слушать пѣніе:

„сильтесь исполнить волю всевышняго Тіэна; не „пропускайте мгновенія и пользуйтеся случаемъ.„ Таже самая пѣснь глаголетъ: . . . „Люди въ общественныхъ званіяхъ да имѣютъ сильную и проворную руку, ноги ихъ да будутъ скоры и гибки; „Самодержецъ нашъ да управляетъ и владычествуетъ „всемъ какъ глава: то и всякія предпріятія увѣнчаются щастливыми успѣхами.„ Као-Яо приводитъ еще пѣснь изъ той же главы: . . . „Когда верьховный начальникъ, яко глава ума просвѣщеннаго, „тогда члены состава его здоровы и крѣпки, все „государство сильно и мужественно. Когда глава „благоугождается мѣлочами, деревенѣютъ руки и ноги, все тѣло изнуряется.„ Глава И-Тси. Му-Тсе повѣствуетъ, что Яо, прогуливаяся на полѣ, услышалъ поющаго отрока: . . . „Покровительствуй мнѣ, про„свѣщай народъ: вотъ должность великаго твоего „званія! Мы недостаточествуемъ въ мудрости и „опытахъ, нашъ долгъ есть повиноваться тебѣ.„ Яо вопросилъ его: кто тебя научилъ пѣснь сію? Отвѣтствовалъ: . . . „Мой учитель.„ Послѣдній бывъ подобно же вопрошенъ, отозвался: . . . „Самая старинная есть сія пѣснь.„

Скажите, о ученые Европейцы! не опознаваете ли достопочтенную древность въ Шу-Кингѣ и со стороны только музыки? Ясно выходитъ, что въ довольномъ уже была совершенствѣ. Не льзя утвердительно означить, какія точно бывали тогда орудія искусства сего, какая мѣра и паденіе стиховъ. Довольно однако же, что были разныя орудія духовыя и струнныя; что стихотворство содѣйствовало музыкѣ. Сравнивая всячески съ повѣствованіями о томъ же Грековъ, не трудно доэнаваться,

ваться, что музыка не возникла въ самомъ Китаѣ, а занята отъ какихъ нибудь иностранцевъ. Невинность и благочиніе суть ея качества, слѣдовательно и была какъ бы печать, знаменующая происхожденіе свое скоро послѣ потопа. Единаго и сего доказательства, свидѣтельствуемаго Кингами и всѣми иными древними сочиненіями, довольно, что тогдашняя музыка посвящена была велѣнію и обрядамъ праздниковъ вѣры, слѣдовательно и несомнѣнной ея древности. Праотцы наши много вѣщаютъ о нѣсняхъ временъ Яоа, Шуна и Юя при жертвоприношеніяхъ Шанг-Тіе. Нынѣ остаются оныхъ однѣ заглавія. Но обычай пѣть, принося жертвы, пробавился чрезъ всѣ поколѣнія изъ одного въ другое; даже и нынѣ лучшую и огромнѣйшую музыку нашу слышимъ въ день торжества Тіэн-Тана, хотя совсѣмъ уже не та числомъ голосовъ и орудіями, какая бывала при Тшеуяхъ, Ганахъ и Шангахъ. Кто не вѣдаетъ, что псалмы Давидовы сочинены для пѣнія при жертвахъ? Сколько поэмъ Пиндаровыхъ и Гораціевыхъ служили на тотъ же самой конецъ? Чѣмъ внятнѣе вникаемъ въ глубокую древность, тѣмъ болѣе находимъ источниковъ всего нами пишемаго. Пѣснь Моисеева въ прехожденіе его по Черному морю проявляетъ древній обычай описывать стихами чувствованія душъ, внемлемыя знаменитыми произшествіями. Падеціи двухъ великихъ династій, Гіэвой и Шанг-Тіэвой, оставлены намъ въ прекрасныхъ стихахъ, наполненныхъ основаніями закона Божіяго и правилами нравственными; почему и справедливо заемлютъ мѣсто первое по Писаніи Священномъ, еже отъ Духа Свята. Европейцы имѣютъ у себя переводъ оныхъ-да читаютъ безъ предубѣжденія, не боимся уколовъ. Въ Шу-Кингѣ замыкается еще древнѣйшее сви-

дѣтельство такого употребленія. Когда Тэи-Тангъ свергенъ былъ съ престола, братія его оплакивали въ наилучшихъ стихахъ, коихъ первое отдѣленіе такъ начинается: . . . „Куда скрылися преважныя „правила священнаго нашего предка [Юя]? Безбоя„знѣнно, говаривалъ онъ, сближаемся мы съ народомъ „приверженіемъ къ нему души нашей; но всего доль„жно страшишься, отвращая, утѣсняя оный. Народъ „есть средоточіе опоры власти. Преданы ли Государю подданные, престолъ его навсегда незыблемъ. „Увы! самое сильнѣйшее могущество не помогаетъ „владѣтелю не быть нѣмъ, что онъ есть въ самой вещи. Одинъ придворный, одна женщина можетъ сокрушить его добродѣтель. Удаленія отъ „праваго пути совозпослѣдуются паденіями, общественное негодованіе становится гласно; изчезаетъ „призракъ, ослѣплявшій Царя. У меня въ рукѣ скипетръ, „но трепещу какъ струна, натрученная уже издавна, „которую шесть полныхъ огня коней усильно тянутъ. О вы, поставленные во главу человѣковъ! „какъ можете затыкать уши предъ гласомъ закона „Божіяго?„ Глава У-Тсеэ-Тши-Ко, часть вторая Шу-Кинга. Пріобщимъ одно слово: древніе стихи получаютъ красоту свою съ простѣйшей краткости слога, неподражаемо однако же изразительной, слѣдовательно и самой высокой. На примѣръ, во всѣхъ тѣхъ стихахъ, кои мы здѣсь приводимъ, не болѣе шестидесяти двухъ буквъ. Естьли искать произхожденіе стихотворства, то конечно надлежало бы разумѣть, что краткость словъ единосложныхъ долженствовала производить выговоры оныхъ медленные и съ перемѣнчивостію голоса, инако же не могли бы быть слышимы вдали. Плавность, мѣра и паденіе стиховъ вымышлены для приданія имъ пріятно-

ятности и правилъ. Такая догадка основывается на примѣчаніи. Поселяне, оплакивая родственниковъ своихъ и друзей надъ ихъ гробницами, всякой разъ возвышаютъ голосъ по свойству языка нашего, произносятъ слова отрывчиво; послѣдніе же долго тянутъ безъ всякой иной риѳмы и мѣры, какъ только гдѣ прерывается дыханіе поющаго; но выходятъ совершенно равные стихи.

Поелику замѣшиваетъ стапья, нами здѣсь описываемая, ученыхъ нашихъ, столько кажется намъ согласною съ истиннымъ произхожденіемъ Китая. Состояніе, въ которомъ онъ былъ во времена Яоа и Шуна; разработаніе новыхъ земель, очевидные начатки монархіи, малонародіе, простота постройки домовъ, одежды и пищи, представляется имъ трудными въ соотношеніи съ художествами: астрономіею, музыкою, стихотворствомъ и прочими. Не могутъ отметать свидѣтельства Шу-Кинга, но самая сія книга наноситъ имъ затрудненія. Вмѣсто того мы, сближая оную съ первою Моисеевою книгою, и полагая за первое основаніе, что предки наши были выходцы послѣ раздѣленія языковъ и разсѣянія оныхъ изъ страны Сенаарской, то всякія противорѣчія сами собою изчезаютъ и все объясняется. Первобытные Китайцы были въ самомъ томъ же положеніи, въ какомъ выѣхавшіе изъ Европы въ Канаду, Бразилію, Перувію и иныя Американскія мѣста.

Въ разсужденіи наукъ, особенно же астрономіи, молвимъ вскользь слово о лѣточисленіи нашемъ. „Естьли оное поспособствовало мнѣнію вашему, „скажутъ можетъ быть многіе читатели, то вы „тѣмъ подкрѣпитесь и можете одержать верьхъ.

„Но когда вы не станете его держаться, какъ вы „уже сознались, то три, или четыре прибавленія „опровергнутъ вашъ Шу-Кингъ и съ вами вмѣстѣ.„ Совѣтъ преполезной; но какъ не предстоитъ намъ ничего ни къ снисканію, ни ко утратѣ, то прежде всего объявлемъ: . . . . . не ухищреніемъ избѣгнули мы отъ плаванія по обуревающемуся морю лѣточисленныхъ смѣтъ. Не намъ искать лѣточислителей, а имъ приличествуетъ присмать къ намъ, ежели не хотятъ сбиться съ истиннаго пути. Замолчимъ ли мы на нѣсколько о томъ, то конечно для посрамленія нѣкотораго извѣстнаго новѣйшаго писателя, который вѣрно не читывалъ ни святаго Евангелія, ни книгъ нашихъ, и который дерзнулъ напечатать самое грубое невѣжество въ разсужденіи Кинговъ и лѣтописей нашихъ. Его и ему подобныхъ просимъ снизходительно выслушать: . . . . „Не было и нѣтъ „ученаго человѣка въ Китаѣ, не почитающаго без„умiемъ сомнѣваться, что лѣточисліе наше возхо„дитъ въ древность только до восемь сотъ сорокъ „перваго года прежде рождества Христова.„ Стихотворцамъ ли, мнимымъ ли философамъ и замѣчателямъ произшествій приличествуетъ спорить въ томъ, что утверждается столь многими столѣтіями отъ превосходной учености мужей въ Китаѣ? Вотъ доказательства: 1) Шу-Кингъ означаетъ продолженія нѣкоторыхъ царствованій, но не всѣхъ. Много было такихъ Императоровъ, о которыхъ книги сіи не говорятъ ни слова. 2) Шу-Кингъ упоминаетъ о затмѣніи, случившемся въ царствованіе Тшонг-Конга, не прiобщая, въ которомъ было году, ни величины сего затмѣнія, ниже времени. Мнѣнія лѣточислителей о томъ раздѣляются на семь. Одни полагаютъ въ томъ, другіе въ иномъ годѣ; а изъ сего

яв-

явствуетъ, что меньше въ Китаѣ объ ономъ сомнѣваются, нежели за морями. 3) Шу-Кингъ не сказываетъ продолженія никакой династіи, не замѣчаетъ точки во времячисліи никакому произшествію, посредствомъ бы чего удобно было возходить и снисходить отъ однихъ къ другимъ инако, какъ только правдоподобіями. 4) Никакое старинное наше сочиненіе не выполняетъ молчаніе Шу-Кинга о всѣхъ сихъ предметахъ. Можемъ мы смѣло вызывать къ состязанію съ нами о четырехъ сихъ статьяхъ вообще и частно? И такъ предостается дополнить молчаніе Кинговъ сочиненіями Конфуція и его учениковъ, или сочиненіями же иныхъ писателей прежде пожара.

Въ разсужденіи описываемыхъ царствованій Шу-Кингомъ, ни которое не описано исторически; сверьхъ того въ отвѣтахъ Конфуція видно, что въ его время мало вѣдали объ Гіаѳвой династіи. Тсеѳ-Сеѳ пересказываетъ слова Конфуція: . . . . „Памятники царства Кискаго уже не существуютъ, слѣдовательно „и не на чемъ болѣе основываться.„ Сеѳ Шуи переведены на Французской и Латинской языки. Въ нихъ только находимъ, что Монг-Тсеѳ считаетъ пять сотъ лѣтъ между Конфуція и Іэн-Уанга; столько же между Тшин-Тангомъ и Шуномъ, и столько же между Уэн-Уангомъ и Шин-Тангомъ, основателемъ династіи Шанговой. Остается прибѣгнуть къ писателямъ, жившимъ до пожара. Не упоминая, какъ дошли ихъ сочиненія до насъ, какъ обнародывались и сколько вѣрить имъ можно, удовольствуемся мы однимъ симъ примѣчаніемъ, что нѣтъ ни въ которомъ изъ нихъ ни имянъ Императоровъ, ни годовъ и чиселъ произшествій, ниже сокращеннаго описанія монархіи

нархіи нашей. О древнихъ временахъ приводятъ нѣчто, но только къ слову и случайно. Наиснисходительнѣйшая критика заставляема бываетъ признавать ихъ несогласными съ Кингами, весьма же мало сами съ собою, а одно съ другимъ почти никогда. Ищущіе таинствъ обрѣтаютъ ихъ и въ таковой несоразмѣрности лѣточисленныхъ системъ Тсеэ-Ма-Тсіэна, Пан-Куа, Гоанг-Фу-Міа, Сеэ-Ма-Куанга и иныхъ. Но успокоимъ ихъ слѣдующимъ: 1) извѣстно, что годы въ теченіи разныхъ династій начиналися у предковъ нашихъ не въ одно время. Первая надесять луна династіи Гіаской была первая при Тшеуяхъ, а вторая надесять при Шангахъ. Подъ владѣніемъ Тшеуэвъ всѣ сіи три образа времячислія были во употребленіи по разнымъ областямъ государства. Къ пущей запутанности не имѣли правила въ первыя двѣ династіи, по коему установлять високосные мѣсяцы. 2) Число Императоровъ каждой династіи не доказывается ничѣмъ достовѣрнымъ, только нѣкоторыхъ немногихъ упомянуты имена. Тсеэ-Ма-Тсіэнъ былъ первой сочинитель такого именнаго списка; не ручается однако же и самъ за точность онаго. 3) Тао-Сеяне загнали времена Яоэвы далеко въ глубину древности, сближая ихъ чрезъ то съ Гоанг-Тіэмъ. Астрономы на удачу замѣтили годъ, день и часъ затмѣнія Тшонг-Канга. Были писатели, составившіе лѣточисліе, дабы лучше сходствовалъ Шу-Кингъ съ писателями же, жившими до пожара, коихъ предпочитаютъ они прочимъ. Касательно же до Кіа-Тсея, или круголѣтія въ шестидесяти годахъ, которое понадѣлало столь много шуму за морями, у насъ никто не вѣдаетъ, когда началось. Въ Кингахъ нашихъ нѣтъ тому слѣдовъ. Нѣкто изъ сочинителей послѣдняго предъ симъ вѣка, хотя непросвѣщен-

щенной православіемъ, но доказалъ, что всякія наши замѣты временъ до осьми сотъ сорокъ перваго года основаны на воздухѣ, и носятся, можно сказать, изъ системы въ систему, не останавливаясь ни на чемъ за недостаткомъ достовѣрныхъ памятниковъ. Разрушивъ ихъ вовсе, говоритъ онъ же, надобно прибѣгнуть ко книгамъ Европейцевъ и съ помощію ихъ лѣточисленія поставить наше на мѣ рѣ. Способъ неудобный; развѣ найдутся взаимныя соотвѣтствія между сказанными замѣтами и пр шествіями, подобно мраморнымъ доскамъ, упомя тымъ нами въ первой части опыта сего. Та часть древней нашей исторіи, которую бы нужнѣе иныхъ частей объяснить было нужно, почти совсѣмъ пуста и не вяжется ниже сколько нибудь со исторіями другихъ народовъ. Такая исторія къ чему служитъ? Писецъ нашъ то понялъ, и подвязавъ себѣ крылья, полетѣлъ на небеса искать свѣта мраку сему; а какъ повстрѣчается конечно тамъ со многими Европейцами, то научатъ они его астрономіи; онъ же, платя услугу услугою, наскажетъ множество имъ неизвѣстнаго о старинныхъ названіяхъ звѣздъ. Одно только его приводить будетъ въ замѣшательство, что не возможетъ ссылаться на Шу-Кингъ, Ши-Кингъ и тому подобныя древнія сочиненія.

Заставимся ли мы сказать, что думаемъ, скажемъ, что предпочитаемъ ему Монг-Тсея; потому что изъясняется лучше и достовѣрнѣе; что важныя мѣста многажды повторяетъ. Употребляя такъ называемое круглое число, способствуетъ лѣточислителямъ въ разсказахъ ихъ, подобно Тсэ-Ма Тсіэну и инымъ историкамъ, не посмѣвшимъ инако опредѣлить стоянія династій, какъ для каждой во-

обще, сколько годовъ которая длилась. Потомъ отважилися сіи историки опредѣлять также число годовъ всякаго царствованія; далѣе, вставили нѣсколько замѣтъ въ династіи Шанговой; тоже пріискали для династіи Гіэвой; напослѣдокъ предуспѣли пріурочить къ годамъ все описываемое древнею исторіею, а нѣчто изъ того и мѣсяцамъ. Надобно чаять, что въ свое время будутъ знать не только дни, не только часы, но и минуты, когда наставали какія либо произшествія. Для чего же и не такъ? Способъ сей отъемлетъ у насъ невѣжество наше, конечно крайнѣ огорчающее насъ на многихъ мѣстахъ; развязываетъ намъ руки учиться исторіи, въ которой замѣты суть мѣлочи для наставленія, коего въ ней ищемъ. Сіе только неудобство страшитъ, что чрезъ одну, или двѣ тысячи лѣтъ, будутъ разумѣть всякое произшествіе подпираемымъ древними памятниками, или по меньшей мѣрѣ исправными вычисленіями затмѣній небесныхъ свѣтилъ. . . „Тѣмъ хуже для „потомковъ нашихъ, какъ говоритъ Лан-Те. . . . „ежели дадутъ себя обмануть. Неизвѣстность произ„шествій и самыхъ недавныхъ вразумитъ, что имъ „думать о произшествіяхъ древнихъ. Какъ скоро вѣ„даю я, на примѣръ, что Сеэ-Ма-Куанъ ошибает„ся въ лѣточисленіи Гановой династіи, то легко „мнѣ заключать о томъ же во времена династіи „Тшангской и Гіаской, о какихъ повѣствуютъ, „чуть не такъ ли и правдоподобно только.„

VI. Законъ Божій, или вѣра, во дни Яоа, Шуна и Юа.

Цѣнители книгъ въ Европѣ по добросердечію своему не уважаютъ невѣжествъ и смѣходостойнаго въ повѣствуемомъ о надлежащемъ до вѣры Китайцевъ. Ко-

Когда *да* и *нѣтъ* за морями были бы и здѣсь слышны, доставили бы и нашимъ ученымъ чему посмѣяться; но всякой проповѣдникъ вѣры Христіанской не любитъ насмѣшекъ. Напротивъ того откровенно признаемся, что снѣдаетъ скорбь душу нашу, взирая на ревностныхъ защитниковъ вѣры Христіанской, пустословящихъ какъ сумасшедшіе и сущіе невѣжды о Китаѣ. Понимаемъ всю силу изшедшаго теперь изъ устъ нашихъ; но понимаемъ и то, что то весьма слабо изражаетъ истинну. Ужасно и мерзостно клеветать на милосердіе и благодать Божію, на столь предлинный рядъ поколѣній цѣлаго народа! Естьли зловѣрные представляютъ соотечниковъ нашихъ, старинныхъ и новѣйшихъ, безбожниками и идолослужителями, не дивимся. Но когда Тертулліаны, Минуціусы, Арнобесы настоящаго столѣтія подло предаютъ насъ на произволъ зловѣрныхъ сихъ, забывъ свидѣтельство лѣтописей, Кинговъ и законовъ нашихъ, всеконечно не находимъ, чѣмъ бы ихъ извинять. Невѣжеству крайнѣ трудно безъ помощи чего либо инаго приближиться къ злочестію. Да простятъ намъ нетерпѣливое сіе оказаніе чувствительности нашей. Въ сокрушеніи духа видѣли уже мы, какъ презорчивость нѣкоторыхъ писателей къ бѣдному нашему отечеству охладила къ нему любовь многихъ добрыхъ людей и учинилася бѣдственною въ разпространеніи православной вѣры. О естьли бы не достигло до поколѣній грядущихъ случившееся въ послѣднія сіи времена, къ стыду Христіанскаго имени! . . . . . „Взирающій на жертвоприношенія очами „вѣры, говоритъ Тшанг-Тши, утѣшается во вся„кихъ злоключеніяхъ надеждою примѣшенія собствен„ной своей крови къ закалаемымъ жертвамъ, и жиз„нію своею защищаетъ олтарь.„ Но какая надежда

предостается такому проповѣднику вѣры, которой . . . . . Замкнемъ въ сердцѣ страхи наши; удержимъ слезы и горести; возвратимся къ начатому уже нами.

Старалися мы всячески, пиша Опытъ сей, не преподавать ничего инако, какъ утверждаясь на самыхъ искусныхъ ученыхъ нашихъ мужахъ; но какъ болѣе мы читывали священныя книги, нежели историческія и надлежащія до наукъ, бывъ же обязаны упоминать содержанія всякаго рода, большею частію трудныя, толковать и объяснять: то можетъ быть нѣгдѣ и ошибались. О послѣдней сей статьѣ вѣдаемъ, какъ думаютъ въ Европѣ; а для того-то и не вырывалося у насъ одно слово, котораго бы истинну доказать не могли. Пусть сами читатели справятся съ книгами, на которыя ссылаемся. Съ сожалѣніемъ и краснѣясь отваживаемся такъ вѣщать поклонникамъ животворящему Кресту, но скупящимся Божественною вѣрою, коею просвѣщаются . . . . Гордящіеся ею забываютъ, что нѣкогда бывали собственные ихъ праотцы. Надобно имъ доказать милосердіе Всевышняго и долготерпѣніе Его неблагодарностей ихъ, несравненно непостижимѣе низпосылаемой Имъ благодати гибельнымъ сынамъ языковъ; поелику долготерпѣніе сіе встревожило сначала вѣру нашу, по стольку утвердило оную и просвѣтило; разпалило ревность нашу къ соотечникамъ и умножило нашу надежду къ обращенію ихъ. Не явными казнями караетъ Господь народъ свой, но преизбыточествомъ благоутробія и милостію безпредѣльною. Нечестивый поощряется онымъ хулить Его правосудіе, не вѣдая, что самымъ симъ богохульничествомъ своимъ громогласно свидѣтельствуетъ силу и могущество Креста Госпо-

Господа Іисуса. . . . . Такое предрѣчіе было намъ нужно.

Прежде нежели начнемъ повѣствовать о вѣрѣ праотцевъ нашихъ, освѣдомляемъ: 1) принимать насъ должно не выводителями, не критиками, не историками. Имѣя доказывать необходимость, достоинство, пользы и Божественность закона Христіанскаго свидѣтельствами нашихъ Кинговъ, ветхаго завѣта, свидѣтельствами же нашихъ лѣтописей и Евангелія, разположимъ труды наши совсѣмъ инако, и приступимъ, что Шу-Кингъ даетъ вѣдать о вѣрѣ временъ Яоэвыхъ.

2.) Имена, коими нарицаетъ Шу-Кингъ всевысочайшее Существо, суть: Тіэнъ, небо; Шанг-Тіэнъ, небо горнее; Шанг-Ти верьховный Господь; Гоанг-Шанг-Ти, верьховный и вышній Господь.

Оставимъ здѣсь то, что всѣ сіи названія суть столько же выразительны и ясны, какъ Богъ, Господь, Всемогущій и прочее. Умоначертанія, припрягаемыя къ симъ словамъ, оное доказываютъ. На примѣръ, стоитъ въ Шу-Кингѣ. . . . . Но чтобъ предпоставить прямо зубцы пилы насупротивъ языка змѣи невѣрствія, предположимъ все то, какъ стоитъ въ подлинникѣ, и самое сосложеніе словъ сихъ да будетъ предъ глазами читателей.

„Свойственно есть Гонг-Шанг-Тію вливать „человѣкамъ познаніе истинны, любви ко благу, и „позволяпть имъ, чтобъ не отступали отъ разума.„ Глава Танг-Као. Объясненіе Ге-Кіанговъ, или правителей государственной школы, такъ выводитъ

смыслъ онаго: „Гоанг-Шанг-Ти, дабы вопервыхъ „создать человѣковъ, даетъ имъ правило весьма испол„ное, которое называется въ текстѣ: Тшонг-Сенъ, „естественная правота. Человѣки получаютъ его съ „жизнію. Слѣдовать и никогда не оставлять нужна„го и непремѣннаго разума, называется въ подлинни„кѣ Ганг-Сингъ, сирѣчь постоянное естество. „Поелику дается отъ Тіэна, называется правотою; „поелику пріемлется отъ человѣковъ, называется „натурою.„

Тіэнъ все проницаетъ и разумѣетъ. Читай тамъ же, глава Юэ-Мингъ, часть вторую. Объясненіе Ге-Ніангъ такъ оное толкуетъ: „Сколь вы„сокъ, сколь превознесенъ и надъ всемъ воз„вышенъ Тіэнъ! Тіэна нѣтъ правѣе, Тіэна нѣтъ „праведнѣе; Онъ высочайше духовенъ, высочайше „разумѣющъ: не имѣетъ ушей, а нѣтъ ничего, че„гобъ не слышалъ совершенно; очами не смотритъ, „а нѣтъ ничего, чего бы ясно не видѣлъ. Не толь„ко въ правленіи государства, или въ полезномъ, или „честномъ, въ житіи народовъ добромъ ли, или злом„, нѣтъ ничего, что бы могло избѣгнуть прозорливо„сти Тіэна; но въ самыхъ внутреннихъ палатахъ и „въ темныхъ мѣстахъ нѣтъ ничего для него скры„таго, все разсматриваетъ, все испытываетъ и ничего „не пропущаетъ. Сей есть смыслъ словъ: Тіэнъ „все проницаетъ и разумѣетъ.

„Не могу не хвалить добродѣтели твоей, и „вѣщаю, всегда она тверда и непоколебима; сею ты „Шанг-Ти нравишься.„ Читай тамъ же, глава Танг-Као. Объяснители толкуютъ: „Кто съ такою добродѣтелію „приноситъ жертвы Шанг-Тію, на такового дары „благо-

„ благосклонно взираетъ Онъ истинно ради той добро-
„ дѣтели, которую видитъ.

„ И такъ приношу въ жертву чернаго вола, въ
„ засвидѣтельствованіе Шанг-Тіэну духа Царя, дабы
„ не мнѣ причлося преступленіе (нечестиваго Царя)
Гіа. „ Тамъ же глава Танг-Као. Объяснители толкуютъ: „ Тшинг-Тангъ посланъ отъ Тіэна, совѣ-
„ щается во всѣхъ дѣлахъ своихъ съ Нимъ Тіэномъ,
„ испытываетъ во всемъ волю Его. Все сіе не на-
„ писано ли въ сердцѣ Шанг-Ти? „ Тамъ же, глава Танг-Као. Въ объясненіи стоитъ: „ Благо и грѣхъ
„ написаны особенно въ сердцѣ Шанг-Ти. Сколько ни
„ высоко Тіэнъ, слышитъ, и ничто отъ Него не
„ скрыто. Никогда не оставляетъ добра безъ воз-
„ мездія, зла безъ казни. Разсуждающу мнѣ и размы-
„ шляющу съ самимъ собою о должности моей съ
„ великимъ почтеніемъ, явилъ мнѣ Ти во снѣ вѣрнаго
„ служителя. Чистымъ, искреннимъ, вѣрнымъ и па-
„ мятнымъ духомъ размышляющу о небесномъ, явил-
„ ся Шанг-Ти мнѣ въ сновидѣніи, дабы показать
„ вѣрнаго служителя. „ Глава Юэ-Мингъ, часть первая.

„ Держащіе на рукахъ дѣтей своихъ, и влеку-
„ щіе своихъ женъ, съ воплемъ и слезами вопили къ
„ Тіэну... Тіэнъ подвигнулся стенаніемъ и воплемъ на-
„ рода, и любезнѣ послалъ Избавителя. Тамъ же, глава Тшао-
„ Као. Когда неправедный Кіэ принялъ государственное
„ правленіе, не чтилъ добродѣтели, не употреблялъ совѣ-
„ товъ мудрыхъ; народы, не возмогши сносить бѣдствія
„ своего и люто сіи его, всѣ купно со слезами препору-
„ чали женъ и дѣтей своихъ Тіэну и просили помо-
„ щи у Тіэна. Тіэнъ, самая любовь и милосердіе, не по-

„ пу-

„пустилъ болѣе злостр адать народу цѣлой имперіи,
„но благоутробно избралъ Князя, украшеннаго
„всякими добродѣтелями, и посадилъ его на пре-
„столъ.

„Многіе Императоры, произшедшіе отъ крови
„Юя, суть на небесахъ.„ Глава Тшо-Кзо. Во объ-
ясненіи стоитъ: „Также и послѣ Императора Тшинг-
„Танга были добрые Государи въ сей фамиліи. Души
„ихъ подобно же на небесахъ водворяются.„

Послѣднюю ссылку выписали мы здѣсь въ по-
казаніе, сколь великую имѣли въ древнія времена
надежду на вѣру. Многія бы мѣста равномѣрно же
могли мы приводить для лучшаго открытія умона-
чертаній Шу-Кинга о Божествѣ, но книга сія есть
и въ Европѣ. Любопытные могутъ удовольствоваться
и увѣрить себя собственными своими глазами. Прібщимъ
еще: 1) когда Римскій Папа запретилъ церквамъ
въ Китаѣ произносить имена Тіэнъ и Шанг-Ти, да-
леко однако же не отметалъ древность оныхъ, и
чтобъ не выражали въ точности имя Божіе, а толь-
ко просто запретилъ выговаривать. Запрещеніе, про-
изшедшее отъ одного благоустройства въ церквахъ
Христіанскихъ, достойное пастыря ея. Китаю, по-
гружающемуся въ безднѣ идолослуженія, нужно,
чтобъ святое имя Господне не подвергалось никако-
му двоемыслію, не помрачалось никакимъ невѣже-
ствомъ, озаряло всѣхъ человѣковъ глаза сіяніемъ свѣ-
та вѣры, коимъ оное объемлется. 2) Яо, Шунъ и
Ю жили во времена, весьма близкія ко временамъ
же Патріарха Ноя и его дѣтей. Не льзя не опознать
онаго, читая Шу-Кингъ; да и Священное Писаніе
не упоминаетъ ли объ Іовѣ, Царѣ Салемскомъ; о Ни-
не-

невитянахъ, кои бытствовали несравненно послѣ? Какъ же трудно вѣрить, что Господь Вседержитель былъ исповѣдуемъ и покланяемъ первыми народами послѣ разсѣянія Сеннарскаго, когда поверьхность всея земли казала еще вездѣ свѣжіе слѣды всемірнаго потопа? Какъ противиться свидѣтельству книги, пріемлемой наидостовѣрнѣйшею отъ народа, который хотя самъ ею осаждается?

Шу-Кингъ начинается словами, нѣгдѣ уже нами приведенными: . . . . . „ Повелѣлъ [Яо] Гію и „ Гоу: всевышній Тіэнъ имѣетъ право, чтобъ мы „ Его исповѣдывали и поклонялися Ему. Сочините „ календарь и прочее. . . . . Вѣра да возпріиметъ „ отъ человѣковъ времена, ей должныя. „ Глава Яо-Тіэнъ. Въ Европѣ дивятся, что сочиненіе календарей есть у насъ государственное дѣло. Но то относить должно важности словъ Шу-Кинга, равно какъ почти и всѣ коренные наши законы: ихъ источникъ въ Шу-Кингѣ же. Но для чего столь за великое почиталъ Яо календари? Для чего календаремъ начинаетъ попеченія свои о правительствѣ? Отвѣчаютъ толкователи: . . . Принявъ за первѣйшій законъ, главное правило, основаніе, убѣжденія причину, словомъ, концемъ всѣхъ иныхъ законовъ исповѣданіе и поклоненіе, должное отъ человѣка Господу Богу, нужно ему было установить навсегда времена и дни, особенно посвященныя исполненію великой должности сей. Читай толкователей Та-Тси-Уэна. . . . . Кинг-Тинга. . . . Янг-Кіія и иныхъ. Доказательство сильное, но не льзя ли разсуждать и такъ: . . „ Яо, нашедъ себя подъ новымъ небомъ, возхотѣлъ „ присвоить себя ко странѣ Ки-Тшеуской и учредить на вѣчность дни посвященія обрядамъ вѣры,

„разположивъ оныя по круголѣтію, соотвѣтствен-
„но астрономіи.„ По разуму Шу-Кинга употреблялся уже тогда календарь, были уже праздничные дни въ году. Не говоритъ сія книга нигдѣ о вкравшихся какихъ либо въ томъ заблужденіяхъ, ниже чтобъ настояло когда либо слово объ учиненіи какихъ либо въ томъ же премѣнѣ. Прежде всего вѣщаетъ о календарѣ ради онаго важности. Селеніе еще не окоренилось, слѣдовательно почти календарю только одному и можно было дать оному порядокъ. Откладывая же впередъ, подвергалися новые пришельцы растерять свѣденія свои, о чемъ ни имѣли. Надобно со вниманіемъ замѣтить, что Яо точно предписываетъ, какъ поступать Гіу и Гоу, предоставляя только на волю ихъ ознаменованія равноденствій и поворотовъ солнца. Какъ бы то ни было, толкователи наши, относительно до вѣры, такъ понимаютъ содержаніе Шу-Кинга: ... „Не говоря еще о календарѣ, пи-
„шетъ Лу-Хи, Яо изрекъ: ... Должно покланяться
„Тіэну.„ ... Сочиненъ календарь и приведенъ въ порядокъ. Яо продолжаетъ о временахъ, посвящаемыхъ человѣками обрядамъ вѣры, узаконивъ уже поклоненіе Тіэну. И такъ должное воздаяніе почестей Тіэну и свидѣтельство того обрядами вѣры, полагается во главу всего прочаго ученія Шу-Кинга. Кіаи-И-Кин-Кинг-Уэи-Тшсу. Читай государственнаго толкователя книгу первую, страницу девятую. . . .
„Мужъ добродѣтельный [въ строкахъ стоитъ свя-
„тый, но мы не смѣемъ такъ его назвать) управ-
„ляетъ человѣками, служа Тіэну. Для сего-то
„сердце его прилѣпляется къ богослуженію и вѣрѣ;
„чтитъ Тіэна, печется неусыпно о замѣтахъ вре-
„мени въ календарѣ. Чѣмъ болѣе прилѣжитъ ко
„управленію народа, тѣмъ паче блюдетъ, чтобъ

„вре-

„ времена, посвященныя вѣрѣ, ни на что иное не „ обращались. Мужъ добродѣтельный чѣмъ бы ни „ занимался, ни на что не поступаетъ, не будучи со- „ дѣйствуемъ вѣрою: она ему самое наиважнѣйшее „ дѣло, естьли властвуетъ народами, служа Тіэну. „ Читай тамъ же, листъ десятой. Сіе послѣднее взято изъ Тшин-Ши. Любопытные да потрудятся раскрыть книгу Ивен-Кіэн-Леи-Ганъ, и увидятъ, какое имѣли мнѣніе о календарѣ чрезъ всѣ династіи.

Не защищаемъ всѣхъ разныхъ понятій о томъ ученыхъ нашихъ, но естьли отдѣлить календарь отъ вѣры, то не видимъ, для чего столь сурово винятъ они благихъ нашихъ и добродѣтельныхъ Императоровъ, что разумѣли календари самымъ важнымъ предметомъ попеченія своего. Упадокъ календарей, повторяю, и небреженіе объ нихъ, во всякое время были знаками упадковъ же и перемѣнъ государственныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имѣлися въ обычаѣ вездѣ и во всѣхъ столѣтіяхъ жертвоприношенія, предваряемыя постомъ и молитвою; были первыми, такъ сказать, шагами основаній новой династіи. Европейцы у насъ, покровительствуемые законами, не должны ли тѣмъ календарю нашему, исправивъ и приведя въ порядокъ астрономическую онаго часть трудами искуснѣйшихъ проповѣдниковъ вѣры? Календарь останется таковымъ въ Пекинѣ по крайней мѣрѣ, доколѣ продлится династія настоящая? Такъ точно повелѣлъ Императоръ Юнг-Тшингъ провозгласить во всей имперіи, высылая въ Европу проповѣдниковъ областныхъ, столичныхъ же оставляя. Ивен-Кіэн-Леи-Ганъ упоминаетъ о пятидесяти осьми премѣнахъ календаря въ половинѣ послѣдней предъ сею династіею. Читай книгу вторуюнадесять, листъ осьмнатцатой и слѣдующія.

Календарь временъ Яоевыхъ, какая утрата! ... Кажется, что находимое въ Ли-Кіэ и Тшеу-Лiэ, есть онаго часть; не льзя однако же утверждать того. Намѣревался мы внести здѣсь примѣчаніе и представить нѣчто о богослужительныхъ годахъ глубокой древности, но то бы завело насъ далеко, да и заслуживаетъ особое примѣчаніе.

Шу-Кингъ вѣщаетъ о законѣ Божіемъ Яоа, Шуна и Юа, но не скажетъ ли чего либо, въ чемъ состоялъ сей законъ, или сія вѣра? Какъ изъясняются о томъ толкователи Шу-Кинга? Остающееся намъ къ повѣствованію о праотцахъ народа нашего отниметъ всякое сомнѣніе, какъ надѣемся, въ разсужденіи истиннаго существа ихъ вѣры, святостію богослуженія, ею предписываемаго. Толкователи во мракѣ идолослуженія своего, раздѣленные на множество расколовъ и не имѣющіе свѣтильника древнихъ преданій, долженствовали заблуждать, долженствовали ошибаться, долженствовали приставать къ противорѣчіямъ между Евреями, раскольниками и ересниками, подобно же толковавшимъ Священное Писаніе. Есть у насъ поговорка: . . . . „Вѣрю Кингамъ, но „не вѣрю толкователямъ оныхъ.„ Син-Кинг-Пу-Син-Тшуэнъ. Ученые у насъ сами признаются, что или не разумѣютъ вовсе, или весьма мало глубокой и существенной премудрости преподаваемаго Кингами. Ученые, повторяю, разыскиватели древностей, критики, философы, словесники, историки, всѣ такъ отзываются, такъ упреждаютъ читателей въ предсловіяхъ своихъ и сочиненіяхъ. Императоръ Канг-Гіусъ, прочтя преизящныя разсужденія Минг-Гоанга на ошибки толкователей, внизу подписалъ своею рукою: . . . „Объясняители Кинговъ гоняются „за суетными призраками; ища прямаго смысла, за-

„блуж-

„блуждаютъ. Истинное ученіе святаго не про-
„свѣщаетъ имперію ихъ языкомъ, ихъ перомъ.„ Но и самъ Канг-Гіусъ не находилъ себя въ силахъ изъбѣжать отъ таковыхъ же ошибокъ; видѣть оное можно въ предсловіи трудовъ его, подъ названіемъ И-Кинг. Конг-Тшингъ, сынъ сего Государя, внукъ его, владѣющій нынѣ Императоръ нашъ, точно тоже сказалъ въ предсловіяхъ пространныхъ своихъ толкованій на Кинги, ими собственно сочиненныхъ и отданныхъ въ печать.

Именитый Тшинг-Те-Сіэу, коего славнѣе изъ ученыхъ не бывало чрезъ всю Сонгову династію, пишетъ въ двацать осьмой книгѣ своего Та-Гіо-Іэнъ, на страницѣ четвертой: . . . . „Отъ временъ „Гановыхъ когда либо появлявшіеся ученые люди „не могли въ точности понять правосудія въ на-„родѣ, производимаго вѣрою. Одинъ только Тшингъ „изрекъ: видѣть Господа во всемъ, не видѣть ни-„чего, кромѣ Его, вотъ что есть вѣра. Не проти-„виться Его волѣ, есть жить съ Нимъ въ единствѣ; „видѣть Его, видѣть Его во всемъ.„

Упражняющіеся у насъ въ наукахъ не могутъ возвести столь высоко ума своего, чтобъ проразумѣвать силу мѣстъ Шу-Кинга о вѣрѣ; но или наставленіе школы Конфуціевой имъ помогаетъ, или собственная ихъ совѣсть и здравый разумъ твердитъ внутри сердецъ ихъ ежемгновенно святыя сіи истинны, поражающія себѣ противорѣчниковъ своихъ. Ясно, какъ солнце въ полдень, что Греки и Римляне въ ученостяхъ своихъ не имѣютъ ничего подобнаго толкуемому сими нашими учеными многія мѣста Шу-Кинга. По скольку меньше проникаютъ

они во глубину ученія вѣры временъ, о коихъ намъ слово, тѣмъ болѣе свидѣтельствуютъ справедливость приводимыхъ здѣсь нами ссылокъ. Иносказательный смыслъ реченій Шу-Кинга принуждаетъ ихъ возвысить слогъ и вѣщать языкомъ, едва самими ими разумѣемымъ и которымъ сами они себя обвиняютъ.

Естьли ученые всѣхъ династій ополчалися высокимъ слогомъ и съ толикимъ усиліемъ противу послѣдователей суемудренныхъ Тао-Сеи и Фоэа, когда сіи послѣдніе были подкрѣпляемы всею властію Императоровъ [читай собраніе разныхъ сочиненій Ку-Уэнъ]; естьли господствовавшая тогда вѣра правительства существуетъ и нынѣ, по крайней мѣрѣ внѣшностію, а умствованіе Тшеуэвъ, сирѣчь единобожіе, съ примѣсями суевѣрствъ; хотя на престолахъ у насъ Государи Татарскаго поколѣнія, слѣдовательно изъ народа идолопоклонническаго; естьли правила правительства и науки основываются на исповѣданіи Бога, владычествующаго и содержащаго все, хотя Китайцы свойственно почти всѣ суть идолослужители, и самые просвѣщеннѣйшіе ученостію, столь витійственно проповѣдуя Божество, и большая ихъ часть имѣютъ истукановъ въ домахъ своихъ, ходятъ въ Міао: кому же всѣмъ онымъ должны мы? . . . . Шу-Кингу. . . . . Европейцамъ не нужны разсужденія наши, дабы обнажить противорѣчія, столь глупыя и невѣроятныя. Пусть посмотрятъ присталь-но сами на себя . . . . . Найдутъ во мракѣ семъ свѣтъ.

Яо начинаетъ рѣчь свою: . . . „Покланяйтеся „всевышнему Тіэну и повинуйтеся Ему.„ Такъ вѣщаютъ толкователи наши великаго сего долга. Вэи-маемъ

маемъ мы сіе изъ одного только государственнаго толкователя: . . . „Въ пятидесяти осьми главахъ „Шу-Кинга нѣтъ слова, которое бы не относилося „къ Тіэну; нѣтъ буквы, которая бы не ударяла „на вѣру.„ Книга первая, страница шестія. . . Ученіе Яоа, Шуна и Юа имѣло корень свой въ сердцахъ ихъ и нарицалось: „добродѣтель, человѣколюбіе, вѣ„ра и совершенство. Все то изображалось однимъ и „тѣмъ же словомъ.„ Книга первая, страница пятая... „Шу Кингъ вездѣ начинается словомъ Кингъ, гдѣ бы ни „разкрылась. Шу-Кингъ отъ конца до конца не уда„ляется отъ разума сего.„ Читай тамъ же. . . „Яо „первый человѣкъ, первый мудролюбецъ, о коемъ Шу„Кингъ упоминаетъ. Добродѣтель его есть первая при„мѣта, по коей опознается онъ. Слово вѣра прежде „всего изходитъ у него изъ устъ. Тысячи словъ, де„сять тысячь изреченій мудрыхъ и святыхъ о са„мыхъ великихъ и о самыхъ мѣлкихъ предметахъ, „всѣ клонятся къ единой вѣрѣ. . . Вѣра есть корень „и источникъ всякаго добра. Шествующій путемъ „вѣры достигаетъ премудрости.„ Читай тамъ же страницу четвертую. . . „Два слова, вѣра и прему„дрость, объемлютъ и образуютъ всякое умоначерта„ніе добродѣтели святаго.„ Тамъ же страница пятая. . . „Вѣра есть душа добродѣтели Яоэвой. Лу„чи, отъ ней проливаясь, составляютъ премудрость. „Превосходныя его чувствованія придаютъ ему ве„личественный видъ. Отъ проницанія возвышается „умъ его; кажетъ оное и внѣшность изображающим„ся на его лицѣ почтеніемъ и отличностію.„ Тамъ же. . . „Хощетъ ли кто ублажать Яоа, скажетъ „прежде всего объ его вѣрѣ, какъ бы единымъ по„черкомъ пера представитъ его живо. Премудрость „довершаетъ изображеніе его лица. Сердце праведна-

„го

„го сего мужа было неизходное вмѣстилище страха „и благоговѣнія къ Шанг-Тію: вотъ въ чемъ со„стояла высочайшая его премудрость.„ Тамъ же, страница шестая.

Большая часть читателей ненавычны читать подобныя сочиненія нашихъ толкователей, для того увѣдомляемъ мы ихъ, что почти все сіе есть выноски изъ Шу-Кинга. Мы беремъ ихъ и списываемъ слово въ слово изъ трудовъ общества ученыхъ нашихъ, подъ названіемъ Ган-Линъ. Они составили какъ цѣпь изъясненія самыхъ знаменитѣйшихъ толкователей всѣхъ династій.

Яо, не удостоевая Конг-Конга преемникомъ своимъ по представленію вельможей, описывается, что онъ мудръ и силенъ только на словахъ; является имѣть вѣру, но гордыня его угрожаетъ самаго Тіэна, слѣдовательно лишаетъ его царства. Глава Яо-Тіэнъ. Три обстоятельства примѣчаютъ толкователи: 1) Яо, мужъ, исполненный премудрости и вѣры, проникъ глубину души Конгъ-Конга инако, нежели каковымъ умѣлъ онъ казаться, и заставилъ Шуна наказать его. 2) Лишилъ его престола ради того, что не имѣя онъ страха Божія въ сердцѣ, не способенъ былъ владычествовать надъ человѣки. . . . . „Цѣль „правительства, говоритъ Ау-Хи, чинить Тіэна „посредствомъ человѣковъ. 3) Разговоры и поведе„ніе, внѣшность и внутренность каждаго, въ не„прерывномъ противорѣчіи, кто отвлекаетъ мысли „свои отъ Тіэна.„

Яо не отрекся принять на служеніе Пе-Куэна по одобренію также ближнихъ своихъ, и позволилъ ему

ему взять въ вѣдомство свое устроеніе скатовъ для водъ. . . . . „Гряди, сказалъ ему, вѣра да напут-„ствуетъ тебѣ.„ Пе-Куэнъ трудился девять лѣтъ безъ успѣха. Толкователи пріобщаютъ, что не дарованій его недостатокъ тому былъ виною, понеже весь народъ избралъ его за способнѣйшаго, да и къ такому званію, въ которомъ каждый толико участвовалъ; находили же причиною, что душа его недовольно была чиста; что выпускалъ иногда изъ мыслей своихъ Тіэна, и то, чѣмъ Ему долженъ. . . . . „Вѣра Яоа, говоритъ Лу-Хи, не проникла до глубины „сердца его.„ Читай государственнаго толкователя книгу первую, листъ тритцать первой.

Замѣчательно, что Яо говоритъ о вѣрѣ чиновнику, поручая ему столь важное предпріятіе. Славный Тонг-Ши развязываетъ сіе, находя правила политики Яоэвой въ законахъ, основывающихся на вѣрѣ. . . . . „Все пріемлетъ свой начатокъ, продол-„жаетъ сей писатель, вѣрою у Яоа. Она единый „есть конецъ всѣхъ его намѣреній и дѣлъ.„ Такое утвержденіе, сколь ни далеко разпространяемое, разсуждая о древности по понятіямъ объ ней Европейцовъ, имѣетъ основаніемъ свидѣтельство Шу-Кинга. . . . . „Вѣра да путеводствуетъ тебѣ, сказалъ „Яо дочери своей, отпуская ее въ замужство за Шу-„на.„ Шунъ, поручая Сію общенародное благоустройство, не болѣе изрекъ: . . . . „Вѣра да будетъ пра-„вительницею доблести твоей. Единою кротостію „только должно приводить ко храненію пяти дол-„жностей.„ Глава Шун-Тіэнъ. Разпредѣливъ чиновниковъ къ разнымъ званіямъ, увѣщаваль каждаго быть добропорядочну, прилѣжну къ порученному дѣлу, и оканчиваетъ сими словами: . . . . „Безпрестанно вне-

„млите гласу вѣры. Да каждое мгновеніе жизни „умножаетъ достоинства ваши, трудяся во славу „Тіэна.„ Тамъ же. Приглашаемъ любопытныхъ прочитать сочиненное Гу-Тіэмъ и Танг-Шіэмъ о послѣднихъ сихъ словахъ Шуна. Можно найти оное выносками въ государственномъ толкователѣ. Книга вторая, листъ пятьдесятъ седьмой. Не включаемъ здѣсь слова ихъ, дабы не приняты были инако нами пересказываемыми.

Приводили уже мы, пиша о Кингахъ, о Ю-Кингѣ, или сочиненіи музыкальномъ, что оное утрачено. Европейцы, любители и знатоки исторіи, безъ сомнѣнія сожалѣютъ о томъ; ибо могли бы получить понятіе объ искусствѣ семъ въ самой глубокой древности; искусствѣ, коему вездѣ въ книгахъ нашихъ срѣтаемъ похвалы. Жалѣемъ и мы о таковой утратѣ, бывъ увѣрены, что сверьхъ прекрасныхъ стиховъ, которые пѣваемы были при жертвоприношеніяхъ и въ большія торжества, содержали въ себѣ нравоученіе и чиноположенія вѣры: 1) древніе Китайцы, конечно какъ и всѣ иные народы въ старину, имѣли мало книгъ; клали на голоса лучшія правила нравственныя и вѣры, произшествія самыя громкія. 2) Шунъ, какъ уже видѣли читатели, учреждаемому имъ начальнику надъ музыкою предписываетъ долгомъ научать юношество и чрезъ навыки въ добродѣтели учинять ихъ добрыми людьми. Когда завелися въ Китаѣ школы, музыка составляла существенную часть воспитанія дѣтей по всему государству. 3) Въ Кингѣ Ли-Ки, въ спашьѣ Ю-Ки, находимъ три сіи древнія пословицы: . . . . . „Хочешь ли быть знающъ, учись прилѣжно музыкѣ... „Музыка изображаетъ соединеніе земли съ небесами...

„Съ

„Съ помощію обрядовъ и музыки нѣтъ ничего не-
„возможнаго въ имперіи.„

Ли-Ки описываетъ музыку: .... „Дѣйствуетъ
„надъ душами, заставляетъ собесѣдовать съ соб-
„ственнымъ нашимъ разумомъ, обуздываетъ страсти,
„наставляетъ отцевъ и дѣтей, владѣтелей и под-
„данныхъ, мужей и женъ во взаимственныхъ ихъ
„отношеніяхъ одинъ къ другому; мудрый мужъ на-
„ходитъ въ музыкѣ правила поведенія своего„ и прочее.

Ученые люди поступаютъ еще далѣе, и утверждаютъ, что музыка есть средоточіе опоры власти Царей; самыя крѣпкія узы, связующія общежительство; узелъ законовъ, и прочее. Какъ же разумѣть инако искусство сіе, ежели не провозвѣстникомъ вѣры и народнаго ученія? 4) Кинги, лѣтописи и всякія старинныя книги согласны въ томъ, что музыка въ первобытныя времена была всегдашнимъ предметомъ размышленія мудрецовъ и попеченій правительства. Шунъ, путешествуя по государству, навѣдывался, не премѣнилась ли гдѣ либо и въ чемъ либо музыка. Возможно ли полагать, что надлежало сіе только до нотъ и напѣвовъ? 5) Конфуціева школа свидѣтельствуетъ, что обрядъ и музыка были надежными, скорыми и самыми дѣйствительными способами ко исправленію нравовъ и ко приведенію государства въ состояніе цвѣтущее . . . , „Обряды
„лишилися важности своей; музыка ослабла, не при-
„мѣшивается уже къ ней вѣра и добродѣтель.„ . . .
Пан-Ку доказываетъ всѣми Кингами пользы музыки и обрядовъ. Читай Ган-Шу-Ли-Ю-Хи. Слѣдующее реченіе Нквеу-Янг-Сіэуа еще примѣчательнѣе:

. . . . „Во времена прехъ первыхъ династій частныя „правительства были во единодушіи между собою; „музыка занимала все государство. Послѣ же пра„вительства сіи раздѣлились, музыки увидѣли толь„ко одно имя безъ вещи.„ Чинай Та-Гіо-Іэн-И-Пу, книгу тринцать седьмую, страницу седьмую. Стихотворцы и витіи нарицаютъ музыку: . . . „отголо„скомъ премудрости, любимицею и матерію добро„дѣтелей, провозглашателемъ воли Тіэна, прибѣжи„щемъ и свѣтомъ благихъ дѣлъ человѣку; указуетъ „ему Шанг-Тіа, руководствуетъ къ Нему.„ Чинай Ивен-Кіэн-Ла-Ганъ, книгу сто восемдесятъ четвертую, страницу двацать третію. Въ наши дни первая книга, какую даютъ въ руки младенцамъ, состоитъ въ небольшихъ стихахъ, объясняющихъ слова наукъ и художествъ, которыя учатъ они наизусть, напѣвая; суть первыя же краткія основанія нравственныя, историческія и прочее. Утрата Ю-Кинга и иныхъ древнихъ сочиненій, употребительнѣйшихъ въ тогдашнія времена, даетъ намъ подразумѣвать, что вѣра, ими научаемая, по большей части была причиною ихъ истребленія. Можетъ быть подадимъ мы, пиша сіе, поводъ Европейцамъ къ подтвержденію розысками съ ихъ стороны таковыхъ нашихъ догадокъ.

Естьли ученіе вѣры не было сопряжено съ музыкою, однако же неоспоримо, что пѣвалися похвалы Шанг-Тію при жертвоприношеніяхъ. Приглашаемъ любопытныхъ ко изслѣдованію, для чего составляемы были сонмы пѣвцовъ изъ добронравныхъ отроковъ; для чего обязывалися они препроводить нѣкоторое время въ искусѣ, прежде исправленія обряда сего. Сказывать тогда объ отрокѣ, что поетъ онъ при жертвоприношеніи Шанг-Тію, было тоже самое, что хвалить его.

По-

Послѣ, какъ Яо сдалъ санъ Царя Шуну, сей началъ оный жертвоприношеніемъ Шанг-Тію: . . . Перваго дня, первыя же луны, сложилъ онъ [Яо] санъ Царскій въ Уэн-Тсуѣ. . . а онъ [Шунъ] жертвовалъ Шанг-Тію. Глава Шун-Тіэнъ. Толкователи розыскиваютъ, для чего Яо сдалъ самодержавную свою власть предъ олтаремъ, и для чего Шунъ принялъ оную чрезъ жертвоприношеніе? Выводятся ими преизящныя заключенія. Но Монг-Тсеэ прежде приступаетъ къ доискиванію, по чему Яо избралъ Шуна. Потомъ, хваля благоразуміе такого избранія, оканчиваетъ, что Яо самъ собою, безъ содѣйствія священнаго обряда, не могъ сдать Шуну имперію; ибо она ему не принадлежала яко собственность. Тіэнъ проявилъ Шуна достойнымъ преемникомъ Яоу, слѣдовательно самъ Тіэнъ же возвелъ его и на престолъ. Тіэн-Ю-Тши. Отъ Яоа было только такъ бы представлено Тіэну, подобно какъ представляютъ вельможи Императорамъ достойныхъ людей на свои мѣста. Монг-Тсеэ еще продолжаетъ: . . . „Яо, ввѣряя „Шуну самодержавную власть, прежде всего провоз„гласилъ его верьховнымъ начальникомъ надъ жертво„приношеніями, являя тѣмъ источникъ и превосход„ство вручаемой ему власти; потомъ подчинилъ ему „всѣ государственныя дѣла.„

Сводимые съ престоловъ Императоры внутренно признавалися сами, что такъ угодно небесамъ за злоупотребленіе ими ввѣренной оными власти. . . . „Народъ, вѣщаетъ Тшоанг-Тсеэ, такъ вѣритъ. Не „видитъ Государя въ Государѣ своемъ, когда онъ „становится человѣкомъ не по сердцу Тіэна.„ Такой образъ мыслей народа лишалъ нашихъ Императоровъ всякихъ способовъ ко удержанію самодержавія, и есть

замѣша временъ самой глубокой древности, какъ свидѣтельствуютъ Шу-Кингъ и Ши-Кингъ. Идолослуженіе ослабило сей древній образъ мыслей, однако же не истребило; еще трепещутъ отъ онаго Императоры. Сколько къ тому остается прибавить о союзѣ между священнослужительствомъ и правленіемъ государственнымъ; о правѣ Императорскаго сана, чтобъ ему только одному приносить жертву Шанг-Тію; союзъ и право замѣны о временахъ дней Яоэвыхъ и Шуновыхъ, союзъ и право, неразлучаемыя никогда съ самодержавною властію. 1) Разные роды жертвъ молитвоприносительныхъ объ отпущеніи грѣховъ, благодарственныхъ, требовательныхъ милостей и обѣтныхъ; 2) означающихъ посты и изнуренія плоти, воздержаніе плотское, уединеніе и обряды предъ великими жертвоприношеніями; 3) дни и мѣста, гдѣ и въ которые жертвовать; дни были неподвижные, мѣсто же было одно во всемъ государствѣ, храмъ Тіэновъ; 4) выборъ, качество, пріуготовленіе и число жертвъ; 5) велелѣпіе и огромность сихъ обрядовъ.

Входящій во изслѣдованіе всего онаго долженъ будетъ признаться, что вѣра праотцевъ нашихъ была вѣра Ноева, преподанная намъ Яоэмъ, Шуномъ и Юэмъ. Скажемъ одно слово: и нынѣ въ день, въ который Императоръ нашъ приноситъ жертвы Шанг-Тію, является предъ лицемъ народа своего въ самомъ наибольшемъ сіяніи величія своего; окружаютъ его Князи, вельможи, государственные чины; шествіе его ко храму Тіэн-Тонъ имѣетъ видъ торжества, во храмѣ же семъ жертвенные сосуды изъ чистаго золота, и такъ далѣе. Для чего же все то? . . Чтобъ съ большею важностію повергнуться ему ницъ, и въ такомъ положеніи тѣла робко подаваться впередъ

ко олтарю; молиться Шанг-Шію, исправляя должность жреца, именемъ всей имперіи изражаяся предъ Нимъ уничиженно... Увы! таковыми ли видимъ Царей и ихъ подданныхъ, покланяющихся Фоху и Пу-Се?.. Всевышній Боже! преклонися на жалость о бѣдномъ нашемъ отечествѣ... Великолѣпіе жертвоприношеній безъ сомнѣнія увеличивалось съ разпространеніемъ имперіи; но и во времена Шуновы довольно уже было великолѣпно, по крайней мѣрѣ сколько тогда могли. Также точно разумѣть должно и обо всемъ иномъ, надлежащемъ до богослуженія: никто и никогда не находилъ первобытнаго произхожденія онаго въ лѣтописяхъ. Надобно возходить до временъ, о коихъ пишемъ, но и тамъ представляется уже давно введеннымъ въ обычай. Не по чему подразумѣвать установителя его. Какое прекрасное и обширное поле для поисковъ и собиранія вѣщаннаго Кингами о предметѣ толикой важности! Все писанное до здѣ удостовѣряетъ, что Пророкъ Моисей, почти во всемъ относившійся къ богослуженію, освящаетъ только, повелѣваетъ и учреждаетъ законами, что было установлено первыми праотцами рода человѣческаго по всемірномъ потопѣ. Видимъ слѣды, что жертвоприношенія бывали во времена самой глубочайшей древности долгомъ вѣры предъ всякимъ общенароднымъ предпріятіемъ. Въ Ши-Кингѣ стоитъ: . . „Шунъ всякій разъ, отправляяся „ осматривать имперію, и всякій же разъ, возвращаяся „ въ домъ свой, во храмѣ И-Тсу закалалъ въ жертву вола „ Подобное свидѣтельство ясно доказываетъ, сколь ревностна была набожность тогдашнаго времени. Такія жертвоприношенія были сверьхъ обычайныхъ въ году чрезъ каждые семь дней, какъ явствуетъ въ И-Кингѣ; въ первый день каждаго же новаго лѣта; еще молитвенныя объ испро-

ше-

шеніи обильной жатвы; благодарственныя за урожай плодовъ; приносы первенцовъ отъ оныхъ и тому подобное.

Нѣкоторымъ Христіанскимъ проповѣдникамъ показалось чудно, что Шунъ путешествуя приносилъ жертвы на горахъ; но имъ бы надлежало вѣдать, что въ его время одинъ только былъ храмъ въ государствѣ; что всѣ толкователи Шу-Кинга свидѣтельствуютъ; низкія же и равныя мѣста стояли или подъ водою, или еще не обсохли. Правда, суевѣріе потомъ придало иное знаменованіе нагорнымъ жертвоприношеніямъ, но Шуна винить въ томъ очевидно не справедливо. Несмѣльство наше мѣшаетъ намъ выдавать за правдоподобіе, что таковый обычай взимается отъ самыхъ первыхъ лѣтъ мірозданія. Адамли дѣти, и отъ нихъ рожденные, плаинство вѣры совершали на вершинахъ горъ. Лобное мѣсто, на которомъ распятъ Іисусъ Христосъ, было на горѣ: жертвоприношенія Шуна могли быть хотя слабыми, но предвѣстіями страданій Его за родъ человѣческій. Можетъ быть навлечемъ мы на себя бурю пререканія, показуя чрезъ сіе надежду и вѣру пришествія Мессіи столь близко къ праотцамъ нашимъ. Однако же легко доказать, что вѣра и надежда Спасителя міра явственно изображается въ древнихъ нашихъ памятникахъ; никакая книга западныхъ язычниковъ не имѣетъ въ себѣ подобнаго о страданіяхъ, торжествѣ, смерти и славѣ Его.

Шунъ первоначальнѣе всего имѣлъ цѣлію своею вѣру. Учреждая чины и должности между Царя и народа, основывая возникающую вновь имперію, вопросилъ четырехъ Кіаевъ: . . „Есть ли кто изъ васъ, „кото-

„которой бы могъ предсѣдательствовать со мною „при трехъ Ліяхъ? . . . Собраніе нарекло Пея. . . . „Будь Тши-Тсонгъ, сказалъ сему Шунъ; со стра„хомъ Божіимъ блюди самъ себя денно и ночно. „Сердце твое да будетъ прямо, поведеніе чисто и „безпорочно. . . Пе-И упалъ ницъ на землю, просилъ „Шуна предпочесть ему Куэіа и Лонга. . . Повинуй„ся, возразилъ Шунъ; душа твоя да наполнится „самою жаркою вѣрою.„ Три Ліа суть: постъ, молитвы и жертвоприношенія; а по мнѣнію другихъ жертвоприношенія Шанг-Тію, почести небеснымъ духамъ и погребенія усопшихъ. Званіе, или чинъ, Тши-Тсонгъ, значитъ предсѣдателя и учредителя обрядовъ вѣры. Скажемъ нѣсколько словъ толкователей изреченнаго Шуномъ Пе-Ію: . . „Денно и ноч„но, сирѣчь отъ возхожденія солнца до другаго, „дабы вѣра его недреманными очами назирала на всѣ „дѣла жизни его; дабы праводушіе и безпорочность „ничѣмъ не препикнулись. . . Сердце прямое, то есть „непричастное видамъ собственной корысти и чуж„дое погрѣшеній. Вѣра, вкоренивъ правоту во внутр„ренность сердца, не оставляетъ въ немъ ни лукав„ства, ни поползновенія къ самолюбію. Въ такомъ „только состояніи сердце человѣческое спокойно, чи„сто; плотскія похоти не оскверяютъ его ника„кимъ пожеланіемъ земнымъ, и можетъ уже жить не „тѣлесно, но духовно. . . Наполненный вѣрою, напол„ненъ правотою. У кого правота занимаетъ внутр„ренность души, тотъ можетъ первенствовать „при чиноположеніяхъ вѣры и учреждать великолѣпія „ихъ. . . Правота сердца учиняетъ правымъ человѣ„ка: истинная правота происходитъ отъ вѣры. Не„достаточествующій въ вѣрѣ двоедушенъ, имѣетъ „сердце плотское, а не духовное. Чистота нравовъ

„есть продолженіе въ человѣкѣ правоты. Кто прямъ, „тотъ чистъ; кто не прямъ, тотъ оскверненъ. Не „имѣя чистоты и правоты, трудно пользоваться „духомъ. Вотъ для чего Шунъ говоритъ. . . и день„но и ночно. . . сирѣчь безпрерывно. . . Императоръ „есть глава отправляющихъ службу Господу неба и „земли: Тшинг-Тсонгъ его въ томъ помощникъ. Но „естьли сердце его не въ союзѣ съ Господомъ неба „и земли, и не соединяется съ Нимъ добродѣтелію „премудрости духа: тотъ недостоинъ таковаго на„чальства„ и прочее.

Читатели! не приходитъ ли вамъ на мысль, что словеса, влагаемыя нами во уста соотечественниковъ нашихъ, вставляемъ мы, бравъ ихъ изъ Европейскихъ училищъ? По меньшей мѣрѣ не можете не отдать намъ справедливости, что много бы надлежало намъ рыться въ книгахъ сихъ для пріисканія столь сильныхъ и убѣдительныхъ словесъ. Однако да будетъ вамъ вѣдомо, что провидѣли уже мы недовѣрчивость и подозрѣніе Европы въ надлежащемъ до вѣры, и для того неотступно держалися государственнаго толкователя Шу-Кинга, относительно къ мѣстамъ главы Шун-Тіэна. Читай книгу вторую, страницу сорокъ девятую. Вспомоществуяся многими иными сочиненіями, конечно нашли бы себя въ состояніи бросить ужасные громовые удары на нѣкоторыхъ писателей, которые, слишкомъ полагаясь на невѣжество ученыхъ людей, повѣствовали о Китаѣ. . . Жалкіе люди! не вѣдаютъ, что подаютъ сами оружіе ко уничиженію гордыни своей. Кинги наши, на кои безъ разсмотренія ссылаются, суть луки, полные стрѣлъ на нихъ, не имѣющихъ въ рукахъ своихъ щитовъ. Съ самымъ мѣлкимъ понятіемъ о Китаѣ не подвергнули бы себя выносками своими

ими изъ Кинговъ уподоблению святаго Апостола языковъ въ посланіи къ Римлянамъ, философамъ его времени . . . „Лжи и клеветы, говоритъ Пан-Ку, „суть послѣднія судороги умирающаго правоумія.„

Возвратимся къ содержанію Шу-Кинга. Слова Шуна къ Пе-Іу не требуютъ объясненія. Читатели сами собою видятъ, сколь неоцѣненна была вѣра сердцу его; сколь онъ желалъ, бывъ самъ и чистъ и святъ, находить чистоту и святость въ сердцѣ Пе-Іэвомъ. Достоинство Тши-Тонга отродило въ свое время судилище обрядовъ, нынѣ раздѣляемое на многія засѣданія: въ вѣдомствѣ оныхъ все надлежащее до вѣры, разсуждая политически и граждански. Но вѣра, богослуженіе и преподаваніе той и другаго, суть главнѣйшій предметъ судилища сего. Судилище страшное! родъ самой строгой Инквизиціи. Любопытные пусть прочтутъ общенародныя вѣдомости послѣдняго предъ симъ года, коимъ образомъ изтребленъ былъ расколъ, нѣсколько уже усилившійся въ области Кіанг-Нанѣ.

Окончимъ Шу-Кингомъ же изображеніе вѣры Яоа, Шуна, Юа, или паче изображеніе временъ ихъ. . . . . Ю говорилъ Шуну: . . . . „О! колико надоб„но бдѣть человѣку надъ самимъ собою! Недреман„ность его чтобы подкрѣплялася вѣрою, сохраняла „миръ въ сердцѣ, безпрерывно удерживала его въ пре„дѣлахъ должности, никогда не допускала уклонять„ся на гибельныя стези праздности, отвлекала всег„да отъ порочныхъ забавъ; чтобъ избиралъ онъ „людей въ общественные чины безъ лицепріятія; чтобъ „не колеблясь и не отлагая вдаль, каралъ злоупотре„бленія; не спѣшилъ рѣшеніями въ обстоятельствахъ „сомнительныхъ; не поступалъ ни на что, не освѣдо„мясь совершенно; общее благо предпочиталъ суетно-

„му одобренію многолюдства; не жертвовалъ народъ „страстямъ своимъ, и равно избѣгалъ двухъ камней „преткновенія: теряетъ все по лѣности и нерадѣнію, „теряетъ все скоростію и запромѣтчивостію. Глава „Ю-Мо. . . . . Укрѣпляй и очищай добродѣтель „твою (словеса Као-Яоа). Да предначинанія твои „соотвѣтствуютъ гласу Премудрости. Рѣшимости „твои да похваляются мудрыми. . . . . Но какъ же „въ томъ успѣешь (сказалъ ему Ю)?.... Помышляй „о вѣчности (Сеэ-Юнгъ), естьли хощешь дѣйство„вать душею. Украшай сію безпрестанно новыми „добродѣтелями. Глава Као-Мо. О! сколь опасно „Царю повлекать подданныхъ примѣромъ своимъ въ „бездну нѣги и сладострастія! Бди, Государь! бди „ежемгновенно; спрашись, и спрашиться никогда не „переставай. Оканчивающееся вмѣстѣ съ каждымъ „днемъ, не продолжающееся до утрія, покидаетъ за „собою слѣды самымъ позднымъ потомкамъ. Труды и „попеченія Мандариновъ да не учиняются тобою „тщетны. Тіэнъ возложилъ на человѣческій родъ „иго законовъ; Тіэнъ установилъ различіе степеней „и состояній. Законы суть сокровище выше всякой „цѣны; различіе степеней и состояній есть источ„никъ блага. Но поелику человѣкъ вѣренъ Тіэну, „отгребается отъ грѣха, любитъ вѣру, поелику „духъ союза всѣхъ и каждаго порѣваетъ ко благу. „Добродѣтель любима съ нѣжностію Тіэномъ: да „пользуется она различіями степеней. Тіэнъ имѣетъ „во омерзѣніи злодѣйства пяти казней, караетъ каж„дое по мѣрѣ онаго важности. Тіэнъ есть Прему„дрость и Истинна, но взираетъ на Государей очами на„рода. Тіэнъ ужасенъ въ отмщеніяхъ, но караетъ „Государей руками народа. О послѣднихъ печется „столько же, какъ о поставленныхъ имъ [illegible] главу

„ихъ. Вѣра да будетъ тебѣ вождь, и наслѣдиши „землю. Глава Као-Яо. . . . . Не забывай никогда „истинной цѣли правительства; не коэнями суетной „политики, не уразами власти царствуютъ. . . . . „Чиновники твои помогать тебѣ будутъ по мѣрѣ „собственнаго твоего прилѣжанія къ дѣламъ: отъ „трудовъ твоихъ и заботъ зависятъ успѣхи. Явися „достоинъ избранія Шанг-Тіа. Тіэнъ не оставитъ „подпирать избраніе свое своими же милостями.„

Критики наши разно думаютъ о писавшемъ такимъ образомъ въ точности качествъ Яоа, Шуна и Юа: трудами его наполняются первыя три главы Шу-Кинга. Занято ли оное отъ сочинителя древнихъ лѣтописей, изъ коихъ Шу-Кингъ есть выписка; или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, произведеніе то пера Конфуціева: равно важно. Помѣстимъ здѣсь точныя слова: . . . „Яо, прозванный „Фан-Гіенъ [сирѣчь полный достоинствъ]. Вѣра „его и премудрость, нравовъ чистота и умѣренность „пожеланій, правота и кротость, снискивали ему „отъ всѣхъ любовь и почтеніе. Слава его проливала сіяніе свое повсюду; его имя драгоцѣнно было „и великимъ и малымъ. Насаждалъ истинну въ сердцахъ, и уловлялъ ихъ добродѣтелію. Благословенное его царствованіе самыми тѣснѣйшими учинили „узы единокровія; семейство съ семействами онымъ „связало, народъ наученъ, распри прогнаны изъ государства, всѣ и каждый устремился путемъ до„блестей„ и прочее. Глава Яо-Тіэнъ.

„Шунъ прозванъ Тшонг-Гу [украшенный „добродѣтелію] ради усотовариществованія Яоэмъ „въ правленіи государства. Его способности, благо„разуміе, мудрость, его свѣденія, добродушіе, тихо„нравіе, правота, честность, далеко разносили име-

„ни его славу: низость породы не помѣшала стать „ему быть ведому ко престолу. Шунъ примѣрами „своими учинилъ должности священными, исполненіе „ихъ учинилъ общимъ долгомъ каждаго; возложены „на него государственныя дѣла, установилъ наи„лучшій порядокъ, и послѣдовали несомнѣнные успѣ„хи. Избранъ принимать требователей допуска къ „Яоу, двери чертога его получили видъ величія и „святыни. Отряженъ въ горы; бури, дожди, гро„мы не могли поколебать духъ его, ниже умѣрить „трудолюбія.„ Глава Шун-Тіэнъ.

„Великій Ю проименованъ Уэн-Мингъ [сіяніе „престола]. Освѣтилъ четыре моря лучами прему„дрости своей; былъ истинный обожатель Шанг„Тіа.„ Глава Ю-Мо.

Толкователи не согласны въ томъ, для чего похвала Юу такъ кратка: одни, что хвалится онъ столь часто въ пяти первыхъ главахъ Шу-Кинга; другіе, что къ малымъ симъ словамъ нечего уже прибавить къ его прославленію . . . . . Читатели да судятъ . . . . Многое бы нашли мы прибавить, ссылаяся на книги и кромѣ Шу-Кинга. Менг-Тсе почти сравнялся съ Конфуціемъ, вѣщая о вѣрѣ и добродѣтели великаго сего премужія. Превзошелъ же самъ себя, пиша объ насланіяхъ, коими Шанг-Ти „искушалъ добродѣтель Шуна, дабы укрѣпить серд„це его страданіями, и учинить способнѣйшимъ не„сравненно къ тягостнѣйшему, нежели всякія чело„вѣческія страданія.„ Просимъ любопытныхъ со вниманіемъ прочитать словеса философа сего о Яоѣ, Шунѣ и Юѣ. Конечно признаются, что Греція ниже единожды не умѣла изображать столь живо мудрецовъ своихъ. Для чего бы? . . . . Не была просвѣщена благодатію вѣры.

Многіе

Многіе ученые минувшей и настоящей династіи или познали свѣтъ Евангелія, или утвердилися въ вѣрѣ своей посредствомъ Шу-Кинга, описывающей исповѣданіе закона Божіяго блаженныхъ временъ Яоа, Шуна и Юа. Не уставали дивиться, что имъ, не имѣющимъ у себя подъ руками Священнаго Писанія, всевышній Господь благоизволилъ столь чудеснымъ образомъ сохранить книгу Шу-Кингъ, дабы прочитывая оную, внутреннѣ признали истинну всего того, чему научаютъ ихъ проповѣдники вѣры во Христа. Да обмыслитъ всякъ таковый промыслъ Божій о Китаѣ: тьмы милостей Его проразумѣетъ въ ономъ замыкающихся.

Егда свѣтильникъ откровенія Богочеловѣка разгналъ мраки, покрывавшіе Кинги наши, узрѣли безчисленное въ нихъ множество вещей, до того непримѣченныхъ; чѣмъ болѣе прилѣжали вникать, тѣмъ наипаче находили свидѣтельства благовѣстія Евангелія. Великомученика Христова Князя нашего Іоанна столько уражало сходство ученія Шу-Кинга о Божествѣ, достодолжномъ Ему служеніи, надеждахъ вѣры со ученіями Европейцовъ, что онъ ничего бы не медля сподобился святаго крещенія. . . . . Единое удерживало его . . . . непостижимость таинства воплощенія. Разумъ его терялся. Протекли годы въ таковомъ его недоумѣніи, даже и послѣ обращенія имъ самимъ многихъ братій его къ православію. Напослѣдокъ коснулася сердцу его всевышняя Благодать; приложилъ описаніе вѣры Яоа, Шуна и Юа въ заглавіи убѣдительныхъ причинъ ко исповѣданію вѣры Христіанской для всѣхъ Китайцовъ вообще, дабы привергалися къ ней, подобно ему, и многимъ прежде его разумнымъ и ученымъ мужамъ. Сочиненія съ обѣихъ противныхъ сторонъ находятся въ книгохранилищѣ

лицѣ Короля Французскаго. Отсылаемъ читателей къ неоцѣненнымъ симъ памятникамъ ревности къ благочестію.

Поборники и защитники Христіанства за морями! Размыслите, вмѣсто того, чтобъ отдать на произволъ злочестивымъ и безвѣрнымъ, древности наши; не достодолжнѣе бы напротивъ того было употреблять оныя яко сильное оружіе къ низложенію ихъ собственными доводами и свидѣтельствами; свидѣтельствами, гнѣздящимися ближе къ самымъ первобытнымъ временамъ, нежели въ какомъ либо иномъ наидревнѣйшемъ памятникѣ, на которой бы могли они ссылаться; могли обнаруживать, подобно первой Моисеевой книгѣ, и простыя намѣканія тѣмъ больше рѣшительно, что никакая иная книга по священной Библіи не проявляетъ собою толикой важности доказательствъ своихъ, какъ Шу - Кингъ.

Мы, пиша здѣсь какъ критики и выводители, не думаемъ, чтобъ читавшіе статью о вѣрѣ первобытныхъ Китайцевъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, не приняли временъ Яоа, Шуна и Юа весьма недалекими отъ раздѣленія языковъ на Вавилонскихъ поляхъ. Почему невѣроятно, что законъ Божій, меньше срѣтая препятствій въ глубокой той древности, могъ сохраниться чрезъ множество лѣтъ во всей чистотѣ своей? Кому хотя мало знаемо сердце человѣческое и исторія народовъ, тотъ не усомнится, что вѣра Китайцевъ во дни, о коихъ слово, неудалившаяся еще отъ кореня своего, имѣла силу, неповрежденность и рвенія, свойственныя первымъ поколѣніямъ человѣковъ въ какой либо странѣ. Впрочемъ, Кинги, лѣтописи, старинныя сочиненія и преданія, самыя басни, единогласно превозносятъ вѣкъ Яоа

надъ

надъ всѣми послѣдовавшими за нимъ вѣками. Тао-Сеяне, приѣпленцы и хвалители Гоанг-Тія, не только не дерзали превозносить его надъ Яоемъ, Шуномъ и Юемъ, но ниже имъ уподоблять. Сіе-то самое, кажется, ясно показуетъ выдуманную Тао-Сеянами басню о мнимомъ ономъ царствованіи Гоанг-Тія.

Заключеніе.

Захочетъ ли кто либо оспоривать, подъискиваться, выводить и издавать сочиненія во опроверженіе всего сказаннаго уже нами, можетъ примыслить тьмы трудностей. Но кому нужно только прямо узнать, какъ далеко углубляется достовѣрная наша исторія въ древности, по свидѣтельству Кинговъ и иныхъ памятниковъ старинныхъ: розыски и подробности, въ которыя мы входили, довольно сближающъ Китай съ Европою. Всякъ, имѣющій основательный разумъ, найдется, какъ ему понимать все оное. А такое-то точно и есть наше требованіе при сочиненіи Опыта сего. Хотя не упускали по возможности заслуживать довѣренія читателей, чрезъ справки наши вездѣ, гдѣ то было нужно, точностію и искренностію пишемаго нами; но касалися мы спанья-мъ тяжкимъ къ выясненію, а потому и не могли конечно въ чемъ либо не ошибиться. Не имѣя же иной цѣли, кромѣ истинны, благодаримъ заранѣе того, кому угодно будетъ поправить наши погрѣшности. Да позволится только сказать, что древности наши подобны потолочной картинѣ; надобно вѣдать, на сколько отдалиться отъ нее глазамъ, дабы лучше высмотрѣть; инако же предметы сливаются, безобразятся, вся картина явится плохою. Примѣтятъ ли ученые гдѣ либо не довольно нами толкованное, или найдутъ запутанности, коихъ мы не примѣтили, должность наша будетъ отвѣ-

чать имъ елико свѣденія достанетъ. Сколь пріятно для насъ исполнить волю ученыхъ людей, достойныхъ сего названія, бывъ къ нимъ преисполнены почтительностію и уваженіемъ! Равномѣрно же останемся непреклонны для удалыхъ тѣхъ наѣзниковъ, которые ловятъ случаи, съ кѣмъ бы перевѣдаться рукопашнымъ боемъ. Противу неизбѣжнаго вопля безвѣрныхъ, что любовію нашею къ закону Христіанскому уничижается истинна, выговоримъ одно слово: . . . . Рождены мы въ нѣдрахъ идолослуженія, озарены ставъ первыми лучами вѣры, открылися предъ нами суеты міра сего. Желаніе научиться основательно помянутаго закона, завлекло насъ въ Европу. Превратности, претерпѣнныя нами тамо, умножили ревность нашу. Франція, не взирая на щедротныя свои намъ предложенія, учинилася для насъ страною изгнанія. Едва отверзла предъ нами врата святилища, мы возвратились въ отчизну и наложили на себя долгъ трудовъ и страховъ, сопряженныхъ съ проповѣдію Евангелія: чаемъ положить животъ, совершая таковое теченіе. А какъ токмо скоро возъимѣемъ причину подозрѣвать, что сіе наше сочиненіе можетъ чѣмъ либо нравиться врагамъ церкви Христовой, сожжемъ его въ тоже мгновеніе. Навидѣлися мы ихъ вблизи, слѣдовательно и презираемъ ихъ; довольно научилися ихъ знать, слѣдовательно они и не опасны для насъ; благонадежны мы на себя, что симъ самымъ сочиненіемъ нашимъ обнажаемъ ихъ ничтожество.

Конецъ I Тома.

ПОКАЗАНІЕ ГЛАВЪ

ПЕРВАГО ТОМА СЕГО.

Страницы.

Предисловіе. - - - - - - 9

Опытъ о древностяхъ Китая. - - - 23

Вступленіе. - - - - - 25

Дска династіямъ. - - - - 29

Начертаніе сего Опыта. - - - 30

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТАТЬЯ I.

Каковы суть нынѣшніе ученые Китайцы, относительно къ познанію о глубокой древности. 33

СТАТЬЯ II.

Примѣчаніе на книги и памятники. - - 48

I. Буквы Китайцевъ. - - - - 50

II. Начало наукъ и оныхъ успѣхи. - - 56

III. Четыре рода древнихъ книгъ. - - 70

Древнія книги первой степени: - - 73

Шу-Кингъ. - - - - 94

Кто творецъ Шу-Кинга? - - - - 95

Довѣренность Шу-Кинга. - - - - 98

Какъ сохранена сія книга. - - - 100

Оглавленіе.

Стран.

Ши - КингЪ. - - - - 74
Ли - Ки. - - - - - 76
ÎО - КингЪ. - - - - - 77
Тшун - Тсіэу. - - - - 79
Вторая степень древнихЪ книгЪ. - - - 81
И - Ли и Тшеу - Ли. - - - —
Гіао - КингЪ и Эль - Гіа. - - - 83
Третія степень древнигЪ книгЪ. - - - 85
Четвертая степень таковыхЪ же. - - 88
НедостатокЪ памятниковЪ, какЪ - то медалей, надписей, монетЪ и прочее. - - - 89

СТАТЬЯ III.

Замѣчаніе на знатнѣйшихЪ лѣтописцевЪ старинныхЪ временЪ, начиная отЪ созженія книгЪ. 116
Сеэ - Ма - Тсіэнъ. - - - - 122
Пан - Ку. - - - - - 125
Сеэ - Ма - Тсіэнъ. - - - - 127
Сеэ - Ма - КуангЪ. - - - - —
Ліэу - Ю. - - - - . 129
Кин - Ши. - - - - - 130
Ло - По. - - - - - 132

СТАТЬЯ IV.

О временахЪ баснословныхЪ. - - - 137

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Времена, къ коимЪ можно пріурочивать начало Китайскаго государства. - - - 159

СТАТЬЯ

Оглавленіе.

Стран.

СТАТЬЯ I.

Все, повѣствуемое о временахъ до Яоа, есть собраніе басней, недостойныхъ вѣроятія. - 161
Находятсяль книги, пишущія о временахъ до Яоа? 162
Кого разумѣютъ сочинителями оныхъ? - - —
Творцы сихъ книгъ могли ли обмануться, или хотѣли обманывать другихъ? - - - 166
Не перепорчены ли такія книги? - - - 167
Какія произшествія описываются въ нихъ? - 168
Историки, упоминающіе объ нихъ, согласны ли между собою? - - - - - 169
О произшествіяхъ, находимыхъ въ сихъ книгахъ, что вѣщаютъ древніе писатели? - 170
Какую имовѣрность заслуживаютъ въ Китаѣ? - 171

СТАТЬЯ II.

Разсуждая по достовѣрно извѣстному о царствованіяхъ Яоа, Шуна и Юа, Китайскій народъ не можетъ поставлять произхожденіе свое далѣе одного, или двухъ поколѣній до Яоа. - 202

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

1. Географіею временъ Яоа, Шуна и Юа. - 208
2. Образомъ правительства ихъ. - - - 227
3. Нравами ихъ временъ. - - - - 248

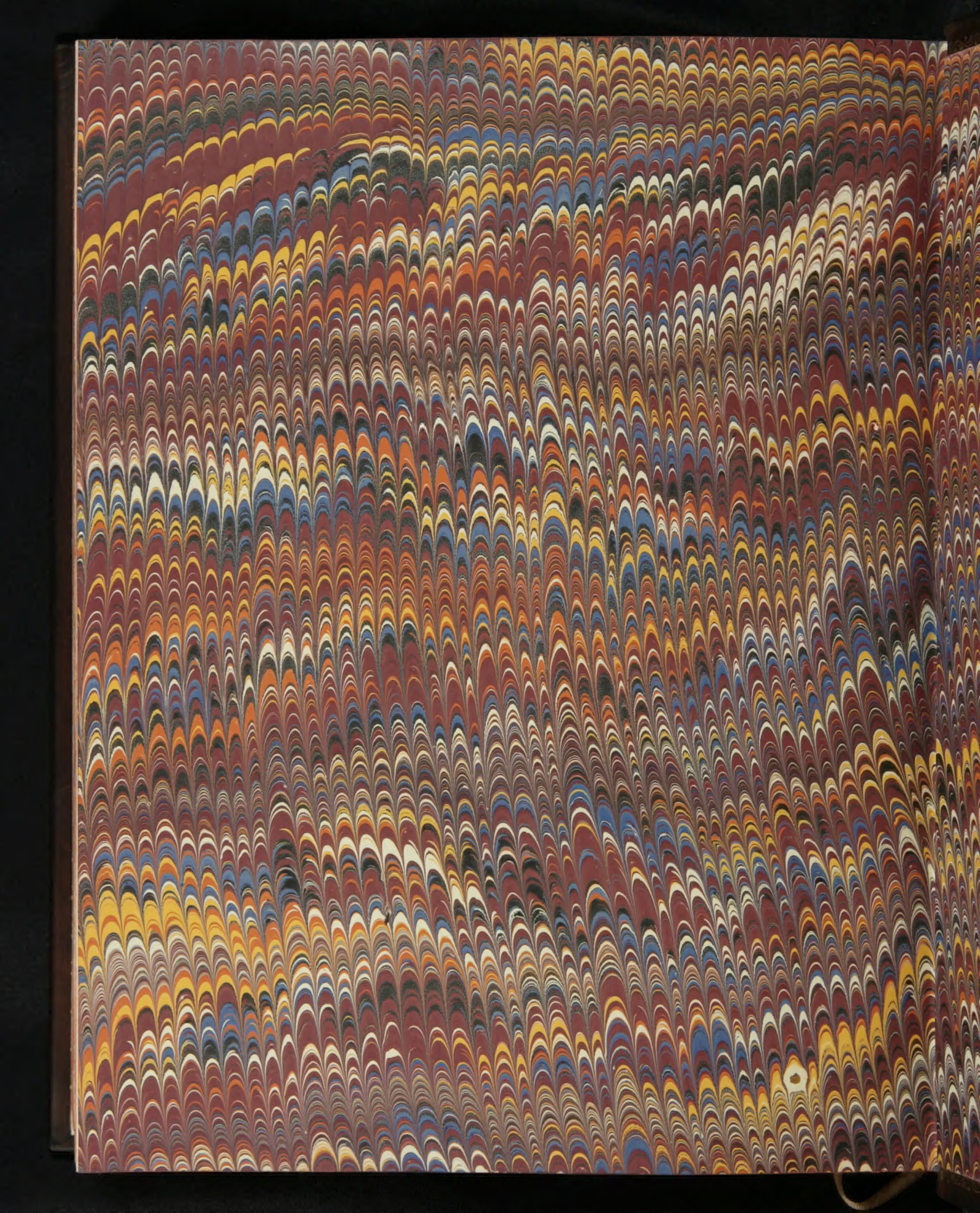
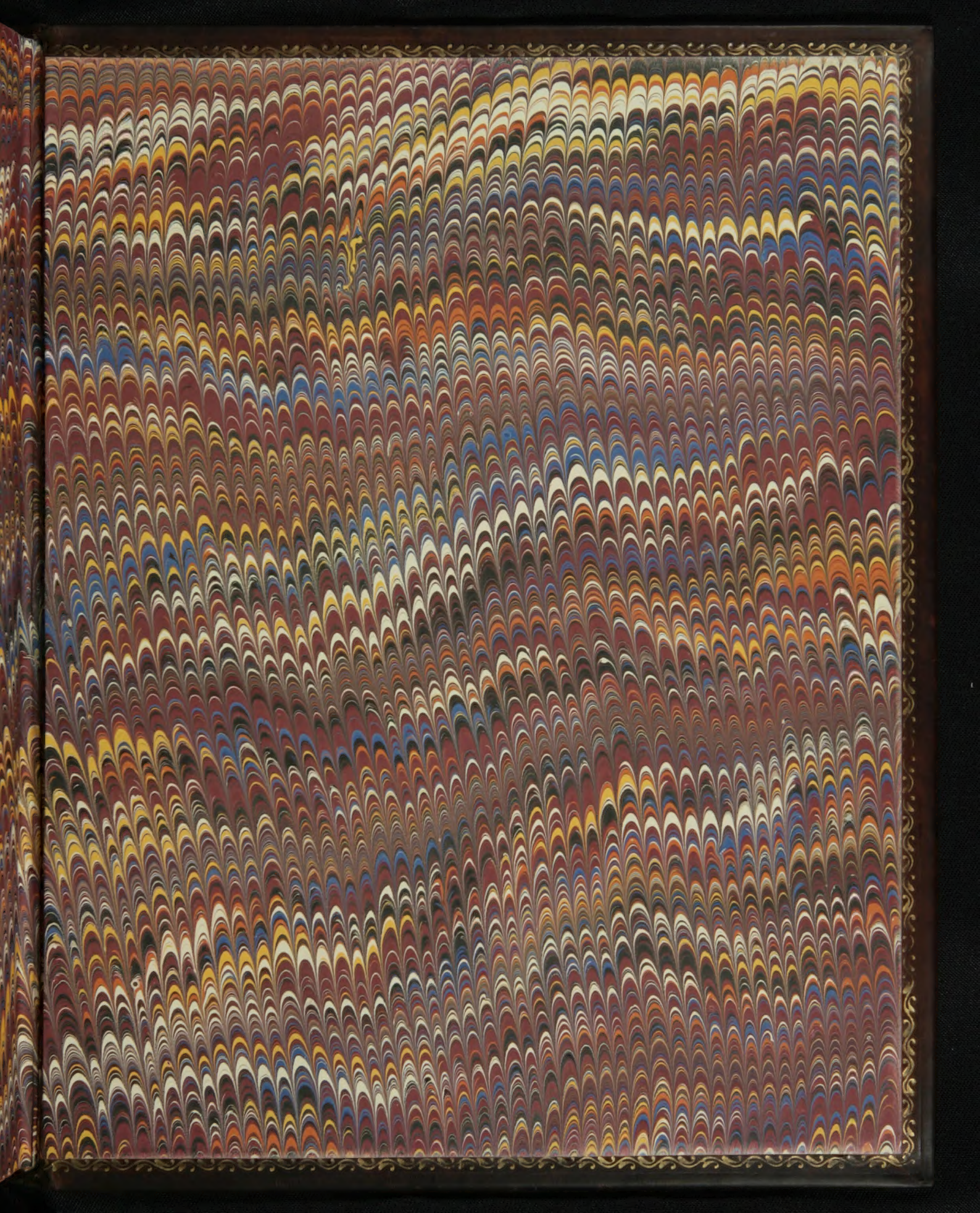
)(4.

Оглавленіе.

Стран.

4. РазположеніемЪ народа - - - 257

5. Художествами и науками при трехЪ сихЪ Царяхъ. - - - - - - 282

6. Религіею - - - - - - 314

Заключеніе - - - - - 345